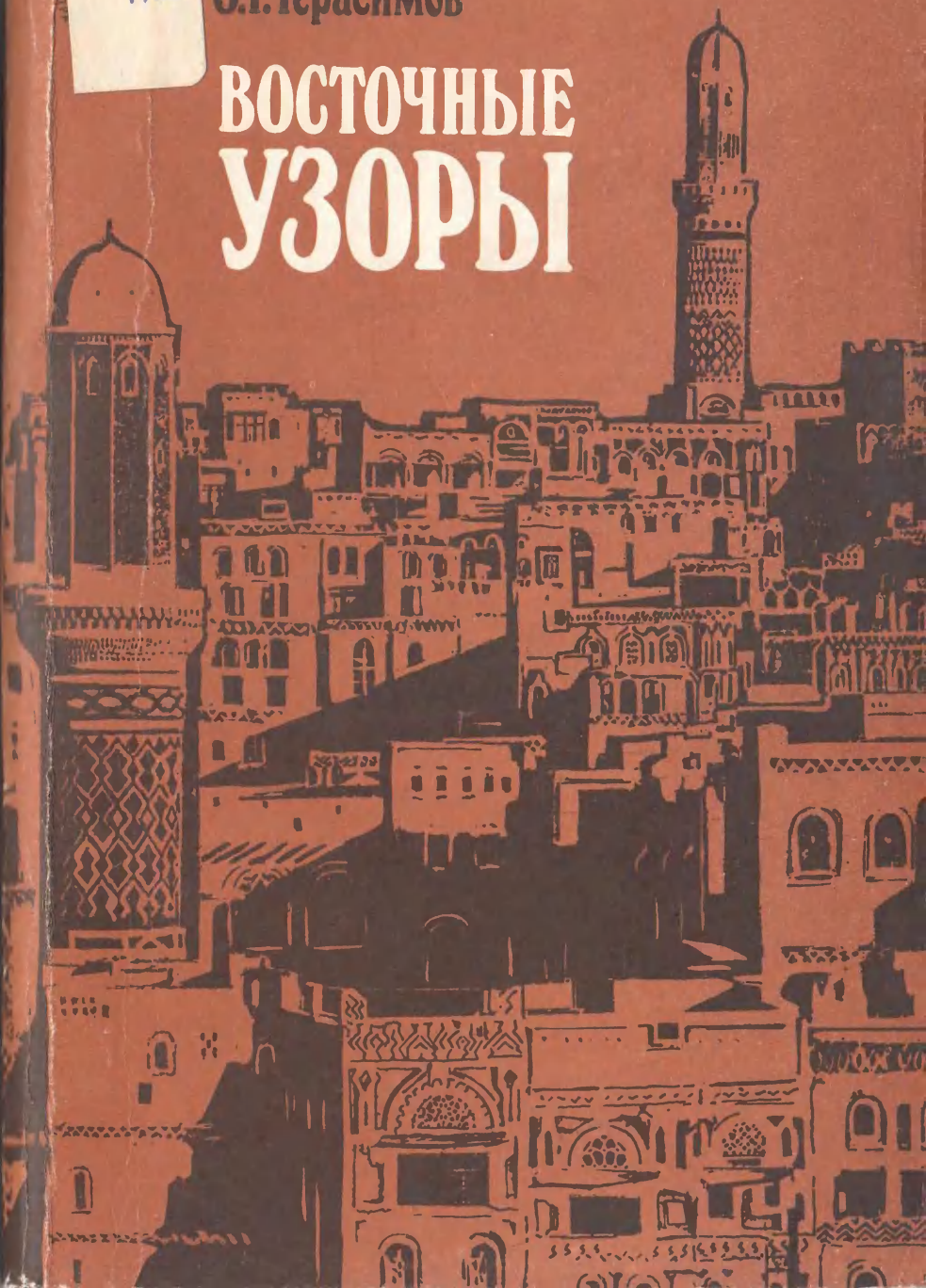

1275
1708

1275 1708
О.Г. Герасимов

ВОСТОЧНЫЕ УЗОРЫ

Серия
основана
в 1957 году

О.Г. Герасимов
ВОСТОЧНЫЕ
УЗОРЫ

Москва
'НАУКА'
Издательская фирма 'Восточная литература'
1993

ББК 63.3(5)

Г37

Редактор издательства
А.А.КОЖУХОВСКАЯ

Герасимов О.Г.

Г37 Восточные узоры. – М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", 1993. – 369 с.
ISBN 5-02-017592-6

Известный московский востоковед О.Г. Герасимов предлагает новую книгу очерков по Саудовской Аравии, Йемену, Ираку, Египту, Сирии и другим странам Восточного Средиземноморья. Как и прочие работы автора, эта книга посвящена древней и современной истории народов Ближнего Востока, их быту, нравам и обычаям, религиозным представлениям.

Г $\frac{1805030000-086}{013(02)-93}$ 74-92

ББК 63.3(5)

ISBN 5-02-017592-6

© О.Г.Герасимов, 1993

ОТ АВТОРА

Более 30 лет я работаю в странах арабского мира. Стремление познать одну из богатейших цивилизаций, понять духовный мир арабов, их историю и культуру побудило меня собирать свои впечатления от многочисленных поездок по арабским странам и излагать их в виде путевых и этнографических очерков. В арабских странах идут важные политические процессы, случаются вооруженные конфликты и общественные катаклизмы. Я избегал оценок происходящих политических событий – на эти темы есть специальная литература – и постарался сохранить верность историко-этнографическому характеру своих очерков, будучи уверен в том, что знание внутреннего мира человека, его духовных устремлений и религиозных убеждений позволит лучше понять причины происходящих в современном мире социальных и политических изменений.

Предлагаемая читателям новая книга, как и многие другие мои работы, посвящена арабским странам Ближнего Востока. В нее вошли уже изданные, но теперь несколько дополненные очерки по Йемену, Ираку, Египту, Иордании, Израилю, которые, судя по отзывам, были с интересом восприняты российскими и зарубежными читателями.

Последние поездки по Ближнему Востоку дали мне возможность собрать новый материал о странах Восточного Средиземноморья, в том числе о Сирии, в которой я начинал свою жизнь ученого-востоковеда и дипломата. Мне очень дороги заметки по Сау-

довской Аравии, отношения с которой были установлены очень давно, но до последнего времени не получили должного развития. Я льщу себя надеждой, что моя книга хоть в какой-то степени поможет российскому читателю приблизиться к пониманию духовной культуры мусульман, их традиций.

3 июня 1992 года российская общественность отметила 110-ю годовщину Российского Палестинского общества, снискавшего добрую память на Ближнем Востоке своими научными изысканиями по древней и средневековой истории, благотворительной деятельностью и организацией паломничества в Святую Землю. Об этой стороне деятельности России и нашего теперь уже Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке мало кто знает, и мне, как председателю этого старейшего культурно-просветительного частного общества, особенно приятно завершить именно этим очерком свою новую книгу.

В заключение выражаю глубокую благодарность моим друзьям из Йемена, Египта, Саудовской Аравии и Палестины за помощь и содействие в подготовке к изданию этой книги.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Немного географии и древней истории

Аравийский полуостров, на котором расположены Саудовская Аравия и несколько арабских государств, – четко обозначенная географическая единица, ограниченная с трех сторон водным пространством: Персидским и Оманским заливами на востоке, Аденским заливом и Аравийским морем на юге и Красным морем на западе. Северную границу Аравии образует текущая с северо-запада на юго-восток река Евфрат. Арабы называют этот огромный, площадью 3 млн. квадратных километров, полуостров "Джазират аль-араб" ("Остров арабов").

Территория Саудовской Аравии составляет 2,24 млн. квадратных километров. Это самое большое по площади арабское государство Передней Азии. Границы Саудовской Аравии в отдельных районах четко не определены. Территориальный вопрос сознательно запутывался английскими колонизаторами, контролировавшими до 50-х годов нашего столетия ряд арабских эмиратов Персидского залива и Южной Аравии, и до настоящего времени представляет собой трудноразрешимую проблему, отягощенную племенными, династическими и экономическими факторами. Четко определены лишь юго-западная часть границы с Йеменской Республикой, северная граница с Кувейтом, Ираком и Иорданией. В 1965 году была демаркирована граница с Катаром. В 1969 году саудовско-кувейтская комиссия договорилась о разделе особой нейтральной зоны к югу от Кувейта, которая затем была официально переиме-

номана в Разделенную зону. Эта нейтральная зона была специально выделена для того, чтобы кочевники могли приводить к имеющимся здесь колодцам стада верблюдов.

Комиссии, состоявшей из представителей Саудовской Аравии, Омана и арабского княжества Абу-Дабби, вошедшего в декабре 1971 года в состав вновь созданного независимого государства Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), удалось разрешить в 1974 году территориальный спор об оазисе Эль-Бурайми и демаркировать границы с ОАЭ.

В геологическом отношении Аравия представляет собой платформу, сложенную древними скальными породами, являющуюся продолжением северо-восточного побережья Африки. В сравнительно недавний геологический период в этом регионе образовался целый ряд гигантских трещин, в результате чего сформировалась долина, впоследствии затопленная водами Красного моря. Аравийская платформа несколько наклонена с запада на восток, поэтому восточное побережье Красного моря выше побережья Персидского залива; здесь расположены самые высокие горы Саудовской Аравии: Джебель-эш-Шефа и Джебель-Хиджаз.

Хребет Джебель-эш-Шефа и его отроги на территории Саудовской Аравии идут на юг вдоль побережья залива Акаба, затем немного отступают в глубь материка, окаймляя приморскую песчаную равнину шириной от 2 до 20 километров.

Хиджазские горы, являющиеся продолжением Джебель-эш-Шефа, не представляют собой непрерывной цепи. Они пересекаются глубокими ущельями и долинами в широтном направлении и огромными лавовыми полями – "харра", которые не могут не поразить человека, впервые их увидевшего: камни, черные, обуглившиеся, ноздреватые, как огромные куски кокса, покрывают пространство на многие десятки километров, создавая впечатление лунного пейзажа. Земля сплошь покрыта лавой, и лишь в небольших углублениях, куда ветер занес немного

почвы, пробивается невзрачная травка или пустынный цветок, что еще больше подчеркивает безжизненность и мрачность этих мест. Собственно говоря, слово "харра" (мн. ч. "харрат") образовано от глагола, означающего "быть горячим, жарким". Поэтому такое название, данное застывшим лавовым полям, вполне оправданно.

Вдоль Красноморского побережья Саудовской Аравии протянулись лавовые поля: Харрат-эль-Увайрид, а далее на юго-восток, несколько вдаваясь в глубь материка, — Харрат-Итнайн, переходящее на юге в обширное Харрат-Хайбар. Лавовые поля шириной до 2 километров протянулись на 20 километров в меридиональном направлении, отступая от побережья на 50–100 километров. Лишь севернее Джидды они вновь образуют компактную группу под названиями Харрат-Рахат и Харрат-Кишб. В этом районе лавовые поля разрываются равниной Ракба, по которой проложены еще в глубокой древности караванные дороги в Центральную Аравию и к побережью Персидского залива. За равниной Ракба вновь возникают черные лавовые поля Харрат-Хадан и Харрат-Навасиф, которые образуют как бы вторую цепь самой высокой части Хиджазских гор, называемую Сарат. Последнее название нередко употребляется для обозначения всей горной системы, протянувшейся с севера на юг вдоль побережья Красного моря и отделяющей центральные районы Аравии от приморской низменности, а Хиджаз — название лишь южной части этой горной системы, отделяющей Тихаму, широкую приморскую низменность, от внутренних районов страны. Собственно "хиджаз" в переводе и означает "преграда", "барьер".

Самые высокие вершины в Саудовской Аравии входят в систему Джебель-Хиджаза; их средняя высота составляет 2 тыс. метров над уровнем моря, а отдельные вершины, например Джебель-Ибрагим, достигают 2,5 тыс. метров и более. Именно здесь находится одно из самых привлекательных в климатическом отношении мест страны. Так, город Эт-Таиф,

расположенный на высоте 1,5 тыс. метров и обладающий благоприятным климатом, считается одним из самых популярных курортов. Плодородные, хорошо орошаемые участки, террасами спускающиеся с гор в долину, засажены фруктовыми деревьями и зерновыми. Зелень окрестностей Эт-Таифа поражает путешественников, утомленных однообразной дорогой через унылую каменистую равнину или черные лавовые поля.

Аравийская платформа постепенно понижается с запада на восток к ровному, местами заболоченному побережью Персидского залива. Эта приморская область, называемая Эль-Хаса, с равнинной песчаной поверхностью у побережья, на западе переходит в невысокие холмы. Волнистый песок, образующий песчаные дюны, покрывает огромное пространство, отличающееся "стерильной" чистотой. Отдельными островками в море песка выглядят голые скалы и небольшие рощицы карликовых финиковых пальм и пустынной растительности, спрятавшиеся во впадинах между песчаными грядами. Правда, в Эль-Хасе имеется несколько крупных оазисов, где выращивание финиковой пальмы находится на довольно высоком уровне. Слой песка на побережье Эль-Хасы лежит на известковой основе; на западе, где этот слой уже невелик, раскинулось известняковое плато, оживляемое пятнами колючего кустарника.

Западная часть Саудовской Аравии, прорезаемая Хиджазскими горами, фактически представляет собой как бы слоеный пирог из трех частей: приморской пустыни Тихамы; зоны гор с крутыми обрывистыми склонами, разорванными глубокими ущельями; волнообразной пустынной поверхности, переходящей в Центрально-Аравийское плато.

Во внутреннем районе Саудовской Аравии центральное место занимает известняковое плоскогорье Неджд высотой 600–900 метров над уровнем моря. Древняя платформа покрыта сравнительно молодыми породами, часть которых выветрена настолько,

что представляет собой плоские равнины, а другие породы, сложенные из более прочного материала и поэтому сопротивляющиеся воздействию ветра, стоят, как часовые, отдельными грядами. С севера Неджд ограничивают горы Шаммар, на юге к нему примыкает самая большая пустыня Аравии – Руб-эль-Хали. На восточной границе Неджда с севера на юг более чем на тысячу километров протянулись в виде полумесяца горы Джебель-Тувайк, разделяющие пустыню Нефуд (Большой Нефуд) на две части: восточную, называемую Малый Нефуд или Дахна, и западную – Внутренний Нефуд. Отдельные вершины Джебель-Тувайк достигают высоты 1 тыс. метров, однако в целом эта горная цепь невысока; кроме того, на ее склонах имеются выходы источников, дающие жизнь многочисленным оазисам в долинах.

Саудовскую Аравию нельзя представлять как сплошную безводную и лишенную жизни каменистую пустыню с пространствами, покрытыми зыбучими песками. На самом деле области Аравии, которые у нас в обиходе принято называть пустынями, отличаясь друг от друга как по характеру почвы, так и по типу растительности, в большинстве своем представляют собой полупустыни или степи, которые при достаточной влаге покрываются зеленым покровом однолетней травы и служат пастбищем для многочисленных стад коз и верблюдов.

Великую аравийскую пустыню Руб-эль-Хали (араб. "Пустая четверть") местные жители иногда называют "Рималь", т.е. "Пески", поскольку большая часть ее территории покрыта зыбучими песками. Англичанин Б.Томас, в 30-х годах служивший советником у султана Маската, зимой 1930/31 года пересек Руб-эль-Хали с юга на север за 58 дней. По его свидетельству, встречавшиеся ему на пути холмы и дюны напоминали по форме то мечети с тысячью куполов, то огромные амфитеатры, а некоторые своей изящной округлой формой – девичью грудь. Под действием сильного ветра верхний слой песка находится в по-

стоянном движении, и в некоторых местах создается впечатление, что гребни высоких дюн курятся. Следы людей и животных быстро стираются ветром, и поверхность дюны, по которой только что прошел караван, вновь становится совершенно девственной.

Руб-эль-Хали (ее площадь – 1 млн. квадратных километров) расположена почти полностью на территории Саудовской Аравии; лишь ее восточная часть находится в пределах Омана, а область, именуемая Эль-Ахкаф, захватывает также территорию Йемена. Бахр-эс-Сафи, западная часть пустыни, известна своими зыбучими песками и пользуется особо дурной славой: здесь пески совершенно непроходимы для лошади, а "корабль пустыни" верблюд на склонах некоторых барханов проваливается по брюхо. Немецкий путешественник фон Вреде, более ста лет назад посетивший Аравийский полуостров, сообщал о том, что заброшенный им в песок лот в одном из районов Бахр-эс-Сафи "непрерывно погружался с убывающей быстротой и через пять минут конец веревки исчез в этой всепоглощающей могиле". Можно спорить о достоверности этого случая, однако местные жители убеждены, что зыбучие пески в отдельных районах могут поглотить не только неосторожного человека, но и целый караван.

Севернее Руб-эль-Хали расположена уже упоминавшаяся пустыня Малый Нефуд, к которой с юга, запада и востока примыкают равнинные, покрытые песком пространства, именуемые Эль-Баяд и Абу-Бахр. Из них лишь в Абу-Бахре на протяжении тысячи километров встречается несколько колодцев. Малый Нефуд по сравнению с суровой и безжизненной песчаной равниной Руб-эль-Хали производит впечатление почти райской местности: здесь на холмах и между дюнами много пустынной травы и низкорослого кустарника, который даже в знойное лето сохраняет свежесть. Поэтому этот район – излюбленное пастбище кочевников, и они, по свидетельству англичанина Дж. Филби, хорошо знавшего Саудов-

скую Аравию, часто пересекают его пешком, причем не берут с собой ни воды, ни пищи.

В северной части Саудовской Аравии раскинулась пустынная область Большой Нефуд. Она представляет собой беспорядочное сочетание холмов и хребтов, образованных из массы песка, принесенного дождевыми потоками. Характерной особенностью ландшафта являются "фулджи" – глубокие, напоминающие гигантский след конского копыта воронки, которые, проходя через всю толщу песка, достигают твердого грунта. Отдельные крупные фулджи имеют диаметр до 2 километров и глубину до 80 метров. Поэтому с высоты птичьего полета "песчаное море" Нефуда представляется огромнейшим полем, по которому с запада на восток прошел табун скакунов-великанов.

Третьим видом аравийской пустыни считаются уже упомянутые харрат – лавовые поля, покрытые черными растрескавшимися камнями, с вулканическими конусами, многогранниками и натеками. В настоящее время в Аравии нет действующих вулканов: последнее извержение произошло в 1256 году под Мединой и продолжалось четверо суток. По свидетельству средневековых арабских историков, раскаленные потоки лавы подошли почти вплотную к городу, и яркий свет, исходящий из кратера, превратил "безлунную ночь в светлый день".

Районы харрат, разбросанные в виде островов вдоль Красноморского побережья Аравии, свидетельствуют, однако, об активной вулканической деятельности в прошлом. Стекавшая лава, испепелявшая все на своем пути, двигалась с запада на восток, следуя уклону аравийского щита и заполняя встречавшиеся впадины и ущелья.

Передвижение по лавовым полям довольно сложно и утомительно как для людей, так и для животных. То и дело натыкаешься на острые камни, и хождение по ним возможно лишь в обуви с толстой резиновой подошвой. Из животных только осел и особенно верблюд, который вырос в этом районе и мяг-

кая ступня которого загрузела от долгих переходов по острым камням, могут передвигаться по лавовому полю. В некоторых местах, чаще всего по краям лавовых полей, песок отполировал острые камни до блеска, и они ослепительно блестят под лучами яркого солнца. Если добавить к этому жару, от которой черные камни накаляются до высокой температуры, то можно получить полное представление об аравийской каменистой пустыне.

Своеобразие аравийскому рельефу придают большие и малые русла бывших потоков и рек, называемые "вади". Они протянулись в различных направлениях. В период миоцена, когда климат Аравии был более дождливым, вади представляли собой постоянные потоки и реки, которые стекали в сторону нынешнего Персидского залива, занимавшего значительную часть пустыни Руб-эль-Хали. Но сегодня большинство из них сухи и безводны, их "берега" скалисты и обрывисты, имеют вид зловещих и суровых ущелий, часто производящих на путника более гнетущее впечатление, чем открытые пустынные пространства. Лишь некоторые вади в дождливый период заполняются водой. Например, в вади Фатыма, берущем начало близ Мекки, поток во время паводка достигает ширины 6-7 км.

Самым значительным на западе Саудовской Аравии считается вади Давасир. Оно образуется от "слияния" вади Биша, вади Рания, вади Татлит и многих других, безымянных русел. Вади Давасир, как и все остальные сухие русла на западе Саудовской Аравии, заканчивается в песках Малого Нефуда и наполняется водой раз в несколько лет, да и то лишь после обильных дождей. Однако все вади системы Давасир имеют на небольшой глубине подпочвенные воды, которые, кстати, все шире используются для орошения плантаций финиковых пальм и некоторых зерновых культур. В вади Биша, например, на протяжении 250 километров от его слияния с вади Давасир имеется богатый слой подпочвенных вод. На 100-километровом участке вади Давасир в сторону

города Эс-Сулайиль подпочвенные воды встречаются на глубине от 1 до 2 метров. Европейский путешественник Доути, посетивший Аравию в начале нашего века, писал, что оазисы вади Давасир давали финики бедуинским племенам, а рощи финиковых пальм имели длину в три дня пути на быстроходном верблюде. Во всех этих вади – Давасир, Татлит, Биша, Рания и др. – встречаются развалины деревень, так что население этих мест в прошлом было более многочисленным, чем сегодня.

К другим крупным руслам в северо-западной части Саудовской Аравии следует отнести вади Рима, а также вади Риша, "стекающие" в сторону Джебель-Тувайк. В северном Хиджазе наиболее крупные вади Эль-Хамд и Джиэль имеют сток в сторону Красного моря. В сторону Персидского залива "стекает" вади Сахба. Несущиеся по этим руслам во время паводка грязевые сели сметают на своем пути земляные дамбы ("укуб"), построенные крестьянами, деревья и финиковые пальмы, дома и другие сооружения. Арабские географы отметили, что в вади Неджран, "текущем" в сторону Руб-эль-Хали и около 50 дней в году имеющем воду, во время весенних ливней в 1966 году вода поднялась на 7 метров выше обычной отметки и нанесла значительный ущерб населению этого района. Два-три раза в столетие вади Румаа, берущее начало к востоку от Медины, наполняется водой и становится похожим на крупную реку. Неожиданные паводки производят огромное впечатление на жителей, многие из которых лишь раз в жизни видят такое обилие воды в обычно сухом русле.

Красноморское побережье на всем своем протяжении слабо изрезано; лишь на севере его залив Акаба вдается в глубь материка на 180 километров, отделяя от Аравии Синайский полуостров. Вдоль побережья тянется гряда коралловых рифов, затрудняющих подход к побережью и делающих судоходство здесь довольно опасным. Несколько портов местного значения (Эль-Ваджх, Янбо, Джизан) ис-

пользуются для каботажного плавания. Главный торговый порт страны – Джидда. Саудовской Аравии принадлежит огромное количество в большинстве своем ненаселенных мелких островов, лежащих вдоль побережья, часто в пределах зоны территориальных вод. Они представляют собой либо осколки скал и коралловых рифов, либо песчаные отмели. У южной части Красноморского побережья находится обитаемый архипелаг Фарасан.

Побережье Персидского залива более изрезано, но низкий песчаный берег затрудняет использование многочисленных мелководных гаваней для судоходства. Пролив Бахрейн отделяет одноименный архипелаг от материка. На побережье Персидского залива находятся торговый порт Даммам и нефтеналивной порт Рас-Таннура, через который осуществляется большая часть экспорта саудовской нефти.

Вся территория Саудовской Аравии относится к субтропической зоне, для которой характерны высокие температуры и незначительное количество осадков. Сильная жара летних месяцев – хорошо известная особенность аравийского климата – вошла в многочисленные арабские пословицы и поговорки. Сухость воздуха в центральной части Саудовской Аравии делает жару в целом легко переносимой в отличие от прибрежных районов, где к высокой температуре прибавляется влажность воздуха. На восточном берегу Красного моря десять месяцев в году сохраняется сильная жара (от 40 до 45° С), а насыщенный парами воздух быстро делает одежду влажной.

Более привлекательная погода в Саудовской Аравии в осенний дождливый период, а также ранней весной, когда преобладают мягкие солнечные дни и прохладные безоблачные ночи.

В декабре–феврале в Центральной и Северной Аравии температура опускается до нуля, но снега и льда не бывает, за исключением возвышенных мест. Но даже в пустыне Руб-эль-Хали в зимний период тем-

пература держится на уровне +8–10°C. В суровые зимы Джебель-эш-Шефа и Харрат-эль-Увайрид, находящиеся в северной части Аравийского полуострова на высоте около 1 тыс. метров, покрываются тонким слоем снега. Густой туман, северный и восточный ветры подавляют настроение, вызывают у людей чувство печали и безнадежности, если они не имеют возможности спрятаться под крышу или обогреться у костра. Самым холодным местом в Саудовской Аравии считается район Эт-Таифа, где зимой, как правило, замерзает вода.

Важное значение в формировании погодных условий и температуры имеют ветры, называемые арабами по странам света. Так, в восточной части Саудовской Аравии господствует северный и северо-западный ветер ("шималь"). В зимний период он вызывает резкое понижение температуры и вытесняет потоки теплого воздуха, проникающего из Индийского океана. Этот ветер вызывает также пыльные бури и считается вредным для здоровья. Еще более губителен для здоровья горячий восточный ветер "самум" (от араб. "самма" – "быть ядовитым", "вредным"), который высушивает воду и приносит гибель застигнутым в пути людям и животным. В районе Персидского залива господствующим является южный ветер ("каус"), вызывающий неожиданные и опасные для моряков штормы.

Муссоны с Индийского океана приносят в Саудовскую Аравию дожди, которые, как это обычно бывает в субтропической зоне, носят характер коротких, но сильных ливней, зачастую причиняющих ущерб посадкам и жилищам.

Платформа Аравийского полуострова понижается к востоку, поэтому дожди, выпадающие в западных районах Саудовской Аравии, просачиваются до водоупорных слоев и скапливаются в подземных резервуарах в восточных районах. Вот почему в районе Персидского залива легко можно обнаружить свежую чистую воду, прорывая колодцы. После того как пробурен скальный грунт или выкопана шахта ко-

лодца, вода в большинстве случаев вытекает под напором на поверхность. В оазисах Эль-Хаса и Эль-Катиф веками арабы добывали воду, выкапывая ручным способом колодцы в водоносных слоях. В прибрежных районах Персидского залива и даже на дне его также обнаружены фонтаны пресной воды, и арабские моряки до сих пор наполняют свои меха пресной водой, доставляемой со дна моря. По той же причине водоснабжение этого района много лучше, чем других частей полуострова.

В Саудовской Аравии нет постоянных рек и пресных озер. Однако в отдельные, особенно дождливые годы вода не только заполняет сухие русла рек, но и образует временные озера ("гадиры"). Таких озер особенно много в районе Дахны. Некоторые из них достигают в длину нескольких километров и бывают настолько глубокими, что в них можно плавать и даже нырять. Однако сухость воздуха ускоряет процесс испарения, и уже через несколько недель после дождя практически все гадиры высыхают. Самые большие гадиры сохраняют дождевую воду не дольше трех месяцев. Вопреки распространенному мнению, вода в них не употребляется для питья, так как содержит большое количество солей и растительных остатков, принесенных с поверхности земли. Арабы даже при сильной жажде избегают пить воду гадиров, предпочитая колодезную, поскольку та, пройдя толстый слой песка, отлично фильтруется и часто по своему качеству не отличается от нашей родниковой воды.

Песчаные и каменистые почвы, высокие температуры и незначительное количество осадков объясняют в целом скудный характер растительного покрова в Саудовской Аравии. Исключение составляют зеленые островки оазисов с богатой культурной растительностью и горные террасы Асира.

Самое распространенное дерево – это финиковая пальма. Она широко культивируется во всех районах страны. Для древних жителей Аравийского полуострова пальма служила божеством, которому они

поклонялись. Древний арабский поэт, рассказывая о поклонении пальме, писал, что члены племени тамим после религиозных торжеств перед идолом в капище съедали его, так как он был сделан из фиников.

Древние арабские авторы пытались систематизировать накопленные поколениями сведения о финиковой пальме. Уже в середине IX века появились книги Абу Зейда аль-Ансари и Абу Саида Абд аль-Малика, больше известного под псевдонимом Аль-Асмаи. Сочинение первого называлось "Книга о финиковых пальмах и благоденствии", а второго – "Книга о свойствах финиковых пальм". Аль-Асмаи, умерший в Басре, – автор также "Незнакомых стран", где приводится поэтический рассказ о человеке, посадившем первую финиковую пальму в Басре. Другой арабский сочинитель, Омар ибн Бахр аль-Басри, известный под именем аль-Хафиз, написал в конце XIX века "Книгу о земледелии и финиковой пальме".

Финиковой пальме посвящены целые тома прозы и стихов, где воспевается это стройное, гордое дерево с трепещущей на ветру кроной.

Внимание, которое арабы и другие народы уделяли финиковой пальме, вполне обоснованно. Это дерево давало им пищу, топливо и строительный материал, из его плодов изготавливали сахар и спиртные напитки, пекли лепешки, из толченых финиковых косточек варили напиток, напоминавший кофе.

Если вавилоняне считали, что от пальмы можно получить 365 полезных вещей, то жители Тадмора – небольшого государства, существовавшего в центре Сирийской пустыни в первые века нашей эры, – это число доводили до 800.

Оказавшись в трудных климатических условиях, в стране, где практически, кроме пальмы, не было крупных плодоносящих деревьев, арабы получали от финиковой пальмы почти все, что необходимо для скромной жизни. Они считали женщину плохой

хозяйкой, если она не могла приготовить из фиников 30 различных блюд. Особое значение придавали арабы финикам как средству, исцеляющему человека от всех болезней и недугов.

Питательная ценность фиников подтверждена химическими анализами последнего времени. Килограмм фиников содержит около 2,7 тыс. калорий, т.е. больше, чем килограмм мяса, и в два раза больше, чем килограмм рыбы. В финиках содержатся аскорбиновая и никотиновая кислоты, витамины А, D, В₁, В₂, магний, железо, медь, фосфор, а также сахар, жиры и другие питательные вещества.

В Саудовской Аравии нет лесов в нашем понимании этого слова. Однако здесь можно встретить большие заросли тамариска, который хорошо приживается на песчаных почвах и который часто искусственно сажают для задержки песка. Встречаются рощи различных видов акаций, мимозы и джурджуа — дерева с зонтичной кроной и парными колючками у каждого листа. Это дерево называется "христовым шипом", поскольку именно из его ветвей, по преданию, был сделан терновый венец Иисуса Христа. В таких горных районах, как Хиджаз и Асир, алоэ и кактусы иногда вырастают до размеров большого дерева.

В пустыне после дождей появляются однолетние травы — пища верблюдов. Верблюды едят и многолетние кустарники, особенно "хамд", в листьях которого содержится соль. Движущиеся пески, в некоторых районах перемещающиеся почти на 25 метров в год, мешают раскителности укрепиться в пустынных районах.

Фауна Саудовской Аравии небогата. Из диких животных в первую очередь следует назвать различные виды газелей. Они встречаются в пустыне и часто пасутся вместе с верблюдами. Взрослая газель весит 10–12 килограммов, ее мясо очень вкусно, и состоятельные арабы охотятся на нее с автомашин. В последнее время количество этих животных, несмотря на принимаемые меры, быстро убывает.

В пустыне Руб-эль-Хали водится антилопа бейза с прямыми конусообразными рогами, достигающими длины 60 сантиметров. Взрослая бейза, весом 80–100 килограммов, всегда желанная добыча местных охотников. В горных районах Саудовской Аравии изредка встречается горный козел. Здесь же, в горах, водятся дикие коты, шакалы, гиены и очень редко гепарды. Полчища бабуинов, собакообразных крупных обезьян, обитают в горах юго-западной части страны. Более мелкие животные – лисы, индийские барсуки, кролики, мангусты, дикобразы и ежи – встречаются повсеместно. Довольно много здесь кенгуровых крыс, или джербоа.

Мир пернатых более богат и разнообразен, чем млекопитающих. Из хищных птиц встречаются орлы, ястребы и соколы. Последних ловят и приручают для охоты. Чаще всего соколы используются для охоты на песчаных куропаток и перепелок, на кирвана, похожую на бекаса птицу, а также на дрофу.

На побережьях Красного моря и Персидского залива можно встретить пеликанов, белых цапель, чаек и розовых фламинго. Верхнее оперение этих птиц розовое, однако подкладка крыльев темного цвета, и поднявшаяся с отмели стая фламинго буквально на глазах из розовых красавцев превращается в темную несущуюся тучу.

В оазисах Саудовской Аравии обитают попугайчики, ткачики, ласточки, трясогузки, дрозды, дикие голуби, сирийский соловей "бульбуль" и угод (его русское название происходит от араб. "худхуд"). По утрам и вечерам, особенно в пустынных районах, воздух оглашается звонкими голосами жаворонков.

Самая крупная из ящериц – варан. Довольно много маленьких безобидных гекконов. Эти ночные ящерицы желтовато-грязного цвета, с большими глазами и специальными присосками на лапках (недаром они названы цепкопальными), позволяющими им бегать по стенам и потолку, часто селятся в жилищах человека и активно поедают мух и москитов.

Змеи живут как в песках, так и в горных районах. Среди них печальной славой пользуется рогатая гадюка, которая имеет плоскую голову с двумя рогоподобными выступами. Она часто зарывается в песок таким образом, что на поверхности остается только часть головы с торчащими рожками. Аравийская кобра менее известна, чем ее индийская родственница. В момент возбуждения она поднимает голову примерно на 30 сантиметров от земли и раздувает капюшон, который более узок, чем у индийских кобр. Укусы рогатой гадюки, кобры и морской змеи, которая в изобилии встречается в некоторых местах Персидского залива, могут быть смертельными для человека.

Аравийский полуостров – одно из немногих мест на земном шаре, где зарождается пустынная саранча, часто становящаяся страшным бедствием для сельского хозяйства не только Саудовской Аравии, но и соседних географических районов. Эти большие, с жесткими крыльями желтого цвета кузнечики при благоприятных климатических условиях откладывают миллионы яиц. Саранча может пролететь без остановки до 2 тыс. километров. Известен случай, когда туча саранчи была замечена в море на расстоянии 1,8 тыс. километров от берега.

Саранча, опускаясь на землю, пожирает всю растительность, сплошь оголяя деревья, кустарники и культурные посевы. Ее уничтожают с помощью отравленной приманки, путем опыления с воздуха и внесения инсектицидов в почву. Борьба с саранчой в недалеком прошлом была затруднена тем, что крестьяне часто возражали против опыления своих полей инсектицидами, опасаясь, что скот может отравиться, поедая опыленную ядохимикатами траву. Любопытно отметить, что в Саудовской Аравии жареная саранча употребляется в пищу, а приправленная медом даже считается деликатесом.

Среди морских рыб много хороших столовых сортов, таких, как серебристая макрель, морской окунь, тунец, длинная, похожая на полосатое веретено мор-

ская щука-барракуда. В Красном море и Персидском заливе много акул, и их промысел имеет большое значение, прежде всего из-за акульих плавников, издавна считающихся деликатесом и всегда пользующихся спросом на мировом рынке. Мясо акул, присоленное и вяленое на солнце, употребляется в пищу не только на побережье, но и жителями глубинных районов страны. Морские черепахи встречаются в Персидском заливе. Они откладывают яйца на песчаных берегах многочисленных безымянных островов залива. Здесь также много креветок, которые высоко ценятся как бедуинами, так и горожанами, и их промысел ведется современными средствами лова. В Красном море много рыб так называемого кораллового комплекса. Они, как правило, небольшого размера и отличаются необыкновенно яркой раскраской, причем некоторые из них ядовиты.

Саудовская Аравия занимает первое место в капиталистическом мире по запасам нефти. Согласно официальным данным, ее разведанные запасы составляют более 24 млрд. тонн. По оценкам некоторых иностранных геологов, занимавшихся разведкой саудовской нефти, ее общие запасы насчитывают более 71 млрд. тонн. Не исключено, что последний показатель несколько занижен, поскольку ряд месторождений еще недостаточно обследован, а в некоторых случаях их запасы сознательно уменьшались западными специалистами из коммерческих и политических соображений. Но даже с учетом этих моментов запасы нефти Саудовской Аравии составляют на сегодня около 30% всех разведанных запасов капиталистического мира. Это привело к тому, что остальные природные ресурсы Саудовской Аравии, за исключением необходимой для нефтедобычи воды, фактически не разведывались, и точно оценить сегодня, насколько страна богата полезными ископаемыми, представляется затруднительным.

Лучше всего исследованы западные районы Саудовской Аравии. Здесь, в частности, открыто 55 заброшенных шахт, в которых раньше добывалось зо-

лото. Американские геологи обследовали семь из них, но лишь в одной шахте, называемой "Махд-эл-Дахаб" ("Колыбель золота"), была обнаружена золотосодержащая руда, могущая представлять интерес для коммерческих разработок. По мнению археологов, золото добывалось здесь в раннее средневековье – в 750–1150 годах, а в шахте "Умм-Гарайят" значительно раньше – в X веке до нашей эры. В этом же районе, близ города Эль-Ваджх, обнаружено древнее производство свинца из добывавшихся здесь галенитов.

В результате последних исследований на западе Саудовской Аравии, точнее, в Хиджазе, в районе вади Фатыма, обнаружено большое месторождение железной руды с содержанием металла до 45–47%. На базе его строится металлургический комбинат. В городе Акик археологами были найдены следы металлургического производства, свидетельствующие о том, что в этих местах добывался и плавился металл еще в глубокой древности. Здесь же обнаружены месторождения каменной соли, оцениваемые в 1 млрд. тонн. Каменная соль добывается и в районе города Джизан. В пограничном с Йеменом районе имеются залежи меди и полиметаллических руд, а в 400 километрах к северу от Джидды найдена урановая руда. Залежи железа обнаружены также на западе Саудовской Аравии (в районе горы Адсас, в 600 километрах западнее Даммама) и на северо-западе (в районе Сававин). Содержание железа в рудах Адсаса составляет 63–68%, а Сававина – 30-40%.

Следы первобытного человека на территории современной Саудовской Аравии восходят к глубокой древности. Наиболее ранние наскальные изображения, найденные в Центральной Аравии, датируются VII тысячелетием до нашей эры. В то время климат Аравии был более влажным, и на скалах изображались слоны, носороги, кабаны, быки и антилопы. Первобытные люди занимались здесь охотой и собиранием плодов.

К следующему тысячелетию относятся первые изменения климата, о чем свидетельствует исчезно-

вание изображений слонов и лесных животных, кабанов и зубров. К этому времени следует отнести и возникновение производящего хозяйства в Аравии, поскольку появляются изображения стад крупного рогатого скота. Наскальные рисунки – а их было найдено более тысячи – говорят о том, что процесс одомашнения животных в Аравии начинался с крупного рогатого скота, в то время как в прилегающих областях Азии первыми одомашненными животными были овцы и козы. Любопытно, что рисунки стад крупного рогатого скота найдены в таких местах Аравийского полуострова, где сегодня его разведение совершенно невозможно по климатическим условиям.

В петрографах, относящихся к IV–III тысячелетиям до нашей эры, уже преобладают животные пустынной и полупустынной зон – страусы и верблюды, которые представлены как объект охоты, а среди домашних животных – мелкий рогатый скот (овцы и козы), что отражает следующий этап высыхания и ухудшения травяного покрова внутренних областей Аравийского полуострова.

К концу III тысячелетия до нашей эры крупный рогатый скот был окончательно вытеснен мелким. Это отразилось на образе жизни населения. Появляются группы кочевников, которые вынуждены передвигаться со своими стадами в поисках пастбищ и источников воды, а также оседлое земледельческое население в оазисах.

II тысячелетие до нашей эры знаменуется в Аравии крупным достижением человека – одомашнением верблюда. В центральных районах этот процесс начался в середине тысячелетия, и к концу его верблюдоводство получило уже большое распространение. Племена верблюдоводов были довольно подвижны, что способствовало распространению и зарождению караванной торговли. Хозяйственные и социальные изменения, происшедшие здесь в этом тысячелетии, следует рассматривать как решающий этап в прогрессе человеческого общества на Ара-

вийском полуострове, завершивший долгий предыдущий этап, когда климатические и экологические факторы определяли характер и направление эволюции.

В дальнейшем экологические условия стали играть лишь второстепенную роль, и жизнь человека все сильнее начала зависеть от его хозяйственной деятельности. Поэтому следующее изменение экономического и социального строя Центральной и Свверной Аравии – оно пришлось на конец I тысячелетия до нашей эры – связано уже с чисто хозяйственными причинами, в частности с изобретением нового верблюжьего седла, которое помещалось на горбе верблюда, а не на его крупе. Это усовершенствование освободило всаднику руки для хозяйственных дел и ведения войны, что повлекло за собой изменение во взаимоотношениях оседлого и кочевого населения, превратив кочевников в грозную военную силу. Достигнутая тогда хозяйственная приспособленность человека к специфическим природным условиям Аравии была довольно совершенной и фактически сохранилась до начала XX века.

Ряд западных ученых прошлого века выдвинули и обосновали гипотезу о существовании высокой цивилизации на Аравийском полуострове. По их мнению, некогда цивилизованные народы переселились в Аравию, а затем в силу ухудшения природных условий перешли от земледелия к скотоводству, от оседлости к кочевому образу жизни. Однако эта теория не только не подтверждается всем ходом развития мировой культуры, но и прямо ей противоречит. В настоящее время утвердилось мнение, что на территории современной Саудовской Аравии не было центров сколько-нибудь высокой цивилизации, которая могла бы уподобиться цивилизациям древнего Египта, Месопотамии или Восточного Средиземноморья.

Упомянутые центры древних цивилизаций издавна привлекали кочевников пустыни как объект грабежа и легкой военной добычи. Они приходили из

Сирийской пустыни и северных районов Саудовской Аравии в качестве завоевателей, часто оседали в захваченных районах и со временем смешивались с местным населением. Первая волна аравийских переселенцев появилась в Месопотамии и Египте в 3500 году до нашей эры. Тысячелетие спустя из Аравии пришли амореи, которые обосновались в Сирии, а между 1500 и 1200 годами третья волна переселенцев, на этот раз арамейцы, осела в районе современного Дамаска. Аккадцы, амореи, ассирийцы, халдеи, евреи – все эти народы пустыни начинали с набегов на центры древних цивилизаций в Месопотамии и Восточном Средиземноморье и затем селились в этих районах.

Доказательств обратного движения очень мало. Древние египтяне интересовались Аравией: за три тысячи лет до нашей эры в районе современной Медины они добывали медь и бирюзу. Надпись ассирийского царя Салманасара III, датированная 854 годом до нашей эры, гласит о том, что ассирийское войско во время завоевательного похода в Аравию захватило добычу в тысячу верблюдов. История сохранила нам имя арабского шейха Абиятэ, отряд которого пришел в 650 году до нашей эры на помощь осажденному ассирийским царем Ашшурбанипалом Вавилону. Этот отряд защищал город до конца, и когда осенью 648 года ассирийские солдаты ворвались в Вавилон, шейх Абиятэ и его кочевники прорвали кольцо осаждавших войск и скрылись из города. Ашшурбанипал, восхищенный мужеством Абиятэ, даже хотел "назначить" его царем арабов, но шейх ушел в пустыню и возобновил войну против Ассирии.

Однако не войны и походы определяли отношения между древним населением Саудовской Аравии и ее соседями – доминирующим фактором была торговля. Это обстоятельство объясняется тем, что Аравийский полуостров занимал важное географическое положение и его народы выступали посредником в торговле древнего мира.

Главный торговый путь Западной Аравии, получивший название Дороги благовоний, проходил из Йемена, страны развитой земледельческой культуры, на север, вдоль побережья Красного моря, через Мекку, Медину, Табук и далее в Восточное Средиземноморье и долину Нила. По этой дороге с юга Аравии доставлялись благовония – ладан и мирра, чрезвычайно высоко ценимые самыми различными народами древнего мира. Мирра, например, употреблялась для религиозных церемоний, в медицине при бальзамировании умерших, а также как пряность. От Мекки, ставшей еще в древности важным торговым центром, по долине Рахба на восток шел торговый путь к побережью Персидского залива – к городу Герра, находившемуся близ сегодняшнего саудовского порта Окайр.

История восточной части Саудовской Аравии более всего связана с древней Месопотамией. Герра поддерживала торговые сношения с Вавилонией, а также с Оманом и Индией. Греческий географ Страбон писал не только о богатстве жителей Герры, но и о том, что их дома были сделаны из соляных блоков. Можно предположить, что изобретательные жители города вырубали соляные пластины в низких, затопляемых морем местах (называемых сегодня "сабха"), где после выпаривания воды оставался толстый слой смешанной с илом соли, и использовали такие блоки при строительстве домов.

Другая важная торговая, караванная дорога соединяла оазис Медина через Большой Нефуд с Месопотамией. Этот путь имел ответвление в Герру. По северной и восточной границам Руб-эль-Хали проходили караванные тропы, соединявшие Восточную Аравию с Оманом, Наджраном и Йеменом.

Завоевательные походы Александра Македонского способствовали вовлечению Аравийского полуострова в международные события того периода. Греческие мореплаватели по приказу Александра проводили исследования Персидского залива и искали морской путь вокруг Аравии. Потомки его пол-

ководца Селевка, воцарившиеся между реками Тигр и Евфрат, с воцарением смотрели на богатства Герры и не раз предпринимали против нее военные походы, чтобы обеспечить себе "разумную долю" в ее прибыльной торговле. Один из них, Антиох III, правивший Селевкидской державой в III веке до нашей эры, пошел войной на Герру. Жители города откупились от него серебром, ладаном и миррой и в доказательство своих верноподданнических чувств стали чеканить монеты в честь Александра и Селевка, правда, с орфографическими ошибками в именах. Представители державы Птолема, другого полководца Александра Македонского, обосновавшегося в Египте, со своей стороны проводили аналогичную политику в отношении западного побережья Аравии.

В начале нашей эры на Аравийском полуострове появились римляне. Об их знакомстве с этим районом свидетельствуют не только описания римских географов, но и названия, которые они дали различным частям Аравии. Почти весь полуостров включался в состав "Арабия Феликс" ("Счастливая Аравия"). Месопотамия, Сирийская пустыня и северные районы Аравии назывались "Арабия Дезерта" ("Пустынная Аравия"), а вся зона степей и пустынь на восток и юго-восток от Средиземного моря – "Арабия Петра" ("Каменистая Аравия").

После победы над Антонием и Клеопатрой в Египте император Август решил захватить Йемен и в 24 году до нашей эры направил туда экспедицию из 10 тыс. солдат и 120 судов. Экспедиция дошла до границ Сабейского царства, существовавшего в юго-западной части Аравии, попутно захватив несколько приморских городов в Хиджазе. По-видимому, это было сделано для того, чтобы избавиться от мешавших римской торговле морских разбойников, базировавшихся в гаванях на побережье современного Хиджаза. В конце II века император Септимий Север предпринял последнюю неудачную попытку укрепиться на Аравийском полуострове.

Глубинные районы Аравии, населенные полунищими кочевниками, не представляли интереса для иностранных завоевателей. Но и там происходили важные перемены, сказавшиеся впоследствии на исторических судьбах Аравии. Разрушение ирригационных сооружений в Йемене, и прежде всего плотины в Марибе, сокращение спроса на благовония, развитие мореплавания в связи с открытием в I веке закона движения муссонов вызвали упадок караванной торговли, что повлекло за собой эмиграцию йеменских племен на север. Племя бани танук двинулось через Центральную Аравию на север и, достигнув южной Месопотамии, образовало там арабское государство Лахмидов со столицей в Хире. Другое йеменское племя, аус, двинулось вдоль Красного моря на север через Хиджаз и Северную Аравию и, осев в районе Дамаска, образовало арабское княжество Гассанидов. Йеменские племена – хазаа, хазрадж, отдельные роды племени аус и другие – обосновались в Хиджазе вокруг Мекки, важного торгового центра на караванной дороге, соединяющей Сирию с Йеменом и Хиджаз с Центральной Аравией. Этот город стал религиозным центром Аравии в очень древние времена. Здесь особенно почиталось святилище Кааба – четырехугольное каменное здание с вделанным в угол черным камнем-метеоритом. Арабы во время паломничества в Мекку семикратно целовали этот камень. Рядом с Каабой находился источник Земзем, вода которого тоже считалась священной. В Каабе племена хранили своих идолов. Поэтому не случайно именно Хиджаз с Меккой стал впоследствии колыбелью новой религии – ислама.

В Мекке с его характерным для торгового центра духом веротерпимости наряду с идолопоклонством уживались иудаизм и христианство различных толков. В начале VI столетия йеменский король Зу Нувас, перешедший в иудаизм во время своей поездки в Мекку, пытался насильно обратить в эту веру и своих подданных. Однако последние, исповедовав-

шие большей частью христианство, воспротивились этому. В результате многие христиане, особенно в Неджране, были перебиты. Византийский император Юстиниан I (518–527), занятый в то время войной с Персией, не смог помочь христианам Неджрана и Йемена и обратился к негусу (сокращенный титул императора) Эфиопии с просьбой отомстить за избивание христиан. Негус, несмотря на различие толков христианства в Эфиопии и Византии, согласился, и эфиопский флот высадил на аравийский берег большую армию, которая в 525 году разгромила войска Зу Нуваса. Христианство в Йемене и Неджране было восстановлено. Новый король Йемена христианин Ариат, посаженный на трон эфиопами, не только рьяно восстанавливал христианство в Йемене, но и предпринял ряд, правда неудачных, походов на север с целью захвата Мекки. Его сыну Абрахе в 569 году удалось дойти до стен Мекки, однако из-за его внезапной болезни осада города была снята.

Эфиопское влияние в Аравии было окончательно сломлено с помощью персов в конце VI века. К моменту возникновения ислама уже весь Аравийский полуостров оказался втянутым в мировую политику того времени. Юг и восток страны захватили персы. В борьбе с византийцами они поощряли в Аравии распространение несторианства, сторонники которого выступали против официального христианства Византии. Правда, Византия удерживала только северные районы полуострова, а в Хиджазе и Центральной Аравии арабы были независимыми, хотя и жили под постоянной угрозой со стороны своих могущественных соседей.

Пророк Мухаммед и его последователи

История Аравийского полуострова в средние века связана с возникновением ислама и завоевательными походами мусульман, в результате которых они покорили половину известного им мира.

До возникновения новой религии большинство населения Аравии были язычниками. Они обожествляли различные явления природы, деревья, камни, источники, колодцы и небесные светила. В Каабе среди пантеона богов наибольшим уважением пользовался Аллах – бог племени курейш, жившего вокруг Мекки.

Ислам – самая молодая религия, которая имеет сегодня более миллиарда последователей. Нам известны основные моменты биографии ее основателя Мухаммеда, родившегося 29 августа 570 года в небогатой семье племени курейш в Мекке. Первым биографом Мухаммеда был Ибн Исхак (умер в Багдаде в 767 году), вторым и наиболее известным – Ибн Хишам (умер в 833 году в Каире). Первое описание жизни пророка, составленное немусульманским автором, относится к началу IX века. Этим автором был византийский летописец Теофанос, озаглавивший свое сочинение "Некоторые факты о главаре сарацинов и псевдопророке".

В 610 году Мухаммед впервые выступил с проповедью единобожия, которая вызвала насмешки его богатых соплеменников. Попытка обратить в новую веру своих соплеменников и жителей города Эт-Таифа (в горах к югу от Мекки) не имела успеха, и через 12 лет Мухаммед с группой своих ближайших сторонников перебрался в город Медину. Население земледельческой Медины, традиционной соперницы купеческой Мекки, не только приняло нового пророка, но и оказало ему и его сторонникам деятельную помощь в начавшейся борьбе с соплеменниками.

В 624 году мусульмане, как стали называть членов созданной Мухаммедом религиозной общины, совершили нападение на большой караван мекканских купцов, возвращавшийся из Сирии. Тогда в следующем году мекканские купцы собрали войско и выступили против Мухаммеда. В битве близ горы Оход (Ухуд) в результате бегства части войска Мухаммеда мусульмане потерпели тяжелое поражение, а сам пророк был ранен.

В 628 году мекканцы двинулись на Медину с огромным по тому времени десятитысячным войском. Опасаясь нового поражения, мусульмане уклонились от встречи в открытом поле и прибегли к военной хитрости: по совету находившегося среди них перса Салмана мединцы вырыли вокруг своего города ров, в котором засели их лучники, что не дало возможности мекканцам использовать конницу выступавших на их стороне бедуинских племен. Осада Медины затянулась. Дожди и северный ветер вызвали раздражение бедуинов, страдавших от холода. Тайные агенты мусульман, воспользовавшись этими трудностями, активизировали враждебную мекканцам пропаганду в бедуинских племенах. Тайные переговоры лазутчиков Мухаммеда с верхушкой одного бедуинского племени привели к тому, что оно покинуло ряды осаждавших, которые были вынуждены в результате снять осаду.

Среди мекканской верхушки к этому времени появилась группа влиятельных деятелей во главе с Абу Суфьяном, склонявшихся к соглашению с Мухаммедом. Событием, приблизившим эту договоренность, была поездка в 629 году Мухаммеда с группой единомышленников в Мекку в сезон паломничества с целью показать мекканцам, что мусульмане чтят Каабу и не намерены подрывать ее религиозный авторитет. В Худейбии (близ Мекки) мединских паломников встретил вооруженный отряд мекканцев, однако без особого труда было достигнуто соглашение о том, что мусульмане совершат паломничество в Мекку в следующем году, но на три дня, в течение которых они будут молиться у Каабы, мекканцы покинут город.

В 630 году мусульмане и жители Мекки достигли примирения. Мекканцы признавали догмат о единобожии, причем единым богом признавался племенной бог курейшитов Аллах. В результате религиозное значение Мекки возрастало: Кааба превращалась в центр новой религии, а паломничество к Каабе признавалось одной из основных обязанностей му-

сультман. Идолы, стоявшие в Каабе, были низвергнуты. Обращенные в ислам мекканцы включались в состав мусульманской общины на равных основаниях с мединцами.

После примирения Мекки и Медины в 630 году процесс религиозной и политической централизации Аравии резко усилился. Часть бедуинских племен Аравии направила своих представителей с выражением согласия принять новую веру и признания политического главенства Мухаммеда. Этот год в мусульманской историографии получил название "года делегаций". Однако не все племена Аравийского полуострова сразу признали новую веру и политическую власть Мухаммеда. Так, племя сакиф, населявшее Эт-Таиф, выступило совместно с племенем хавазин против мусульманской общины и бедуинского ополчения. В долине Хунейн произошла битва между мусульманами и их противниками. Победу одержали мусульмане, на стороне которых была часть жителей Эт-Таифа. Мусульмане вошли в город и в первую очередь разрушили святилище местной богини Лат. Происходили столкновения и в других районах Аравии.

Крупным успехом мусульман явилось признание новой религии населением Йемена в 629 году, еще при жизни Мухаммеда. По-видимому, немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что большинство лиц в окружении Мухаммеда, так называемых "ансаров", т.е. мединских сторонников пророка, принадлежали к йеменским племенам, поселившимся в свое время в Хиджазе.

Основатель ислама Мухаммед умер в 632 году от пневмонии, и мусульмане провозгласили главой общины и преемником пророка его ближайшего соратника, именитого купца Абу Бекра. Кстати, Абу Бекр был отцом любимой жены пророка Аиши. Он принял титул "халиф", что означает "заместитель", т.е. глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха. Иными словами, во времена раннего ислама халиф являлся светским и духовным

главой арабского государства (халифата). Через два года Абу Бекр умер, и халифом стал другой сподвижник Мухаммеда – Омар, правивший более десяти лет. За это время ему удалось подчинить своей власти все племена Аравийского полуострова и начать активные завоевания за его пределами.

Вторжение мусульман в Южный Ирак началось еще до смерти Мухаммеда. Мусульманский полководец Халид ибн аль-Валид, за свои выдающиеся заслуги получивший титул "меч Аллаха", захватил столицу арабского княжества Лахмидов (основана в Южном Ираке выходцами из Йемена), выступавших на стороне сасанидского Ирана. В конце мая 637 года арабы разбили при Кадисии большое иранское войско и через три дня вступили в Ктесифон на Тигре – столицу Сасанидов, оставленную шахиншахом Иездигердом III. Население Месопотамии не оказывало значительного сопротивления арабам, и, продвигаясь на север, в 641 году они взяли Мосул и нанесли иранцам поражение под Хамаданом. Через три года они вышли через Белуджистан к границам Индии. В 651 году под городом Мервом был убит Иездигерд III, и завоевание арабами сасанидской империи было завершено.

В 644 году Омар пал от руки иранского раба, и халифом стал Осман – один из ранних последователей Мухаммеда. В этом немалую роль сыграла его любовь к одной из дочерей пророка, на которой он женился, а после ее смерти взял в жены ее сестру, за что получил среди мусульман почетное прозвище "дважды зять посланника Аллаха". Огромные ценности, стекавшиеся в Аравию из завоеванных стран, разворовывались верхушкой мусульманской общины, что вызывало глухой ропот и недовольство ее рядовых членов. Некоторые из них, ссылаясь на высказывания пророка, требовали равномерного распределения поступавших средств между всеми мусульманами.

В 656 году Осман был убит в своем доме мусульманами, недовольными разграблением казны. Вос-

ставшие провозгласили халифом Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, женатого на его дочери Фатиме. Он быстро подавил сопротивление своих противников в Мекке и Медине и в 656 году нанес под Басрой поражение их войскам.

Наиболее серьезным соперником Али стал наместник богатой провинции Сирии Муавия, представлявший интересы мусульманской аристократии. В борьбе против Муавии Али мог рассчитывать на арабские племена в Ираке, которые в свое время были недовольны правлением Османа. Поэтому он перенес столицу халифата в Куфу – город, основанный мусульманами в 636 году в Южном Ираке по приказу халифа Омара.

В 657 году в северной части Ирака, у Сиффина (находящегося сейчас на территории Сирии), произошло крупное сражение между войсками Муавии и иракскими отрядами халифа Али. Ни те, ни другие не достигли успеха. По сообщениям арабских историков, сирийские войска уже начали отступать, когда наместник Египта Амр, бывший в войсках Муавии, приказал сирийским солдатам поднять на мечах и копьях листы Корана, призвал своих иракских противников прекратить кровопролитие и решить спор мирным путем на основании предписаний священной книги. План египетского наместника удался, и Али отдал приказ прекратить бой.

Пацифизм халифа был его грубейшей ошибкой: сторонники военных действий страстно возненавидели Али и покинули его. Уступчивость халифа послужила причиной возникновения в исламе первого сектантского движения – хариджитов (араб. "хараджа" – "выйти", "восстать"). Те же, кто остался с Али, стали называться шиитами (араб. "шиа" – "приверженцы", "партия"). Первым требованием хариджитов было провозглашение суверенитета мусульманской общины, которая назначает и смещает своего главу – халифа, причем главой общины мог быть любой человек, сумевший подтвердить свое благочестие. 12 тыс. хариджитов покинули лагерь

под Куфой и направились вверх по Евфрату к Багдаду – в то время небольшой деревушке. К хариджитам примыкало все больше сторонников, которых привлекала их решимость бороться с оружием в руках за осуществление своих принципов.

Имея в тылу столь опасное движение, халиф Али пришел к Нахрвану (Западный Иран), где стояли лагерем хариджиты. Его призывы прекратить враждебную пропаганду и примкнуть к его войску привели к расколу среди хариджитов. Часть из них вновь встала под знаменем Али, часть ушла в Иран и Мекку. Наиболее непримиримые хариджиты (численностью около 3 тыс.) во главе с эмиром (букв. "повелитель", "вождь", "князь") Ибн Вахбой, дав друг другу клятву "встретиться в раю", вступили в бой против превосходящих сил противника и были перебиты.

Несмотря на разгром у Нахрвана, хариджитское движение не умерло. Примкнувшие к войску Али отряды скоро ушли из Куфы, объединились со своими единомышленниками в Иране и Ираке и возобновили войну против сторонников Али. Как свидетельствуют мусульманские историки, хариджиты приняли решение убить Али, Муавию и Амра и провозгласить халифом своего ставленника. В 661 году выходящий из мечети в Куфе после пятничной молитвы Али был ранен отравленным мечом бросившегося на него хариджита. По мусульманским преданиям, раненый Али завещал в случае своей смерти казнить преступника, а свое тело привязать к верблюду, выпустить его в пустыню и там, где верблюд опустится на колени, похоронить. Через три дня Али умер, хариджит был обезглавлен, а верблюд с телом Али, пройдя 20 километров, остановился. Приверженцы Али похоронили его, насыпали над могилой большой холм, вокруг которого разбили палатки. Так возник иракский город Эн-Неджеф, что в переводе с арабского означает "холм", "бугор". Над могилой Али сегодня построена роскошная мечеть с золотым куполом и минаретами.

Во время своего пребывания в Ираке в числе первых городов, куда я отправился, был город Куфа – столица халифа Али. Сегодня это небольшой, но оживленный населенный пункт на берегу Евфрата, куда по пятницам и в мусульманские праздники стекается много мусульман. Существует несколько объяснений, почему мусульмане чтят пятницу. Ведь этот день не только молитвенный, но и праздничный. Большинство специалистов считают, что пятница стала днем общей молитвы потому, что пророк Мухаммед и Али родились в пятницу.

На западной окраине Куфы – овальная, сложенная из камня и кирпича крепость с полубашнями, в которую ведут высокие, украшенные изразцами ворота. В таких крепостях жили мусульмане-завоеватели вместе с семьями, ибо в первые годы ислама они не селились вместе с местным населением и смешанные браки были запрещены. Рядом с крепостью, даже сейчас имеющей весьма внушительный вид, на небольшом холме стоит крошечный домик с голубой куполообразной крышей. Здесь, по преданию, жил Али. На пороге дома он творил суд, разбирая споры и улаживал разногласия.

С борьбой халифа Али против мусульманской аристократии начался раскол ислама. Шииты, сторонники халифа Али, признают единственно законными преемниками Мухаммеда и руководителями мусульманской общины потомков Али и Фатимы. Дочь Мухаммеда родила двух мальчиков – Хасана и Хусейна. Каждый из них получил титул имама (предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины). Они почитались шиитами, как продолжатели рода пророка и самые большие авторитеты. От них получило распространение представление об имамах как носителях божественного огня и непогрешимых в своем поведении людях. Эта идея непогрешимости и божественного огня, воплощенная в потомках Али и Фатимы, была легко воспринята некоторыми народами Ближнего и Среднего Востока, знакомыми с

доисламскими религиозными представлениями о присутствии божественного в человеке. По мере развития шиитское движение разбилось на различные секты и течения, но их объединяло одно – приверженность роду Али. В настоящее время шиитского вероучения придерживается около 70 млн. человек, проживающих в Иране, Ираке, Пакистане, Йемене, Афганистане, Индии, Омане и некоторых других странах.

Остальная часть мусульман принадлежит к суннитской ветви ислама. Сторонники ортодоксального толка, они признают священную книгу Коран и предания о поступках и высказываниях Мухаммеда, называемые "сунна". Суннизм как религиозное течение оформился в X веке в борьбе с шиизмом. Эти разногласия между двумя течениями в исламе сейчас сводятся к богословским тонкостям, но время от времени эти тонкости принимают политический оттенок и приводят к обострению отношений, которые, правда, редко заканчиваются конфликтом.

Ислам характеризуется строгим единобожием, которое выражено формулой: "Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его". Помимо этого признания единобожия и пророческой миссии Мухаммеда мусульмане веруют в существование ангелов, сатаны (шайтана), других пророков (многие из которых вошли в ислам из доисламской истории и религий), в божественность Корана, в рай, ад и бессмертие души.

Ислам, как набор не только религиозных, но и нравственных установок, выходит за рамки чисто религиозной идеологии и по сути является социальным и культурным регулятором. Его предписания регламентируют личную и общественную жизнь человека от рождения до смерти. Важнейшими столпами ислама считаются ежедневная пятикратная молитва, которая при нынешнем ритме жизни все реже соблюдается, 30-дневный пост в девятый месяц мусульманского календаря рамадан, пожертвование в пользу бедных и общественных нужд и па-

ломничество в Мекку и Медину. Правда, в каждой стране есть свои места паломничества, но только посещение Мекки дает мусульманину право прибавить к своему имени слово "хаджи". Запреты ислама (пить вино, употреблять в пищу свинину и др.), равно как и его разрешения (многоженство и др.), сегодня не всегда соблюдаются. Как всякая мировая религия, ислам многолик и многообразен. В исламе существуют различные течения и школы, появились свои фундаменталисты, которые борются за чистоту ислама и возвращение к его первоначальным нормам. Другие деятели, наоборот, требуют модернизации ислама и отказа от его средневековых, не соответствующих современным нормам представлений.

Эти мысли мне приходят в голову по дороге в Эн-Неджеф. Он находится в 20 километрах от Куфы и считается центром шиитов всего мира. Здесь живут главные религиозные авторитеты шиитов, построены шиитский университет и несколько десятков религиозных школ, основанных выходцами из различных стран мира. Эти школы располагаются в красивых небольших особняках, на фасадах которых изразцами выложены название школы и время ее строительства. В Эн-Неджефе я видел бакинскую школу, основанную колонией выходцев из Нахичевани, прибывших сюда еще в начале XX века. Кстати, Азербайджан был единственным местом в нашей стране, где большинство мусульман принадлежали к шиитскому толку ислама.

Самая большая достопримечательность Эн-Неджефа – мечеть халифа Али. В центре круглой, обнесенной стеной площади, называемой сухн, находится мавзолей – продолговатое здание с несколькими входами. У каждого из них обычно сидит служитель, которому можно сдать на хранение свою обувь: входить в помещение мавзолея, как и в любую мечеть, в обуви нельзя. В купольном зале с потолком, инкрустированным перламутром, стоит большое надгробие, забранное со всех сторон серебряной решетью.

кой. Стены мавзолея изнутри облицованы мрамором, их украшают орнамент и росписи с позолотой. Я не был в усыпальнице халифа Али, ибо немусульманам посещать мечети, и тем более такую почитаемую, как мечеть Али, не разрешается. Но я знаю со слов своих друзей о ее богатейшем внутреннем убранстве, об изяществе и тонкой работе простого по форме решетчатого надгробия. Шииты, больные и калеки, приезжают к гробу Али и лобызают переплетения этой решетки в надежде получить исцеление. Серебряные трубки полые, и во время целования под сводами мечети слышны громкие отрывистые звуки, напоминающие мне чириканье воробьев. Купол центрального зала и минареты снаружи покрыты тонкими листами золота и видны издалека. На широкой стене, окружающей сухн, есть невысокая, невзрачного вида башня с часами, показывающими европейское время. Над куполом самой мечети – другие часы, отмеряющие время по походу солнца.

У четырех высоких, ведущих на сухн ворот, керамические изразцы для которых были доставлены из Ирана, – множество мальчишек с глиняными кувшинами – "тунаками". Запотевший кувшин, обмотанный тряпками, держится на боку с помощью широкой тряпичной перевязки. Вода бесплатная: состоятельный мусульманин, желающий быть замеченным Аллахом, нанял мальчуганов, и сейчас они раздают воду в неглубоких медных тарелочках любому жаждущему. Иногда ребята позванивают тарелочками, как кастаньетами, приглашая прохожих освежиться холодной водой. Тунаками называют в Ираке все глиняные сосуды с двумя небольшими ручками у узкого горлышка. В зависимости от цвета и размера нанесенного орнамента они именуются по-разному. Самым лучшим тунаком по качеству считается "гидравия" – сосуд из зеленоватой глины.

Одни из четырех ворот мечети выходят к большому крытому рынку. Между лавками и магазина-

ми, забитыми тканями, четками, башмаками без задников, встречаются и ювелирные мастерские. Здесь продают золотые ножные дурые браслеты, цепочки и подвески, серьги, кулоны с мелким жемчугом, серебряные филигранные поделки, самые разные золотые монеты, отличающиеся друг от друга чеканкой, размерами, весом и стоимостью. Как правило, всем этим изделиям немного не хватает тонкости и изящества. Самые распространенные украшения – браслеты и кулоны с золотыми английскими гинеями и иранскими риалами. Их приносили в Эн-Неджеф бедняки-паломники из Ирана, Индии и Пакистана, некоторые из них всю жизнь копили деньги на дорогу к святым местам. Состоятельные люди, как правило, наличные деньги не привозят. Они уже привыкли даже в святых местах пользоваться чековой книжкой.

В Эн-Неджефе целый ряд на рынке занят лавками торговцев благовониями. "Разноцветными" бутылками с зеленой, голубоватой, коричневой или золотистой жидкостью уставлены полки небольших лавок. Здесь продают розовое масло, амбру, жасминовую настойку, мирру, мускус и многие другие благовонные масла и эссенции, известные только их владельцу. Любители в разные дни недели употребляют те или иные благовония: в воскресенье – мускус, в понедельник – амбру, во вторник – масло уд, в среду – герань, в четверг – лилию, в пятницу – розу, а в субботу – нарцисс. Самое дорогое из них – духи "Семь роз". Владельцы парфюмерных лавок наливают в пузырьчики покупателей благовония из больших бутылок с европейскими наклейками, но это не может поколебать убеждения в правоте их слов относительно качества товара и его местного происхождения. Благовония довольно дороги и не по карману бедняку. Иногда в городе появляются оптовые покупатели – иностранные туристы. В крошечные пузырьки, которые они скупают десятками, на вес и на капли отмеряются пахучая жидкость и ароматные смолы.

В 80 километрах к северу от Эн-Неджефа лежит Кербела – город на Среднем Евфрате. Его население состоит только из шиитов. Пребывание суннитов в городе нежелательно, не говоря уже о христианах, которым запрещено жить и работать в Кербеле. И это понятно. В городе расположена одна из самых почитаемых святынь шиитов – могила имама Хусейна, внука пророка Мухаммеда и сына халифа Али.

Как известно, шииты признают право на главенствующую роль в мусульманской общине только за прямыми потомками пророка, т.е. за детьми его дочери Фатимы и ее мужа и кузена халифа Али. Поэтому второй сын халифа и Фатимы – Али Хусейн, человек решительный и смелый, внял наконец призывам сторонников своей семьи и решил начать борьбу за власть. Он отказался присягнуть омейядскому халифу Язиду (наследнику Муавии) и переехал в Мекку (при Муавии он жил в изгнании в Медине), где стал готовиться к выступлению. Иракские шииты заверили его в своей верности и поддержке. Хусейн покинул Мекку, чтобы соединиться с ними в Куфе. Однако события развивались не в его пользу, и в 680 году около Кербелы наместник Язида во главе четырехтысячного войска встретил Хусейна, которого сопровождали лишь 300 человек из его ближайшего окружения и родственников. Халифское войско отрезало отряду Хусейна доступ к Евфрату. Но Хусейн не собирался сдаваться. И по прошествии десяти дней завязалась битва. Войско халифа легко справилось с маленьким отрядом Хусейна.

Мусульманские летописцы сохранили для истории все перипетии этой битвы. В частности, они сообщили, что отряд Хусейна при подходе противника занял круговую оборону на плоской равнине. Наступающие засыпали канал, проходящий через его лагерь. Оставшись без воды, воины Хусейна продолжали стойко держаться. На седьмой день они отпраздновали свадьбу Касема – одного из родственников Хусейна. На следующий день в семье друго-

го родственника Хусейна родился младенец, которому осаждавшие отказали в воде. Изнывающие от жары и ослабевшие от жажды люди на десятый день осады бросились в бой, и все были перебиты.

Это событие, казалось бы вполне обычное, имело многочисленные политические и религиозные последствия: у шиитов появились первые мученики. С тех пор ежегодно в первый месяц мусульманского календаря мухаррам шииты отмечают "трагедию Кербелы". Это – месяц траура и скорби по великому мученику Хусейну.

Мечеть, возведенная над могилой Хусейна, не отличается по своей архитектуре от мечети Али в Эн-Неджефе: те же четверо высоких ворот, выложенных изразцами с растительным орнаментом и инкрустированных перламутром, тот же обширный сухн, в центре которого находится мавзолей с усыпальницей за серебряной решеткой. Купол и два минарета сплошь покрыты золотыми пластинами.

В другом конце города, над могилой Аббаса, брата Хусейна по отцу, убитого вместе с ним в бою, построена вторая мечеть – копия первой по архитектуре и внутреннему убранству. Но она несколько скромнее отделана снаружи: купол покрыт золотыми пластинами, но минареты облицованы простой керамикой.

Над стенами вокруг мечетей Хусейна и Аббаса и примыкающими к ним зданиями трепещут на ветру зеленые, черные и красные полотнища. Зеленый цвет – традиционный цвет ислама. Под зеленым знаменем первые мусульмане шли завоевывать мир. На лубочных картинах, доставленных из Ирана, пророк Мухаммед и халиф Али всегда изображаются в зеленых чалмах. Черное знамя аббасидских халифов принято ими в знак траура по убитым потомкам Али. По мусульманскому преданию, отряд имама Хусейна сражался с халифскими солдатами под красным знаменем. Вот почему в дни мусульманских праздников над глинобитными хижинами в иракских деревнях вместе с государственным фла-

гом Ирака плещутся зеленые, черные и красные знамена. В святых городах эти знамена вывешиваются и в будни.

По обе стороны ворот, ведущих в мечеть Хусейна, расположились лавочки. Разноцветными гроздьями висят четки, стопками поднимаются аккуратно сложенные круглые, прямоугольные и ромбовидные глиняные плитки, называемые "турба", с выдавленными на них незамысловатым орнаментом и надписями из Корана. Они изготавливаются из глины, добываемой в Кербеле в том месте, где произошел бой и был убит Хусейн. Во время молитвы шииты кладут перед собой этот кусочек глины, впитавший капли крови Хусейна, и во время поклонов касаются его лбом.

Четки, которые перебирают мусульмане во время молитвы или просто так, задумавшись или пытаясь расслабиться, не являются их изобретением. По мнению некоторых востоковедов, четки были заимствованы мусульманами у христиан. Если принять эту версию, то тогда вполне объяснимо, почему в обычных мусульманских четках 33 зерна: ведь Иисус Христос был распят, когда ему было 33 года. Во всяком случае, у христиан четки (от "честь" в значении "считать") предназначены для отсчета молитв и поклонов.

Четок в Кербеле великое множество: от дешевых, сделанных из глины, до перламутровых и серебряных. Обычные четки из 33 зерен разделены двумя плоскими косточками на три равные части — по 11 зерен каждая. У светло-серых пластмассовых четок разделительная пуговка сделана в форме купола мечети и называется "шугуль". Вытянутая же бусина, замыкающая концы нитки, по-арабски именуется "умм шугуль". Особо нужно сказать о шиитских четках с 99 черными мелкими зернами. Они называются "хусейния" и пользуются наибольшим уважением у шиитов.

Однако вернемся в Саудовскую Аравию раннего средневековья.

Скрытая оппозиция халифу Муавии, гнездившаяся в Мекке и особенно в Медине, где нашли прибежище сподвижники пророка и их потомки, не представляла собой угрозы для Муавии. Центр политической жизни государства, получившего название Омейядского халифата, был перенесен в Дамаск, что фактически лишало противников Муавии возможности принимать участие в дворцовых интригах. Хиджаз сохранял значение лишь религиозного центра; в Мекке и Медине приверженцы Мухаммеда предавались чтению и толкованию Корана и собиранию преданий о жизни пророка и его проповедях, положенных впоследствии в основу мусульманского права. Они выдавали себя за благочестивых мусульман, верных хранителей традиций раннего и, следовательно, более верного, ортодоксального ислама, осуждали омейядского халифа и его окружение и их явно неблагочестивый образ жизни. Таким путем представители мединской школы мусульманского богословия подготавливали идеологическую основу для возможного выступления против Омейядов.

В 680 году Муавия умер, и халифом стал его сын Язид, избранный наследником еще при жизни отца. Мединская оппозиция выступила против наследственной передачи власти, настаивая на прежнем принципе – выборности халифа. К тому же халиф Язид совсем не обладал качествами благочестивого мусульманина: он пил вино, любил поэзию, танцы, охоту, жил в роскоши, а о пустынных кочевьях вспоминал лишь во время очередной вспышки эпидемии чумы; эта болезнь не проникала в становища бедуинов, поэтому халиф и его приближенные в случае эпидемии покидали Дамаск и искали спасения у бедуинов Сирийской пустыни.

У мединской оппозиции был свой кандидат на халифский престол – Хусейн, сын Али и внук пророка, который мирно жил в Медине по соседству с могилой Мухаммеда. После смерти Муавии он переселился в Мекку, где его посетили представите-

ли мусульман Ирака, выступавшие ранее на стороне его отца халифа Али, и предложили ему возглавить восстание против омейядских халифов. (Дальнейший ход событий, связанный с битвой при Кербеле и смертью Хусейна, я только что изложил, поэтому здесь опускаю этот "фрагмент" истории.)

Итак, после смерти имама Хусейна у Язида, которого мединские сподвижники пророка Мухаммеда отказываются признать законным халифом, появляется опасный конкурент – Абдаллах, сын Зубейра, двоюродного брата пророка, который в свое время настойчиво оспаривал халифат у Али. К тому же Абдаллах был внуком халифа Абу Бекра и племянником любимой жены пророка – Аиши (напомним – дочери Абу Бекра). После смерти Хусейна Абдаллах провозгласил себя халифом в Мекке. Через некоторое время его признал весь Хиджаз.

Язид не замедлил направить в Хиджаз карательную экспедицию. Сирийское войско взяло Медину и двинулось затем на Мекку, где засел Абдаллах. Город был окружен сирийскими войсками и обстрелян из камнеточных орудий и зажигательными снарядами. Вспыхнувшие пожары не пощадили даже Каабу – священное место, где, казалось бы, можно было обрести безопасность даже во время вооруженных конфликтов. Смерть Язида в 683 году помешала сирийцам одержать решительную победу: в Дамаске вспыхнула борьба за трон, и войско было срочно отозвано в Сирию. Южная Аравия, часть Сирии и Ирак тотчас признали Абдаллаха халифом. Другие мусульманские страны сохранили верность Омейядам.

После двух лет смуты и вооруженных столкновений халифом в 685 году стал Абд аль-Малик, поспешивший восстановить власть Омейядов. Население Западной и Центральной Аравии продолжало подчиняться Абдаллаху, также провозгласившему себя халифом. Он не только закрепился в Хиджазе, но и контролировал через своего брата положение в Ираке. Его полководцы активизировали свои набеги на пограничные районы Сирии, поощряли вы-

ступление жителей Дамаска против омейядского халифа и с удовлетворением взирали на вооруженные столкновения сирийцев с византийскими войсками на северных границах. Однако сторонникам мекканского халифа не удалось сломить сопротивление его дамасского соперника. Замирившись с византийцами, Абд аль-Малик начал наступление на Ирак, где наместник мекканского халифа увяз в борьбе с хариджитами и шиитами. В 691 году сирийские войска во главе с талантливым полководцем Хаджжаджем вступили в Куфу, а в следующем году военные действия возобновились в Хиджазе.

Хаджжадж ибн Юсуф – колоритная фигура раннего арабского средневековья. Уроженец Эт-Таифа, он в молодости преподавал грамматику, затем поступил на службу в сирийское войско, где сделал блестящую карьеру. Уже будучи видным полководцем и наместником Ирака, он продолжал заниматься грамматикой, редактировать Коран и собирать арабский фольклор. Хаджжаджа называют ученым-филологом. Ему приписывают введение в арабский алфавит диакритических знаков "харакят", облегчающих чтение текста. Его первое публичное выступление в мечети в Куфе, пересыпанное стихами, считается выдающимся образцом классического ораторского искусства. Вместе с тем Хаджжадж, верный слуга Омейядов, считал кровавый террор средством укрепления политической власти. По подсчету современников, только в Ираке в годы его правления (694–714) было казнено более 130 тыс. человек, в тюрьмы были брошены 50 тыс. мужчин и 30 тыс. женщин.

После пятидневной осады Мекка пала, и халиф Абдаллах погиб в бою у стен Каабы. Его голова по приказу Хаджжаджа была отправлена в Дамаск, а тело распято в назидание всем бунтовщикам.

Военное поражение мединской оппозиции и жестокая расправа над сторонниками Абдаллаха фактически исключили Хиджаз, наиболее развитую часть Аравии, из политической жизни Омейядско-

го халифата. Лишь в Мекке и Медине еще теплилась жизнь в мусульманских школах и мечетях.

В начале VIII века Хиджаз управлялся наместником дамасского халифа, а Наджд и Ямама, тоже части Саудовской Аравии, входили в другое наместничество с центром в Басре вместе с территорией нынешнего Ирана, Бахрейном и Оманом. Впоследствии, когда число наместничеств было сокращено до пяти, Хиджаз вместе с Йеменом и Центральной Аравией управлялись одним наместником.

Падение в 750 году Омейядов и приход к власти династии Аббасидов, опиравшихся на Ирак, не внесли существенных изменений в судьбу Аравии, продолжавшей оставаться далекой, захолустной провинцией халифата. Халифы новой династии вели свое происхождение от Аббаса и, следовательно, наравне с потомками Али принадлежали к дому пророка. Первый аббасидский халиф Абу аль-Аббас, провозглашенный еще в 749 году, предпринял решительные меры для истребления всех, кто принадлежал к роду Омейя, включая и тех, кто находился в Хиджазе.

Аббасидский халифат с самого начала своего существования не был единым государством. В результате внутренних междоусобиц и ослабления центральной власти постепенно росло влияние местных правителей, образывавших самостоятельные династии. Хотя Аравия формально и подчинялась Багдаду, фактически же она целиком отошла от Аббасидского халифата.

В конце IX столетия в восточной части Аравийского полуострова образовалось государство карматов. Оно достигло наибольшего могущества в начале X века, когда его территория простиралась до Куфы в Ираке. В 930 году глава карматов Абу Тахир Сулейман дошел до Мекки, перебил паломников и увез из Каабы (поклонение которой карматы считали идолопоклонством) в свою столицу Хуфуф, город на востоке Аравии, "черный камень". Нападение карматов на Мекку потрясло мусульманский мир.

Но лишь два десятилетия спустя при содействии североафриканских последователей этой секты священную реликвию за выкуп удалось вернуть в Мекку и водворить на прежнее место в Каабе. Ко второй половине X века ослабевшее государство карматов пало под ударами бедуинских племен Восточной Аравии.

Аббасидские халифы, сменявшие друг друга, были заняты главным образом борьбой за трон. Они не обращали внимания на Аравию, не могли приостановить распад халифата и были фактически пленниками своих министров из династии Буидов – персов по происхождению и шиитов по религиозному толку, для которых даже Мекка и Медина не имели такого ореола святости, как Куфа, Кербела и Эн-Неджеф. Аравия, как и прежде, в течение целых столетий оставалась вне сферы влияния центрального правительства, и здесь продолжали господствовать местные эмиры, лишь номинально признававшие власть багдадского суверена. Даже разгром в 1258 году Аббасидского халифата внуком Чингис-хана Хулагу не внес существенных изменений в политическую историю Аравии, погрязшей в междоусобных конфликтах и феодально-племенной анархии, далекой от бурных событий и вооруженных конфликтов в Передней Азии.

В XVI веке, когда весь полуостров подпал номинально под владычество османских султанов, шериф ("благородный", "знатный" – потомок пророка Мухаммеда) Мекки Баракят в 1517 году направил в Каир к турецкому султану Селиму I своего сына принести клятву верности султану. Выступая с проповедью в Большой мечети, Баракят объявил султана "слугой святых городов".

В благодарность за проявленную покорность Селим I сохранил за Баракятом власть в Хиджазе. Преемники Селима придерживались той же линии, и поэтому в Хиджазе, единственной провинции Османской империи, установилась двойственная форма правления: наряду с властью шерифов, правив-

ших Хиджазом с X века, появилась турецкая власть в лице наместника или правителя (вали), присылаемого из Стамбула, причем шериф Мекки самостоятельно контролировал кочевые племена, для которых он оставался верховным правителем, а турецкий вали осуществлял власть над городскими жителями.

В Медине находился второй наместник из Стамбула, который управлял Северным Хиджазом. Восточная провинция Эль-Хаса входила в состав вилайета Басра, управляемого турецким пашой (высшим сановником Османской Империи); в этот вилайет входили также Южный Ирак, Кувейт и Бахрейн. Центральная и Юго-Восточная Аравия фактически оставались независимыми: из-за бедности земли и малочисленности населения они не представляли практического интереса для турецких султанов и их наместников.

Три последних столетия

История Аравии начала XVIII столетия связана с активной деятельностью мусульманского проповедника шейха Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и его последователей.

Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб родился в 1703 году в небольшой деревне эль-Уэйни (вади Ханифа, ныне – центральная провинция Неджд) в семье мусульманского судьи ("кади") из племени тамим. В десять лет уже знал наизусть Коран. Абд аль-Ваххаб стал приверженцем богословской школы Ахмеда ибн Ханбала, считающейся наиболее консервативной в ортодоксальном исламе. Под влиянием бесед с мусульманскими богословами во время многочисленных поездок по стране Абд аль-Ваххаб стал проповедовать возврат к простым и доступным идеям первоначального ислама, изложенным в Коране, и призывать к объединению Аравии и борьбе против иноземного господства.

Проповеди Абд аль-Ваххаба и его призывы к единству арабов встретили поддержку у некоторых шейхов (мусульманских богословов-проповедников) племен и эмиров Центральной Аравии. В числе первых его сторонников была семья Аль Сауд – эмиров небольшого городка Эд-Дирья и двух-трех прилегающих к нему деревень, расположенных к северо-западу от современной столицы Саудовской Аравии Эр-Рияда. В 1740 году между шейхом (здесь: главой религиозного ордена) Абд аль-Ваххабом и эмиром Мухаммедом Саудом была достигнута договоренность о совместной борьбе во имя достижения единства Аравии и возвращения ее к принципам первоначального ислама. В лице членов семьи Аль Сауд шейх Абд аль-Ваххаб приобрел решительных союзников, не боявшихся взяться за оружие для достижения поставленной цели.

В 1765 году умер эмир Мухаммед, но его сын Абд аль-Азиз продолжал оказывать деятельную поддержку шейху и его сторонникам. Через некоторое время представился случай проверить прочность нового союза. В 1773 году союзники после пятилетней войны взяли Эр-Рияд, и в последующие 15 лет под власть Абд аль-Азиза попали все семь эмиратов, на которые делилась территория Неджда.

Зимой 1789 года в битве при городе Абкайке ваххабиты одержали убедительную победу над главным бедуинским племенем Эль-Хасы бани халед, и практически все побережье Персидского залива было включено в состав создаваемого государства Саудидов.

В 1792 году шейх Абд аль-Ваххаб умер, однако движение его сторонников продолжало расширяться и крепнуть. В 1802 году отряды ваххабитов ворвались в Ирак, захватили город Кербелу, разрушили мечети и мавзолеи и подошли к другому религиозному центру шиитов – городу Эн-Неджефу. Однако в следующем году эмир Абд аль-Азиз, принявший титул имама, был убит в мечети города Эд-Дирья иракским шиитом в отместку за оскверне-

ние святых мест в Кербеле. Ему наследовал эмир Сауд, который также принял титул имама и продолжил объединительную политику своих предшественников.

В 1804 году ваххабиты заняли Мекку, а спустя два года – Медину. Шериф Мекки Галерб, воевавший против ваххабитов, полностью подчинился эмиру Сауду, что способствовало распространению ваххабизма на остальные районы Хиджаза. На юге Аравии влияние ваххабитов дошло до пограничных территорий Омана и Йемена, Неджрана и Асира – района, лежащего к югу от Мекки. Захватив Мекку и Медину, они стали вводить порядки в соответствии со своим примитивным пониманием обрядности ислама. Особенно это касалось паломников, которые до этого появлялись в священных городах, увешанные дорогим оружием, с музыкальными инструментами, часто со спиртными напитками и т.п. Это, конечно, не могло не вызвать осуждение ваххабитов. Заняв священные города, они год от года стали повышать ставки налогов с каждого паломника, а порой просто не пускали караваны с паломниками, несмотря на обещание заплатить большие суммы.

К 1808 году первое государство Саудидов объединяло под знаменем ваххабизма большую часть Аравийского полуострова, включая эмираты Персидского залива, Асир, Хадрамаут, а также острова Бахрейн и даже Басру. Отряды ваххабитов совершали рейды в район Хаурана в Сирии, а в 1811 году предприняли дерзкий поход на Багдад.

Целью семьи Аль Сауд было создание в пределах Аравии суверенного единого арабского государства, независимого от Османской империи. Естественно, что турецкое правительство не могло допустить такого развития событий и дало указание своему наместнику в Ираке активизировать борьбу с ваххабитами. Однако эта борьба велась вяло и часто безуспешно. Поэтому из Стамбула последовал новый приказ – египетскому паше Мухаммеду Али выступить

на подавление опасного ваххабитского движения и добиться прежде всего возвращения Хиджаза с его святыми местами, покровителем которых выступал турецкий султан.

В 1811 году в Красноморском порту Янбо высадились огромная по тому времени египетская армия во главе с Тусун-пашой, сыном Мухаммеда Али. В ее составе были магрибинская кавалерия и европейские военные специалисты. Ваххабиты уклонились от боя на побережье и, заманив противника в вадди Сафра, расположенное на середине пути между Янбо и Мединой, навязали сражение, в результате которого противник потерял 5 тыс. солдат и офицеров. Ощутимые потери вынудили Тусуна отступить к порту Янбо и просить присылки дополнительных войск из Каира. Получив подкрепление, он осадил Медину и взял ее после 75-дневной осады, и то лишь потому, что осаждавшим удалось перекрыть поступающую в город воду. Один из офицеров египетского войска, шотландец Томас Кит, принявший мусульманство, был назначен губернатором захваченного города. Это потрясло мусульман: впервые в истории губернатором второго по значению религиозного центра ислама стал европеец.

Используя подкуп, а также недовольство религиозных кругов Хиджаза, попавших под власть ваххабитов, Тусун склонил на свою сторону некоторые бедуинские племена, а также верхушку духовенства Мекки. Египетские войска, преследуя отступавших ваххабитов, продвигались к границам Неджда. В 1813 году Мухаммед Али лично возглавил военную кампанию. Наступление осуществлялось тремя колоннами. Однако несмотря на численное превосходство и более высокое военное мастерство, египтянам не везде сопутствовал успех.

В этот ответственный момент умер эмир Сауд, прозванный Саудом Великим. Главой и имамом ваххабитов был избран его сын Абдаллах, слабый военачальник и организатор. В семье Аль Сауд не все одобряли избрание Абдаллаха, и Мухаммед Али по-

пыгался в своих интересах использовать возникший раскол.

В 1818 году египетские войска под командованием Ибрагим-паши, другого сына Мухаммеда Али, появились в вади Ханифа и подошли к городу Эд-Дирья. Его войско насчитывало 4 тыс. солдат и офицеров и около 500 европейских офицеров, командовавших египетской артиллерией. После варварского артиллерийского обстрела, разрушения стен и основных башен укрепления эмир Абдаллах был вынужден сдать город при условии сохранения жизни и имущества его защитников. Однако Тусун-паша не выполнил своих обещаний: все имущество семей эмира и Абд аль-Ваххаба было конфисковано, а многие защитники, сложившие оружие, обезглавлены. Сам эмир был отправлен в Каир, а затем в Стамбул, где его также обезглавили.

Летом 1819 года, после того как Тусун-паша, опустошивший страну, вернулся в Египет, надежды на успешную борьбу за освобождение Аравии от турецкого и египетского господства вновь возродились. Этому способствовало и то обстоятельство, что Великобритания в 1820 году оккупировала архипелаг Бахрейн и ваххабиты могли сыграть на англо-турецких противоречиях в Персидском заливе.

В 1824 году главой семейного клана Аль Сауд был избран эмир Турки. Он обосновался в Эр-Рияде, ставшем новой столицей вместо разрушенной Эд-Дирьи, и начал завоевание Неджда и восточных районов Аравии. Имущие классы оседлого населения и верхушка кочевых племен были заинтересованы в сильной административной власти, которая создавала бы благоприятные условия для развития сельскохозяйственного производства и кочевого скотоводства. Преобладание центростремительных тенденций в правящих кругах и привело к воссозданию государства Саудидов с центром в Эр-Рияде.

Через десять лет эмир Турки был убит, преемником стал его сын Фейсал. В 1838 году он был захвачен в плен новой египетской карательной экспеди-

цией, но впоследствии сумел бежать и восстановить свою власть в Неджде. Ему оказал помощь Абдаллах ибн Рашид, глава эмирата Рашидидов, владения которого находились в районе Джебель-Шаммар (северная часть Аравийского полуострова). Однако затем их пути разошлись, и Рашидиды стали непримиримыми врагами Саудидов.

После смерти эмира Фейсала в 1856 году Неджд переживал периоды смуты и раздоров. Между двумя сыновьями покойного Фейсала, Абдаллахом и Саудом, вспыхнула ссора, которая вскоре переросла в междоусобную войну. Ослабленное государство Саудидов не смогло противостоять вторжению турок, захвативших в 1871 году все побережье Персидского залива. Однако их господство было в большой степени номинальным, так как в самой Аравии продолжали существовать независимые эмираты, которые вели между собой постоянные войны.

В 1888 году Мухаммед ибн Рашид, глава эмирата Рашидидов со столицей в городе Хаиль, захватил Эр-Рияд, разгромив войска саудовского эмира Абд ар-Рахмана, который вместе с семьей был вынужден бежать из Неджда. Он отправился в Стамбул ко двору турецкого султана, где его приняли, но отказались оказать какую-либо помощь. Семья Абд ар-Рахмана укрылась у бедуинов, кочевавших на границе пустыни Руб-эль-Хали, и после долгих странствий обосновалась почти на десять лет в Кувейте под покровительством шейха Мубарака ас-Сабаха.

В 1900 году Саудиды с помощью шейха Кувейта предприняли неудачную попытку вернуть себе контроль над Эр-Риядом. Вторая попытка увенчалась успехом: 16 января 1902 года эмир Абд аль-Азиз II захватил Эр-Рияд.

Упорная борьба за господство над Недждем развернулась между Саудидами и Рашидидами. На стороне последних выступили турки, в памяти которых были еще свежи воспоминания о победных походах ваххабитов на Ирак и Сирию. Шейх Кувейта поддерживал Саудидов отчасти и потому, что у

него уже установились хорошие отношения с англичанами, выступавшими соперниками турок в борьбе за влияние в Персидском заливе.

К весне 1904 года Абд аль-Азиз II захватил весь центральный Неджд. Однако сопротивление эмира Ибн Рашида не было сломлено, тем более что на его стороне сражались несколько сот турецких солдат с артиллерией. В районе города Бурайды произошло сражение, в котором победу одержал Абд аль-Азиз, в основном из-за фанатизма солдат и военных просчетов противника. В апреле 1906 года эмир Ибн Рашид был убит, что облегчило Саудидам борьбу со своими противниками.

Турция и европейские державы пытались помешать возрождению Саудовского государства. В 1908 году шерифом Мекки стал Хусейн, происходивший из старинного рода Аль Хашим, к которому принадлежал и пророк Мухаммед, и пользовавшийся в Аравии значительным религиозным авторитетом. В 1904–1908 годах из Дамаска до Медины была проведена железная дорога, которая служила не только для перевозки паломников, но и для доставки военного снаряжения и турецких солдат. Высокий авторитет шерифа Мекки и поддержка его со стороны турок осложняли борьбу за покорение Хиджаза. В 1911 году Хусейн запретил проход караванам из Неджда в Хиджаз, а в 1912 году под влиянием англичан племена Южного Ирака совершили ряд успешных набегов на недждские караваны. В 1907–1912 годах в стране имел место ряд выступлений под антиваххабитскими лозунгами. В 1912 году в руки шерифа Мекки случайно попал Саад, брат эмира Абд аль-Азиза, с небольшой группой приближенных. Шериф воспользовался этим случаем и отпустил Саада лишь в обмен на признание Абд аль-Азизом суверенитета турок над важным районом Касем с центром в Бурайде, а также на условии выплаты небольшой ежегодной контрибуции.

Положение внутри самого Неджда к этому времени серьезно осложнилось. Против правящего эми-

ра Абд аль-Азиза выступили внуки его старшего дяди, которые считали его узурпатором. В борьбе против Абд аль-Азиза они опирались на восточноарабийское племя аджман. Их выступление было жестоко подавлено: часть была казнена, другие бежали в Хиджаз.

В период наступившей короткой передышки Абд аль-Азиз приступил к реализации принятого еще в 1910 году важного решения, направленного на идейное возрождение ваххабитского движения и перевод на оседлость верных ему бедуинских племен. Были созданы религиозные общины, в которых "братья" ("ихваны"), живя в специальных поселениях, приучались к новому для них сельскохозяйственному труду. Поселявшиеся в таких колониях бедуины смешивались с коренным земледельческим населением, теряли связь со своими племенами и тем самым попадали под влияние религиозных проповедников и эмира Абд аль-Азиза. Ихваны становились не только оседлыми земледельцами, но и солдатами государства Саудидов. Во главе поселения стоял военный предводитель, который избирался на общей сходке, но утверждался эмиром. Важную роль в укреплении дисциплины играли религиозные проповедники. Они следили не только за соблюдением религиозных норм, но и за уплатой налогов и набором в армию. Чтобы ихваны были постоянно заинтересованы в военных походах, им выделялась часть добычи, захваченной на войне. Абд аль-Азиз одаривал их подарками, погашал их долги, выдавал ссуды на заведение хозяйства. Ихваны как лица, наиболее преданные династии Аль Сауд, активно вовлекались в административную и судебную систему нового государства. Таким образом, путем созданной Абд аль-Азизом военно-религиозной организации семья Саудидов получила в свое распоряжение сотни первоклассных воинов, преданных своему эмиру.

Первое поселение ихванов было создано в 1912 году для племен мутейр, шаммар и харб в Север-

ном Неджде. В 1920 году только в Неджде насчитывалось уже 52 поселения, а в 1939-м по всей Саудовской Аравии было 143 общины.

Неудачи в Хиджазе подтолкнули Абд аль-Азиза активизировать свою политику на востоке Аравии. Некоторые богатые сельскохозяйственные оазисы Эль-Хасы находились под контролем эмиров семьи Аль Сауд с 1790 по 1871 год, однако из-за их семейных распрей и междоусобиц туркам в 1871 году удалось вновь захватить район Эль-Хасы. Вплоть до 1913 года они держали гарнизоны в административном центре Хуфуф, а также в городах Эль-Катиф и Окайр на берегу Персидского залива. Затем, в апреле 1913 года, воспользовавшись занятостью турецкого правительства в европейских делах, Абд аль-Азиз захватил Хуфуф и начал переговоры с турками относительно урегулирования взаимных претензий в районе побережья Персидского залива. В результате в мае 1914 года он подписал договор с Турцией о дружбе и союзе, а в декабре 1915 года – такой же договор с англичанами.

Во время первой мировой войны в арабских странах усилились националистические, антитурецкие настроения; арабы Сирии, Египта и других стран активизировали борьбу против Османской империи турок. Эта борьба поддерживалась англичанами, которые, разумеется, преследовали при этом свои корыстные интересы. Однако, несмотря на договор с Великобританией, Лондону не удалось втянуть Неджд в участие в первой мировой войне на стороне Антанты. Поэтому английские эмиссары обратили внимание на Хиджаз, где им удалось склонить шерифа Хусейна на выступление против турок. В 1915 году англичане заключили тайное соглашение с Хиджазом и Асиром. 5 июня следующего года шериф Хусейн провозгласил независимость Хиджаза, принял титул короля и объявил войну Турции. Известный английский разведчик полковник Лоуренс в то время находился в Хиджазе, руководя выступлениями бедуинских племен против турецких гар-

низонов. К июлю 1917 года арабы очистили Хиджаз от турок, за исключением Медины, где засел небольшой турецкий гарнизон, и заняли порт Акаба.

Распад Османской империи в результате первой мировой войны способствовал успешной борьбе Саудидов за объединение аравийских земель в централизованное государство. Успеху этой объединительной политики способствовало и то, что ведущие державы были заняты военной и политической борьбой, и то, что нищая Аравия, где нефть еще не была обнаружена в промышленных количествах, практически не интересовала колонизаторов. По свидетельству английского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа, "никто не собирался посылать иностранные войска для оккупации какой-либо части Аравии. Это была слишком бедная страна, чтобы какая-либо хищная держава оккупировала ее".

В 1918 году, воспользовавшись благоприятной ситуацией, Абд аль-Азиз возобновил военные действия против эмирата Рашидидов и вскоре занял их столицу Хаиль. В ноябре 1921 года он полностью присоединил территорию эмирата к своим владениям, а годом позже его войска оккупировали Северный Асир.

В 1921 году в Каире под председательством министра колоний Англии У.Черчилля была созвана конференция, на которой, в частности, было принято решение о том, что два сына хиджазского шерифа Хусейна, Фейсал и Абдаллах, займут трон во вновь образованных королевствах Ирак и Трансиордания в знак признания их заслуг в борьбе против турок. В том же году в Неджде на совещании членов семьи Аль Сауд и шейхов ведущих племен было решено, что Абд аль-Азиз будет носить титул султана Неджда и присоединенных территорий.

Воинские формирования Трансиордании и Ирака, контролировавшиеся англичанами, начали наступление на Неджд с тем, чтобы добиться выгодной демаркации границы и обеспечить свои эконо-

мические интересы, поскольку именно в этот период английские геологи начали там активные поиски нефти. В декабре 1922 года Абд аль-Азиз после нескольких военных поражений подписал в Окайре договор, по которому часть недждской территории отошла к Ираку и Кувейту. По тому же соглашению были демаркированы нынешние границы между Недждом, с одной стороны, и Ираком и Кувейтом – с другой, и выделены две пограничные (с 1942 года называемые нейтральными) территории, служившие для прохода бедуинов к пастбищам и колодцам. В обмен на это, а также за признание его султаном Неджда, Джебель-Шаммара и Эд-Джауфа Абд аль-Азиз отказался от части Асира. Там же, в Окайре, он предоставил английской компании "Истерн энд Джeneral Синдикейт" первую концессию на поиски нефти в районе Эль-Хасы.

К началу 20-х годов на территории современной Саудовской Аравии существовали два государства: султанат Неджд с присоединенными территориями и королевство Хиджаз. 6 марта 1924 года король Хиджаза Хусейн выступил с притязанием на титул халифа. Последним халифом считался турецкий султан Абд аль-Меджид II, но после его отстранения от власти и ликвидации халифата этот высший пост главы мусульманской общины оставался вакантным.

В июне 1924 года Абд аль-Азиз обратился к мусульманам с призывом не признавать Хусейна халифом и созвал конференцию улемов (мусульманского духовенства) Неджда, на которой было принято решение о войне против Хиджаза. В сентябре того же года ударные отряды Абд аль-Азиза, составленные из ихванов, захватили Эт-Таиф. Часть войск была направлена на границы Ирака и Трансиордании, чтобы помешать сыновьям Хусейна прийти на помощь отцу. Старший сын Хусейна – Али, губернатор города, бежал в Мекку. Созданная хиджазскими феодалами национальная партия вынудила Хусейна сложить с себя титул короля Хиджаза, а в октяб-

ре 1924 года он был вывезен англичанами на Кипр. Новым королем был провозглашен его сын Али, который вывел подчиненные ему войска из Мекки и закрепился в порту Джидда, ожидая помощи от англичан. 13 октября 1924 года султан Абд аль-Азиз вошел в город Мекку и совершил обряд паломничества.

В дальнейшем англичане договорились с Абд аль-Азизом сотрудничать по вопросам ирако-недждских пограничных конфликтов и отказались от поддержки Али. В декабре 1925 года войска Абд аль-Азиза взяли Медину и Джидду, а 8 января 1926 года в Большой мечети Мекки султан Абд аль-Азиз был провозглашен королем Хиджаза.

Развивая наступление, отряды Абд аль-Азиза в октябре 1926 года захватили столицу Асира Абху и добились подписания соглашения о неучастии Асира во враждебных ваххабитам военных и политических союзах. После возвращения в Неджд 15 января 1927 года Абд аль-Азиз официально был провозглашен королем государства Хиджаз, Неджд и присоединенные территории.

В результате успешных политических и военных действий Абд аль-Азиз объединил в рамках своего государства обширные территории Аравии, в том числе и Хиджаз с религиозными центрами ислама. На созванном в Мекке в июле 1927 года мусульманском конгрессе, в котором приняли участие представители всех арабских стран, а также Индии, Турции и Афганистана, Абд аль-Азиз был признан хранителем священных городов ислама Мекки и Медины, что значительно повышало его авторитет.

На первых порах Саудовская Аравия (так страна стала называться с 18 сентября 1932 года) представляла пестрый конгломерат ранее независимых мелких эмиратов и племен, объединенных в одно государство силой и авторитетом семьи Аль Сауд. Поэтому, завершив объединение земель и сосредоточив в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти, Абд аль-Азиз начал прове-

дение административных, судебных и фискальных реформ.

За последние годы Саудовская Аравия стала развитым государством с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Огромные нефтяные доходы дали возможность правительству Саудовской Аравии не стесняться себя в расходах на здравоохранение и образование, создание системы транспорта и связи. Саудовская Аравия, о которой не так уж давно говорили как о стране с отсталой административной системой хозяйства, предлагает для продажи выращенную в пустыне пшеницу, продукты глубокой переработки нефти и металлоконструкции.

Заметки о традиционном аравийском костюме

Большинство жителей Аравийского полуострова носят национальные костюмы и лишь за рубежом надевают европейское платье. Разнообразие и великолепие этих костюмов объединяет одна особенность – их многослойность и одна цель – сохранить влагу тела, служить защитой от солнца, препятствовать проникновению песка и пыли. Поэтому вплоть до нашего века одежда жителей Аравийского полуострова изменилась лишь незначительно. Некоторые ее части относятся вообще к доисторическим временам и сохранились потому, что просто необходимы.

Практичная одежда приспособлена для того образа жизни, который диктует обширная бесплодная территория с преимущественно жаркой погодой. Население, как правило, вело кочевой образ жизни, и домашний скот требовал бесконечных поисков новых пастбищ. Кроме того, на Аравийском полуострове было недостаточно подходящего дерева для изготовления мебели и существовал обычай сидеть или полулежать на коврах либо мягкой переносной мебели. И арабский костюм сконструирован таким

образом, чтобы не только быть красивым, но и позволять его хозяину чувствовать себя комфортно.

Одежда, которую в настоящее время арабы носят в городах или сельской местности, до сих пор скрывает тело почти полностью, оставляя открытыми лишь лицо, кисти рук и стопы. Хотя первоначальное назначение одежды состояло в защите от солнца, пыли и песка, эти чисто практические аспекты стали традицией ислама, и сейчас полностью закрытая фигура мужчины или женщины является своеобразным символом образа жизни, освящаемого религией. В прошлом многие женщины носили искусно сделанные лицевые маски и головные платки. И хотя в настоящее время эти одеяния выглядят гораздо проще, важность головного убора остается прежней, он — неотъемлемая часть традиционного аравийского одеяния как для женщин, так и для мужчин.

Платья аравийских женщин почти полностью скрывают фигуру. Их великолепные модели весьма элегантны. Платья, которые носили в прошлом горожанки и жительницы пустыни, представляют собой яркое, незабываемое зрелище. На них шли цветные, превосходные хлопковые и шерстяные ткани с красочной аппликацией из шелка, атласа или шифона, богато расшитые яркими розовыми, оранжевыми и зелеными геометрическими орнаментами. Впоследствии этот яркий наряд обогатился многочисленными колокольчиками из серебра, которые носили на запястьях, а также бирюзовыми, серебряными или золотыми пуговицами. Так же красив и качествен мужской костюм. В большей части моделей существуют лишь небольшие различия в традиционной одежде мужчин и женщин. И те и другие носят многослойную одежду, основой которой является нижняя рубашка. Верхняя накидка, как и другая одежда, меняет свое название в зависимости от района, но образец остается единым. Наиболее явно мужская и женская одежды различались по цвету.

Основой традиционного аравийского костюма служит кафтан. В чистом виде это туника с длинными рукавами, без швов, застежек и воротника, достигающая до лодыжек. Тем не менее она имеет сужающуюся форму и подчеркивает фигуру. Цвет ткани и вышивка вносят изменения в этот вид одежды. Кроме того, различия кафтанов достигались посредством модификации его частей. В наше время обычная одежда ("соуб"), в которой я привык видеть саудовских арабов, это простая белая рубаша с клиньями с каждой стороны и потайными вертикальными прорезными карманами.

Кафтан имеет длинную историю. Специалисты, например австралийская исследовательница Хити Росс, считают, что он был придуман в Аравии. Свою окончательную форму он принял в Турции много лет назад и уже оттуда распространился по всей Османской империи, независимо развиваясь в различных климатических зонах.

Для всех арабов одежда имеет большое значение, и новый костюм в течение долгого времени был одним из предметов роскоши. С ранних лет арабские девочки учатся шить одежду и в соответствии с обычаем помогают готовить свое приданое. Во время праздников мужчины традиционно раздают набор тканей своим женам, близким и слугам. Арабы испытывают огромное удовольствие, приобретая новую одежду. Возможно, этот душевный подъем есть отражение той радости, когда в древние времена долго ожидаемый караван верблюдов наконец прибывал к месту назначения и привозил издалека необыкновенные ткани.

Всемирно известный арабский мужской головной убор — платок, опоясанный жгутом, — в наше время фактически сохранился в первоизданном виде. Это обуславливается его практичностью применительно к условиям Аравии. Голова и шея защищены от жгучего солнца, а складки платка поглощают горячий воздух и тем самым осуществляют изоляцию, позволяя сохранять влагу и выносить высокую тем-

пературу. Этот платок, называемый "шаль" или "ихрам", представляет собой достаточно большой кусок ткани, который позволяет свободно обмотать его вокруг лица или завернуть в тюрбан, когда-то очень популярный в Аравии. Квадратный кусок ихрама обычно складывают по диагонали, чтобы сформировать треугольник, равные стороны которого спадают на плечи.

В Аравии сейчас в ходу как красные платки с зигзагообразным узором, так и просто белые. Последние надевают в самое жаркое время года, и, как правило, носят их люди состоятельные. Разнообразны "рифленые" платки: Они могут быть черно-белые, коричнево-белые, зелено-белые, но эти цвета по сравнению с красным не так популярны. Ткани, из которых делают платки, весьма разнообразны. То же можно сказать и в отношении кромки, которая или просто подрублена, или отделана богатой бахромой, либо тесьмой.

Когда-то размеры платка были больше, чем сейчас. Из него можно было соорудить очень большой тюрбан. В Хиджазе в старые времена мужской головной платок из муслина был вышит и носился в виде тюрбана поверх белой вязаной тюбетейки. Иногда он имел почти белый цвет, но обычным оттенком считался бледно-желтый. Тюрбан остается популярным в сельских областях, особенно на западе, юго-западе, юге и юго-восточных районах Аравии, где предпочтение отдается цветным набивным и вышитым "квадратам" из Индии и Пакистана.

В прошлом эти платки применялись не только по назначению. В 1914 году английский разведчик Томас Эдуард Лоуренс, известный как Лоуренс Аравийский, отметил, что арабы, проживающие в Хиджазе, иногда используют свои головные платки как подушки и мешки. Другой англичанин, полковник Диксон, работавший в Кувейте, заметил, что бедуин, идущий в бой, почти полностью закрывал лицо платком, завязывая на макушке его концы и оставляя открытыми только глаза, с тем чтобы быть

неузнаваемым. Кроме того, такой способ ношения платка предотвращал попадание песка в рот.

Мужской платок удерживает "игаль", головной обруч – обычно двойное нитяное кольцо, обмотанное черной козьей или овечьей шерстью. Обруч иногда отделан двумя маленькими кистями, которые обычно спускаются на затылок. Считается, что "игаль" происходит от слова, которое у кочевников обозначает веревку для привязывания скота. Некоторые обручи, "исааба" например, иногда надевают и без платка.

В отдельных племенах на юго-западе Аравии носили "асаиб" (мн. ч. от "исааба"). По-видимому, они служили лишь для украшения. Надетые на лоб, эти обручи удерживали длинные рассыпающиеся полосы. Благодаря асаиб можно было украсить голову яркими, приятно пахнущими растениями и цветами. Их делали из различных материалов, включая серебро. В отдаленных районах асаиб изготавливались из кожи и отделывались серебром. Иногда их просто обматывали обыкновенной проволокой. В особых случаях надевался более сложный игаль, который украшался золотой металлической нитью и имел узлы из черной шерсти. В прошлом представители королевской знати иногда носили четырехполосный игаль. И сегодня для членов королевской семьи злотой игаль сохраняется в торжественных случаях.

Традиционный головной убор жителя Аравии состоит из трех частей. О двух я уже рассказал. Последним элементом является тюбетейка ("куфийя" или "тааджийя"), которую носят под платком. Иногда тюбетейку не покрывают платком и тогда она становится "молитвенной шапочкой". Мусульмане обязательно закрывают голову во время молитвы. Фактически же это – "потовые шапочки". Их первоначальная цель состояла в том, чтобы предотвратить загрязнение платка. В прошлом тюбетейки делались из хлопка и легко стирались. Некоторые из них вышиты белым шелком и золотой нитью. Иногда можно видеть весьма причудливо вышитые тюбе-

тейки; в основном они импортируются из Пакистана. В прошлом, особенно в Мекке, мужская тюбетейка была выше и похожа на турецкую феску. В Мекке обычно носили тюбетейку из белого хлопка, твердо накрахмаленную. Приведу один интересный факт: около 1500 года капитан судна, потерпевшего крушение, Грегориа де Квадра был заключен в тюрьму королем Йемена в городе Забиде в Тихаме, где занимался изготовлением таких шапочек.

Ихрам и игаль носят преимущественно жители городов и кочевники. У крестьян и рыбаков некоторых районов Аравии распространены шляпы из пальмовых листьев. Это прежде всего рыбаки побережья Красного моря. От места к месту меняется фасон таких шляп, и знаток по нему может определить место проживания владельца того или иного головного убора.

Мужчины, жители побережья, обычно надевают набедренную повязку – "изар" или "фута". Фута – красочный кусок ткани, который обматывается вокруг нижней части тела; верхний край ее складывается так, чтобы плотно прилегать к талии. В основном ее носят с поясом, но иногда фута имеет другую форму – набедренной повязки: конец ее, протянутый между ног, заложен спереди в центре на талии. Фактически она заняла место древней набедренной повязки, используемой в Аравии как нижнее белье. Вместо нательной рубашки прибрежные жители часто носят "фанилла" – нитяную рубашку с короткими рукавами и высоким круглым вырезом.

В прошлом и в настоящее время арабская верхняя одежда считается неполной, если она не имеет верхней накидки, известной в Аравии как "бишт" или "мишлах". Она похожа на то, что носят аравийские женщины поверх платья, но отличается тканью, цветом, украшением и, конечно, тем, как ее носят: женщины драпируются в "абаю" от макушки головы, а мужчины носят бишт на плечах. В настоящее время кромка мужского плаща украша-

ется золотой или серебряной тесьмой, оканчивающейся посередине двумя маленькими декоративными шнурками с кистями. Золотой сутаж проложен по плечам и по краям рукавов. Материал для бишита разнообразен – от верблюжьей шерсти до синтетики. Цвета также могут быть разными, в основном черным, коричневым, бежевым, кремовым.

Различные грубые тканые шерстяные куртки составляют часть гардероба араба, хотя, как считают, в Аравии познакомились с ними только сто лет назад. В прошлом большинство этих изделий изготовлялось в Дамаске. Обычно это одеяние было без воротника, сшито из войлока и богато украшено золотом. Сейчас эти куртки ("фурмилаайа" или "салайа") делают из бархата и носят вечером в особых случаях. Уже упоминавшийся Диксон отмечал, что подобная куртка ("дамир") распространена на самом северо-востоке полуострова. В прежние времена в Хиджазе горожане под накидкой часто носили куртку, называемую "коут". Он напоминал западную пиджак или смокинг. Вполне вероятно, что данное название заимствовано из английского языка.

Большинство моделей верхней мужской арабской одежды спереди почти полностью открыты. Вероятно, это обусловлено тем, что традиционно араб не только должен иметь при себе оружие, но и оно должно быть на виду. Во всяком случае, это – неотъемлемая часть арабского костюма. Арабское оружие обычно богато украшено и состоит из кинжала с ножнами, больше известного как "джамбун" или "ханжар", и меча в ножнах – "сейф". Когда-то жители города Мекки носили маленький кинжал в ножнах, называемый "сикеена" (букв. "нож"), а мужчины арабских племен – кинжал, нож, меч и даже пику. Впоследствии пику заменило ружье.

В Аравии наиболее популярными были два вида меча: один – с прямым лезвием и двойной заточкой, второй – кривой, тонкий, заточенный с одной стороны. Последний, как полагают, был завезен в

Аравию из Индии во времена исламского завоевания.

В давние времена кинжалы и мечи изготовлялись на полуострове повсеместно. Старые летописи упоминают арабские племена из Наджрана и Йемена, оружие которых славилось хорошими лезвиями. Там же говорится о том, что несколько городов Омана были известны не только изготовлением, но и отличной отделкой оружия. В прошлом большое количество мечей ввозилось из Дамаска, Басры и Индии, но работы по их украшению выполнялись мусульманскими специалистами-ремесленниками. В наше время большинство мечей, которые носят на полуострове, доставлены из Индии, но они не имеют украшений; местные ремесленники украсили их в соответствии со своими обычаями. Много опытных ювелиров, специалистов по отделке оружия, проживают на острове Бахрейн.

Особы королевской крови и богатые горожане часто гравировали на оружии свое имя. На многих мечах и кинжалах имелись фразы из Корана, имена ремесленников и дата изготовления. В Аравии существовал обычай дарить именитым людям мечи и кинжалы, многие из которых были отделаны гравировкой. В 1865 году исследователь Пелли подарил правителю Неджда пистолет, а также прекрасный позолоченный меч, "способный удовлетворить арабский вкус". Пелли отметил, что у многих меч вызвал восхищение.

Арабский кинжал имеет широкое лезвие с двойной заточкой, разделенное пополам по всей длине клиновидным выступом. Он слегка закруглен и сужается от середины к острию. Эфес делается из рога, кости, дерева, слоновой кости или пластмассы и по форме напоминает букву Т. Ножны изготовляются из специального дерева, покрытого серебром. Традиционные ножны южных районов имеют форму буквы У; другие закругляются в гораздо меньшей степени. Длина лезвия арабского кинжала, обычно определяемого как "персидский кинжал",

составляет 33 сантиметра, включая эфес. Хорошо известный кинжал Центральной Аравии немного короче. В районе Асира некоторые племена, живущие в долинах, носят кинжалы почти метровой длины, чтобы, как они говорят, защитить себя от леопардов.

Много джамбий для арабского рынка изготавливается в Индии и Иране. Но для арабов неважно, где сделано оружие, — важно его иметь. Пряжки, пояса, нагрудный патронташ, эфес, ножны и рог для пороха — все это, богато украшенное, в прошлом составляло предмет гордости владельца.

Огнестрельное оружие в Аравии появилось в конце XVIII века. Кузнецы и здесь явили свое умение отделки. Ствол и ложе длинных кремневых ружей обычно украшались серебром, а зубы газели или орикса (сернобыка) появились на прикладе.

В наше время в городах оружие дополняет костюм только во время различных церемоний. Соуб нынче не имеет пояса, поскольку пояс первоначально носили для того, чтобы держать нож. Со времени появления огнестрельного оружия начали носить переkreщивающийся патронташ с поясом. Этот патронташ стал частью традиционного мужского костюма, который надевают при исполнении церемониального военного танца ("арда") и в других особых случаях.

Производство поясов для мечей и патронташей — хорошо развитое на полуострове ремесло. Часто при их изготовлении применяются золотые и серебряные металлические нити, в основном импортируемые из Сирии.

Пояс, т.е. "хизам", является важной частью традиционной одежды. Пояса не только держали оружие — в них также прятали деньги и другие предметы. В прошлом хизам изготавливался из различных материалов. Некоторые путешественники считали, что мужчины западноаравийских племен носили "хаггу" — "опоясывающую тесьму из кожаных кос". Кроме того, такие пояса надевали под соуб, чтобы

поддержать спину при езде верхом на верблюдах на большие расстояния. С запада и юго-запада пришли и плетёные пояса для мужчин, покрытые блестящим серебром.

Традиционно в Аравии мужчины носят палки: горожане в Хиджазе – украшенные палки, называемые "шун"; бедуины – палки для управления верблюдами, сделанные обычно из тростника и известные как "аса", "мишааб" и "бааккура". Обычно у кочевников была при себе кожаная сумка – "мизуда". Так же называются сумки из шерсти. Мизуда красочно украшена бусинами, кистями, аппликацией и может содержать все что угодно – от Корана до небольшого количества кофейных зерен, фиников или денег.

Из всех частей одежды арабской женщины следует выделить головной убор. Это самая характерная особенность традиционного женского наряда. Европейские путешественники, появившиеся в исламских странах в XVII веке, в своих описаниях часто упоминают вуаль. Традиция носить вуаль идет от ассирийцев и датируется XV веком до нашей эры. Тоже древним считается обычай ходить с покрытой головой. На Ближнем Востоке долгое время это было для женщин знаком скромности. Считалось, что добродетельная женщина должна носить вуаль и платок. Так или иначе, в пустыне без солнцезащитных очков эти вуали и платки были необходимы. Непереносимый блеск песка может нанести вред глазам и даже вызвать слепоту, а долгое воздействие солнечных лучей – повредить нежную кожу лица. Солнце отрицательно влияет также на волосы, а песок может вызвать раздражение кожи головы.

В прошлом изготавливались замысловатые и дорогие вуали и платки. Сейчас они гораздо проще. В настоящее время на всем Аравийском полуострове женский головной убор состоит из двух, иногда из трех частей. Раньше он видоизменялся от провинции к провинции, а порой – и внутри ее в соответствии с обычаями племен. Существовало также различие

головных уборов, носимых горожанками, сельскими женщинами и бедуинками, проживавшими на территории данного региона. Сейчас эти различия очень поверхностны.

Головной убор в прошлом иногда представлял собой простое приспособление из мягких тканей. Впоследствии он включал плотную маску с прорезями для глаз – "бурга", замысловато выполненную на тканевой основе из кусочков кожи, серебряных монет, амулетов, жемчуга, бус, раковин и даже маленьких белых пуговиц. Некоторые маски изготавливались из кожи и раскрашивались в яркие цвета. Большинство из них отделялось свисающими кистями. По длине маски, элементам украшения и материалам, применяемым для ее изготовления, можно было определить происхождение ее носителя.

Тот же Диксон, автор книг "Арабы пустыни" и "Кувейт и его соседи", пишет, что, за исключением женщин североаравийского племени шаммар и некоторых племен Хиджаза, все бедуинки к югу от линии, проведенной через Аравию от порта Акаба до Кувейта, носят бургу; проживающие к северу от этой линии – просто тонкую черную вуаль ("милфа"), закрывающую только нижнюю часть лица. Диксон также сообщает, что в некоторых племенах женщины не носили даже милфу, а носили "умм раугелла" – черный шарф прямоугольной формы, изготовленный из хлопчатобумажной ткани. Он покрывал волосы и спадал на грудь. Похожая черная вуаль, известная как "мисфа", "тараха", "хабайа" (у нее есть и другие названия), сейчас повсеместна. Она изготавливается фабричным способом и имеет украшения – кисти и бусы, которые помогают ей держаться на нужном месте. Обычно один ее конец спадают на спину, другой – на грудь.

В отличие от жесткой бурги, имеющей прорези для глаз, есть мягкие вуали, закрывающие глаза. Традиционно маска-бурга была принадлежностью бедуинок и сельских жительниц Аравии, но не горо-

жанок: они носили вуаль. Такая вуаль, наиболее близко напоминающая бургу, обычно называется "вуаль Мекки", поскольку похожа на ту, что носили мекканки в давние времена. Как правило, ее делают из расшитого легкого белого газа, жестко крахмаленного. Фасон ее уникален: вуаль часто достигает пола. Некоторые вуали были расшиты серебряными нитями и жемчугом. Их, конечно, носили женщины богатые, и притом в торжественных случаях.

Очень сложные маски носят бедуинки и женщины сельских районов Западной Аравии. Порой для изготовления, а главным образом для отделки одной такой маски женщина затрачивает шесть месяцев. Большинство же масок имеет подвески из кистей, которые делаются из материалов, купленных на рынке.

О благосостоянии арабской женщины часто можно судить по ее маске. Некоторые женщины пришивают на нее серебряные или золотые монеты. Монеты, как правило, старинные, имеющие высокую ценность. В большинстве районов Саудовской Аравии белые перламутровые рубашечные пуговицы и металлические галуны уже заменили серебряные амулеты и монеты на масках.

Сейчас, когда девушка выходит замуж и покидает свой дом, она оставляет там и свои маски. Вместо этого она надевает простую черную вуаль ("тараха"), поскольку все еще хочет сохранить скромный вид на людях. Бурга носится все реже и реже, а предпочтение отдается более удобным "тараха", "маханна" или "шайла". Самые дорогие из них отделаны серебряной нитью. Теперь некоторые из них изготавливают не только из хлопчатобумажного газа, но и из синтетических тканей.

Одной из деталей головного убора является обруч, сделанный из плотно закрученной кожи, украшенной серебряными бусами. К нему прикрепляются подвески различной длины – маленькие белые пуговицы, серебряные бусы, кисти и даже от-

деланные серебром наперстки. Для западных и прибрежных районов обычны эти и другие кожаные, а также серебряные обручи.

В больших городах сегодня арабские женщины любят носить украшения для волос. На второй вечер свадьбы одной из принцесс королевской семьи Саудовской Аравии, как сообщает уже упоминавшаяся Хизе Росс в своей книге "Искусство арабского костюма", каждая женщина, чья голова была непокрытой, имела в волосах какую-нибудь декоративную булавку, цепочку или пряжку. У наиболее элегантных женщин в волосы были вплетены нитки жемчуга, блестящие броши или изящные шпильки.

На западе Аравийского полуострова, от Хиджаза на севере до Йемена на юге, нельзя назвать необычным появление женщины в шляпе из пальмовых листьев. Красивые фасоны можно видеть в различных областях, где плетение шляп из пальмы стало ремеслом. Обычно эти шляпы надевают поверх прямоугольных хлопчатобумажных головных платков. Крестьянки южных областей носят соломенные шляпы с широкими полями с исключительно высокой тульей. По виду они очень напоминают мексиканские.

Верхнюю черную абаю — повсеместно известное женское арабское одеяние — надевают на голову. Абая используется как верхняя накидка, и у многих европейцев создалось впечатление, что женщины в Аравии всегда носят черное. Однако аравийские женщины любят живые сочные цвета и для своих платьев выбирают яркие ткани вместо блеклых. Черную абаю надевают только при выходе на улицу. Ее цвет, по мнению Хизе Росс, идеален потому, что "подходит ко всему".

Задолго до ислама на Ближнем Востоке был обычай носить верхнюю накидку при выходе из дому на улицу, и эта древняя традиция дожила до наших дней. Арабские женщины заворачиваются в абаю, чтобы скрыть красивые наряды, продемонстрировать свою скромность, и иногда случайно на рын-

ке можно увидеть женщину, которая придерживает зубами край накидки, в то время как берет на руки ребенка или достает кошелек.

Кроме названия существуют и другие различия в плащах для мужчин и женщин. Абая для женщин сейчас не имеет других цветов, кроме черного – цвет, который был предложен и утверждён исламом как надежная маскировка для привлекательного женского платья. Напомним, что обычной краской на Ближнем Востоке в прошлом было индиго. Бедные бедуины могли позволить себе погрузить ткань в краску только один раз, и поэтому, высохнув, она становилась голубого цвета; те же, кто был побогаче, проделывали это до трех раз, получая лучший цвет – сине-черный. Вполне вероятно, что сегодняшней черный цвет идет от предпочтения в прошлом темной окраски.

Когда-то многие горожанки отделывали черную абаяу золотым шнуром. Сейчас ее обычно украшают только черным шнуром по подолу и вдоль плечевых швов. Украшением женской одежды часто является сутаж черного цвета и иногда черное кружево. Качество ткани сильно варьирует, и один из самых дорогих шелков имеет марку ведущего дома моделей в Париже.

По традиции Хиджаза накануне свадьбы, когда устраивается вечер, невеста ходит задрапированная, как в кокон, в большую красную накидку. Этот вечер также известен как "ночь хны" – "лайлат аль-хинна". Закутанную с головы до ног девушку, которая ничего не видит, ведут женщины на место, где будет наложена хна. Эту красную ткань, обычно расшитую, называют "милаайа" или "шаршаф".

Незамужние девушки вместо абая носят большие шали – "шмаада". Если во время помолвки невеста драпируется в шмааду, то по крайней мере в течение недели после свадьбы она носит черную шаль, называемую "махабди". Обычно через неделю после свадьбы молодожены переезжают в свой новый дом. В этот день невесту нужно вести, по-

скольку, как и за день до свадьбы, она полностью закутана в шаршаф. Шаршаф также надевают женщины во время молитвы.

С запада Аравийского полуострова пришел обычай украшать головные шарфы замысловатыми геометрическими узорами из аппликаций, белых перламутровых пуговиц, раковин каури, серебра и иногда белого стекляруса. Порой в качестве украшения используется мягкая кожа, отделанная серебром. Особое предпочтение отдается такому украшению, как кисти.

На всем полуострове аравийские женщины любят наряжаться. Обычное явление среди племен – получение невестой по крайней мере пяти платьев и качестве части приданого: она должна начать свою новую жизнь хорошо одетой. Предполагается, что полученной в приданое одежды хватит по крайней мере на год. У горожанки платьев гораздо больше.

Большинство женских платьев – длинные, до щиколоток; они не имеют пояса. Некоторые из них специально шьются с более длинной спинкой, чтобы она тянулась в виде шлейфа. Королевская одежда была длиннее, чтобы обозначить статус. Бедуинские платья бывают на целый метр длиннее, чем рост его носителя, и тогда подвязываются поясом.

Любовь арабской женщины к тому или иному цвету выражается в ее выборе ткани на платье. Темные цвета носят все, но в основном их предпочитают пожилые. Большинство женщин любят ткани с контрастными цветными мотивами, особенно если это нарядное платье. Часто такое платье отделывается люрексом, металлическими нитями, бусами и блестками. Традиционный цвет для свадебного платья – светло-вишневый. "Омаса" – особо украшенное платье вишнево-красного цвета с индийской золотой вышивкой и блестками на корсаже и руках.

Вышивка бедуинок, выполняемая вручную, весьма многоцветна. Однако качество ее с годами ухудшается. Раньше она указывала на принадлежность

к исламу, племени, роду, а сейчас старинные образцы стали редкими и малоизвестными. Тем не менее традиционный аравийский костюм представляет собой подлинное произведение искусства, которым не устают любоваться как местные арабы, так и иностранцы.

ЙЕМЕН

На самом юге Аравии

На северном побережье Аденского залива, от того места, где Азия и Африка разделены узким проливом с характерным названием Баб-эль-Мандеб – "Ворота рыданий", на тысячу с лишним километров на восток протянулись южные провинции Йеменской Республики. С 1965 года здесь существовало арабское государство, созданное на обломках английских протекторатов Южной Аравии, – Народная Демократическая Республика Йемен, слившаяся в мае 1989-го с Йеменской Арабской Республикой. Так на карте мира появилось новое государство – Йеменская Республика.

История этого региона исчисляется тысячелетиями, а события из жизни населявших его народов нашли свое отражение в Библии и трудах древних географов. Англичане, которые до 1967 года осуществляли политический контроль над Южным Йеменом, делали все возможное, чтобы принизить значение национальной культуры йеменцев и преуменьшить их вклад в мировую цивилизацию. И только сейчас йеменцы узнают о том, что их мобильные предки, обитавшие в единственной на Аравийском полуострове стране высокой земледельческой культуры, в тяжелые годы засух и военных потрясений отправлялись искать счастья в других, отдаленных странах. Йеменские племена поселились в Сирии и Ираке, в Омане и далекой Мавригании, вместе с бежавшими от преследований

представителями династии Омейядов, сидевшей на халифском троне в Дамаске, оказались в Южной Испании, где пышным цветом в раннее средневековье расцвела арабоязычная культура. На побережье Восточной Африки и на острове Ява йеменцы издавна живут компактными группами, сохраняя связь со своей родиной.

Город Аден издавна являлся важным центром транзитной торговли на путях, соединяющих два великих континента – Азию и Африку. Этому способствовала не только удобная бухта, но и регулярность сезонных ветров и смены дождливой и сухой погоды, наличие постоянных морских течений и обилие товаров в соседних государствах. Безымянный египетский купец в своем сочинении "Перипл Эритрейского моря", написанном в I веке, назвал Аден "приморским селением Счастливой Аравии". Во II столетии греческий географ Птолемей писал об Адене как о "рынке Аравии", а арабский географ X века аль-Мукаддаси утверждал со знанием дела, что Аден и Сохар, расположенный на берегу Персидского залива, – "два главных порта в мире".

Территория Адена и его пригорода Бурейка, раскинувшегося на другом берегу бухты Тавахи, имеет вулканическое происхождение. Примерно миллион лет назад юго-западное побережье Аравии представляло собой зону активно действующих вулканов. Приметы их деятельности встречаются повсюду: это и кратеры потухших вулканов, и черные лавовые поля, протянувшиеся на десятки километров в Южном Йемене, и даже горячая вода, которая бьет из скважин, пробуренных на побережье. В самом старом районе Адена, называемом Кратер, в месте, прилегающем к самой высокой двуглавой вершине горы Шамсан, находилось жерло древнего вулкана. И сегодня в Адене везде, куда ни бросишь взгляд, поднимаются серо-красные, лишены растительности скалы с ярко выраженными вертикальными и горизонтальными слоями.

С горы Шамсан открывается панорама Адена. Отсюда, с вершины, если встать лицом к порту, в пробивающихся через облака солнечных лучах справа видны застроенный еще англичанами район Хормаксар, взлетно-посадочная полоса аэродрома, песчаный берег залива. Вдали вырисовывается Бурейка с нефтеперегонным заводом. Улица Маала с ровными четырехэтажными домами, где раньше жили английские офицеры, находится прямо внизу. Англичане называли эту протянувшуюся на полтора километра улицу "милей смерти", потому что появление английского томми на улице в вечернее время, особенно накануне провозглашения независимости, часто стоило ему жизни. Чтобы разгрузить эту улицу, несколько лет назад с помощью КНР была построена параллельная дорога.

С горы видно узкое ущелье, которое сбегает к кварталу Кратер. В VI-VII веках нижняя часть ущелья была превращена в естественное водохранилище. Огромные котлованы водосборной системы, вмещавшие 40 тыс. тонн воды, в известной мере могли обеспечить население средневекового города.

Это водохранилище состоит из десяти огромных цистерн, соединенных с таким расчетом, чтобы стекающая с гор дождевая вода поочередно сверху до низу заполняла всю систему. Редкие атмосферные осадки бережно собирались в выдолбленные в скалах ямы и поили город. В настоящее время эта вода не используется. Но сюда, особенно по выходным и праздничным дням, тянутся жители Адена, чтобы посмотреть на циклопическое творение своих предков.

Еще в прошлом столетии кратер был торговым и административным центром города с базаром, мечетями, дворцом султана, административными учреждениями и казармами. Идущие по гребню скал мощные стены делают Кратер естественной цитаделью. Скалистый остров Сира прикрывает старый город со стороны моря. Об этом острове пи-

сали посетившие его в XIV–XV веках европейцы Гийом Адам и Людвико де Вартема.

Среди эвкалиптов и акаций городского парка, разбитого около водосборников, не сразу увидишь небольшое здание этнографического музея. Здесь собрана коллекция женских костюмов всех шести провинций Южного Йемена, представлены образцы глиняной посуды серебряные украшения и холодное оружие. В одном из залов стоит ткацкий станок, доставленный из пригорода столицы Шейх-Османа. Раньше там работали несколько семей потомственных ткачей, но пришло время, когда мастерская, не выдержав конкуренции с фабричным производством тканей, закрылась и станок перекочевал в помещение музея. В самом дальнем углу другого зала устроена небольшая гостиная, типичная для аденского дома: на полу лежат циновки и тонкие ковры, к стенам прислонились тюфяки и продолговатые плотные подушки – подлокотники; среди других предметов – курильница для благовоний, сундучок с маленькими чашечками для арабского кофе, высокий бронзовый кальян с трубкой, обшитой красной материей.

Население Кратера – это в основном торговцы, рыбаки, рабочие порта и механических мастерских. Летом стоит нестерпимая жара. От асфальта поднимается густой запах восточных благовоний, человеческого пота, гниющих отходов. Воздух такой густой и плотный, что, кажется, его можно потрогать руками. Кратер считается нездоровым районом, сюда не долетает океанский бриз.

Приметы нового видны и в этом старом квартале. Вот здание Военного музея, экспонаты которого рассказывают об освободительной борьбе населения Южного Йемена против английских колонизаторов. Мы видим оружие, которым воевали патриоты, и большую карту вооруженного восстания в Радфане 14 октября 1963 года, ставшего искрой для выступления южнотиморских патриотов. Восстание подняла группа представителей племен во

главе с шейхом Лабуза, принимавшим участие в борьбе с монархистами на стороне республиканского режима в Северном Йемене. Там, в Северном Йемене, Лабуза и его сторонники получили необходимую политическую и военную закалку, узнали своих противников и союзников.

Основная аденская бухта, где сегодня бросают якорь океанские корабли, называется Тавахи, как и небольшая рыбацкая деревушка, существовавшая здесь до прихода англичан. Последние именовали этот район "Кресент", т.е. "Полумесяц", видимо потому, что в центре его был разбит небольшой парк, вокруг которого полумесяцем вытянулись лавки, торговые склады и богатые магазины. В одной из аллей этого парка в 1961 году (кстати, это мое первое посещение Адена) находился позеленевший от патины памятник английской королеве Виктории: дородная матрона, сидевшая на троне, смотрела на суетившийся у ее ног город, завоеванный в период ее правления. После провозглашения независимости Южного Йемена памятник убрали и рядом, в нескольких десятках метров, соорудили стелу в память погибших борцов революции.

По проекту наших скульпторов Юрия Нероды и Валентина Петербуржцева на площади перед старой колониальной гостиницей "Кресент отель" воздвигнут памятник Неизвестному солдату. Это – 25-метровая арка, облицованная белым известняком. В проеме свода установлена композиция из бронзы – мать, оплакивающая погибшего сына-воина. На московском камнеобрабатывающем комбинате было выточено около четырех тысяч фрагментов из камня – яркие разноцветные гранитные плиты и облицовочный известняк. Я был в Адене в феврале 1982 года, когда йеменцы и прибывшие из Москвы специалисты собирали этот мемориал.

В 1961 году аденский квартал Тавахи жил бурной жизнью. Многочисленные лавки были забиты японской радиотехникой, кино- и фотоаппаратурой и

другими товарами для европейских туристов и моряков с проходящих мимо кораблей. Аден, в то время "свободный порт", демонстрировал лучшие образцы обслуживания тех, кто попадал сюда с толстым кошельком. В порту, на пяточке Тавахи, кроме лавок и магазинов был публичный дом, клуб моряков с барами и ресторанами, несколько церквей.

В мой приезд сюда в 1982 году здесь было тихо. Несколько лавок торговали радиоаппаратурой да сувенирами. Остальные были завешаны плотными металлическими шторами и, по-видимому, уже давно не открывались. Кое-кто из европейцев, работающих сейчас в Адене, нет-нет да и вспомнит с грустью "золотые времена", когда в Тавахи кипела жизнь.

Объединение двух частей Йемена в 1990 году открыло новые перспективы и для Адена. Он объявлен "экономической столицей" Йеменской Республики, и сюда уже устремились йеменские предприниматели из Северного Йемена и из Саудовской Аравии и арабских стран Персидского залива. В порту создана зона свободного предпринимательства, выделяются участки под консигнационные склады и торговые помещения. Возвращение Адену его былой роли центра реэкспортной торговли на юге Аравийского полуострова помогло экономическому возрождению Южной Аравии. А в начале 1992 года Аден уже превратился в центр экономической жизни страны. Здесь открылись новые магазины, заполненные товарами из Европы и Юго-Восточной Азии, автомобильные салоны, представительства торговых фирм и банков, дорогие отели. Сегодня Аден в отличие от прошлых лет служит йеменскому народу, целям его национального возрождения.

В начале 70-х годов я работал в Адене. Однажды по совету моих йеменских друзей мы поехали в Шукру — столицу бывшего султаната Фадли.

Автомашины мчатся по темной ленте асфальтированной дороги, поднимая за собой шлейфы тонкого, с блестками слюды песка, который надул

на асфальт с побережья. Первые 20 километров дорога идет в 200 метрах от моря, затем мы сворачиваем к линии прибоя и почти упираемся в несколько ветхих, полуразрушенных домов. Здесь проходила граница между английской колонией Аден и султанатом Фадли. Развалившиеся здания – помещения таможни, где чиновники султана исправно собирали пошлину со всех товаров и мзду с каждого человека, покидавшего султанат или прибывавшего туда.

Через полчаса после выезда из Адена попадаем в вади Абьян. Три небольших городка – Зинджибар, Куд и Гаар – практически представляют собой одно поселение. Во время обильных летних дождей в горах Северного Йемена в этом месте в сторону моря сбегает мутные потоки дождевых вод, которые и послужили причиной возникновения оседлых поселений еще в глубокой древности. Именно здесь была обнаружена первая и пока единственная в Южном Йемене стоянка человека каменного века.

Вдоль дороги сплошной полосой тянутся высокие финиковые пальмы, бананы, рощицы дынного дерева папайи с повисшими на тонком стволе темно-зелеными плодами. В 1947 году в Куде была разбита первая плантация хлопчатника, и в этом городе сейчас находится единственный в Южном Йемене хлопкоочистительный завод. Сегодня паводковых вод не хватает, и дельта Абьяна усеяна небольшими, окрашенными в белый цвет сторожками, закрывающими пробуренные артезианские скважины. Слегка солоноватая вода поступает с глубины 50–80 метров, и температура ее в отдельных местах достигает +35–37°C. Вероятно, подводный вулкан, выплеснувшийся миллион лет тому назад в море и образовавший скалистый остров, на котором впоследствии возник город Аден, все еще не успокоился.

На южноаравийском побережье Аденовского залива уровень солнечной радиации в семь раз превышает уровень радиации в Москва. Плодородная аллю-

виальная почва, обилие влаги, тепла и солнца приводят к тому, что вегетативный период растений здесь значительно короче по сравнению с умеренными широтами. Арбузы, например, вызревают за 60 дней, и потому в течение года на одном поле можно получить три урожая арбузов и один урожай клевера на корм скоту.

Однако этот регион вряд ли можно назвать райским местом. Так, в апреле 1982 года обильные дожди, выпавшие в горах Северного Йемена, привели к сильному селевому паводку. Огромные массы воды и жидкой грязи смыли мосты, дамбы, плодородный слой с полей в море, выкорчевали финиковые пальмы, сломали, как спички, стволы пальм и дынного дерева папайя. Один из этих паводков прошел именно здесь, по сухому вади, которое лишь раз в 10–12 лет наполняется водой и достигает моря. Стихийное бедствие не только причинило огромный материальный ущерб, но и унесло несколько сотен человеческих жизней.

Въезжаем в Зинджибар. Вот здания, где размещаются местные власти, бензоколонка, ряды лавок на центральной улице, мечеть, продолговатое здание рынка, к стенам которого прилепились мастерские двух ремесленников: кузнец делает мотыги, серпы и другой сельскохозяйственный инвентарь, столяр сколачивает лавки и табуретки из досок разобранных ящиков. При выезде из Зинджибара в сторону Шукры стоят трехэтажные здания, куда переселились бедняки, жившие до этого в шалашах из травы и кукурузной соломы.

В дороге мне не дает покоя вопрос, почему название этого южнойеменского городка созвучно имени острова гвоздичного дерева и кокосовой пальмы – Занзибар, лежащего у восточного побережья Африки. В голову приходят различные объяснения и версии – вычитанные и услышанные. Древнеперсидские "занг" и "бар" означают соответственно "негр" и "берег". Им адекватны созвучные арабские слова "зиндж" и "бар", но "бар" употребляет-

ся в значении "материк", "суша". Византийский купец и путешественник Косма Индикоплов в своей "Христианской топографии" говорит о море Зиндж и стране Зингиум. Арабские географы Масуди, аль-Бируни, Ибн Баттута и другие говорят о Восточной Африке как о стране зинджей. И вообще некоторые слова в морской терминологии арабов являются персидскими по происхождению. К таким словам относятся, например: "самбука" (распространенный в Южной Аравии тип одномачтового парусного судна), "дафтар" (инструкция по управлению парусами), "бендер" (порт), "нохаза" (капитан).

В период расцвета работорговли слово "негр" было синонимом слова "раб". По-видимому, расположенное на берегу бухты Абьян поселение было одним из перевалочных пунктов работорговцев, где выгружали живой товар, переправлявшийся затем в глубь Йемена. Ведь долины, по которым сбегают с гор дождевые потоки и сели, всегда были и дорогами, ведущими с побережья в глубь страны и обратно. По другой версии это название дали городу арабские капитаны, которые после утомительного плавания вдоль пустынных берегов Южной Аравии добирались до зеленого оазиса, так напоминавшего своей тропической растительностью остров пряностей Занзибар, последний пункт их морских переходов на побережье Восточной Африки. У йеменцев, с которыми я разговаривал на эту тему, не было единой точки зрения. Однако все они сходились на том, что южнотийменский Зинджибар был центром выгрузки рабов с кораблей, следовавших из Восточной Африки вдоль побережья Аравии в Персидский залив, и что именно название Зинджибар за этим населенным пунктом закрепилось с XVII века, т.е. в период наиболее активной работорговли в этом районе.

В северных и южных районах Йемена можно встретить лиц с признаками негроидной расы, которые и сейчас находятся на нижней ступени социальной лестницы. В Тихаме (прибрежная равнина Северно-

го Йемена) и в вади Абьян (Южный Йемен) их соответственно называли "ахдам" и "худжур".

Выехав из Зинджибара, держим путь по асфальтированной, положенной прямо на грунт холмистой дороге на город Шукру – конечный пункт нашей поездки. Вокруг песчаные дюны, заросшие низкой жесткой травой и невысокими деревьями с зонтичными кронами и острыми парными колючками у каждого листа. Слева высится гора Аркуб на фоне горы Яфи, где находился один из центров повстанческого движения против англичан. У отрогов Аркуба огромные черные пятна лавовых полей перемежаются с дюнами желтого чистого песка.

Шукра с трехтысячным населением по местным масштабам считается уже большим городом. Следы былого пребывания султанов здесь найти нелегко. Несколько глинобитных домов султана и его приближенных не производят никакого впечатления. Вообще-то султан пыльной Шукре предпочитал благоустроенные Зинджибар или Аден.

Спешим на берег моря. Первое, что замечаем, это как рыбаки дружными усилиями вытаскивают небольшую лодку с подвесным мотором. На дне ее лежат примерно 40 метровых, похожих на полосатое веретено морских щук – барракуд. Барракуда, так же как макрель и тунец, одна из лучших столовых рыб. Ее ловят на большие крючки, на которые в качестве живца насаживают небольших сардинок. С этой сильной морской хищницей справиться довольно трудно. Пойманную рыбу подводят к борту, подхватывают багром и втаскивают в лодку.

На песчаном берегу лежат большие лодки (самбуки) со стационарным мотором, средние лодки с подвесными моторами и небольшие лодки "хури", на которых, несмотря на их размеры, йеменцы смело уходят под косым парусом далеко в море. Обшивка самбук делается из тиковых досок, доставляемых с Малабарского побережья Индии, однако шпангоуты, носовая часть лодки и другие детали, несущие

щие наибольшую нагрузку, изготавливаются из желтой древесины местного тамариска, отличающейся необыкновенной прочностью. Хури выдалбливают из целого ствола тика и в случае необходимости наращивают несколько досок на уже выдолбленную основу. Днище лодок покрывают специальной смесью из извести и жира, вытапливаемого из индийской сардины, а днище хури два раза в месяц смазывается снаружи жиром, получаемым из печени акулы, чтобы оно не покрывалось водорослями и не рассыхалось.

Многие шукринские рыбаки имеют примесь негритянской крови. Привозимые некогда из Африки рабы использовались на самых тяжелых работах: были матросами, ловцами жемчуга и рыбаками. В Шукре, как и везде на побережье, они танцуют "дхайф", который исполняется мужчинами и женщинами вечером вокруг костра после возвращения рыбаков с лова под аккомпанемент большого и малого барабанов и тростниковой дудочки. Дхайф сопровождается песней на восточноафриканском языке суахили, что явно свидетельствует об африканском происхождении танца.

Нас приглашают ознакомиться с холодильником и складом, на крыше которого под солнцем лежат распластанные туши грозных акул. Акул разделяют на берегу — у них отсекают голову и удаляют внутренности. Затем посыпают крупной солью и на три дня раскладывают на солнце. Перед заходом солнца рыбин переворачивают спиной вверх, чтобы ночная роса и влага не испортили тушу. На четвертый день их промывают в проточной воде, и вяленая рыба готова. Акулье мясо хранится продолжительное время и всегда находит покупателей как за границей, так и внутри страны, несмотря на сильный неприятный для европейцев запах. Вперемежку с рыбой сушатся и акульи плавники, которые бывают двух сортов — белые и черные, по-видимому, в зависимости от вида акулы. Все акульи плавники экспортируются. Рядом со складом замечаю груды

белых известковых раковин каракатиц и с удивлением узнаю, что они тоже идут на экспорт. Кроме того, они используются для подкормки домашней птицы и в ювелирном производстве.

Шукра – это прежде всего рыболовецкий поселок, и везде, куда ни бросишь взгляд, стоит либо мастерская для ремонта лодок и моторов, либо склад. Рядом со зданием начальной школы поднимается невысокий минарет мечети. Изобретательный служитель прямо у ее стен устроил крошечный огород, и это зеленое пятно, отгороженное от улицы плетнем из пальмовых листьев, резко выделяется на сером фоне замусоренной пыльной улицы. Вот и всё. Нашу поездку по небольшому, прилепившемуся к морю городку можно считать законченной.

На обратном пути проезжаем пригород Адена – Шейх-Осман. На окраине Шейх-Османа протискиваемся по узкой улочке мимо одноосных телег, запряженных верблюдами или осликами, мимо раскрашенных желтыми полосами маршрутных такси и грузовиков и выезжаем на дорогу, ведущую в деревню, где несколько мастеров из добываемой тут же глины делают различные гончарные изделия. На рынке Шейх-Османа, на центральной улице Адена и в других местах продаются изготовленные в этой деревне похожие на греческие амфоры без ручек сосуды для хранения зерна и воды; большие, как толстые цилиндры, печки для выпечки лепешек; пузатые бутылки, с которыми йеменки ходят по воду.

Мое знакомство с гончарным производством началось со встречи с рабочим Али Баггашем. В 50 метрах от собственного дома он снимает тяжелым заступом 1,5–2 метра верхнего слоя земли и тем же заступом стесывает глину, размельчает ее и заливает водой. Собственно говоря, это не жирная, идущая на изготовление высококачественных изделий глина, а тощий суглинок, в котором много серого песка. Воду, чуть-чуть солоноватую, он

достаёт из колодца тут же, у карьера, с глубины 5 метров. В смоченный водой суглинок добавляется измельченный ослиный навоз, состав перемешивается ногами, закрывается цинковкой и оставляется "вызревать" до следующего утра. Поскольку добываемая глина содержит большое количество серого песка и примесей, добавка из ослиного навоза повышает вязкость материала и делает возможным его обработку.

На следующий день рабочий переносит большие комки глины в сарай под цинковочным навесом, т.е. туда, где трудится мастер гончар. В дальнем конце сарая врыт в землю толстый столб, рядом — закрытая мокрой тряпкой глина, ведро с водой, несколько круглых голышей и толстых дощечек с ручкой. В остальной части сарая сложены уже готовые, ожидающие обжига изделия.

— А где же гончарный круг? — спрашиваю я.

Гончар загадочно улыбается, поскольку, по-видимому, я не первый, кто задает ему этот вопрос, и начинает демонстрировать свое искусство. Он берет круглое, уже обожженное донце, кладет его на врытый в землю столб, затем из куска глины делает толстый цилиндр и осторожно ставит на донце. Смочив заготовку влажной тряпкой и держа левой рукой гладкий камень внутри цилиндра, а в правой деревянную битку, гончар начинает быстро ходить вокруг изделия, ударами уплотняя стенки. Цилиндр вытягивается, и бесформенный кусок глины превращается в основание большого кувшина. Затем он скатывает толстую колбасу глины, равную по окружности будущему изделию, накладывает этот кусок на готовое основание и вновь начинает работать биткой и камнем, наращивая на несколько сантиметров стенки сосуда. Так повторяется пять раз до тех пор, пока сосуд не приобретает очертания готового изделия. Теперь гончар берет обломок обыкновенной расчески, демонстративно продувает его в мою сторону и быстро наносит волнистые линии.

Последний этап работы – обжиг. Он производится тут же, в печи, куда загружаются 80 больших кувшинов. Открытая печь сверху закрывается черепками, а сбоку – двумя металлическими бочками. Сам процесс обжига ведется с соблюдением правил, в которых отразились складывавшиеся веками навыки работы: в течение двух часов поддерживается малый огонь, чтобы изделия лучше просохли, затем разводится сильный огонь для обжига, который поддерживается до тех пор, пока "четыре верблюжьи поклажи хвороста полностью не прогорят". Все отверстия в печи забиты черепками и глиной, однако температура в печи не очень большая, и, когда дует сильный ветер, гончары откладывают обжиг, поскольку не могут добиться нужной температуры.

На большом складе мы осматриваем уже готовые изделия. При хорошем обжиге, особенно в низу печи, где сильное пламя, стенки сосудов имеют ровный бело-розовый цвет. При плохом или неровном обжиге изделие получается каким-то пестрым: розовые цвета разных оттенков соседствуют с белым и серым, видны налеты и белые выцветы, доказывающие присутствие солей в глине и воде. Я поднимаю несколько черепков: темная полоса с мелкими частицами навоза идет в центре толстого, до конца не спекшегося слоя. В хорошо обожженных черепках все частицы навоза выгорают полностью. Такая малоприятная присадка добавляется в глину, по-видимому, для того, чтобы не только увеличить вязкость, но и повысить капиллярность стенок готового изделия. Ведь кувшины и другие сосуды используются как для хранения, так и для охлаждения воды: поднимаясь по капиллярам стенок сосуда, капельки воды испаряются с поверхности и охлаждают ее на несколько градусов. Такие "потеющие" на жаре сосуды я встречал в городах, на базарах, стоянках такси и автобусов не только в Йемене, но и в других странах Ближнего Востока.

Встреча с прошлым

После завершения своей работы в Йемене в 1984 году мне довелось еще несколько раз побывать в Адене (столице НДРЙ), Сане (столице ЙАР) и других йеменских городах с краткими визитами. Мои перелеты из Адена в Сану – всего 40 минут на маленьком винтовом самолете – лишний раз убеждали меня в том, что население этих двух государств, сегодня объединенных в одну Йеменскую Республику, имеет общие этнические корни и его стремление создать единое государство исторически обоснованно и оправданно.

Раскол Йемена лежит на совести англичан. Пробивая путь в Индию и стремясь обеспечить его безопасность, англичане создали целую сеть опорных пунктов для защиты английских судов, доставлявших в метрополию товары из колоний. Гибралтар, Мальта, Кипр, Суэцкий перешеек, остров Перим и, наконец, Аден – последняя точка в системе "имперских коммуникаций". В 1802 году англичане взяли в аренду участок земли в бухте Тавахи для устройства угольного склада, затем потребовали принять солдат для его охраны. Получив отказ, они в 1839 году под предлогом наказания лиц, ограбивших севшую на мель бомбейскую фелюгу, захватили Аден и превратили его в колонию. В течение последующих десятилетий методом "разделяй и властвуй" англичане создали буферную зону между горным Йеменом и колонией Аден. Вожди небольших племенных образований подписали с Англией соглашения о протекторатах, по которым Лондон представлял их на международной арене и защищал от внешней опасности. Кроме того, англичане также охраняли султанов, эмиров и шейхов 25 карликовых "государств" Южной Аравии от гнева собственных соплеменников и имамов Северного Йемена, не простивших отступников за сотрудничество с колонизаторами.

Северный Йемен практически всегда оставался

независимым. Турецкие захватчики дважды оккупировали страну, но оба раза солдаты их гарнизонов сидели в немногочисленных городах, боясь выйти за ворота укрепленных крепостей. Остальная часть страны управлялась местными племенными и религиозными вождями. Показательно, что имам Яхья еще до получения Северным Йеменом независимости в 1918 году был признан османскими властями духовным вождем страны, а в указанном году был провозглашен суверенным правителем государства.

Все эти мысли мне приходят в голову в самолете, который медленно парит над безлесными горами, усеянными небольшими деревушками, перевитыми тонкими нитями горных троп. Где бывшая граница между Южным Йеменом и Йеменской Арабской Республикой? Нет ни естественных рубежей, ни каких-либо видимых с небольшой высоты опознавательных знаков.

А ведь отношения между двумя йеменскими государствами не всегда складывались удачно. В 1972 и 1979 годах на границах происходили вооруженные столкновения, лилась братская кровь. Но очень скоро руководители двух государств пришли к выводу, что в основе этих конфликтов лежат проблемы, которые можно разрешить за столом переговоров.

Приехать в страну, где приходилось бывать ранее, всегда приятно, особенно если это связано с добрыми воспоминаниями. Посетить Сану, столицу Йеменской Республики, мне вдвойне приятно: здесь прошла вся моя востоковедческая молодость, здесь мне 20 лет тому назад довелось сделать первые шаги ученого-арабиста и познакомиться с талантливым и гордым народом. Будучи в других арабских странах, я нередко оценивал свои впечатления по йеменской мерке, и чаще всего они были в пользу йеменских друзей.

Дорога от аэропорта до города асфальтирована. На обочине красуется реклама новых гостиниц —

"Шератон", "Рамада-Хадда", "Саба", построенных уже в последние годы. Во время моей работы в Сане в 1959–1962 годах в городе был единственный гостевой дом, где всех постояльцев размещали и кормили за счет королевской казны. Здесь же находился импровизированный музей – одна небольшая комната, в которой в беспорядке были сложены алебастровые статуэтки и капители колонн, найденные в развалинах древних городов, бивни слонов, подаренные королю Йемена императором Эфиопии, христианские иконы и другие предметы.

Вдоль дороги мелькают кроны деревьев небольших садов за закрывающими их глинобитными стенами и неперенной сторожевой башней. Сейчас весна, и через провалы осевших кое-где стен видны нежная зелень виноградных листьев и высокие цветущие голубыми звездочками стебли египетского клевера и люцерны. При каждом таком саде имеется колодец. Раньше его отрывали вручную. Сейчас, когда воду качают мощные механические и электрические насосы, ее уровень быстро опускается. Подземный резервуар пресной воды быстро истощается, что вызывает большое и обоснованное беспокойство как правительства, так и простых йеменцев.

Отношения нашей страны с Йеменом восходят к 1927 году, когда независимый Йемен перед лицом интриг Великобритании, захватившей южную часть страны, искал союзников и друзей для укрепления своих международных позиций. 1 ноября 1928 года в Сане был подписан Договор о дружбе и торговле между СССР и Йеменом, по которому Советский Союз признавал полную и абсолютную независимость Йемена. После подписания этого договора советско-йеменские отношения стали развиваться более успешно. Советские пароходы доставляли в страну советские товары (спички, керосин, ткани), возили в Джидду и обратно йеменских паломников. В Ходейде советскими специалистами была построена первая электростанция, а в органи-

зованной в этом городе советскими врачами больнице лечили йеменцев. Ныне покойный кинодокументалист В.А.Шнейдеров, который организовал и вел телевизионный "Клуб кинопутешествий", в 1929 году снял фильм о Йемене и написал книгу об этой удивительной стране, открывшей более полувека тому назад двери для наших дипломатических представителей.

После второй мировой войны наши отношения получили дальнейшее развитие. В 1955 году был возобновлен договор 1928 года и подписано соглашение об экономическом сотрудничестве. Конкретным выражением нашего сотрудничества явилось содействие в строительстве современного порта Ходейды. В 1962 году – год йеменской революции – Советский Союз признал республиканский режим, а 21 марта 1964 года был подписан новый Договор о дружбе, который действует и поныне.

Йеменский историк Хасан аль-Хамдани в книге, написанной в X веке, приводит библейскую легенду, согласно которой поселение на месте нынешней Саны было основано Симом, сыном Ноя. Затем на этом месте был построен замок Гумдан, самая большая башня которого достигала высоты современного 20-этажного дома.

Другой средневековый историк, Закария аль-Казвини, в сочинении "О странах и народах" пишет о столице Йемена следующее: "Сана – самый лучший город по своим постройкам, город с самым здоровым климатом, самой сладкой водой, плодородной почвой и наименьшим количеством болезней. Говорят, если водой побрызгать в домах, то будет пахнуть амброй. Здесь мало болезней, мух и гадов". Он особенно подробно рассказывает об искусстве йеменских ремесленников, обрабатывающих полудрагоценные камни, в том числе и солнечный йеменский сердолик. Этот камень, вделанный в серебряные перстни, носят на арабском Востоке преимущественно мужчины. По преданию, йеменский сердолик приносит счастье, охраняет от болезней, увеличи-

вает мужскую силу. Недаром и сегодня в арабских странах лучший сердолик обычно употребляется с прилагательным "йеменский".

Однако в нашей жизни все относительно. Древние в своих суждениях отталкивались от знаний и представлений того времени о природе нашей планеты и нередко судили о климате по чисто внешним признакам. Действительно, в Сане, расположенной на высоте 2400 метров над уровнем моря, температура летом редко поднимается выше 30°C. Прохладная зима с небольшой минусовой температурой, несколько периодов дождей, пополняющих подземные резервуары центрального йеменского нагорья, сухость воздуха и безоблачные дни – все это создает благоприятное впечатление. Но оно достаточно обманчиво, и в отличие от древних мы знаем, что на уровне города Саны атмосферное давление очень низкое, содержание кислорода в воздухе на 20% меньше нормы, ниже плотность воздуха, выше его сухость. Поэтому лицам с гипертонической болезнью и сердечно-сосудистыми заболеваниями долгое пребывание в Сане, как считают врачи, противопоказано.

Сана традиционно делилась на три части: старый квартал города с остатками глинобитной стены; Бир аль-Азаб, где в прошлом жили турецкие чиновники и местная знать; и бывший еврейский квартал Каа Яхуд, все обитатели которого выехали в Израиль в 1948 году. Над городом возвышается гора Джебель-Нукум с построенной еще турками крепостью. В X веке, во время религиозных войн между мусульманскими сектантами Сана была разрушена, но затем вновь восстановлена. Большинство построек старого квартала относится к средним векам. Этот квартал даже внешне в основном сохранился таким, каким он был в далеком прошлом, и поэтому по решению ЮНЕСКО объявлен заповедным.

В один из приездов я вновь отправился на прогулку по городу. Толстые глинобитные стены с круг-

лыми сторожевыми башнями в некоторых местах все еще окружают старый квартал. Центральные ворота Баб аль-Йемен, выходящие на южный тракт, соединяющий Сану с городом Таиззом, несколько подновлены и покрашены. Мне говорили, что лет десять назад было принято решение разрушить глинобитные стены. И в некоторых местах это сделали, но вскоре прекратили, так как помимо всего прочего необходимо было организовать вывоз многих десятков тонн земли и мусора. И стены остались.

В старом квартале нет ни одной европейской постройки. Нижние этажи пяти-шестиэтажных домов, постепенно сужающихся кверху, сложены из обтесанных камней, а верхние — из необожженного кирпича. В верхних этажах, где больше воздуха и света, располагаются жилые комнаты, внизу находятся различные подсобные помещения. Как правило, богатые дома имели небольшой внутренний дворик с колодцем, откуда при помощи бурдюка на длинной перекинутой через деревянное колесо веревке доставал воду осел или верблюды. Сейчас у каждого колодца тарахтит движок с насосом, подающим воду в оцинкованные баки на крышу для бытовых нужд и на полив сада и огорода.

Дома в старом квартале богато украшены орнаментом из белых, нанесенных известью полос и геометрических фигур. Орнамент хоть и незатейлив, придает зданиям нарядный вид. Окна зданий также обводят белыми полосами. До последнего времени в окна вставляли тонкие алебастровые пластинки, дающие мягкий опаловый свет. Даже сейчас, когда стекло стало доступно всем, я вижу окна с алебастровыми пластинками. Видимо, они остались от прежних времен или это дань традиции.

И все-таки основной достопримечательностью старого квартала да и всего города продолжает оставаться местный рынок. Он же является центром кустарной и торговой деятельности Саны. Однако лишь в некоторых переулках рынка — по существу,

целого города в миниатюре – еще можно купить серебряные украшения, сработанные знаменитыми ремесленниками из городка Баусан, куски пахнущего мумие или специи, доставленные в Сану из стран Восточной Африки и Индии. Толпы европейских туристов, увешанные фото- и киноаппаратами, бродят по узким улицам старого рынка, особенно по его Соляному ряду, где скупают произведения йеменских ремесленников.

Приметы цивилизации заметны в старом квартале Саны повсюду. Кроме насосов почти у каждого дома стоит мотоцикл или автомашина. В узких улицах автомашины не могут разминуться. Поэтому одна заезжает в проулок, а вторая, обдирая краску с боков о глиняные заборы и каменные фундаменты домов, продолжает свой путь. Раньше веревку, открывающую дверной засов, делали из пальмовых волокон. Сегодня это нейлоновый трос яркой расцветки, вставленный в деревянный блок, сработанный ремесленниками. Этот же нейлоновый трос идет на изготовление сетки для кроватей, стоящих в многочисленных дешевых гостиницах.

В самих домах примет современности еще больше. Это и напольные ковры машинной работы, и подлокотные подушки, набитые обрезками поролона, и обязательный портативный магнитофон или приемник японского производства. Да что говорить о сегодняшнем внутреннем убранстве средневекового йеменского дома, если даже в мечеть шагнула современность! Сейчас муэzzин себя особо не утруждает: его призыв на молитву разносится раструбами мощных громкоговорителей на несколько кварталов.

Реконструкция столицы, строительство новых улиц и площадей, озеленение города, создание единой водопроводной и канализационной системы при сохранении традиционного средневекового колорита города, особенно его старого квартала, – все эти проблемы волнуют йеменцев. Независимо от положения, достатка и образования каждый из них

остро переживает, что столица государства все еще не благоустроена и ее общий вид вызывает недоуменный шепот со стороны западников и арабов из нефтедобывающих стран, которые в последние годы на огромные доходы, полученные от экспорта нефти, залили асфальтом улицы своих городов, соорудили замысловатые водонапорные башни, построили канализационные системы и другие муниципальные объекты.

Чувства йеменцев, так же как и причины отсутствия благоустройства столицы, вполне понятны и объяснимы. До сентября 1962 года монархический режим проводил политику "добровольной изоляции", делая все, чтобы йеменцы не только меньше знали о других государствах и политических идеях, но и меньше получали финансовой помощи, которую можно было бы использовать для развития страны в целом и городского хозяйства в частности. После революции началась девятилетняя изнурительная гражданская война, один из самых драматических эпизодов которой — 70-дневная осада Саны. Все это усугубилось из-за отсутствия энергетических ресурсов и разведанных полезных ископаемых. Только в последние два-три года с открытием нефти в северо-восточных районах Йемена началось бурное развитие городского хозяйства столицы, сооружение новых высотных зданий. Проложены асфальтовые дороги, связывающие наиболее крупные города страны. Теперь молодые йеменцы удивляются, что на менее чем 4-часовую дорогу от Таизза до Саны в прошлом уходило 18-20 часов. В Сане построены университет, школы, больницы, государственные учреждения, из которых особенно красиво здание Национального банка, созданного из красного известняка с соблюдением традиционных норм и канонов йеменской архитектуры. И в этом деле Советский Союз оказывал помощь йеменским друзьям.

Во время своей прогулки по городу выхожу к старому трехэтажному дому в квартале Бир аль-Азаб,

называемому Бейт Харази, а чаще просто Русский дом. Этот дом, принадлежавший йеменцу по имени Харази, в 1928 году был передан первым советским представителям и традиционно на протяжении почти более полувека сохранялся за нашими специалистами. Старый, неказистый, сложенный из кирпича, с полинявшим белым орнаментом окон, он кажется мне родным. Здесь работали советские дипломатические представители, заложившие фундамент советско-йеменской дружбы в 30–40-х годах: русский Георгий Астахов, башкир Карим Хакимов, украинец Александр Ступак, татарин Абдурахман Султанов и др.

До 1962 года посольство СССР находилось в Таизе – резиденции умершего за неделю до революции имама Ахмеда. По согласованию с правительством Йеменской Арабской Республики наше посольство было переведено в Сану – историческую столицу Йемена. Нам предоставили имение принца Касема – трехэтажный дом традиционной йеменской архитектуры, сложенный из разноцветного туфа, с выносными резными балконами и цветными витражами, пять-шесть одноэтажных глинобитных строений и отдельно стоящая перед бассейном открытая веранда-библиотека. Так случилось, что я был первым советским человеком, который принял от йеменцев все эти строения.

Произошло это через несколько недель после антимонархической революции. Еще шла гражданская война, и монархисты под покровом ночи проникали в город, бросали гранаты и обстреливали государственные учреждения. Рядом с имением Касема находилась правительственная радиостанция, охранявшаяся республиканцами, и почти каждую ночь здесь вспыхивала перестрелка. Уснуть в такой обстановке первые ночи было невозможно, и я сидел в этом особняке, закрыв тяжелые двери внизу на все запоры и засовы.

В доме когда-то размещалась египетская военная часть, присланная на помощь йеменским респуб-

ликанцам. На сером каменном полу коридоров валялись разорванные книги, груды свернутых трубочкой записок. Ночные часы тянулись бесконечно, и я, чтобы скоротать время, терпеливо принялся разбирать книжные завалы. Моя кропотливая и однообразная работа была вознаграждена неожиданной находкой. Среди деловых бумаг, касающихся сложных, запутанных отношений между принцем Касемом, владельцем земли, и арендаторами, записок о поставках зерна и фруктов к столу принца я вдруг обнаружил пакет с фотографиями. На одной из них был изображен элегантный мужчина в европейском костюме и феске. На другой – опять тот же мужчина в национальном албанском костюме с огромным серебряным кинжалом за поясом, полулежащий на диване. И снова он. Рядом с ним женщина. У нее миловидное, типично славянское лицо. Лихорадочно перебрал оставшиеся снимки, нахожу еще одну небольшую фотографию этой женщины с трогательной надписью на русском языке: "Не забудь твою Ludmilla, которая тебя очень-очень любит. С.-Петербургъ 1.IV.04". Затем мне попало еще несколько снимков уже значительно постаревшего франта в турецкой феске, и, наконец, я наткнулся на его же фотографию, датированную 1947 годом. Да ведь это Рагиб-бей, бывший наместник турецкого султана в Йемене, перешедший на службу к имаму Яхье и исполнявший при нем вплоть до своей смерти обязанности министра иностранных дел. Именно в этом качестве он подписал Договор о дружбе и торговле с Советским Союзом 1 ноября 1928 года. Кое-что о нем я уже знал. Умный, образованный, владевший несколькими языками, он в молодости был дипломатом, служил в Албании, Сербии. В начале XX века Рагиб-бея назначили первым секретарем посольства Османской империи в Петербурге, где, судя по всему, он и познакомился с Людмилой Волковой. Кем была для него эта русская женщина? Как попали сюда, в дом принца Касема, эти фотографии?

Мои расспросы, впоследствии подтвержденные письменными источниками, позволили восстановить следующую картину.

После провозглашения независимости Йемена в 1918 году Рагиб-бей с несколькими своими чиновниками перешел на службу к имаму Яхье и остался в Сане. У него была жена, которая приехала с ним из Стамбула. Она не знала арабского и турецкого языков, и Рагиб-бей разговаривал с ней по-французски. Женщина родила двух девочек. Одна из них, Азиза, стала женой принца Касема, в дом которого и перебрался Рагиб-бей, другая уехала в Стамбул. Азиза была светловолосой, говорила только по-арабски и считала себя турчанкой. Людмила Волкова умерла в начале 30-х годов. Рагиб-бей – в конце 40-х годов.

Многое мне стало ясным. И многочисленные конверты со стамбульским адресом, по которому писали Азиза и Рагиб-бей, и французские книги, и турецкие марки. Итак, в 1927–1928 годах, когда Рагиб-бей вел переговоры о заключении Договора о дружбе и торговле с СССР, его жена была жива. Возможно, она видела наших дипломатов и вспоминала давно покинутый Санкт-Петербург, который уже именовался Ленинградом.

Официальная история делается и пишется живыми людьми. Хотим мы этого или нет, симпатии и антипатии, личные настроения того или иного государственного деятеля оказывают влияние, большое или малое – в зависимости от обстоятельств, и на формирование политической линии, определяемой, разумеется, объективными факторами. Размышляя об этом сейчас, я думал о Рагиб-бее, который по указанию имама Яхьи подписал с нами Договор о дружбе и торговле. Кто знает, может, Рагиб-бей был именно тем человеком, который, исходя из своего опыта и знания России и ее политики на Ближнем Востоке, и подсказал имаму Яхье мысль об установлении добрых отношений с Советским Союзом.

Йеменцы – одна из самых динамичных наций современного мира. Иногда они сравнивают себя с итальянцами, которые известны как вездесущие искатели счастья. Но йеменцы явно скромничают. На заре нашего времени, когда Италия была занята утверждением своего господства на Средиземном море, предприимчивые йеменские купцы бороздили бирюзовые воды Индийского океана и вели караваны по белым пескам Аравийского полуострова. Библейская царица Савская, движимая женским любопытством, как утверждают йеменцы, рискнула отправиться на верблюдах из йеменского города Мариб в Иерусалим к иудейскому царю Соломону. Она не убоилась неудобств продолжительного пути протяженностью почти 3 тыс. километров по пескам, бесплодным долинам и лавовым полям. Разве это не пример динамизма йеменцев и их легендарных предков?!

Сегодня более полутора миллионов йеменцев живут во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. В американском Детройте на автомобильных заводах и связанных с ними предприятиях работают около 100 тыс. выходцев из Йемена. Они трудятся также в Англии – на угольных копях Кардиффа и на металлургическом заводе Шеффилда. Имеют торговые дома на всем протяжении береговой линии Восточной Африки. Но больше всего йеменцев насчитывается в соседних нефтедобывающих государствах. Только в Саудовской Аравии выходцев из Северного Йемена – более миллиона. Они работают сельскохозяйственными рабочими, докерами, имеют небольшие лавки. Йеменцы не без оснований считают, что благосостояние всех нефтяных монархий Аравийского полуострова создано их трудолюбивыми руками.

Эмиграция из страны – вынужденная или добровольная – сложная проблема, имеющая свои демографические, политические, экономические и со-

циальные причины. Что это — добро или зло для страны, выталкивающей лишние рты и рабочие руки за пределы своих национальных границ?

Абдалла Шамахи, йеменский поэт и историк, написал брошюру о йеменской эмиграции. Я познакомился с ним в 1960 году, и наши встречи всегда бывают необычайно теплыми и дружественными. Впервые я его увидел в Таиззе на площади Урды, где он читал свои стихи. При режиме имамов он служил в королевской канцелярии, и, естественно, все его стихи были своеобразными панегириками правящей династии Хамид ад-динов.

Несколько книг, написанных Шамахи при республиканском режиме, свидетельствуют о том, что славословия в адрес династии были данью традиции или своеобразной уловкой, скрывавшей его истинные настроения и взгляды.

Как-то, в одну из наших встреч, Абдалла Шамахи, подняв назидательно перст, рассуждал о десяти волнах йеменской эмиграции, которой посвящена его последняя книга. Многочисленные ссылки на Коран и Библию, рассуждения о происхождении арабов и их влиянии на этническую историю соседних народов носили обычный налет исламских средневековых представлений, несколько наивных и для меня неубедительных. Но горячность, с которой отстаивал свои утверждения Шамахи о Йемене как центре древней цивилизации, оказавшем решающее влияние на развитие соседних арабских стран, подкупала.

Пожалуй, более верное представление о размерах йеменской эмиграции и ее влиянии на экономическое положение могут дать результаты полевых исследований (проводились в 80-х годах) в богатой сельскохозяйственной провинции Ибб, опубликованные в декабрьском номере журнала "Йеменские исследования". Проведя работу в трех деревнях провинции, ученые пришли к следующим выводам. В первой деревне, состоящей из 40 домов, за рубежом работали 49 мужчин, из них 36 — в США. Вторая

вытолкнула за рубеж 123 человека (18 – в США, остальных – в Саудовскую Аравию). В третьей деревне из 203 мужчин за рубежом работают 98, в том числе в США – 22. Иными словами, половина, а то и большая часть работоспособного мужского населения этих трех деревень находится за пределами страны. И это в богатейшей сельскохозяйственной провинции, где нужны руки для обработки земли, сооружения оросительных каналов, поддержания в порядке террас, сложенных из камней и заполненных плодородной землей из долин! Почему ушли эти люди: не имели работы на веками обжитых местах или их манила возможность легкого заработка? Такие социологические исследования, которые могли бы ответить на эти вопросы, не проводились, хотя проблема назрела не только в Йемене, но и в других развивающихся странах.

Ислам является государственной религией Йемена, и рано утром в любом йеменском городе вас непременно разбудит гнусавый голос муэззина, призывающего правоверных на молитву с минарета мечети. Представления ислама пронизывают общественную и личную жизнь йеменца: передачи радио и телевидения начинаются и заканчиваются чтением выдержек из Корана, мусульманское право – шариат положено в основу государственного законодательства, а положения ислама, по мнению богословов, призваны сцементировать йеменское общество, страдающее не только от политических противоречий, но и от племенных и феодальных пережитков.

Тринадцать веков активной деятельности исламских богословов привели к тому, что религиозность населения мусульманских стран значительно выше, чем в государствах, где распространено, например, христианство, а влияние богословов на общественную жизнь весьма значительно. Некоторые западные социологи пытаются утверждать, что приверженность исламу является чуть ли не национальной чертой народов Ближнего и Среднего Востока и любое ущемление их религиозных чувств следует рас-

смаывать как ущемление их национальных прав. Такое смещение понятий совершенно неправомерно. Религиозность как приверженность той или иной системе взглядов не может считаться особенностью национального характера. Ведь не считаем же мы католицизм, например, национальной чертой итальянца!

Наблюдая йеменцев в течение многих лет, постоянно общаясь с ними, я могу утверждать, что и сегодня фанатически настроенные приверженцы ислама в этой стране, гордящиеся тем, что еще при жизни пророка Мухаммеда в 630 году их предки приняли его религиозную доктрину, являются исключением. Йеменец религиозен, ходит в мечеть, слушает проповеди и даже отдает своего сына в школу по изучению Корана, а дочери в 9 лет приказывает закрыть лицо при выходе на улицу. Но это не принимает у него уродливые формы, и когда он оказывается в другой обстановке, где соблюдение этих норм совсем не обязательно, он легко от них отказывается. Десятки тысяч йеменцев, живущих в странах Западной Европы и Америки, спокойно нарушают ежедневно и ежечасно предписания своей религии и нисколько не чувствуют себя ущемленными.

В каждой стране есть силы, заинтересованные в сохранении тех или иных социальных и религиозных институтов. Есть они и в Йемене. Сотни проповедников, по-своему образованных, с хорошо поставленными голосами, растолковывают положения Корана или комментируют события внутренней и международной жизни. Наиболее фанатичные из них требуют удалить девушек из национального танцевального ансамбля и женщин-дикторов с местного телевидения. И не случайно, что некоторые арабские страны пытаются увязать предоставление Йемену экономической помощи с расширением пропаганды ислама и его традиций. При этом нередко средства на строительство мечетей или других религиозных учреждений предоставляются более охотно, чем на строительство промышленных объектов,

а суммы, отпущенные на сооружение мечетей и религиозных школ, показываются в графе "экономическая помощь".

Мне не раз приходилось говорить с йеменскими богословами на тему о выборе приоритетов в общественной жизни. Я упрекал их в том, что они часами могут толковать о понятии "судьба", "божественное предопределение" на своих проповедях, но никто из них ни разу не использовал свой авторитет для борьбы с негативными явлениями в социальной жизни, хотя они всегда и охотно рассуждают о своем вкладе в социальное развитие страны.

Никто из них ни разу не призвал своих прихожан соблюдать правила санитарии и гигиены, хотя от их несоблюдения в стране ежегодно умирают сотни детей, особенно новорожденных. Мусульманские проповедники толкуют о райских кущах, но и слова не скажут о том, что Йемен сейчас, по статистике ООН, продолжает числиться одной из отсталых стран нашей планеты. Даже чисто йеменское явление в социальной жизни — жевание листьев кустарника ката, содержащих слабые наркотические вещества, остается вне сферы воздействия ислама, хотя, казалось бы, именно здесь, в этой области, проповедники, которых-де волнует социальное здоровье своей паствы, могли бы блеснуть красноречием и присоединиться к ведущейся на страницах йеменских газет кампании против употребления этого наркотика.

Утверждения о вреде ката всегда сопровождаются рассуждениями о пользе выращивания знаменитого йеменского кофе. Я сам в этом убедился, когда однажды по дороге из Саны в Ходейду мои йеменские друзья (сотрудники Министерства сельского хозяйства) остановили машину и, величественным жестом указывая на поднимающиеся от подножия до вершины горы террасы, засаженные катом, сетовали на то, что культура кофе, давшая известность Йемену в средневековой Европе, по-

степенно приходит в упадок. Ведь и сегодня лучшие сорта кофе называют "мокко" по имени небольшого йеменского порта Моха, откуда европейцы в начале XVIII века наладили первый прямой экспорт кофе.

Мне на память приходит легенда о распространении кофе в Йемене, записанная в 1671 году маронитским монахом Антонио Фаусто Наироне. По этой легенде, послушники мусульманской обители Шахада близ Таизза и местные пастухи заметили, что козы, которых они пасли в горах, ночью ведут себя беспокойно, блеют, дерутся. Столь странное поведение животных было связано с тем, что днем козы ели темно-красные ягоды, в каждой из которых скрывались два светло-зеленых зернышка. Мусульманские мудрецы определили, что этот кустарник завезен в Йемен эфиопскими крестьянами, высажен на йеменское земле, но вскоре одичал. Они попробовали на себе действие отвара из зерен и убедились в его возбуждающем действии. Мудрецы назвали это растение "кофе", по имени эфиопской провинции Каффа, откуда оно было доставлено.

У мусульман напиток из кофе стали называть вином, хотя именно в мусульманских странах в средние века употребление его запрещалось, а любителей его строго наказывали. В 1511 году в Мекке во дворце Хейр-бека, наместника египетского султана, случился богословский спор о кофе. Он продолжался несколько дней, но богословы так и не пришли к единому мнению. Под давлением наместника, противника кофе, они лишь согласились считать кофе "нежелательным". Однако ретивый наместник послал свою охрану в город, которая разгромила несколько кофеен, а их посетителей заключила в тюрьму. Употребление кофе в Мекке и Джидде было запрещено, и многочисленные караваны разнесли эту новость по разным странам. Мусульманский мир скоро оказался расколотым на сторонников и противников кофе. И те и другие

консолидировали свои ряды и лихорадочно подбিরали доводы, доказывающие их правоту.

Однако политические события вскоре заслонили эти распри: в 1517 году турецкий султан Селим I Грозный присоединил к своей империи Египет и Аравийский полуостров. В Османской империи кофе считался напитком воинов, которых он поддерживал в период больших походов, а также философов, которым он прибавлял мудрости. Кофе стал национальным напитком турок и, так же как хлеб и вода, пользовался постоянным спросом. Позитии противников кофе были подорваны, и вскоре два сирийских купца открыли в Стамбуле, на берегу бухты Золотой Рог, первую публичную кофейню. Она именовалась "Мактаб аль-ирфан", что условно можно перевести как "Клуб образованных людей", а кофе стал называться "молоком шахматистов и мыслителей". Диковинный восточный напиток, впервые приготовленный в Йемене, постепенно входит в употребление и у европейской знати. В 1652 году открылась первая кофейня в Лондоне, в 1671 году – в Марселе, а в 1672 году – в Париже.

Однако широкое распространение кофе в Европе связано с именем польского офицера Георгия Кольчинского. В августе 1683 года огромная турецкая армия во главе с великим визирем Кара Мустафой стояла под стенами Вены. Христианские государи Центральной Европы, считая, что падение Вены откроет туркам дорогу и в другие европейские страны, объединили свои усилия, чтобы дать отпор грозному противнику. Кольчинскому, находившемуся в осажденной Вене и владевшему турецким языком, было поручено передать депешу герцогу Шарлю Лоранскому, командующему объединенной армией союзников, состоявшей из поляков и отрядов германских князей.

Кольчинский блестяще выполнил поручение, и ему была обещана награда в 2 тыс. флоринов из тех трофеев, которые будут взяты у турок. В знак признания его заслуг было обещано также сделать

его почетным гражданином Вены и выдать документ, разрешающий ему заняться в городе любимым делом, которое он сочтет для себя выгодным.

В результате ожесточенного боя поляки и немцы одержали победу. В руки победителей и изголодавшихся в долгой осаде венцев попала огромная добыча, в том числе 500 мешков темных зерен с приятным ароматом, назначения которых никто не знал. Правда, лейтенант, командующий отрядом баварских драгун, захвативших турецкий обоз, слышал, что этими зернами турки вроде бы кормят верблюдов, но, поскольку верблюдов в Европе нет, он приказал выбросить мешки в Дунай. В этот момент появился Кольчинский. Уж он-то знал об употреблении этих зерен и поспешил вмешаться. Бравому поляку не могли ни в чем отказать, и вскоре все мешки кофе, отбитые у турок, стали его собственностью. Кольчинский получил разрешение на открытие публичной кофейни в Вене, близ башни Святого Стефана.

Богатые виноградники вокруг Вены были вытоптаны и сожжены турками, и венцам ничего не оставалось, как вместо вина попробовать напиток, приготовленный в таверне у башни святого Стефана. Но скоро разыгрался скандал. Слишком свежо было воспоминание о турецком нашествии, чтобы граждане, просидевшие в осаде несколько месяцев, могли спокойно дегустировать кофе по-турецки. Однако Кольчинский был не только храбрым офицером, но и предприимчивым дельцом. Если кофе по-турецки не нравится, будем готовить кофе по-венски, решил он. И вот в кипящую воду он засыпает кофе, фильтрует его, добавляет на чашку три ложки молока и немного меда, и кофе по-венски готов. Изобретение Кольчинского повергло в ужас пленных турок, но пришлось по душе венским мещанам. Когда же Кольчинский заказал булочки в виде полумесяца, венцы были вполне удовлетворены. Отныне редкий житель Вены отказывал себе в удовольствии выпить чашку кофе по-венски с

булочкой в форме ненавистного полумесяца, украшавшего знамена турок, шедших на приступ Вены.

Производство кофе в Йемене в конце 80-х годов составляло немногим более 3 тыс. тонн в год, и в Министерстве сельского хозяйства создано специальное управление, которое занимается вопросами разведения кофе. Управление имеет три питомника в разных регионах страны. Убежденность моих собеседников в полезности своего дела и их настойчивость вызывают уважение и горячее желание чем-то помочь.

– Большинство деревьев кофе у нас в стране в возрасте пятидесяти-шестидесяти лет. Это значит, что они или уже не плодоносят, или вскоре перестанут это делать, – говорил Абд аль-Азиз Зарика, руководитель проекта по разведению кофе. – Поэтому мы раздаем черенки из наших питомников, но ведь этого мало! Агротехника остается та же, что и была сто, двести лет тому назад. Деревья на кофейных плантациях посажены слишком густо, ненужные ветви не обрезаются, удобрения, химикаты для борьбы с вредителями и болезнями не используются, и сейчас болезни, характерные, скажем, для одного района, распространяются в других. И главное – отсутствие воды. Нам нужны артезианские скважины и современные методы агротехники, если мы хотим вернуть славу йеменскому кофе.

Абд аль-Азиз замолкает, и его непосредственный начальник Абд аль-Халим пытается добавить немного светлых тонов в мрачную картину, нарисованную подчиненным.

– Нельзя сказать, что у нас ничего не делается, – начинает он издали. – Ведь существуют уже три питомника, и десятки тысяч саженцев были розданы крестьянам горных районов. Мы хотим создать еще пять новых питомников, организовать десять агротехнических пунктов, которые будут учить крестьян современным методам выращивания кофе, укомплектовывать все эти организации спе

циалистами и агрономами. Но есть вещи, которые от нас не зависят. Знаете ли вы, что основной конкурент и, я бы сказал, враг йеменского кофе – кат?

Похожий на д'Артаньяна Абд аль-Халим вопросительно смотрит на меня, ожидая, по-видимому, что я как иностранец, малоосведомленный о привычках йеменцев, буду поставлен в тупик его риторическим вопросом о главном враге йеменского кофе. По правде говоря, что такое кат, я знаю, даже пробовал его, но мне интересно услышать мнение специалистов, и я, немного поколебавшись, отрицательно качаю головой.

– Так послушайте, – назидательно говорит Абд аль-Халим. – Кат растет на тех же землях, что и кофе. Но кофейные зерна крестьянин в лучшем случае получит после пяти лет напряженного труда. А кустарник ката через год, в худшем случае через два уже можно обрывать и поставлять на рынок. Этот кустарник, можно сказать, сорняк, он встречается в диком виде и не требует ни ухода, ни особого полива и удобрений. Рост личных доходов увеличивает число людей, которые могут позволить себе такое дорогое и сомнительное удовольствие. Знаете ли вы, сколько стоит килограмм кофе и пучок ката?

Я отрицательно качаю головой: действительно, кофе я не покупал, а кат если и жевал, то очень давно, да и то меня им угощали.

– Один килограмм кофе стоит в два с половиной раза дешевле, чем пучок ката. Где уж кофе конкурировать с катом! Нужны государственное регулирование, государственные дотации и освобождение от налогов производителей кофе. Без помощи государства мы ничего не сделаем. У нас в стране сегодня хватает и других забот, но – Абд аль-Халим повышает голос – вернуть славу йеменскому кофе – наш национальный долг, долг нашей интеллигенции и специалистов.

Через три часа тяжелой, утомительной, с крутыми поворотами дороги мы вырываемся из скалистых ворот на равнину Тихама. Темное облако несется

нам навстречу. Еще несколько минут, и лавина дождя обрушивается на машину. Вода идет сплошным потоком, и несколько грузовиков уже предусмотрительно встали на скользкую узкую обочину. Другие продолжают медленно двигаться вперед с включенными фарами и бешено работающими "дворниками".

Особенность тропических ливней в том, что они идут полосами, внезапно начинаются и так же внезапно кончаются. У города Баджиля – несколько километров сухого асфальта, затем опять дождь, начинающийся медленно, с крупных больших капель, шлепающих по крыше и ветровому стеклу автомашины весомо, как расплавленный свинец.

Баджилль – небольшой городок, который в мой первый приезд в Йемен был печально знаменит своей текстильной фабрикой, построенной в середине 50-х годов сирийской фирмой и не выпускавшей ни одного метра ткани. Вроде бы все было продумано: хлопчатник выращивают в Тихаме, потребность в хлопчатобумажных тканях существует – строй фабрику, обучи рабочих и налаживай производство. Но управлять даже таким несложным предприятием и тем более организовать на нем рентабельное производство оказалось невозможным при монархическом режиме. Фабрику построили, но выяснилось, что весь хлопок еще на корню скупался приближенным к королевской семье купцом Джабали и вывозился в Англию и Индию, откуда поставлялись дешевые ткани. Сам имам Ахмед, сидевший в то время на йеменском троне, получал какие-то отчисления от Джабали да еще имел доход от таможи, так как пошлины шли в государственную казну, которая была одновременно и личной казной имама.

Но, пожалуй, кроме этого и других экономических факторов существовали и другие – политического характера. Для эксплуатации фабрики нужны были специалисты. Для их подготовки йеменцы должны были поехать за границу, в Сирию или Ли-

ван, а некоторые иностранцы – приехать сюда, в Йемен. И то и другое было нежелательно для королевского режима. Йеменцы, выезжавшие в другие арабские страны для получения специальности, вернувшись домой, могли сравнить душную атмосферу средневекового деспотизма с порядками тех государств, где они учились и получили образование. Что касается арабов из других стран, которые здесь работали, то им визы на въезд, как и всем иностранцам, давал лично наследный принц Бадр – в то время министр иностранных дел. Давал, разумеется, не всем, а выборочно и на короткий срок, чтобы, не дай Бог, специалисты не обросли знакомыми и связями и не могли познакомить любознательных йеменцев с жизнью и порядками других государств. Опасения имама Ахмеда оказались оправданными: в сентябре 1962 года именно те офицеры, которые обучались в Ираке и других арабских странах, свергли его сына Бадра, просидевшего на троне после смерти отца одну неделю.

Сейчас Баджилль несколько изменился. На холме слева каменной феской торчит средневековая крепость. Но Баджилль уже не тот сонный городишко, сомнительная слава которого связана с головоутипством экономической политики монархического режима. Здесь с помощью Советского Союза построен цементный завод, пущена его вторая очередь. Отсюда 25 километров до государственной фермы Сурдуд, тоже созданной с помощью советских специалистов. Через Баджилль тянется высоковольтная линия, по которой из Ходейды в Таизз поступает электроэнергия от мощной тепловой станции. Раскинувшиеся вокруг Баджиля поля, орошаемые артезианскими скважинами, засажены томатами. Здесь же сооружен завод по производству томатной пасты.

Уже какой раз я уезжал из Йемена с чувством радости и удовлетворения: преимущество работы наших людей, дипломатов и специалистов в стране, отстоящей на 6 тыс. километров от Москвы,

была видна везде и повсюду. И все йеменцы – от видных государственных деятелей до простых крестьян и рабочих, – как все горцы, неспособные кривить душой и лицемерить, узнав, что вы из Советского Союза, не преминут выразить вам благодарность за политическую поддержку и экономическое содействие.

В Хадрамауте – долине глиняных небоскребов

В начале 70-х годов я побывал в Хадрамауте.

...На маленьком самолете я лечу из Адена в Хадрамаут – историческую область, где в начале новой эры вступили в борьбу за господство над Южной Аравией два древних царства – Сабейское и Химьяритское.

С высоты видна небольшая, расчищенная бульдозерами площадка аэродрома Гураф, куда прибывают все самолеты, везущие пассажиров в Хадрамаут. Еще несколько минут – и самолет мягко коснется посадочной площадки. Я суетливо озираюсь по сторонам, стараясь охватить взглядом видимые в дрожащем мареве осыпавшиеся берега древней реки, пассажиров, прибывших со мной одним рейсом, и встречающих их родственников, праздную публику, приехавшую сюда к прилету самолета. Сейчас февраль – первый весенний месяц по местному календарю. Зимние холода позади, и теплое утреннее солнце, находящееся к десяти утра почти в зените, заливает ярким светом пестро одетую толпу за проволочным ограждением и разноцветные машины, готовые принять пассажиров в основные города Хадрамаута – Сейюн, Терим и Шибам. Температура – около 20°, воздух сух, полон запахов цветущих трав и стрекотом цикад. Солнце припекает, и пассажиры стремятся встать в тень крыла самолета или побыстрее оформить багаж, чтобы выбраться с аэродромного поля.

В город Сейюн я еду в компании двух йеменцев. Шофер, молодой парень, сидящий как-то боком, видимо потому, что на первом сиденье легковой автомашины здесь обычно размещаются два пассажира, быстро ведет автомобиль по мощенной булыжником дороге. По обочинам попадаются небольшие строения с куполом, называемые "сикая". Разбогатевшие за границей хадрамаутцы жертвовали деньги на сооружение этих строений для путников, которые во время долгих пеших переходов черпали кружками воду из стоящих в сикая больших глиняных кувшинов и отдыхали в тени куполов часовен. В настоящее время самый последний бедняк предпочтет добраться из одного города в другой на автомашине, нежели идти целый день пешком. Поэтому большинство сикая запущены: штукатурка облупилась, побеленные известью снежно-белые купола потрескались, а ступеньки, ведущие к кувшину с водой, разрушились. Сейчас уже никто не строит сикая, хотя хадрамаутцы продолжают выезжать за границу и многие из них живут в достатке. Какой смысл заниматься благотворительностью, создавая эти сооружения, когда большие расстояния теперь можно преодолеть на автомашине?!

Действующие сикая стоят, как правило, у колодцев. Подпочвенные воды находятся здесь на глубине 20–30 метров, поэтому колодцы роют вручную. Сейчас у каждого колодца работает дизельный движок, вращающий через ременной привод насос. А всего несколько лет назад специальное оросительное сооружение для подъема воды – большой кожаный бурдюк с веревкой, перекинутой через колесо, – служило основным способом орошения в Хадрамауте. Такое сооружение, называемое "сенава", сейчас найти столь же трудно, как увидеть телегу в городе, полном автомашин.

Бесконтрольное употребление в последние годы механических насосов в Хадрамауте привело к истощению подпочвенных горизонтов воды. Если в течение двух лет в Северном Йемене не бывает

дождей, благодаря которым пополняются запасы грунтовых вод, их уровень в колодцах резко снижается. И тогда Хадрамауту угрожает засуха. Поэтому местные власти большое внимание уделяют гидрологическим исследованиям. Последние изыскания показали, что под каменным ложем древней реки на глубине 80–100 метров имеются богатые горизонты хорошей по качеству воды.

Вдоль дороги на Сейюн мелькают рощи финиковых пальм, зеленые квадраты клевера, созревающие поля пшеницы, ржи и ячменя. Странно видеть здесь картину русской природы: среди поля стоит чучело – набитая соломой старая рубаша, чтобы отпугивать нахальных воробьев и жирных голубей, лениво взлетающих перед автомашиной. Иногда на созревающей ниве можно увидеть женщин и ребятишек, которые ловко мечут пращей камни в птиц.

Город Сейюн раскинулся на южных склонах хадрамаутского сброса, у выхода неширокого сухого русла Ясма в долину Хадрамаута. Собственно городом здесь называется центральная площадь с большим семиэтажным дворцом бывшего султана Касири. Сюда я и направляюсь, окруженный толпой ребятишек и зевак. К появлению европейцев на улице Сейюна почти привыкли. Один палестинец, работающий учителем, сказал мне, что раньше его выход на улицу в Сейюне в сопровождении жены, одетой в европейское платье, вызывал изумление толпы и улюлюканье мальчишек.

После провозглашения в 1967 году независимости английских протекторатов Южного Йемена султан бежал в Саудовскую Аравию. Сейчас на первом этаже дворца расположен полицейский участок. Мне разрешают осмотреть дворец, и в сопровождении офицера я поднимаюсь по высоким ступенькам к массивной, украшенной резьбой двери, ведущей во внутренние покои.

Многочисленные, похожие друг на друга комнаты с окнами без стекол, закрываемые лишь резны-

ми ставнями, побелены известью. На полу валяются бумаги, пожелтевшие от солнца и времени. Поднимаю одну из них. В договорном документе сообщается, что на плантации финиковых пальм, принадлежащей султану, работает крестьянин, который "за три ратла (ратл равен 450 граммам) фиников в неделю или за двенадцать ратлов в месяц" обязан раз в неделю поливать пальмы, прорывать оросительные каналы, обрабатывать землю вокруг пальм и охранять плантацию. Другая пожелтевшая бумага, датированная 10 ноября 1944 года, представляет собой договор на аренду земли, принадлежащей мечети: одну треть урожая получает султан, другую — мечеть и последнюю треть — крестьянин. Договор составлен по всем правилам и скреплен сверху подписями представителя мечети и султана (знатные люди в Хадрамауте всегда ставили подпись сверху документа), а в самом низу — жирный отпечаток большого пальца крестьянина.

В Сейюне туристы — редкие гости, и поэтому здесь нет специализированных магазинов или лавок, где можно приобрести какое-нибудь старинное изделие. Однако в ювелирных лавках можно купить старые монеты из рассыпавшихся монист или национальные кинжалы — "джамбии" — в дорогих серебряных ножнах. В лавке старьевщика вы найдете тяжелые медные браслеты, от которых теперь, преодолевая груз традиций, начинают отказываться женщины Хадрамаута; старое кремневое ружье с обитым кожей прикладом; турецкую саблю; замысловатый металлический или деревянный замок, сделанный местными ремесленниками. В лавках Сейюна я видел старые тульские самовары, но здесь они не антикварные изделия, а предметы первой необходимости. Южная Аравия еще до 1917 года считалась импортером русских самоваров, которые попадали сюда через Турцию и Иран. Собственно, и название этого столь необходимого приспособления для чая звучит совсем по-русски "самовар", только с ударением на вторую гласную букву.

Ведерный самовар тульских заводов братьев Баташовых стоит здесь 20 динаров – сумма очень большая для простого человека. Поэтому в Сейюне из жестяных банок из-под керосина и растительного масла изготавливают местные "самавары", называемые "бухур". Это фактически простой кофейник, в середину которого вставляется трубка, куда насыпают горящие угли. Воздух поступает через небольшое отверстие трубки, и угли ярко горят в этом нехитром изделии хадрамаутских ремесленников.

Шибам известен своими глиняными "небоскребами". Мощенная камнем дорога в город петляет между деревнями и небольшими городками, застроенными однообразными двух- и трехэтажными домами. Проезжаем город Гарис с развалившимся феодальным замком, расположенным у подножия горы, и белоснежным куполом мавзолея мусульманского проповедника. Все дома прячутся за высокими толстыми заборами – "дувалами", сделанными из саманных кирпичей и утрамбованной земли. У меня такое впечатление, что я еду по Узбекистану, по его маленьким городам с узкими ущельями улиц, куда выходят калитки спрятавшихся за дувалами домов. Только огороды да пальмовые рощи, вынесенные за ограду, меняют впечатление: в отличие от Узбекистана, здесь, куда ни бросишь взгляд, всюду пальмы, пальмы, пальмы. Вся долина Хадрамаута, обрамленная отрогами гор, как рамкой, кажется большой плантацией, где растет около миллиона пальмовых деревьев.

Крестьяне практически используют все, что можно получить от финиковой пальмы. Собранные осенью финики очищают от косточек, тщательно перемешивают их в однородную массу и заполняют ею большие глиняные кувшины для хранения впрок. Бедуины набивают финиками козий бурдюк и берут его с собой как неприкосновенный запас. Крестьяне толкут косточки в ступе и скармливают

скоту. Из волокон ствола пальмы делают веревки, из пальмовых веток после соответствующей обработки также скручивают веревки. Сучки, остающиеся после обрубки веток, служат топливом. Что касается самих листьев пальмы, то они идут на изготовление циновок, предметов домашнего обихода, на топливо. Даже исчисление меры площади в Хадрамауте связано с пальмой. Большая длинная ветка пальмы с листьями, называемая "джарида", равняется в среднем 3 метрам. 1 джарида в длину и 1 джарида в ширину дают меру площади — "матыра". Поэтому стоит ли удивляться тому, что йеменский крестьянин в Хадрамауте от зари до зари кропотливо и любовно ухаживает за крошечными пальмами, ежедневно обрабатывая землю вокруг двух- и трехлетних деревьев и взбираясь по сучкам на взрослую пальму, чтобы очистить ее крону и осторожно удалить обломанные ветром или птицами веточки с еще не созревшими финиками.

Шибам издревле играет важную роль в здешней торговле, и недаром местное население называет его "глазом и хребтом" Хадрамаута. Дома Шибамы поднимаются из песка, образуя гигантскую квадратную глыбу. Фасады десятков домов сливаются в одну монолитную стену. На протяжении веков эта область была ареной кровавых схваток и жители городов спасались от опустошительных набегов кочевников и враждовавших между собой султанов в своих небоскребах. Проникнуть в город можно было только через одни ворота, которые закрывались с наступлением сумерек.

Если подняться по крутому холму вверх, к воротам, ведущим в Шибам, то сразу за входом, направо, стоит бывший султанский дворец, в котором сейчас расположились представители местной власти. Я бродил по пустым комнатам запущенного дворца, любясь резными решетками, массивными дверями. Глава местной администрации, именуемый здесь "маамур", умещается со своим немногочисленным штатом в двух-трех комнатах. А остальные

пустуют, покрываются пылью и разрушаются под немолимым воздействием времени.

Рядом с мечетью, построенной на средства семьи богатого купца Баабеда, поднимается его восьмиэтажный дом. По приглашению хозяина, который был моим попутчиком в дороге с аэродрома на Сейюн, переступаю порог и через искусно сделанную дверь попадаю в вестибюль, откуда лестница с земляными высокими ступенями ведет в большую комнату для приема гостей. Как правило, это помещение имеет балкон или же хорошую вентиляцию через окна. В самое прохладное место усаживают наиболее почетных посетителей. В комнатах нет мебели. У состоятельных людей ее заменяют ковры, а у бедных – пальмовые циновки. Рядом с гостиной находятся кухня и туалетная комната. Кухня представляет собой небольшое помещение с возвышением для очага, а туалет – комнату с цементным полом, большими глиняными кувшинами воды и водостоком, выходящим наружу деревянным желобом. Остальные комнаты небоскреба походят друг на друга: белые стены с многочисленными нишами, закрытыми резными деревянными дверцами, цементированные полы, окна без стекол, но закрытые снаружи двустворчатыми деревянными ставнями с мастерски сделанной резьбой. Ремесленники Хадремаута известны в Аравии как искусные мастера резьбы по дереву, и поэтому нет ничего удивительного в том, что лучшими образцами своего искусства они украшают свои жилища. Среди орнаментов преобладают геометрические фигуры, растения и редко животные, так как основатель ислама пророк Мухаммед, борющийся с идолопоклонством, запретил изображение живых существ.

Массивные, украшенные кружевом ручной резьбы двери достойны любого дворца, но как в Шибаме, так и в других городах Хадремаута они порой украшают и глинобитные скромные дома. Дверь – гордость хозяина дома. С нее начинают строить

дом: ставят дверную раму и только затем сооружают стены, потолок и все остальное. Красивый вход в жилище – символ гостеприимства. На двери прикрепляют медное кольцо и колотушку, сообщающую обитателям дома о чьем-либо приходе.

С незапамятных времен хадрамаутцы используют деревянные замки, называемые "калуда". Замок изготавливается в виде грубо сколоченного креста, и некоторые йеменцы утверждают, что такая форма была навязана им несколько веков назад португальцами, захватившими некоторые пункты на побережье. Ключ деревянного замка похож на зубную щетку с палочками вместо щетины, расположенными в строго определенном порядке. Ключ вставляется в щель, скрытую в одном из дверных украшений. Палочки ключа попадают в соответствующие отверстия и поднимают штифты, после чего засов можно отодвинуть. Первый раз разгадать секрет запора почти невозможно: слишком все это устройство не похоже на общепринятые замки и ключи. На одном ключе я насчитал 16 зубьев, расположенных в замысловатом порядке. Подобрать ключ к такому замку практически невозможно, и в случае его утери лучше сменить замок.

Основным строительным материалом для небоскреба служит обыкновенная земля, которую перемешивают с соломой, собираемой на току после обмолота пшеницы и ячменя. Землю и солому тщательно перемешивают с водой погоняемые животные в специально вырытой яме. Полученную смесь раскладывают на ровной площадке в виде большого каравая, который затем нарезают доской или специальной формой на равные прямоугольные кирпичи. Такие кирпичи оставляют на солнце на две недели, после чего их складывают штабелями около выбранного для строительства места. Когда кирпичи заготовлены в достаточном количестве, вырывают яму для фундамента. Высокий дом должен иметь прочный фундамент, поэтому его делают из крупных камней, скрепляемых чистой

глиной и укладываемых на несколько метров вглубь. Для трехэтажного дома, например, достаточно углубить фундамент на полтора метра, причем примерно на полметра каменный фундамент выводится на поверхность. Выстроенный дом, особенно многоэтажный, похож на высокую, постепенно суживающуюся кверху усеченную пирамиду с утяжеленным основанием и несколько облегченным верхом.

В Хадрамауте повсеместно – и в городах, и в небольших деревнях – ведется строительство или ремонт таких жилищ. Ведь дома из сырцового кирпича разрушаются под воздействием ветра и редких здесь дождей, и в среднем каждые три-четыре месяца необходимо осматривать глинобитный небоскреб, заделывать трещины, заменять рассыпавшиеся кирпичи. Однако при хорошем уходе построенные, казалось бы, из столь ненадежного материала дома стоят веками. Подобный метод строительства с применением необожженных кирпичей широко практикуется и в Средней Азии, и в других странах Ближнего Востока, прежде всего в его безлесных районах.

Терим называют в Хадрамауте "городом науки", потому что здесь построены 360 мечетей. В мусульманском мире мечеть не столько место молитвы, сколько место, где собираются в пятницу мусульмане послушать проповедника, где работают школы по изучению Корана, где собраны представляющие наибольшую ценность рукописи и книги.

Дорога из Сейюна на Терим идет мимо аэродрома Гураф, а затем мимо сухого русла Рудуд, где с помощью советских специалистов создано государственное хозяйство. На поле работает трактор, вокруг него суетятся люди. Останавливаем автомашину. Знакомимся с крестьянами. Обсуждается вопрос, сколько посевного зерна нужно для вспаханного поля. Каждый высказывает свое мнение

и, пытаясь убедить собеседников, отчаянно жестикулирует и призывает в свидетели Аллаха и пророка Мухаммеда. Один из крестьян, Салех из деревни Хаджар-Сияр, подсаживается к нам в автомашину и просит довести его до Терима. Он рассказывает, что в его деревне много финиковых пальм, а на богарных землях выращивают пшеницу. В Хаджар-Сияре колодцы вырыты на глубину 18 махдар. "Махдар" – "раскрытые руки" – весьма распространенная на юге Аравии мера длины, равная примерно 2 метрам. На побережье Аденского залива этой мерой измеряют глубину моря, длину корабельного каната и якорной цепи.

– Если два года не бывает дождей, то плохо, – говорит Салех. – Приходится тогда спускаться в долину, чтобы не умереть от голода.

– Нет, в Саудовскую Аравию наши не выезжают, – отвечает Салех на мой вопрос. – Из всего Хаджар-Сияра там работают, может быть, человек двадцать, не больше.

Пытаюсь представить себе, где же на карте находится Хаджар-Сияр. С помощью попутчиков устанавливаю, что деревня расположена на границе с пустыней Руб-эль-Хали, в нескольких часах езды от города Абра.

Незаметно за разговорами подъехали к Териму. Издалека виднелся ажурный минарет знаменитой мечети Мунзара, построенной семь веков тому назад. Вокруг нее расположились дома представителей влиятельных семей "сейидов", ведущих свое происхождение от потомков основателя ислама Мухаммеда. Глава одной такой семьи Абу Бакр аль-Каф владеет домом, который по своему внешнему убранству более богат и величествен, нежели дворец бывшего султана в центре Терима. Семья аль-Каф даже чеканила свою монету, на которой были выбиты весы как символ справедливости. В домах некоторых сейидов хранятся ценнейшие рукописные памятники средневековой истории Хадрамаута и населяющих его племен.

Я прошелся по улицам Терима, городскому рынку, рядом ремесленников. Навстречу попадались женщины, закутанные по мусульманским традициям в черное покрывало. Их лица закрыты таким плотным платком, что им приходится немного приподнимать его, чтобы иметь возможность видеть перед собой дорогу.

В Териме, как и в других городах Хадрамаута, влияние ислама сказывается особенно сильно на положении женщин. Кроме обычного затворничества, характерного для мусульманских гаремов, в Хадрамауте, например, считалось предосудительным отдавать девочек в школы. Писать и читать их обучали дома. В 1971 году неполную среднюю школу, например, Сейюна посещали восемь девочек, что было крупным достижением. В мой следующий приезд в Хадрамаут в 1981 году в женской школе училось уже более 50 человек. Даже замужняя женщина духовно более связана с матерью и своими родственниками, чем с мужем и его семьей. И когда муж уезжает за границу на заработки, она, как правило, не едет с ним, а остается в Хадрамауте. Вот почему хадрамаутцы, работающие за границей, фактически имеют две семьи: дома, куда они наезжают во время отпуска, и там, где работают. Иногда такие семьи "воссоединяются". Я видел в Хадрамауте братьев, один из которых был арабом, а другой с ярко выраженными монголоидными признаками — раскосыми глазами и прямыми черными волосами.

За восточной городской стеной Терима раскинулась большая деревня Даммун — родина доисламского барда Имруль Кейса. Многие его стихи стали народными пословицами и поговорками, которые хорошо знают и любят во всех арабских странах. На горе, нависшей над деревней, расположена полуразрушенная крепость, где раньше размещались солдаты султана. Даммун же принадлежала другому султану, а стена, отделяющая ее от Терима, именовалась "берлинской". Что и говорить — насе-

ление Терима было в курсе событий, происходящих в далекой Европе!

Сразу за стеной начинаются огороды, поля с пшеницей и клевером. Урожаи на поливных землях собирают хорошие, и представители местных властей с гордостью говорят, что "Хадрамаут сам себя кормит". Земля в окрестностях раньше принадлежала сейидам, и во время проведения аграрной реформы представители народной власти столкнулись с таким уникальным случаем, когда бедняки отказывались брать землю, "не принадлежащую им по праву". Более того, даже новые освоенные земли, лежащие в нескольких километрах от их деревень, крестьяне брали неохотно, так как не было хозяина, с которым можно было бы на основе мусульманского права подписать контракт об аренде.

На обратном пути из Терима в Сейюн я на каждом шагу замечаю приметы нового. Вот при выезде из Терима перебежала улицу "открытая" девочка в возрасте невесты, а крестьянин, встретившись с сейидом, не бросился целовать ему руку, а лишь немного наклонился в его сторону. Но невидимых примет еще больше. Сейчас уже и молодые мужчины требуют, чтобы девочкам давали хотя бы минимальное образование и не запрещали им общение с внешним миром. Ведь выросшая в полном неведении девушка не может быть ни хорошей женой, ни хорошей матерью. В Сейюне, Териме и Шибаме активно работают школы по ликвидации неграмотности, и скоро все взрослое население Хадрамаута будет читать и писать. Однако еще предстоит немало сделать, чтобы Хадрамаут окончательно проснулся от средневековой спячки и повернулся лицом к нашему времени с его радостями, проблемами и надеждами.

ИРАК

Прогулки по Багдаду

Столица любого государства является воротами для каждого путешественника, приезжающего в эту страну. Через столичный аэродром, построенный в начале 70-х годов в районе Абу Грейб, и его трехзальный аэровокзал, отделанный с вызывающей восточной роскошью, ежедневно проходит несколько тысяч пассажиров. Война с Ираном и ирако-кувейтский конфликт, естественно, отразились на потоке туристов и любителей месопотамских древностей. Но количество деловых людей и иностранных специалистов и рабочих, приглашенных иракским правительством для осуществления различных проектов, надолго никогда не прекращалось. Нефтяные доходы делают иракский динар одной из самых твердых конвертируемых валют, что является важным обстоятельством в мире бизнеса.

В конце 60-х годов я рабстал в Ираке, а в 1987 году у меня была короткая поездка в Багдад. В 80-х годах столица Ирака насчитывала 3,8 млн. жителей. Большинство новых районов Багдада состоит, по традиции, из жилых массивов малой этажности, и город занимает 850 квадратных километров. Он раскинулся по обе стороны реки Тигр, которая разделяет его на две части: правобережную – Кярх и левобережную – Расафа. Быстрый рост Багдада создает немалые трудности для городского хозяйства, осложняет решение транспортных проблем. Десять мостов через Тигр забиты автомашинами. Муниципальный автобусный транспорт переполнен.

Но планы реализуются, и в городе уже строится первая линия метро, которая лишь частично пройдет над землей. Разработаны проекты создания скоростных автострад, окружной автомобильной дороги, расширения сети подземных пешеходных и автомобильных тоннелей и строительства новых мостов. Современный ритм жизни захлестывает жителей столицы, и, находясь среди них, невольно забываешь о возрасте иракской столицы и удивительной истории ее основания.

Багдад был заложен в западной части сегодняшнего города халифом Абу Джафаром Мансуром (754–775) из семьи Аббаса – дяди основателя ислама пророка Мухаммеда. Аббасиды пришли к власти в обширном государстве, созданном в завоеванных мусульманами странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

Противники Аббасидов из династии Омейядов не смирились с поражением и, умело используя недовольство населения покоренных стран и религиозные противоречия, поднимали восстания против новых правителей обширной империи. Постоянные мятежи угрожали даже резиденции халифа, и именно в это время вошло в правило держать в конюшне оседланную лошадь, чтобы в случае опасности халиф мог мгновенно скрыться.

Халиф Мансур совершил несколько поездок по Месопотамии в поисках места для новой столицы. Он считал, что столица должна стоять на судоходной реке, вдали от больших городов, в центре империи. И такое место было найдено.

На берегу Тигра, у несторианского монастыря, около двух небольших, но судоходных речек, которые связывали Тигр с Евфратом, посланные Мансуром гонцы наткнулись на деревню по имени Багдад. Она была известна еще до завоевания Ирака арабами как место больших конных ярмарок. Ряд ученых считают, что название деревни "Багдад" означает на одном из иранских языков "Богом данный". По другой версии, "Багдад" следует перево-

дить с древнеперсидского как "сад Дада", где Дад – имя собственное. Берега Тигра издревле были плотно заселены, и здесь было возделано множество садов, поэтому второе объяснение тоже имеет право на существование.

По приказу Мансура план нового города был нанесен пеплом прямо на земле, затем эти линии выложили пропитанными нефтью семенами хлопчатника, которые подожгли. Мансур, осмотрев огненный план своей будущей столицы, отдал приказ начинать строительство и сам заложил первый камень города. Это случилось 1 августа 762 года. Халиф Мансур назвал свою столицу Мадинат ас-салям (Город мира), желая, по-видимому, подчеркнуть, что в этом городе будут господствовать мир и спокойствие.

Новый город имел форму правильного круга диаметром 2638 метров. Его внешние стены из необожженного кирпича достигали высоты 18 метров, над ним еще на 3 метра возвышались башни. Из обожженных кирпичей строились только своды, арки и перекрытия. На расстоянии 30 метров от внешней стены, окруженной глубоким рвом, поднималась вторая, внутренняя стена с четырьмя воротами ("баб"): от Баб аш-Шам шла дорога в Сирию; от Баб аль-Басра – на юго-восток, к морю; от Баб аль-Куфа – к первой столице мусульман в Ираке, городу Куфа; караваны из Персии попадали в Багдад через Баб аль-Хорасан. Между воротами было построено по 28 башен, и над каждым воротами – огромное, перекрытое купольным сводом помещение. Каждые ворота охранялись тысячей стражников. Они располагались на галерее, ведущей от ворот в центральную, дворцовую часть города, и любой путник мог попасть в центр лишь по охраняемой галерее.

В центре города, на большой площади, стояли дворец халифа, дома его сыновей, мечеть и здания правительственных учреждений. Дворец халифа известен в истории Багдада под двумя названиями: "аль-Кубба аль-Хадра" ("Зеленый купол") и "Баб аз-

Захаб" ("Золотые ворота"). Оба названия отражали архитектурные особенности этого гигантского сооружения.

Постройка города была завершена в 766 году и стоила 38385 килограммов чистого золота. На строительстве работали 100 тыс. человек. Мусульманский мир внимательно следил за сооружением новой столицы халифата. Город Васит, бывший некоторое время резиденцией мусульманских наместников Ирака, прислал Мансуру свои знаменитые ворота, сработанные, согласно легенде, демонами по заказу библейского царя Соломона. Бывшая столица халифата Дамаск и первая столица мусульман в Ираке Куфа также подарили часть своих городских ворот.

Время не оставило нам даже развалин грандиозного сооружения Мансура. В 941 году рухнул купол дворца, а его стены простояли до середины XII века. Городские стены и здания из необожженного кирпича под влиянием дождей и наводнений скоро разрушились, и ныне найти место, где когда-то стоял круглый город халифа Мансура, практически невозможно. Лишь труды средневековых географов и историков дают нам возможность ознакомиться с "Городом мира", быстро построенным и быстро исчезнувшим. И надо иметь богатое воображение, чтобы среди многоэтажных домов, в потоках автомашин, двухэтажных автобусов, горожан, одетых в европейские костюмы, увидеть Багдад, о котором столько написано увлекательных сказок и зловещих рассказов.

В первый раз я приехал в Багдад в феврале 1965 года. На центральной улице Рашида, названной в честь Харуна ар-Рашида, пятого халифа из династии Аббасидов, — расцветенные яркой неоновой рекламой большие магазины, государственные учреждения и конторы адвокатов. На этой же улице, перед большой площадью, уставленной автомашинами чуть ли не всех марок мира, находилась гостиница "Синдбад", с которой и началось мое зна-

комство с Ираком. Она построена еще до второй мировой войны. Это чувствуется и по архитектуре трехэтажного здания, и по обстановке комнат: ванны по величине равны жилым помещениям, в номерах — выточенные из мрамора люстры в виде глубоких тарелок, огромные скрипучие кровати.

Окна и двери моего номера, затянутые от комаров и москитов тонкой металлической сеткой, выходят на широкую веранду, идущую вдоль всего здания. С нее открывается вид на реку Тигр, или Диджла, как называют ее арабы. По темно-желтым из-за зимних дождей водам этой реки вниз по течению днем плыли большие серые чайки. Иногда, потревоженные лодкой или катером, они с резкими, полными негодования криками взмывали в небо и, сделав несколько кругов, вновь садились на поверхность реки.

На правой стороне реки находятся аэродром и железнодорожная станция. Сейчас это военный аэродром, а раньше он был центральным аэродромом иракской столицы и использовался гражданской авиацией. Воздух взрывался от грозного рева реактивных двигателей. После взлета тяжелой пассажирской машины в застывшей тишине еще явственнее были слышны жалобные пересвисты маневровых паровозиков. Самолеты, ревя, уходили в небс, паровозы перекликались друг с другом, потревоженные чайки галдели на реке, уже тысячелетия катившей свои воды к морю. В сумерки на телевизионной башне зажигался красный сигнальный фонарь. Он мигал через равные промежутки времени, и мне казалось, что это глаз злого ифрита, с которым боролись герои сказок "Тысячи и одной ночи".

Февральским утром я вышел на свою первую прогулку по городу. Было довольно свежо, чего я совсем не ожидал. Наслышанный о жарком климате Ирака, я не мог представить себе, что зимой в Багдаде следует надевать демисезонное пальто.

По одну сторону от главного входа в гостиницу —

широкой двери между двумя голубыми колоннами – расположился торговец почтовыми и поздравительными открытками – высокий араб в пиджаке, надежом на длинную, до пят, темную рубаху ("дишдаша"). Его голова плотно укутана квадратным клетчатым платком. Несколько сот цветных открыток с изображением французских и американских актрис, пухлых младенцев и счастливых целующихся пар раскинуты цветным ковром на двух огромных щитах. Когда наступала ночь, он затаскивал эти щиты куда-то во двор гостиницы, а утром вновь появлялся с ними на прежнем месте. Я видел, как у щита остановился солдат в шерстяных темно-зеленых штанах и куртке, а вот подошла женщина в длинном шелковом покрывале ("аба"), оставляющем открытым только лицо. Солдат купил полуобнаженных актрис, женщина – пухлых розовых младенцев. По другую сторону от входных дверей гостиницы тоже араб торговал домоткаными коврами из козьей шерсти. Дело у него шло гораздо хуже, чем у его соседа, бойко продававшего за гроши отражение чужого счастья.

Последний раз я был в Багдаде в середине сентября 1987 года. Нестерпимая жара еще держалась, и выходить на улицу днем можно было только в случае крайней необходимости. Однажды вечером, когда жара немного спала, я отправился по старому адресу и... не нашел гостиницы "Синдбад". На этом месте в улицу Рашида врезался новый мост через Тигр, который заканчивался двумя полукруглыми развязками. Но живописная улица Рашида осталась такой же. Первые этажи зданий заняты небольшими магазинами с затянутыми металлической решеткой витринами. На вторых этажах разместились адвокатские конторы и кабинеты врачей – об этом сообщают многочисленные вывески, не забывающие сообщить, где и какие дипломы получили их владельцы. И везде – пестрая говорливая толпа, разнокалиберные автомашины, красные автобусы.

Новый мост у бывшей гостиницы "Синдбад" - одно из многих архитектурных сооружений, которые недавно украсили сегодняшний Багдад. Среди них - новые комплексы современных высотных домов, построенных с учетом национальных традиций и климатических условий, впечатляющий комплекс памятника Неизвестному солдату, новые здания дорогих гостиниц. Можно назвать, например, гостиницу "Рашид", построенную для делегаций VIII конференции Движения неприсоединения, так и не состоявшейся по причине ирако-иранской войны, гостиницы "Мансур Меллия", "Бабель", "Фалистин". Да и сам художественный центр на другом берегу Тигра, носящий имя президента Саддама Хусейна, куда я отправился по новому мосту, расположен в квартале новых суперсовременных, несколько громоздких, на мой взгляд, железобетонных конструкций серого цвета, оживляемых оставшимися двухэтажными зданиями 30-х годов в английском колониальном стиле и небольшими фонтанами, декоративными бассейнами и бронзовыми скульптурами.

Центром современного Багдада является площадь Тахрир ("Освобождение"). Сюда выходят четыре главные магистрали: улицы Джумхурия ("Республика"), Рашида, Саадуна и набережная Абу Нуваса. На улице аль-Джумхурия, проложенной через старые кварталы, находятся здания министерств, муниципалитета Багдада и другие государственные учреждения. На улице Рашида, которая застраивалась в период между двумя мировыми войнами, все здания несут на себе отпечаток архитектурных стилей той эпохи. Здесь немало домов построено в соответствии с местными архитектурными традициями. Сухой и жаркий климат вызвал необходимость устройства нависающих балконов, затянутых деревянной решеткой и называемых "шанашиль". Улица Саадуна названа в честь поэта и государственного деятеля Ирака 30-х годов Абд аль-Мохсена ас-Саадуна, которому поставлен памят-

ник еще до революции 1958 года на собранные народом деньги. После революции все памятники монархическим деятелям и английским генералам в Багдаде были сброшены с пьедесталов. Остался лишь один – Абд аль-Мохсену ас-Саадуну. Этот человек известен тем, что выступал против английского диктата, за национальные чаяния иракского народа и, потерпев поражение в этой неравной борьбе и даже подписав кабальный договор с Англией, покончил жизнь самоубийством. В середине улицы Саадуну в 1959 году был сооружен памятник Неизвестному солдату (проект иракского архитектора аль-Чадарачи), однако затем он был перенесен в другое место. Набережная Абу Нуваса, названная в честь знаменитого средневекового арабского поэта, протянулась на несколько километров. В последнее время и она подверглась существенной реконструкции: мелкие ресторанчики и малоэтажные дома были снесены, а на их месте построены высотные здания гостиниц, государственных учреждений, различных компаний.

На всех важнейших перекрестках столицы – и площадь Тахрир не исключение – устроены разворотные круги, которые иракцы называют забавным словом "филька". Филька на площади – самая большая в городе. Под ней проходит четырехрядный путепровод для автомашин. По обе стороны этого путепровода разбиты зеленые лужайки с зигзагообразными тротуарами. А над филькой по периметру сделан бетонный на столбах козырек, под который спрятались парикмахерские, магазины сувениров, книжные и др. Потоки машин и автобусов движутся вокруг фильки в три-четыре ряда против часовой стрелки, ловко перестраиваясь на ходу в нужном направлении. За все время пребывания в Ираке мне ни разу не приходилось видеть, чтобы машины столкнулись у разворотного круга. Багдадские шоферы, небрежно выставив в открытое окно левую руку, виртуозно маневрируют среди огромного скопления транспорта.

У фильки разбит Парк нации. Это громкое наименование носит небольшая площадь, мощенная каменными плитами. Здесь устроен бассейн с фонтаном и высажены деревья. Широкий вход в парк увенчан Монументом свободы – 50-метровым скульптурным фризом с отлитыми в бронзе фигурами. Монумент выполнен в 1960 году по эскизам выдающегося иракского скульптора Джавада Салима. Простые и строгие формы фриза, облицованного травертином и поднятого над землей на специальных опорах, и его 14 бронзовых рельефов, объединенных единым смысловым замыслом, производят сильное эмоциональное впечатление. Согбенный в смертельных муках человек, сидящий за решеткой темницы, и оплакивающие его женщины символизируют Ирак до июльской революции 1958 года. Революцию олицетворяет солдат, ломающий решетки ненавистной темницы, над которой восходит солнце свободы. Последняя часть этого монумента – улыбающийся рабочий с молотом в руке, мать и дети со стеблями растений – символизируют мирную жизнь. В центре небольшого зеленого пятка парка – фигура женщины в развевающейся абае, олицетворяющая иракский народ, стремящийся к свободе. Она выполнена из мрамора в 1961 году иракским скульптором Халедом Рахилем.

В Парке нации всегда многолюдно. Много гуляющих мужчин, женщин и детей. В несколько рядов сидят чистильщики ботинок с набором разноцветных кремов и паст. Около них пристроился продавец духов и благовоний. На откидной крышке его короба лежат благовонные палочки – "бухур", сделанные в Индии и дающие при горении голубой, приторно пахнущий дымок, десятки крошечных пузырьков с розовым маслом, настойками амбры, кристалликами душистой соли.

– Хистави! Хистави! Хистави! – кричит мужчина в коричневой дишдаше. На нем поверх рубахи надет европейский пиджак. На голове у него – сложное сооружение, называемое в Багдаде "чарравия".

Его носят обычно только коренные багдадцы. Состоит он из шапочки, именуемой "аракчин", плотно обернутой платком – "яшмаг". Перед продавцом лежит "джумар" – очищенное, сочащееся сладким соком корневище молодой пальмы сорта хистави, которым в Ираке лакомятся и взрослые, и дети.

В проезде, ведущем к летнему кинотеатру, ребяташки продают на улице газеты, резиновые шарики, сигареты, жевательную резинку. Солидные коробейники разложили на широких деревянных щитах ремешки к часам, зажигалки, лезвия для бритв, помазки, замочки, ручки, зеленоватые флакончики дешевых духов.

– Хаджа бид-дерхем! Хаджа бид-дерхем! – слышатся разноголосые крики. Эти возгласы можно перевести так: "Любая вещь на лотке продается за серебряную монетку дерхем достоинством 50 филсов!". Покупатели то и дело подходят, торгуются, покупают разные мелочи.

После революции 1958 года в столице была открыта Академия художеств, а в следующем году был создан Национальный музей современного искусства. Значительно возросло число ежегодных выставок, проводимых внутри и за пределами страны. На общем фоне становления национальной школы иракского искусства особенно значительной была деятельность мастеров, сыгравших роль зачинателей современного художественного движения в стране. Среди тех, кто стремился в своих произведениях к синтезу отечественных и зарубежных изобразительных тенденций, следует прежде всего назвать Джавада Салима – автора Монумента свободы в Парке нации.

В Ираке немало талантливых художников, скульпторов и архитекторов, объединенных в различные творческие группы. Но больше всего скульпторов и керамистов. Умение работать с глиной и любовь к ней – в крови у иракцев, и многие иракские интеллигенты украшают свои дома оригинальными самобытными произведениями местных керамистов

и скульпторов, которые работают в своих небольших мастерских. Полихромные керамические панно украшают фасады зданий на улицах Джумхурия и Саадуна, витрины магазинов и вывески различных компаний и учреждений.

Во время своей работы в Ираке я любил ходить на выставки, организуемые в Национальном музее современного искусства, примыкающем к Парку нации. Его затянутые в бетонную решетку стены двухэтажного вытянутого здания видны издалека. Музей построен на средства фонда Гульбенкяна. Этот человек известен под именем "господин пяти процентов". В начале этого века Гульбенкян, ныне уже покойный, оказал большую услугу нефтяным компаниям, добивавшимся подписания соглашения на концессию в Ираке у турецкого султана, и за это получил часть акций созданной впоследствии "Ирак Петролеум К^о". Компания несколько раз реорганизовывалась, но Гульбенкян неизменно сохранял свои 5% акций, приносивших ему огромные доходы. Эти миллионы и дали ему возможность заниматься благотворительностью, собирать картины и произведения искусства. Кстати, он приложил руку и к скупке коллекций нашего Эрмитажа, распродаваемых за рубежом в 20–30-х годах. Фонд Гульбенкяна, обосновавшийся в Португалии, продолжает и сегодня свою благотворительную и коллекционную деятельность.

Во время моего последнего посещения Багдада Национальный музей современного искусства был закрыт, и мне посоветовали посетить выставку в Центре искусств Саддама Хусейна на другом берегу Тигра.

Эта выставка официально открывалась на следующий день, и в некоторых залах картины, керамические изделия и скульптуры были разложены прямо на полу, а служащие и сами художники сновали между ними, примеряя, как бы лучше расположить их на обтянутых серым полотном стенах. Но часть экспонатов уже заняли свои места.

Выставка представляла живопись, керамику и скульптуру последних десяти лет. Немало работ было выполнено в реалистической манере. Большинство же из них несли на себе печать символизма, кубизма и примитивизма, но, пожалуй, чувство меры и какой-то внутренней сдержанности всегда присутствовало.

Многие керамические панно были выполнены в броской манере яркими синими и зелеными красками. Искусство керамики уходит корнями в глубокую древность: Ирак – наследник культуры древнего Шумера, Вавилона, Ассирии и Аббасидского халифата, где обработка глины была традиционно на высоком уровне.

Война с Ираном нашла отражение в работах иракских художников. Здесь и коллаж из обожженной солдатской формы, и большое панно "Героическая Басра" с рваным и прожженным полотном, и картина, изображающая идущего на фронт солдата. Вместе с тем много полотен на бытовые темы, немало городских пейзажей, есть обнаженные натуры, что довольно неожиданно для мусульманской страны. Среди картин с обнаженными фигурами выделяется одна, которая привлекает меня, как этнографа. Это автопортрет художника Махуда Ахмеда. Молодой улыбающийся художник с короткой бородкой сидит в центре в окружении шести обнаженных женщин. Одна из них сидит к зрителю спиной, повернув голову вправо таким образом, что виден ее профиль. На щеке женщины татуировка – две точки и два полуовала. На спине, в том месте, где поясница переходит в ягодицы, как бы обрамляя крестец и позвонки, вытатуирован также овал с разрывами вверх и вниз. Скорее всего, она – бедуинка; это дает основание предполагать, что татуировка у женщин иракских племен даже в интимных местах вполне допустима. Меня несколько поразила смелость художника, рискнувшего на такое откровенное изображение обнаженного женского тела в стране, где появление женщины без черной хламиды, оставля-

ющей открытым только лицо, несколько лет назад считалось вызовом общественному мнению.

Но жизнь течет, и все меняется. Сегодня Багдад – крупный научный и культурный центр арабского мира. Здесь работают три университета, Академия наук, Национальный театр, около трех десятков кинотеатров.

В городе – семь музеев, среди которых выделяется Национальный музей Ирака, где собраны имеющие мировое значение коллекции памятников материальной культуры древности. В окрестностях столицы сохраняются развалины древнего Вавилона и других старинных городов. Сюда же можно отнести находящиеся в различных районах Багдада памятники средневековой архитектуры: университет Мустансирия, дворец Аббасидов, постоянный двор Хан-Марджан и др. В Багдаде в годы республиканского строя сооружены памятники основателю города халифу Абу Джаафару Мансуру, вавилонскому царю Хаммурапи и скульптурные композиции из бронзы на темы сказок "Тысячи и одной ночи" – литературного памятника арабского средневековья.

Приход арабов в Ирак в VII веке открыл новый период в его культуре, богатой традициями древних цивилизаций. Завоевав страну, арабы не стали уничтожать ее культурное наследие, а умело воспользовались творчеством покоренных народов Ирака. Арабы-кочевники, стоявшие на более низком уровне, чем завоеванные ими народы Месопотамии, обогатили собственную культуру достижениями оседлой цивилизации.

Современный исследователь иракского искусства А.А.Богданов в своей книге "Современное искусство Ирака" (Л., 1982, с. 7–8) приводит на этот счет мнение западных специалистов по мусульманскому средневековью У.-М.Уотта и П.Какиа: "Для исследователя культуры одной из самых интересных черт мусульманского общества центральных земель представляется способность мусульман-арабов через по-

средство своей религии и языка поглощать большую часть культурного наследия народов... Арабы вышли из пустыни или из городов, тесно связанных с пустыней, — следовательно, уровень их материальной культуры был весьма низок, хотя они достигли, как можно утверждать, высокой степени совершенства человеческой личности и человеческих отношений. Народы, которые они покорили в Ираке, Сирии и Египте, веками поддерживали высокий уровень материальной и духовной культуры; последняя включала в себя и греческую философию, и основанную на ней христианскую теологию. И все же именно культура арабов стала матрицей для новой мусульманской цивилизации, ассимилировав все, что было лучшим в более древних и более высоких культурах”.

Мне всегда нравилось бродить по старым кварталам Багдада и знакомиться вблизи, накоротке с жизнью иракцев, их обычаями и нравами. Иракцы считаются довольно сложными по характеру людьми. Поначалу они показались мне несколько жесткими и скрытными, но это впечатление рассеялось, как только они почувствовали мое расположение и искреннее желание их понять. Поэтому с первой встречи откровенная беседа вряд ли получится. Вторая, а более вероятно, третья встреча, если она будет проходить в ненавязчиво доброжелательном духе, даст возможность ближе узнать своего собеседника. Вы услышите много интересного, например, как проходит свадьба в его родной деревне и какие обряды при этом выполняются. Но здесь нужно быть особо осторожным и не задавать вопросы, скажем, о положении женщин. Эмансипация женщин пока не стала доминирующим явлением в арабских странах, в том числе в Ираке. Поэтому повышенный интерес к женской половине иракской семьи, попытки вмешательства в распорядок праздника, на который вас пригласили (“Ну пусть ваша жена посидит с нами”, “Почему вы ее прячете?..” и другие подобные высказывания), воспринимают-

ся негативно и могут навсегда испортить ваши отношения.

Все мои рассказы об арабских странах, в частности об Ираке, несут на себе отпечаток этого моего специфического интереса к духовной жизни, нравам и обычаям арабов. Но этот интерес оправдан, и каждому, кто может бросить мне упрек, я могу ответить: прежде чем изучать политические и экономические структуры той или иной страны, нужно познать духовную жизнь населяющего ее народа, его религиозные представления и национальный характер. Именно последнее поможет лучше узнать и политические и экономические структуры, которые выросли на специфической, национальной почве.

Свои прогулки по Багдаду я всегда завершал на улице Саадуна и набережной Абу Нуваса.

Плетеные пирожные, пряники с лимонами, марципаны, пастила и халва всевозможных видов горами лежали на огромных блюдах, выставленных в витринах багдадских кондитерских на улице Саадуна. В народных ресторанчиках подавали вкусное мясное блюдо "газ". В Сирии это блюдо называют "шаурма". Даже в Каире, славящемся своей кухней и поварами, его готовят сирийцы. Но иракцы оказались хорошими учениками, и приготовленный в Багдаде газ не уступает дамасской шаурме.

Для газа берут куски мяса молодого барашка разной величины и насаживают их на толстый вертел. Высокий конус венчают большие куски жира. Повар постепенно поворачивает вертел, с тем чтобы все стороны равномерно поджаривались на жаровне либо с углями, либо с толстыми спиралями электрической плитки. Когда мясо готово, он начинает срезать его огромным ножом в закрытый сверху совок.

– Нафар газ, – кричит официант, и повар выбрасывает на тарелочку одну порцию мяса и достает из ящика продолговатую белую лепешку "самун". К газу подают на блюдечке маринованные репу, редиску, мосульский чеснок, огурцы, лук и стручко-

вый перец, называемые единым словом "турши". Нередко эту еду запивают "лябаном" – кислым овечьим молоком, разбавленным водой и немного присоленным.

У порога ресторанчика на улице Саадуна, возле площади Тахрир, где делали хороший газ, иракец готовил крепкий ароматный чай. Его называют турецким словом "чайчи". Чайчи подавал чай в небольших стопках, называемых в Ираке стаканами. Поэтому выражение "стакан чаю" можно нередко услышать и в Багдаде.

Через короткий переулочек с улицы Саадуна можно попасть на набережную Абу Нуваса. Здесь, на правом левом берегу Тигра, в небольших ресторанах вечером готовили знаменитое рыбное блюдо "маскуф". Каждый посетитель в небольшом бассейне выбирал живую рыбу, которую повара тут же чистили, потрошили, насаживали на рожны и пододвигали к пылающему хворосту. Минут через пятнадцать рыбу укладывали на угли и затем на блюде подавали к столу вместе со свежими или запеченными помидорами либо с луком.

На Абу Нувас, на улицах Рашида и Саадуна нередко можно было увидеть большой зал или лужайку под пальмами, украшенную разноцветными лампочками. Здесь на сколоченных из досок скамьях сидели за столами мужчины. Они играли в домино, нарды, курили булькающий кальян, пили кофе, чай или просто смотрели на улицу, мирно перебирая четки. Это – арабские кофейни. В них встречал я иракцев в фетровых пилотках – "сидра". Этот традиционный иракский головной убор называют иногда "фейсалия", по имени иракского короля Фейсала I, надевшего его впервые. В начале 20-х годов сидру носили образованные люди, занимавшие привилегированное положение в обществе.

Сейчас сидра символизирует косность, верность старым обычаям и представлениям, и ни один молодой человек ее не наденет. В кофейнях, посещаемых простым людом, скамьи застелены тонки-

ми пальмовыми циновками. В других кофейнях лавки лучше и убраны коврами. В них можно снять обувь и забраться на лавку с ногами, сложив их по-турецки. Когда-то к подлокотникам лавок приделывали гладкие деревянные шары – "румман" (в пер. с араб. "плод граната"), за которые обычно держались сидящие люди. Один мой знакомый утверждал, что, держась рукой за румман, человек лучше отдыхает, его поза более величественна и благородна.

Раньше в кофейне считалось неприличным громко разговаривать, а сегодня в большинстве из них ревет радиоприемник или телевизор, азартно спорят игроки в домино, раздаются крики посетителей, подзывающих официантов или "кахвачи", который бесплатно угощает гостей арабским кофе. Этот вид тонизирующего напитка неизвестен у нас. Его готовят в большом носатом кофейнике "далля" без цикория, но с различными специями, в пропорциях, известных только самому кахвачи. В кофейне такой кахвачи, хорошо знакомый за-всегдашним, умело лавирует меж лавок, позванивая маленькими фарфоровыми пиалами. По первому вашему знаку он подходит и ловко выплескивает на доньшко пиалы несколько глотков мутной желтоватой жидкости. Можно выпить один раз, второй и третий и затем отдать чашечку мальчишке, который идет следом за кахвачи и их моет. Просить кофе после трех раз считается неприличным. Хороший кахвачи и его отменный арабский кофе, за который платит хозяин кофейни, иногда привлекает посетителей больше, чем дорогие ковры на лавках или полированные нарды. Бесплатное угощение кофе в арабских странах восходит к древним традициям кочевых племен Аравийского полуострова.

Женщины в кофейни не заходят. Если мужчине, идущему с женой, необходимо зайти в кофейню и перекинуться словом-другим с приятелем, жена останавливается в сторонке и терпеливо ждет его

возвращения. В прошлом даже ожидание мужа в подобной ситуации считалось предосудительным.

Хозяин кофейни, как правило, человек весьма уважаемый. Он обычно в курсе всех событий, происходящих в округе, первый советчик в семейных и деловых вопросах. Лучше его никто не знает, где живет пригожая невеста с хорошим приданым или обеспеченный жених. В сельской местности хозяин кофейни и сегодня является лицом более авторитетным, чем деревенский староста.

Раньше в Багдаде кофейня была оплотом стариков, и визит 30-летнего мужчины расценивался как неуважение к традициям и обычаям. После вечерней молитвы, к восьми часам, большинство кофейен закрывалось и работали лишь те, где либо выступали певцы, либо организовывались петушинные бои – "аль-кисар". Кофейня "Батш" была самым известным местом, где устраивались такие бои. В кофейнях "Аззави" и "аш-Шатт" в 20-х годах выступали "икяры" – певцы, аккомпанирующие себе на "раббабе" – однострунном смычковом инструменте. Сейчас багдадские кофейни захлестнул ритм жизни современного большого города. Их посещают преимущественно молодые люди, допоздна стучат костяшки домино, на всю мощь работает радиоприемник или телевизор, кричат азартные игроки, давая старикам лишний повод поговорить о забвении хороших обычаев своей молодости.

В Багдаде несколько крытых рынков, но самый старый и известный – "Сук ас-сарай", расположенный в старом квартале города на левом берегу Тигра. Под его многокупольной крышей вот уже несколько веков шумит пестрая толпа, разбиваясь на ручейки, разливаясь по многочисленным переулкам, тупикам, лавкам. Чтобы попасть на рынок, лучше всего перейти реку по Мосту павших героев. Слева от моста находится ансамбль административных зданий, построенных еще турками. Эти здания называются по-турецки "сарай", т.е. "дворец". Они-то и дали название соседнему рынку (араб. "сук").

Сук ас-сарай состоит из нескольких рядов: обувщиков, продавцов тканей, торговцев местными коврами, медников и жестянщиков, торговцев готовым платьем и др. В специально отведенных местах сидят менялы со своими стеклянными ящиками, где аккуратными стопками сложены иракские динары и другая валюта. На центральной линии, называемой "сук аль-хардават", что можно условно перевести как "рынок тысячи мелочей", продаются пуговицы, духи, зеркальца, нитки, ленты, тесьма, расчески, мочалки из пенькового волокна, мыльницы и другие мелочи.

...Лавируя в живописной толпе, я пробираюсь в глубь рынка. Навстречу идут иракские женщины. Одной рукой они поддерживают спадающую черную абаю, закрывающую европейское платье и модные туфли, а другой – выразительно объясняют друг другу достоинства и недостатки только что приобретенной вещи. Жесты в Багдаде весьма красноречивы, ими можно сказать многое. Я был свидетелем, как сидевший за рулем шофер идущей впереди автомашины, выставив в открытое окно левую руку, одними жестами отругал нашего водителя, пытавшегося обогнать его в недозволенном месте.

Горластые мальчишки, снующие по всему рынку, продают расчески, вешалки, бельевые защепки, одеколон. Гору солнечных апельсинов, уложенных на широкую тележку с весами, толкает перед собой невозмутимый крестьянин. Его трехколесная тележка широка, ее края задевают прохожих, и торговцу вслед летят проклятия и ругательства. Медленно переваливаясь, бредут по проходам носильщики с огромными ящиками и тюками на спинах. Они появляются откуда-то из боковых проходов, ведущих в многочисленные, скрытые от глаз торговые склады – "ханат".

Носильщиками на багдадских базарах, как правило, работали курды, одетые в специальные войлочные стеганые куртки ("мандар") с плотной подушкой на спине. Согнутые в три погибели, они

лишь выдыхали: "Тарик! Тарик!" ("Дорогу! Дорогу!"). Некоторые ноши были настолько велики и тяжелы, что, кажется, подогнись ноги – и огромный ящик раздавит носильщика в лепешку.

Под сводами крытого рынка горят голубоватые неоновые лампы, и все предметы, освещенные ими, меняют свои тона. В воздухе стоит крепкий запах кожи, кошм и восточных благовоний. В некоторых лавках курятся голубоватым удушливым дымком тонкие черные палочки бухура.

Сразу же за обувным рядом находится небольшая площадка – "сук аль-харадж", где периодически устраиваются аукционы по распродаже подержанных вещей. Во время аукциона стоит страшный шум и галдеж. Сук аль-харадж уже стало понятием нарицательным – так теперь в Багдаде называют все шумные места.

Несколько ступенек ведут с этой площадки вниз, к широким воротам некогда знаменитой духовной школы, построенной халифом Мустансиром в первой половине XIII века. Этот аббасидский правитель, славившийся любовью к искусству и наукам, пожертвовал, по свидетельству историков, 700 тыс. золотых динаров на строительство школы. Иракцы не без основания считают это учебное заведение первым в мире университетом, ибо здесь кроме духовных дисциплин изучали арабскую филологию, философию, грамматику, стихосложение, арифметику, алгебру, механику и медицину. В библиотеке школы Мустансира насчитывалось 80 тыс. томов рукописных книг, привезенных в Багдад со всех концов Аббасидского халифата. В период расцвета школы Мустансира в ней насчитывалось 150 обучающихся.

Монгольские завоеватели, разграбившие Багдад в 1258 году, пощадили известную школу и даже способствовали ее дальнейшему расцвету, привозя в кандалах из всех завоеванных стран мусульманских проповедников и ученых. Однако Тамерлач, взявший Багдад в 1392 году, нанес первый удар по его духов-

ным сокровищам. Сменявшие друг друга династии и завоеватели, озабоченные борьбой с соперниками и народными восстаниями, не только не уделяли внимания школе, но считали за доблесть спалить уцелевшие рукописи и переплетенные в кожу фолианты. Только в 1925 году министерство вакфных земель обратилось к правительству королевского Ирака с просьбой выделить необходимые суммы на восстановление и ремонт школы. В то время в ней находились торговые склады и таможня, а внешняя стена, выходящая на берег Тигра, была занята прилепившимися к ней кофейнями и лавочками. На стенах темных харчевен над огромными кастрюлями с остро пахнущим супом из требухи и бараньих ножек, называемым "пача", выделялись изречения из Корана, выложенные кирпичом еще в период основания школы. Денег у королевских властей Ирака не хватало, и восстановление школы Мустансира затянулось на несколько десятилетий. Только в 1962 году, в связи с 1200-й годовщиной со дня основания Багдада, Управление археологических памятников открыло ее для обозрения посетителей.

Внутри, за высокой стеной находится небольшой дворик с бассейном. На каждой стороне прямоугольного здания встроена высокая стрельчатая ниша (айван) с роскошным сталактитовым сводом и фасадом в форме сломанной в центре арки, украшенной геометрическим орнаментом. Этот архитектурный тип четырехайванной мечети, классическим образцом которого считается школа Мустансира, сложился на основе традиций ирано-сасанидского зодчества. По обе стороны от каждого айвана на уровне первого и второго этажей расположены ученические кельи. На верхнем этаже они выходят на балкон, протянувшийся вокруг всего здания, а внизу — прямо во дворик или в узкие проходы с высокими стрельчатыми потолками. Вход в кельи первого этажа, сделанный в виде арки, украшен геометрическим орнаментом, который выполнен по

алебастровой штукатурке и производит впечатлительные замысловатого узора.

В помещении школы (во время моего первого пребывания в Багдаде) был устроен небольшой музей. В одном зале, посвященном развитию средневековой медицины, экспонировались инструменты, которые применяли когда-то лекари во время операций, и различные растительные препараты и минералы, служившие исходным материалом для изготовления лекарств. Один из макетов показывал основанную в Багдаде в 792 году аптеку.

На стене другого зала висела большая таблица, показывающая развитие арабской письменности. От алфавита арамейцев, живших в Сирии и северной части Аравийского полуострова, произошли квадратное письмо иврит, тадморская, персидская и набатейская письменности. Из последней впоследствии развилась древнеарабская письменность, а уже в Куфе было изобретено ломаное куфическое письмо. Следующим этапом явилось его упрощение и превращение в письменность насихи, развившуюся в современный арабский алфавит. Сейчас в арабском языке существуют семь видов написания букв, которые настолько отличаются друг от друга, что не всякий человек, знающий арабский язык, сразу прочитает написанное. В старых школах арабская каллиграфия выделялась в специальный предмет. Но даже и сейчас в Ираке человек, умеющий красиво писать, уважительно называется "хаттат" — "каллиграф".

В соседнем зале под стеклом были выставлены навигационные приборы древних арабских путешественников: астролябия, компас, глобус, квадранты и несколько географических карт земного шара. Первая из них, датированная 951 годом, сделана в виде круга, на который нанесены Индия, Китай, Египет и Персия. Несколько карт Ирака висело на стене. Они довольно точно передавали две реки и отходящие от них оросительные каналы. Одна из карт выполнена известным географом Макдисси,

жившим в конце X века. В своей книге этот ученый писал, что познакомился со всеми известными библиотеками, слушал всех выдающихся проповедников своего времени. Другой арабский историк, географ и путешественник, Масуди из Багдада, живший также в X столетии, провел в путешествиях 27 лет. Он посетил Персию, Индию, Азербайджан, Армению, Северную Африку, остров Цейлон, жил в Сирии и Египте и оставил нам свыше 20 сочинений о посещенных им странах. В одном из своих сочинений Масуди привел семь городов, основанных мусульманами, с указанием даты их основания: Басра (около 635 года) и Куфа; Фустат (Старый Каир; около 640 года); Камла в Палестине и Васит в Ираке (начало VIII века); Багдад (около 762 года); Самарра (около 835 года). Он же – автор знаменитого труда "Промывальни золота и россыпи алмазов".

Багдадские купцы, водившие караваны в Египет, Индию и Китай, были не только торговцами, но и любознательными путешественниками. Они способствовали распространению многих географических и торговых понятий, таких, как "зенит", "роза ветров", "тариф", "карат" и др. Популярное изречение багдадских купцов раннего средневековья гласило: "Кто отправляется в путешествие ради знаний, тому Бог облегчит дорогу в рай!".

Самым посещаемым иностранцами рядом в Сук асарай был ряд медников и жестянщиков. На неширокой улице, затянутой в жаркое время рваными и прокопченными полотнищами, около порога своих лавок сидели медники, жестянщики и кузнецы. Дробный перезвон молотков слышался издали. Одни мастера расправляли большие листы оцинкованного железа, с тем чтобы сделать из него большой бак для воды, другие – большими ножницами, прикрепленными к тяжелой колоде, резали по только им видимой черте полосы жести для изготовления большого таза для стирки, третьи стригли четырехгранные проволоки, затачивали концы и делали шампуры для приготовления шашлыка.

Под закопченными полотнищами крепко пахло гарью. В лучах солнца, проникавших через рваные навесы, зеленоватыми струйками вился дымок. Солнечные зайчики танцевали на полированных боках уже готовых медных казанов и кастрюль ("джудрия"), на огромных тарелках для риса ("сыния") и пузатых самоварах.

Рынок медников в Багдаде, или "сук ас-сафафир", называли иногда "Баб аль-Ага" – "Врата правителя". Раньше здесь в многочисленных подвалах вместе с медниками работали пекари, и сюда за теплым пышным хлебом приезжали со всех концов города. С тех далеких времен выражение "хлеб из Баб аль-Ага" стало синонимом хлеба высшего качества. Если вы хотите сделать комплимент своему знакомому, предлагавшему вам угощение, скажите ему, что все его кушанья хороши и вкусны, как хлеб из Баб аль-Ага.

Ремесленники на рынке медников работали обычно семьями. Десятилетние мальчишки и бородастые отцы семейства, перемазанные сажей, сидели по-турецки перед открытыми дверьми своих лавок, осторожно отбивали на поставленных меж согнутых ног наковальнях кувшины с широким кружевным сливом, кофейники с большим носиком, начинающимся прямо от доньшка, припаивали ручки к кувшинам для воды, в которых иракские женщины носят воду от источников к дому, мастерили небольшие медные кувшинчики и тазики, употребляемые для мытья рук перед едой.

Багдадские медники и жестянщики не только изготавливают, но и торгуют. Предмет продажи – свои изделия, а также импортный товар. Здесь можно купить как дореволюционный тульский самовар, так и современную кастрюлю-сковородку, сделанную во Франции.

Тут же продаются огромные баки для воды, устанавливаемые на крышах домов, медные и жестяные тазы для стирки белья, гвозди, проволока, замки, дверные ручки, петли.

В антикварных лавках Сук ас-сарая можно было купить старые кинжалы, турецкие пистолеты, персидские ковры и предметы национальной одежды. Я часто посещал этот ряд и с некоторыми из торговцев завязал знакомство. Хозяином одной из таких лавок был Хусейн – старый багдадец, седобородый, с морщинистым загорелым лицом доброго джинна из сказок "Тысячи и одной ночи".

– Алла биль хир, – проговорил он, когда я сел на стул в его лавке, устроенной в подвале старого дома на сук ас-сафафир.

– Алла биль хир, – ответил я, привстав со стула. Эту форму приветствия я встречал только в Багдаде, и ее можно перевести как любезную просьбу к Аллаху сделать ваше сидение приятным. Первыми произносят ее те, кто уже сидит на стульях или топчанах. Вновь вошедший и севший на стул, услышав это приветствие, повторяет его каждому.

С Хусейном я был знаком давно. Он совершил паломничество в Мекку и Медину – города, где соответственно родился, проповедовал и умер пророк Мухаммед, и прибавил к своему имени приставку "хаджи", что давало ему право на особое уважение своих родственников и соседей. Обычно он сидел в своей лавке, лениво перебирая четки и время от времени пригубляя из стаканчика чай. Горячий сухой воздух, смешанный с запахами окалины и углекислого газа, стоял в Баб аль-Ага, а в полуподвальном помещении было прохладно и немного пахло пылью и сыростью. Хозяин сидел на деревянном стульчике, и на его лице с большим и гладким пятном пендинки на щеке было разлито блаженство. Пендинская язва, распространенная и у нас в Средней Азии, в Ираке встречается преимущественно в Багдаде. Пендинкой обычно болевают в детстве и, переболев, получают стойкий иммунитет к этой болезни на всю жизнь. У редкого багдадца нет на лице круглого шрама от этой язвы.

Пендинская язва – одна из форм кожного заболевания, вызываемого одноклеточными паразита-

ми и передающегося через кровососущих насекомых (москитов и др.). Это заболевание имеет несколько названий: алеппская (от сирийского города Алеппо) пустула (пузырь, прыщ, гнойничок), алеппский веред (слово "веред" – от "вредить" – означает "нарыв", "чирей"), годичная язва, багдадская язва.

В первый раз я купил у хаджи Хусейна иракский кривой кинжал с костяной рукояткой в ножнах, затянутых темной кожей с тисненым орнаментом. Хусейн, как настоящий специалист по средневековому оружию, мог долго рассказывать о том, каково происхождение того или иного кинжала, как и где он его достал. Однажды я спросил его:

– Что нового приготовил для меня хаджи Хусейн?

Он молча встал со стульчика, и, спустившись по крутой лесенке еще глубже, во второй подвал, где у него были свалены ждущие ремонта кувшины и турецкие пиццали, вынес инкрустированную перламутром шкатулку и царственным жестом выбросил из нее на неглубокое чеканное блюдо десятка два-три потемневших серебряных монет.

– Динары Харуна ар-Рашида!

Беру в руки тонкие потемневшие от времени серебряные монеты, на которых с трудом можно разобрать по краю слова: "Выбито в Городе мира в 179 году хиджры" и в центре: "Рашид".

Всего в Багдаде правили 39 аббасидских халифов, которые чеканили свои монеты. Из всех аббасидских халифов самый известный, конечно, Харун ар-Рашид, правивший Аббасидским халифатом с 786 по 809 год. Увлекательные сказки "Тысячи и одной ночи", в которых он всегда изображался как мудрый, добрый и щедрый правитель, способствовали тому, что этот жестокий деспот и тиран в жизни был окружен после своей смерти ореолом незаслуженной славы. Отец Харуна ар-Рашида, халиф Махди, завещал власть старшему сыну Хади. Но мать предпочла младшего – Харуна, прозванного Рашидом – Правосудным. Ее рабыни задушили подушками Хади, а министр двора – визирь – приказал провозгла-

силье халифом Харуна. Став правителем, Харун, как свидетельствуют историки, не оценил поступка своего визиря и приказал казнить его после 17 лет безупречной службы. Во время правления Харуна ар-Рашида впервые на пирах стал присутствовать палач с кожаной подушкой, на которой он по легкому кивку халифа прямо на пиру сносил голову с плеч неугодному вельможе.

Вместе с хаджи Хусейном я как-то отправился в соседний переулок познакомиться с работой мастеров, делающих декоративные тарелки. В лавке Хасана Джафара Абу Тураба вся стена сплошь увешана такими тарелками всевозможных размеров. Большинство орнаментов сделано по персидским мотивам. Здесь и тонконогие газели, пасущиеся в зарослях фантастических кустов, и журавли в камышах, и полуобнаженные с миндалевидными глазами красавицы, возлежащие на подушках, и мусульманские рыцари в чалмах со страусиными перьями. В тесном подвале старинного дома на деревянном чурбане мастера выбивают на листе меди рельефные узоры. Каждая тарелка непохожа на другую, так как мастер при работе импровизирует, не имея заранее заготовленного трафарета. Тарелки делают из латуни или красной меди, закупаемой за границей, иногда – из жести. В последнем случае тарелки покрывают в гальванической ванне тонким слоем меди.

Выйдя на улицу из лавки Хасана, я оказался прямо перед кофейней, слева увидел голубой купол Мирджан-хана – постоянный двор, построенный во второй половине XIV века, справа от меня шла улица халифа Мустансира, представлявшая собой сплошной ряд магазинов, где продавали косметику, кружева, предметы женского туалета. Поэтому иногда в обиходе ее называли "леди стрит", т.е. "женская улица". Метров через сто на моем пути встретилась турецкая баня. На пороге ее дверей, из которых тянуло сыростью, сидел толстый банщик – "далляк". Этой профессией обычно не гордятся, поскольку по

традиции специальности банщика и мясника считаются нечистыми.

В Ираке есть турецкие и арабские бани. Они мало отличаются друг от друга, только в первых несколько жарче. Посетители бани обычно надевают на чресла в мыльном отделении небольшой, принесенный из дому или взятый в бане напрокат платок ("паштамаль") и башмаки на деревянной подошве ("кубкаб"). В турецкой бане, прежде чем попасть в руки далляка, посетители сидят на горячем каменном кругу, выступающем на полметра от пола. Это своего рода парная. В средние века в багдадских банях вместо мыла употребляли бобовую муку, а листья лотоса служили мочалкой. Сейчас почти во всех магазинах можно купить мыло любых сортов и отличные мочалки, сплетенные из пенькового волокна в форме груши. После бани багдадцы пьют крепкий чай, заваренный с порошком корицы.

Столица Ирака хороша во все времена года. В начале марта в Багдаде начинают распускаться розы и апельсиновые деревья, выпускают клейкие листочки смоковницы, из зонтиков пальм показываются кремовые стебли с цветами. Но тополя стоят еще голые. На их длинных гибких ветвях прыгают крупные синицы и качаются воркующие дикие голуби, называемые иракцами "фухтая". В саду дома, где я жил (район Каррадат Марьям), невысокие апельсиновые деревья были усеяны желтыми тычинками и длинными пестиками. Редко кто из нашего дома, проходя мимо, не пригнет ветку, чтобы вдохнуть их крепкий, жасминный запах.

Весной с каждым днем лето набирает силу. В апреле температура достигает 35° в тени, а во второй половине мая устанавливается постоянная сухая жара с дневной температурой 45–47°. В первой половине августа градусник термометра иногда подскакивает до 52°. В это время город кажется вымершим. Все сидят дома у вентиляторов, кондиционеров и кулеров. Можно только почувствовать тем, кому приходится, в это время ходить по улице или

ездить по раскаленному полуденным солнцем городу на автомашине.

Осень в Ираке проходит незаметно. Начиная со второй половины сентября температура падает с каждым днем, по утрам и вечерам становится прохладно. В это время года случаются песчаные бури. Небо заволакивает серо-желтой пеленой, за которой не видно даже солнца, на столах, на книгах появляется тонкий слой мелкой пыли, автомашины ходят в городе с зажженными фарами.

Зимой в Багдаде идут дожди, и температура опускается до 10–15° тепла. Состоятельные иракцы надевают демисезонные пальто, бедняки стараются поплотнее закутать голову в теплый платок. В Сирийской пустыне дуют прохладные ветры, и пастухи надевают тяжелые тулупы, сшитые из овечьих шкур. На севере Ирака в горах выпадает снег. Из-за обильных дождей вода в Тигре поднимается и затапливает отмели левого берега. Зимой в бетонных коробках домов холодно. Центральное отопление есть только в домах современной постройки. В Багдаде в некоторых домах топят каминны и керосиновые печки. Дрова покупают на вес в специально отведенных муниципалитетом местах городских рынков.

Проходит зима, и вновь наступает весна, которая по праву считается здесь самым лучшим временем года. В знаменитых сказках "Тысячи и одной ночи" Багдад предстает во всей своей красе только весной: "Вот Багдад... зима ушла от него с ее холодом, и пришло к нему время весны с ее розами, и деревья в нем зацвели, и каналы в нем побежали".

Древний Вавилон в конце XX столетия

Мне представилась возможность совершить большое путешествие по южным районам Ирака. Программа поездки включала посещение развалин древних городов – Вавилона, Борсиццы и Ура. Эти

центры древней цивилизации до военных действий последних лет привлекали в Ирак тысячи туристов.

Хорошая асфальтированная дорога. Первые километры пути из Багдада на юг. По обочинам дороги мелькают большие сады, огороженные глинобитными заборами с тяжелыми металлическими воротами. Сейчас конец февраля, и в садах уже цветут абрикосовые деревья. Белые и бледно-фиолетовые нежные цветы покрывают безлистые ветки, поднимающиеся над серыми глинобитными стенами.

Серебристая лента шоссеиной дороги теряется где-то у горизонта. Плоская сероватая равнина покрыта пожухлой прошлогодней травой. Однообразие пейзажа нарушается лишь темными дымами кирпичных заводов, производящих желтые по цвету кирпичи, из которых построено большинство домов Багдада и городов Южного Ирака. На высоких призматических трубах заводов, напоминающих по форме морской корабль, цветными кирпичами выложены имена Аллаха, пророка Мухаммеда, халифа Али и его сыновей Хусейна и Хасана. Изредка попадаются рощи финиковых пальм и небольшие, спрятавшиеся в их тени деревушки. Дома этих деревень сооружают из плотных циновок, сплетенных из пальмовых листьев, и обмазывают толстым слоем глины. В таких домах, называемых "сарифами", живут большинство крестьян Южного Ирака.

На 90-м километре от дороги Багдад-Хилла есть съезд вправо, к развалинам Вавилона. Примерно через километр я останавливаюсь перед воротами богини Иштар, ведущими в южную часть древнего города. Эта богиня любви и плодородия, богиня воительница, олицетворение планеты Венеры, весьма почитаема на Древнем Востоке, где она известна под разными именами. Сама Иштар, или Истар, — богиня ассиро-вавилонской мифологии. Нередко ее называют также по имени древнесемитского божества Астарта. Уже в более позднее время Иш-

тар-Астарта отождествлялась с карфагенской Таннит, греческой Афродитой и римской Юноной. Любимыми песнопениями богини Иштар были гимны: "Я – Истар, богиня вечера. Я – Истар, богиня утра. Я – Истар, отверзающая засов сияющего неба в моем великолепии. Небеса сокрушаю я, землю поражаю, горы низвергаю. Я – великая мать гор, их предел". Так поется в одном из гимнов, нанесенном на клинописные таблички, находящиеся в Берлинском музее с 1886 года.

Греческий географ и историк Геродот посетил Вавилон в V веке до нашей эры и был потрясен его размерами и величием. Он назвал его самым прекрасным из всех виденных им городов. Именно этому великому греку мы обязаны детальным описанием Вавилона.

Вавилон первых веков до нашей эры, каким застал его Геродот, был крупнейшим торговым, политическим и культурным центром Передней Азии. Он стоял на пересечении важнейших торговых путей. С севера на юг в круглых, сплетенных из ивовых прутьев корзинах, затянутых овечьей кожей и обмазанных битумом, к морю сплавляли свои продукты народы, населявшие Армянское нагорье. С запада на восток через Вавилон проходила царская дорога Персидской державы. Она начиналась на Эгейском побережье Малой Азии и, проходя через верховья Евфрата и далее вдоль побережья Тигра, кончалась у Суз – столицы Элама – древнего государства, в VI веке до нашей эры завоеванного персами. 1400 километров дороги, отдельные участки которой сохранили свое каменистое покрытие до наших дней, караваны проходили за три месяца.

Основу хозяйства Вавилонии составляло орошаемое земледелие, которое сложилось еще в IV тысячелетии до нашей эры. Главными продуктами, производимыми в южной Месопотамии, были зерно и финики, а также продукты развитого скотоводства – кожа и шерсть. О масштабах орошаемого земледелия говорит такой факт, что еще в IV–III ты-

сячелетиях до нашей эры вдоль всей долины Тигра и на протяжении большей части долины Евфрата работали оросительные установки, поднимавшие воду на поля и в сады. Некоторые оросительные каналы были снабжены шлюзами и настолько широки и глубоки, что могли использоваться в качестве судоходных каналов.

Вавилон располагался по обе стороны Евфрата и тянулся вдоль реки узкой полосой на 22 километра. Город был окружен глубоким рвом со скатами, обложенными кирпичами с асфальтовой прокладкой, и рядами высоких кирпичных стен, увенчанных башнями. Стены первой линии укреплений были особенно мощны: их высота достигала 7 метров, ширина – 15 метров. Они имели 100 ворот из кованой меди. Во время весеннего половодья отдельные участки стен близ Евфрата играли роль дамб и поэтому сооружались особенно тщательно.

Улицы города были расположены по четкому плану: одни шли параллельно реке, другие пересекали их под прямым углом. В тех местах, где улицы выходили к Евфрату, они заканчивались медными воротами. Вавилоняне застраивали улицы трех- и четырехэтажными домами. В северной части города на левом берегу реки возвышался большой дворец, построенный Навуходоносором в VI веке до нашей эры, а на другом берегу – четырехугольный храм главного бога вавилонян Мардука, достигавший высоты современного восьмиэтажного дома. В основании храм представлял собой квадрат со стороной 3,5 километра, в центре квадрата стояла ступенчатая башня, где находилось святилище с жертвенником. Башня имела семь ярусов из сырцового кирпича, соединявшихся лестницами и пандусами. Такое сооружение и сегодня называется зиккурат.

Вавилон поражал воображение иноземцев и своей архитектурой. Висячие сады, сооруженные в Вавилоне, Геродот относил к одному из семи чудес света древнего мира. Первый этаж висячих садов

представлял собой помещение с толстыми перекрытиями из обожженного кирпича, над которым уступами поднимались второй и третий этажи. На этих искусственных террасах была насыпана земля и высажены деревья. Они орошались при помощи специально созданных сложных ирригационных сооружений. За садами Вавилона прочно закрепилось название "висячие сады Семирамиды". Эта вавилонская царица не имеет к ним никакого отношения. Сады построил Навуходоносор для своей жены — мидийской принцессы Амитас, которая очень страдала от душного климата Месопотамии, вдали от родных гор и лесов. Навуходоносор построил также хитрую систему дамб и сооружений, которые собирали паводковую воду и через шлюзы могли выпустить ее, затопив огромную территорию, над которой Вавилон возвышался как неприступный остров. Сам царь, искусный полководец, был также и строителем: вместе со своими сыновьями он не гнушался носить в корзинах кирпичи для возведения храма Мардука и своего дворца.

Вавилонская царица Нитокрида также снискала себе славу благодаря строительству плотин, оросительных каналов и большого разводного моста, соединявшего две части столицы. Мост был сложен из больших необтесанных камней, скрепленных специальным раствором и свинцом. Его средняя часть, сделанная из бревен, на ночь разбиралась. Царица Нитокрида соорудила себе гробницу в верхней части ворот, через которые чаще всего въезжали в Вавилон, и приказала написать на ней фразу: "Если кто из следующих за мной царей будет нуждаться в деньгах, пусть откроет гробницу и возьмет оттуда денег столько, сколько захочет. Если же он не будет нуждаться, то ни под каким предлогом не должен вскрывать гробницу, ибо пользы ему от этого не будет!" Мавзолей Нитокриды оставался нетронутым до времен царствования Дария. Этот персидский царь посчитал неслепым не воспользоваться деньгами, оставленными Нитокридой, а за-

одно и перенести ее прах в другое место: проезжать под воротами, зная, что над головой находится усыпальница, ему было неприятно. Дарий открыл гробницу, но денег в ней не нашел. Обозленному монарху показали обнаруженную в усыпальнице клинописную табличку: "Если бы ты не был столь ненасытен к деньгам и не преисполнен низкой алчности, но не открывал бы гробницу мертвеца".

О величии древнего города свидетельствует и то обстоятельство, что Александр Македонский, взявший Вавилон в 331 году до нашей эры, намеревался сделать его столицей своей империи. Греческий полководец основал близ Вавилона один из 70 городов, названных его именем. Иракская Александрия существует и по сей день. Здесь при содействии советских специалистов построен и успешно работает завод сельскохозяйственных машин и металлоконструкций. Но честолюбивым планам великого полководца не суждено было сбыться. Александр умер в 323 году до нашей эры в Вавилоне. Его тело положили в мед и в течение двух недель везли в Грецию, чтобы предать земле.

Навуходоносор, которого библейский пророк Даниил, находившийся в плену в Вавилоне, назвал "золотой головой" и "царем царей", разукрасил ворота богини Иштар цветными барельефами животных из глазурованного кирпича.

Я стою у этих ворот и рассматриваю животных, призванных внушить страх и благоговение всем проходящим под ними. Вот фантастический дракон с когтистыми лапами орла и хвостом в виде змеи. Его тело покрыто чешуей, небольшая плоская голова увенчана завитым в спираль рогом, из сомкнутой пасти высовывается раздвоенный язык. На гигантских воротах с двумя выдающимися вперед башнями я насчитал несколько десятков фантастических животных.

Минуя небольшой музей, пристроенный к внутренней стороне ворот, поднимаюсь по каменной насыпи на Дорогу процессий, построенную также На-

вуходоносором для торжественных религиозных шествий в честь бога Мардука и протянувшуюся почти параллельно Евфрату. Некогда она была вымощена квадратными известняковыми плитами, положенными не кирпичную основу, залитую асфальтом. Зазоры между плитами были также заделаны асфальтом, высохшие кусочки которого сегодня рассыпаны по обе стороны широкой дороги, сжатой с обеих сторон высокими стенами. На этих стенах цветными глазурованными кирпичами были выложены 120 львов с развевающимися гривами и открытыми в немой ярости пастьями. Дорога процессий представляла собой часть городского укрепления, и пытавшийся прорваться в город неприятель неминуемо оказывался в каменном мешке, часто становившемся его могилой. Но сейчас все это выглядит совсем по-иному. Лишь на отдельных отрезках Дороги процессий сохранились мостовая из гигантских плит и части серых стен с поблекшими изображениями страшных львов.

Продолжая путь дальше, я выхожу на холм, где стоит скульптура льва, подмявшего под себя человека. По одной версии, это символ силы и власти царей Вавилона, подмявших под себя своих врагов, по другой – лев как бы взял под свою защиту человека, олицетворяющего народ Вавилона. Существуют и другие версии.

Еще несколько минут брожу по холмам, усыпанным битыми кирпичами, в сопровождении полицейских в темной суконной форме с тяжелыми винтовками. Они служат в туристической полиции. В ее обязанность входит охранять памятники от чересчур охочих до сувениров посетителей и назойливых местных мальчишек, предлагающих посетителям "древние", а на самом деле изготовленные в соседних деревнях глиняные фигурки.

И вот я снова в пути. Проезжаю Хиллу – центр одной из иракских провинций. Сейчас эту провинцию называют "Вавилон", но в народе она продолжает сохранять свое старое название "Хилла". Когда

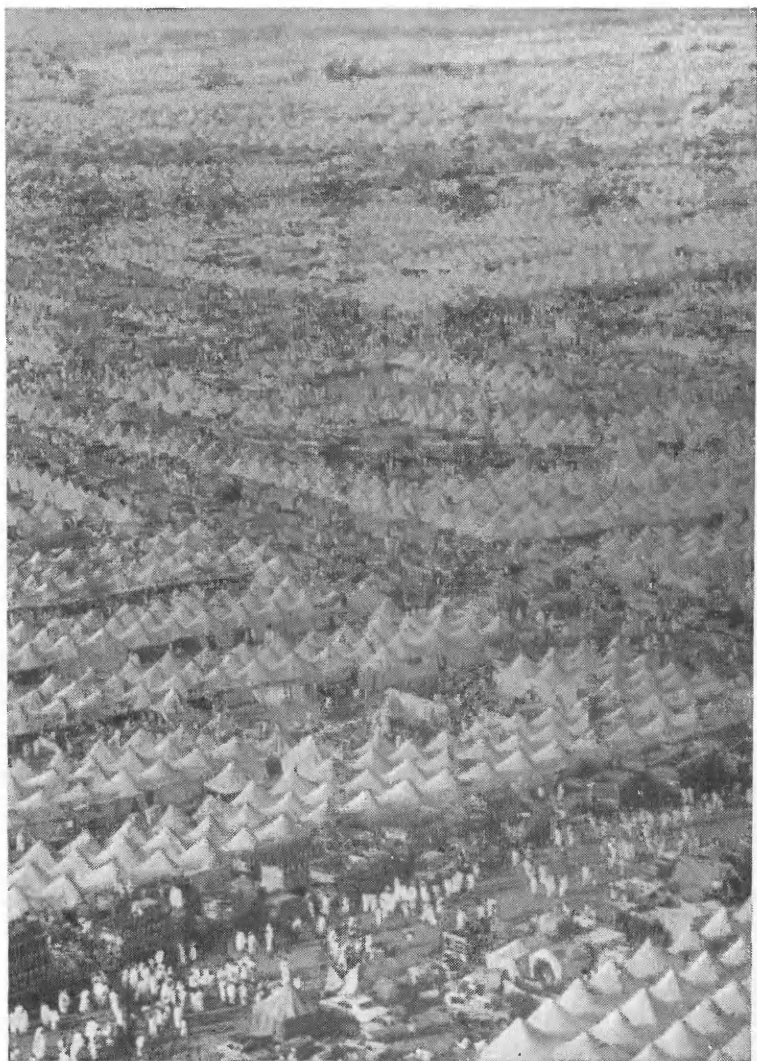
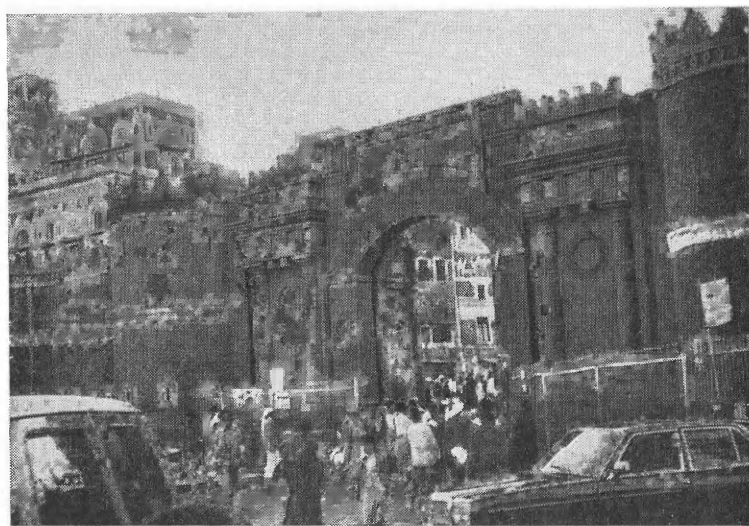
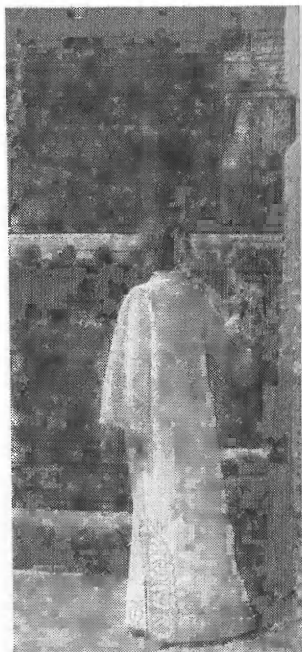
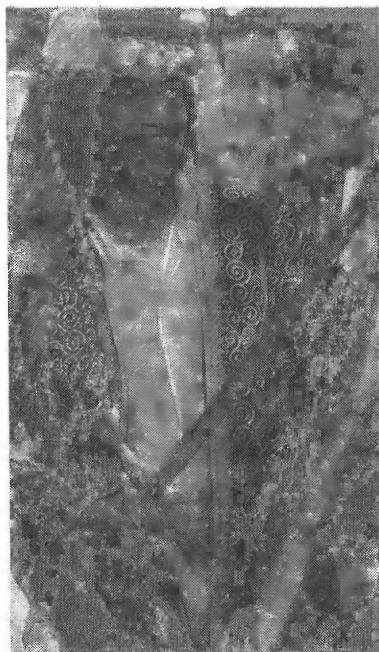

Рис. 1. Саудовская Аравия. Окрестности Мекки во время хаджа

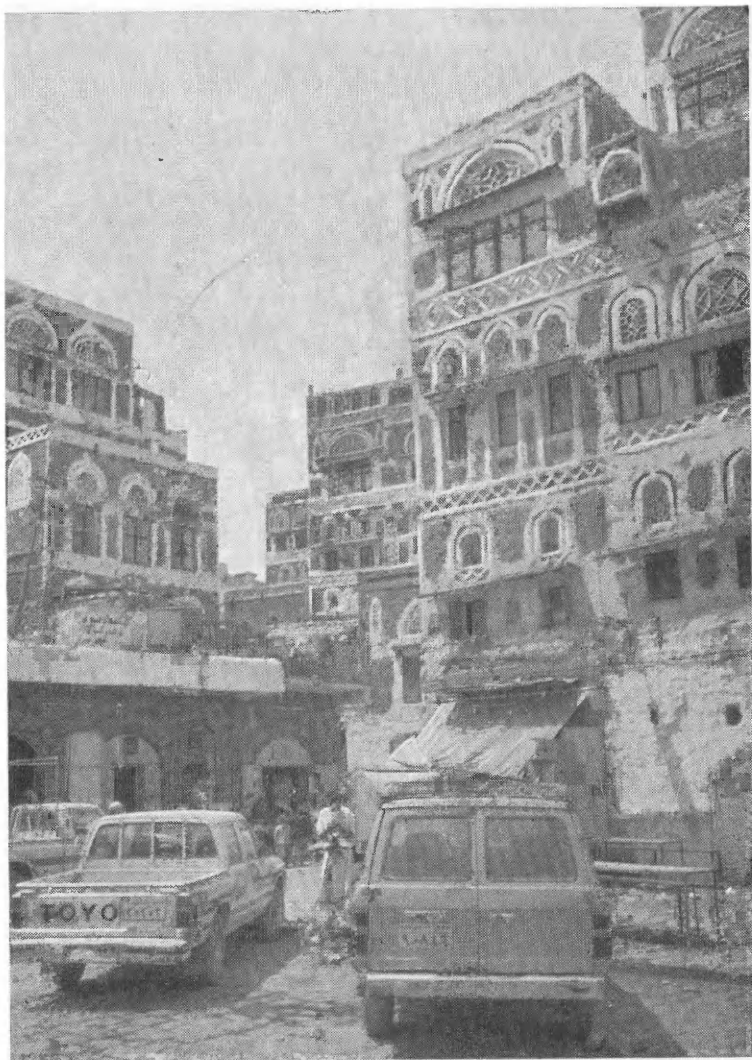

Рис. 2. Молодой саудовец в национальном костюме

Рис. 3. Саудовская Аравия. Австралийская исследовательница Хизе Росс перед входом в традиционный дом

Рис. 4. Йемен. Город Сана. Баб аль-Йемен

Рис. 5. Йемен. Сана

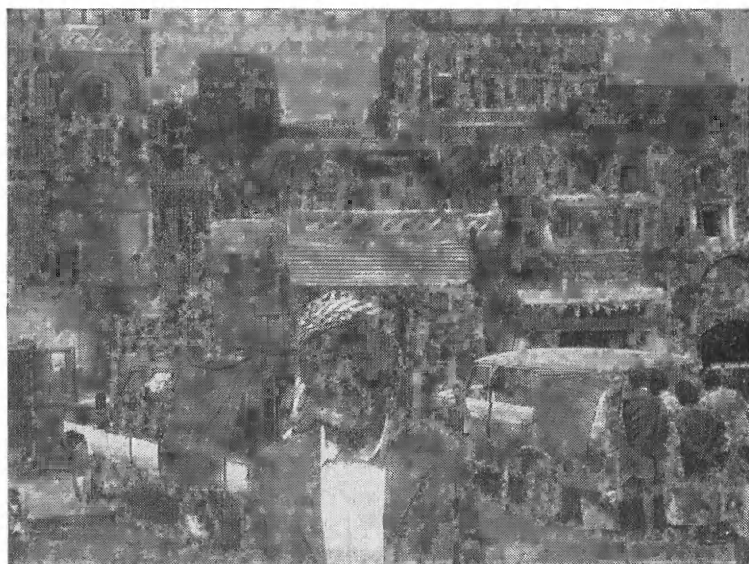

Рис. 6. На улице Саны
Рис. 7. Йемен. Город
Аден. Памятник бор-
цам за свободу

Рис. 8. Балкон традиционного йеменского дома

Рис. 9. Ирак. Город Хатра. Колонны эллинистического храма

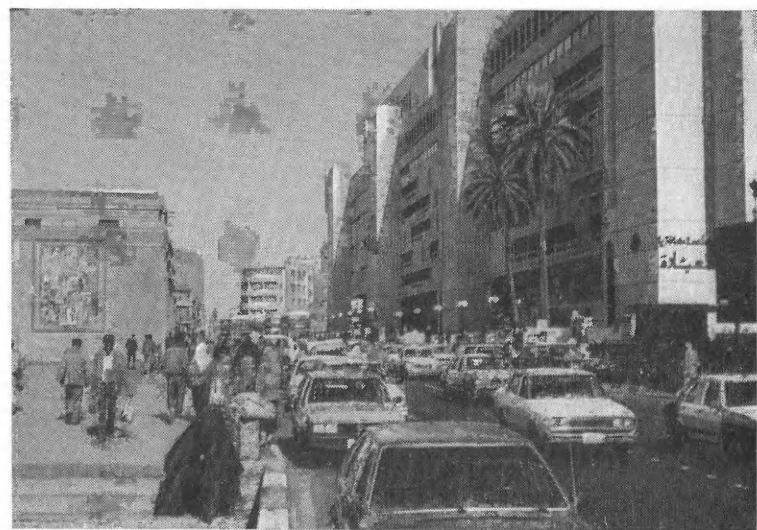
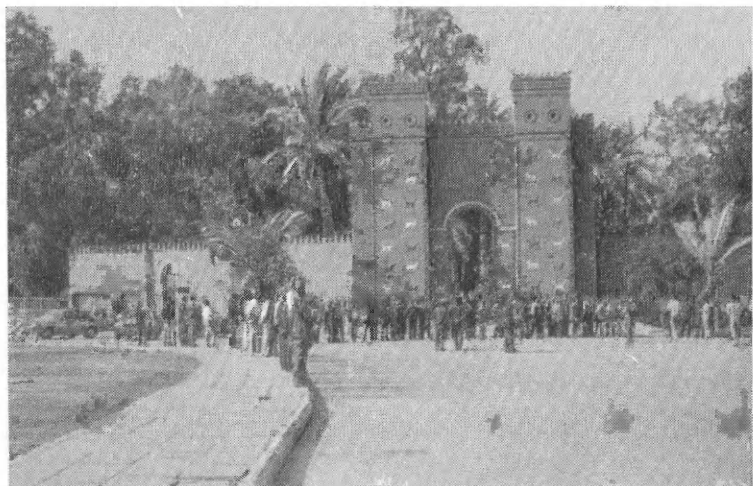

Рис. 10. Вавилон. Ворота Иштар

Рис. 11. На улице Багдада

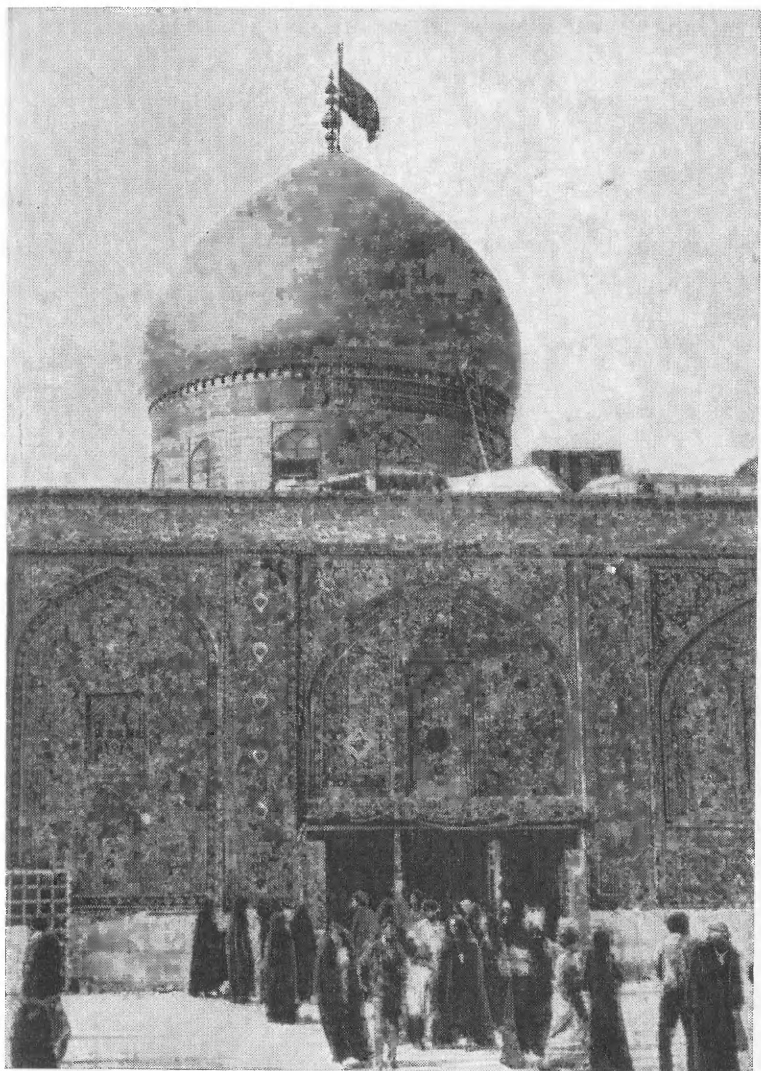

Рис. 12. Ирак. Мечеть имама Хусейна в Кербеле

Рис. 13. Иерусалим. Русские паломники перед отъездом на родину
Рис. 14. Иерусалим. Русские паломники в общей палате Сергиевского подворья

иракцы говорят о Хилле, они всегда добавляют слово "фейха" – "зеленая". Хилла раскинулась по обе стороны одного из рукавов Евфрата, а много километров вокруг занимают массивы финиковых пальм и фруктовых садов. По плотности населения эта провинция уступает только столичной провинции Багдад.

По сторонам дороги мелькают аккуратные двухэтажные домики, окруженные небольшими садами. Вот просторный городской стадион, башня с часами, три высоких цилиндра нового элеватора, сооруженного по проекту советских специалистов.

На крыше здания муниципалитета в самом центре города аист свил огромное гнездо. Эту мирную птицу иракцы очень любят и ласково называют "лак-лак", подражая звуку, который, закинув голову, издает аист своим клювом. В аистинном гнезде среди кучи крупных сучьев и палок свили гнезда вездесущие воробьи. Эти нахальные квартиранты, потеряв всякое уважение к хозяину, важно обозревающему с высоты шумящий внизу город, чирикали и дрались у аиста под ногами. Путешествуя по Ираку, я не раз встречал аистинные гнезда в самых неожиданных местах: на высоких минаретах мечетей, куполах христианских церквей, на высокой арке древнего Ктесифона, на 100-метровой мачте радиостанции под Багдадом.

Хилла считается самой развитой в сельскохозяйственном отношении провинцией Ирака. Здесь распахано более 65% земель, с которых можно получить два-три урожая в год при искусственном орошении. Проблем с орошением не существует: могучая река и отходящие от нее каналы делают орошение практически возможным в любой точке этой провинции. Хилла может служить примером сложившегося в Ираке севооборота. Большая часть земли здесь занята под "зимние культуры" (ячмень, пшеница, чечевица), которые высевают в октябре–ноябре и убирают в апреле–мае. "Летние культуры" (просо, кукуруза, рис) высеваются в апреле–июне и уби-

раются соответственно в июле–сентябре. В промежутках между посевами крестьяне, как правило, выращивают кормовые травы. Среди зерновых продовольственных культур в районах Центрального Ирака продолжает преобладать ячмень, который считается солеустойчивой культурой, произрастающей на почвах, либо уже засоленных, либо находящихся под угрозой засоления.

Развалины современника Вавилона – города Борсиппы – лежат в 15 километрах к югу от него. Борсиппа всегда входила в состав Вавилонии и фактически составляла пригород его столицы. С Вавилоном ее соединял судоходный канал, а в самой Борсиппе был храм Набу, где хранились магические тексты, пользовавшиеся большим спросом как у коронованных особ, так и у простого народа. Бог Набу, сын главного бога Мардука, считался покровителем Борсиппы, и его храм был шедевром древневосточного зодчества. В пантеоне вавилонских богов он был богом писцового искусства и мудрости. Затем, особенно в Вавилоне, его стали почитать как бога, определяющего жизнь человека, пишущего "таблицы судеб" людей. Поэтому все магические церемонии и манипуляции в древнем Вавилоне были связаны с Набу и его ролью в жизни человека.

За Хиллой дорога раздваивается: одна идет на Эн-Неджеф, вторая – к Дивании.

Держу путь на Эн-Неджеф и, проехав километров десять, у покосившегося указателя сворачиваю в пустыню. У обочины дороги стоит несколько печей для обжига кирпича. Я вижу, как загружают сырые кирпичи внутрь усеченной пирамиды печи, в которой затем разведут огонь. После этих печей можно ехать без всяких указателей: вдалеке на холме уже виден высокий столб. Это и есть развалины древней Борсиппы. Это хорошо, что здесь есть обжиговые печи и что возле них работают люди. Ведь развалины Вавилона и Борсиппы еще недавно служили своего рода каменоломнями, где наши

современники добывали кирпичи для строительства зданий в Хилле и близлежащих деревнях. Поэтому чем больше новых кирпичей будет сделано, тем меньше их будет выломано в остающихся без пристрадания древних сооружениях.

На холме высотой около 100 метров, усыпанном битым кирпичом и черепками, стоит 20-метровая кирпичная колонна разрушенной башни. С холма открывается вид на простирающуюся внизу равнину. У подножия легко угадывается планировка погибшего города, очертания его улиц, фундаменты больших строений. Вдалеке темнеют купы финиковых пальм, блестят зеркальца небольших болотцев, поднимается белесый дымок цементного завода у плотины аль-Хиндия. Пестрые соколы, возбужденно клекоча, парят на одном уровне с вершиной колонны. В многочисленных щелях и трещинах многометрового остова они устраивают свои гнезда и выводят птенцов.

К востоку от холма, на маленьком пригорке, на том месте, где, по преданию, родился библейский пророк Авраам, построена невзрачная глинобитная мечеть. Она не имеет минарета и скорее напоминает мавзолей с куполом, который ставят над могилами мусульманских святых. Кстати, Авраам, именуемый арабами Ибрахим аль-Халиль, почитается мусульманами как один из шести главных пророков.

В Ираке много мест, которые связаны с библейскими легендами. Самым любопытным из них, на мой взгляд, является небольшой городок Эль-Курна. Здесь, где, сливаясь, Тигр и Евфрат образуют полноводный Шатт-аль-Араб, находился библейский рай. Об этом свидетельствует даже соответствующая табличка. "На этом священном месте, где Тигр сливается с Евфратом, растет священное дерево нашего праотца Адама, символизирующее сады Эдема на земле. Здесь две тысячи лет до нашей эры молился Авраам" – эти слова написаны белой краской на черном щите, прикрепленном к

металлическому столбу. Он стоит у ветвистого с колючками дерева, покрывающегося два раза в год золотистыми, величиной с вишню плодами – "набук". Яблоки в Южном Ираке не растут, и набук, вероятно, и был тем самым плодом с дерева познания, который вкусил Адам по настоянию Евы. Дерево, символизирующее райские кущи, огорожено невысокой оградой с калиткой из металлической решетки. На белых стенах ограды в некоторых местах видны бурые отпечатки ладоней, выкрашенных хной. Это – местный обычай, связанный с почитанием святых мест.

Вообще-то нет ничего удивительного в том, что именно здесь, в Месопотамии, где Тигр сливается с Евфратом, у древних было место райских кущ. Теплый климат, плодородная земля, обилие воды, реки и озера, богатые рыбой! Круглый год можно обходиться без теплого платья и добывать себе пропитание, не боясь пасть жертвой дикого зверя. Ну чем не райское место!

Но вернемся в Борсиппу. Я осмотрел скромную мечеть, стены которой украшены вмазанными в глину осколками зеркала и теми же отпечатками ладоней. Мечеть весьма популярна. Во время свадьбы сюда привозят невест. Это они оставляют отпечатки своих выкрашенных, согласно традиции, хной ладоней. В пятницу из окрестных деревень сюда приезжают крестьяне и их жены со звонкими серебряными браслетами на ногах. Они спускаются вниз, в темный подвал, где бьют поклоны, читают положенные молитвы и, высказав все свои обиды и горести, поднимаются наверх. Здесь, у мечети, торгуясь с заезжим коробейником, они покупают белые конфеты с мятным привкусом и другие сладости.

Борсиппа пользуется особым уважением у археологов-любителей. Я говорю о том времени, когда я там был. Здесь чаще, чем в других местах Ирака, можно найти обломок кирпича с черточками клинописных знаков. Во время обильных зимних дождей

верхний слой земли с холма смывается, и на поверхности можно обнаружить зеленый кружочек превратившейся в окись медной сасанидской монеты или осколок витого стеклянного браслета.

Выйдя из мечети и следуя наставлениям более опытных "археологов", осторожно спускаюсь с холма, внимательно глядя под ноги на валяющиеся осколки кирпича. Некоторые из них переворачиваю носком ботинка в надежде обнаружить клинописные надписи. Стоп! Кажется, клинопись! Поднимаю два спекшихся кирпича. От пожара, уничтожившего когда-то весь город, они потрескались; их покрыли мелкие морщинки и бороздки, которые можно принять за нанесенную тростниковой палочкой клинопись.

Иду дальше и через несколько минут оказываюсь у подножия холма. Пока ничего обнаружить не удалось. Начинаю карабкаться наверх уже в другом месте. Аккуратно переворачиваю засыпанные землей кирпичи. От яркого солнца и сильной жары, постоянного напряжения из-за пристального взглядывания в груды обломков, из-за чередующихся спусков и подъемов на крутой склон холма начинает рябить в глазах. Скоро я настолько устаю, что решаю поскорее добраться до вершины и отдохнуть в тени монолита. И как будто для того, чтобы подстегнуть меня на моем тернистом пути, попадает неправильной формы осколок кирпича с почти стершимся клинописным текстом. Его верхний конец закопчен, а в нижнем углу — небольшая трещина. От древнего текста, нанесенного вдоль кирпича полосой сантиметров в пять, осталась лишь центральная часть. Полустертая надпись особенно хорошо различима при боковом освещении.

Конечно, я совсем не тешу себя надеждой, что мне удалось найти документ какой-то особой важности. Это обычный строительный кирпич, помеченный цилиндрической печатью с текстом, в котором, по-видимому, говорится, что такой-то правитель, сын такого-то царя, приказал воздвигнуть

храм, дворец или крепость. В Вавилонии любой владыка, затевавший более или менее значительное строительство, помечал такой печатью один из 100 либо один из 1000 кирпичей. Такие кирпичи можно найти в стенах Вавилона, Ура и других городов. Но они там вмурованы в стены, а в Борсиппе попадаются их осколки, валяющиеся среди обломков. Нужно будет, думаю, обратиться к специалистам за расшифровкой своей находки, а пока что продолжаю поиски. Часа через полтора мне снова улыбнулось счастье: я нашел еще один осколок кирпича с клинописным текстом, а затем внизу, в рыхлой серой пыли – кусочки стеклянных браслетов и три медных окислившихся кружочка сасанидских монет.

Солнце стоит в зените, в пустыне появляются миражи, и я, уставший и обливающийся потом, прячусь на несколько минут в тень разрушенного зиккурата. Меня подбадривает мысль о моих трофеях: два кирпичных обломка с клинописью, кусочки стеклянных браслетов и три медных кружочка.

Через два часа после отъезда из Борсиппы подъезжаю к городу Дивания. Это – центр второй по площади и третьей по численности населения провинции Ирака. Здесь распахано около трети пригодной к обработке земли. В открытых павильонах продаются тракторы, плуги, насосы и трубы; в небольших мастерских, где стоят токарные станки с ременными приводами, судя по броским объявлениям, ремонтируют сельскохозяйственные орудия и изготавливают коленчатые валы. В восточном пригороде Дивании построена государственная прокатная станция сельскохозяйственного оборудования.

Город делится на две части одним из рукавов Евфрата – Шатт-эд-Дивания, через который перекинуты ажурный мост и понтонная переправа. На правом берегу, рядом с резиденцией губернатора – квадратным зданием с высокими окнами – находится один из двух городских кинотеатров. Я видел, как служащие кинотеатра носили по городу большие

щиты, оклеенные рекламными плакатами, зазывали прохожих и тут же продавали билеты. На другом берегу реки расположено здание городской библиотеки, построенной в 1961 году. При ней находится небольшой кинотеатр, где демонстрируются научно-популярные фильмы.

В городе есть спортивный клуб, клуб государственных служащих с кинозалом и теннисными кортами и клуб офицеров иракской армии. В двух учительских колледжах готовят учителей для начальных школ. Рядом с линией железной дороги, идущей на Басру, в 1961 году построена красивая гостиница Управления туризма.

После продолжительной прогулки по городу решаю передохнуть в местном кафе. В одном из них я заказываю стакан чаю и принимаюсь рассматривать посетителей.

Напротив меня в распахнутой коричневой накидке, отделанной по краям золотистым кантом, сидит высокий араб. Под ней надета темно-серая длинная дишдаша с глубокими разрезами по бокам, через которые видны белые длинные штаны — "либас". На голове у него большой серый в крапинку платок, придерживаемый лихо сдвинутыми набекрень двумя черными жгутами. Тяжелые зимние ботинки моего соседа измазаны липкой глиной. Видно, ему пришлось немало побродить по окрестностям, прежде чем попасть на асфальтированную центральную улицу города. Черные усики придают незнакомцу несколько надменный вид. Ему приносят маленький стакан чая. С минуту он неподвижно сидит, затем берет двумя пальцами стакан и шумно отхлебывает несколько глотков. На его носу и подбородке — голубые точки татуировки. Эти точки наносятся в детстве. В народной медицине татуировка считается не только украшением, но и одним из действенных средств лечения. Ушибленное место обычно натирают сажей и покалывают иглой. Если заболел глаз, те же действия проделывают на виске.

Днем в забегаловке немного посетителей. Один из них – с толстым мясистым носом и живыми карими глазами – олицетворяет собой связь между населением древней Месопотамии и современного Ирака. Одет он так же, как и первый, только поверх дишдаши накинута пиджак. Его отличает от первого, кроме ярко выраженных черт арменоидного типа, пожалуй, еще и то, что он не так гордо держится и не так манерно отхлебывает из стаканчика душистый сладкий чай.

В 34 километрах от Дивании, близ небольшого города Афак, находятся развалины религиозного центра древнего Шумера – города-государства Ниппур. Здесь более 20 лет работали американские археологи. Полевые работы, к которым привлекались местные крестьяне и специалисты по раскопкам из Мосула, проводились только в зимний сезон. Все найденные памятники подвергались камеральной обработке, описывались, а сведения о них публиковались в научных археологических журналах.

Я попал к развалинам Ниппура в неудачное время. Раскопки не велись, а единственный американский археолог уехал в Ур. Моим гидом стал местный сторож. Мы облазили с ним все холмы когда-то огромного города. Дома и стены его сложены из крупного сырцового кирпича. Ниппур, так же как и лежащие к юго-востоку от него вдоль Шатт-эд-Даггара (другой рукав Евфрата) древние города Аббад, Киссора и Телль-Урка, возник за четыре тысячи лет до нашей эры.

Возвращаюсь в Диванию вечером. Вдоль дороги босиком идут иракские крестьяне в накинутых на плечи пиджаках. Бедность населения этих мест в прошлом отмечена народной поговоркой: "Приехал сапожник в Афак чинить обувь, а там все ходят босиком". Но сейчас не только сапожнику, но и портному в Афаке, окруженном новыми рощами финиковых пальм, нашлась бы работа.

Дорога от Дивании до лежащего южнее города Эн-Насирия идет через обширный сельскохозяйствен-

ный район. Асфальт кончился, и я еду по укатанной десятками тяжелых грузовиков дороге протеска, по обочинам которого построены невысокие дамбы. Приходится часто останавливаться и медленно проезжать участки, где идут ремонтные работы: крестьяне в подоткнутых за пояс рубахах, ловко орудуя тяжелыми мотыгами с короткими ручками, ремонтируют широкие закрытые водоводы, пересекающие полотно дороги. Параллельно проселку идет железная дорога, сооруженная при содействии советских специалистов.

К Эн-Насирии приближаюсь уже ночью. На окраине города в черных шерстяных шатрах раздаются звуки бубна и заунывное пение. Это местные цыгане, называемые "кавалия". Они — певцы и музыканты, и послушать их приезжают из города состоятельные люди.

В городах, расположенных близ значительных памятников старины, Управление туризма Иракской Республики имеет свои недорогие удобные гостиницы на 16—20 мест с небольшими ресторанами и стоянками для автомашин. В Эн-Насирии я поселился в такой гостинице, построенной около большого красивого моста через Евфрат.

Утром, направляясь к развалинам Ура, встречаю иракских рыбаков. Один из них ловит рыбу квадратной сетью со свинцовыми грузилами по краям. Собрав сеть в руку, он несколько раз размахивает ею над головой и затем метров на пять бросает ее вперед так, что она раскрывается в воздухе и быстро погружается в мутную воду, накрывая не успевшую ускользнуть рыбу. К центру сети привязана бечевка, за которую рыбак вытаскивает ее из воды. При мне он выбрал из сети трех-четыре небольших, похожих на пескарей серебристых рыбок. На берегу уже лежали два крупных сома. Большинство иракцев, исповедующих мусульманскую религию, не употребляют сома в пищу.

Ур находится в 15 километрах от Эн-Насирии и в 2 километрах от железной дороги. Между желез-

ной дорогой и Евфратом встречаются участки обработанных полей. На них еще не начались сельскохозяйственные работы, многие поля затоплены водой недавно прошедшего дождя. За железной дорогой простирается серая голая пустыня, где даже непривередливый араб-кочевник не разбивает свой заплатанный черный шатер. Над голой пустыней поднимается несколько холмов, на которых стоял древний Ур. Самый большой из них называется Телль-эль-Мукайир (Смоляной холм). Этот холм представляет собой остатки огромного зиккурата, который построили жители Месопотамии. Древние шумеры пришли на плоскую равнину Месопотамии с гор, и поэтому для своих богов они возводили искусственные горы из обожженного кирпича, вершины которых венчал храм. Главным божеством шумеры считали бога Луны – Нанна, и в его честь царь Урнамму построил в XXIII веке до нашей эры огромный зиккурат. Вавилонская башня, о которой нам известно из библейской легенды, была точной копией более древнего зиккурата в Уре.

Первые раскопки в Уре для Британского музея провел в 1854 году английский консул в Басре Тейлор. Он раскопал часть Смоляного холма и обнаружил надписи, которые впервые подтвердили, что эти развалины и есть Ур, упоминаемый в Библии как "Ур халдеев". Халдеи – народ семитского происхождения, вышедший из Аравии, – завладели в XI веке до нашей эры значительной частью Вавилонии, создав на ее территории свои княжества. Наиболее крупным было княжество Бит Якин (Страна моря), правители которого неоднократно принимали участие в войнах на стороне Ассирии или Вавилона. Халдеи сильно вавилонизировались и не раз занимали вавилонский трон.

В 1918 году К.Томсон, сотрудник Британского музея, провел в Уре пробные раскопки. В 1922 году Университетский музей в Пенсильвании (США) и Британский музей договорились организовать совместную археологическую экспедицию в Ур, которую

возглавил известный английский археолог Леонард Вулли. Вместе с Вулли работал другой английский археолог, женой которого была ставшая впоследствии знаменитой писательницей Агата Кристи. Не случайно, что действия некоторых ее романов разворачиваются в Месопотамии. Раскопки проводились в течение 12 лет (1922–1934) с исключительной тщательностью. Все, что нам известно сейчас об Уре, – в основном заслуга этой экспедиции.

Медленно поднимаюсь по широкой, реставрированной 100-ступенчатой лестнице на первый этаж зиккурата, имеющего форму трехступенчатой пирамиды. Этот нижний, единственно хорошо сохранившийся этаж высотой 15 метров представляет собой в основании прямоугольник со сторонами 60 × 45 метров. С фасадной, северо-восточной стороны зиккурата идут еще две боковые лестницы, каждая по 100 ступеней. Все три лестницы сходились у больших ворот на высоте между первой и второй террасами; откуда уже главная лестница вела на следующую террасу.

Со 100-метровой высоты зиккурата открывается вид на бесплодные серые пески, простирающиеся вокруг. На юго-западе, у линии горизонта, в ясную погоду можно увидеть развалины башен более древнего, чем Ур, города шумеров – священного Эриду, а на северо-западе – невысокие холмы города Эль-Обейда, где была обнаружена стоянка человека позднего неолита. У подножия зиккурата видны реставрированные фундаменты древних сооружений, далее – широкий котлован раскопанного Вулли царского кладбища. Это все, что оставило безжалостное время от некогда цветущего города, населенного "черноголовым народом", как называли себя шумеры. Разливы Евфрата, выходящего из своих низких берегов во время дождей, нашествие чужеземцев, дожди и солнце превратили в прах стены города, сложенные из сырцового, рассыпавшегося со временем в порошок кирпича.

В древнем Шумере, расположенном в южной части современного Ирака, не было ни полезных ископаемых, ни строительного камня, ни обширных лесов. Лишь гигантские заросли тростника на болотах колыхались от дуновения жаркого ветра, а вокруг простиралась необозримая серая равнина. Но люди, населявшие эту страну, сумели добиться замечательных достижений. Шумеры создали сложную систему каналов, плотин, запруд, освоили искусство земельной съемки, изготавливали нивелировочные и измерительные инструменты. Из глины, единственного материала, имевшегося в изобилии под рукой, они делали горшки, тарелки, кувшины и даже серпы. Обломки таких серпов нашел Вулли во время раскопок в Уре. Они строили дома из тростника и циновок, обмазанных глиной. В подобных домах живут и сейчас крестьяне Южного Ирака. Позднее шумеры изобрели гончарный круг, колесо, плуг-сеялку со сменными лемехами, впервые в истории архитектуры стали возводить арки, купола и сводчатые перекрытия, наконец, изобрели письменность, позволившую человеку тех отдаленных веков записывать тростниковыми палочками на табличках из сырой глины свои мысли, историю своего народа и наставления потомкам.

Брожу по развалинам Ура в сопровождении сторожа – надрывно кашляющего старика, гордящегося тем, что он работал еще с Вулли. Выходим к восточной части древнего города – к царскому кладбищу, где были обнаружены самые значительные находки. Я спрыгиваю в открытую узкую яму царской гробницы и по крутым ступенькам спускаюсь в подземелье. Лестница, ведущая на глубину 10 метров, имеет два пролета, крутой наклон и высокие ступеньки. Площадка, где оканчивается первый пролет, находится на уровне свода гробницы, сделанного в виде конусообразной ступенчатой арки. Спускаюсь еще ниже и осторожно подхожу к двери в усыпальницу – каменный склеп под кир-

ничным сводом. Из 16 царских усыпальниц, которые раскопал Вулли, только 2 были не тронуты грабителями, искавшими золото и ценные украшения в могилах царей. Но эти 2 усыпальницы и более 2 тыс. могил, исследованных археологом, дали науке бесценный материал о жизни древних шумеров.

Самой значительной находкой в Уре считается штандарт, инкрустированный перламутром и ракушками на синем фоне из ляпис-лазури. Он невелик по размеру — две деревянные прямоугольные пластины длиной 55 сантиметров и шириной 22,5 сантиметра, но в его мозаичных изображениях нашли отражение многие сцены из жизни древних шумеров. Мы видим царя с семьей во время праздничного пира. Родственники царя и люди из его ближайшего окружения, обнаженные до пояса, в коротких юбках из тростника, сидят на креслах, перед ними играет арфист, а певица, прижав руки к груди, поет под его аккомпанемент. На другой части штандарта представлена тема войны: царь окружен свитой, его боевая колесница запряжена двумя ослами, перед ним проходят пленные, они обнажены, руки их связаны; другая сцена изображает врагов, спасающихся бегством под натиском вооруженных воинов в плащах. Все сцены переданы древними художниками с исключительной реалистичностью и динамизмом.

При раскопках усыпальницы царицы Шубад, захороненной в Уре около 2500 года до нашей эры, были найдены золотые сосуды, серебряная и золотая лодки, головной убор царицы, украшенный ляпис-лазурью и сердоликом. Золотые кольца, золотые буковые и ивовые листья и золотые цветы придают этому наряду пышность и торжественность.

Среди находок царского кладбища в Уре были и другие предметы из золота, свидетельствовавшие о высоком искусстве обработки металлов. Кинжал с золотым лезвием, рукояткой из лазурита и золотыми рисунчатыми ножнами, воспроизводящими

травяную плетенку, золотой стакан с орнаментом, набор золотых туалетных принадлежностей, золотые граненые сосуды с тонкими филигранными рисунками, шлем царя – все эти и другие предметы были настолько искусно выполнены, что многие эксперты ошибочно принимали их за изделия арабских средневековых мастеров.

Обойдя царское кладбище, мы со сторожем, возвращаясь к западной стене зиккурата, проходим мимо глубокого котлована, где в культурном слое с различными следами хозяйственной деятельности человека Вулли обнаружил двухметровый слой аллювиальной чистой глины. Этому открытию было единственное объяснение: когда-то в древнем Шумере произошло невиданное наводнение, принесшее гибель и разрушение цветущим городам. И, видимо, этот исторически достоверный факт послужил основанием для библейских рассказов о потопе, во время которого, согласно легенде, сумел спастись только Ной. Впрочем, в шумерском эпосе о Гильгамеше есть даже имя местного Ноя – Утнапиштим. Так еще одна библейская легенда получила свое историческое подтверждение на земле древнего Шумера.

Закончив экскурсию, мы со стариком садимся на нижней ступеньке длинной лестницы зиккурата. Он болен, сильно кашляет, прижимая руки к впалой груди. Старик рассказывает, что перепробовал все средства от простуды, которые ему предписывала местная знахарка. Ему ставили на спину банки, присыпали воспаленные миндалины толченой кожурой граната, давали пить отвар эвкалиптового листа с сахаром и даже делали глубокое прогревание, обложив грудь и спину горячим, замешанным на масле тестом и овечьей шерстью. Остается сделать последнее – обратиться к врачу в городе. К этому прибегают лишь отчаявшиеся вылечиться домашними средствами простые иракцы: визит к частному врачу и лекарства могут стоить очень дорого.

Перед отъездом я еще долго смотрю вслед старику, который отправился отдыхать в свою сторожку, и вспоминаю шумерские рецепты, изложенные на глиняной табличке, найденной в Ниппуре и датированные III тысячелетием до нашей эры. Изготавливавшиеся шумерами лекарства весьма напоминали снадобья местной знахарки.

Мосул – город хлебный

Мне предстоит многодневное путешествие.

Мой путь лежит из Багдада на север Ирака по бурой глинистой равнине в Самарру, одну из столиц Аббасидского халифата, затем через Тикрит в город Мосул.

Дорога на Самарру идет через северный пригород Багдада, Эль-Казимайн, и далее следует по правому берегу Тигра. На левом, низком берегу, известном под названием Акаркуфской впадины, видны возделанные поля и плантации финиковой пальмы. Поскольку берег низкий, вода свободно поступает из реки в многочисленные каналы и орошает большие поля, засаженные ячменем и пшеницей. Сейчас урожай уже созрел, и кое-где я вижу жнецов с серпами. Поля небольшие, и использовать сельскохозяйственную технику здесь нельзя. Сразу же за Багдадом начинается район кирпичных заводов: четырехугольные трубы коптят бледно-голубое, выцветшее на солнце небо, клубы дыма стелются над серой землей, полями и глинобитными сарифами (небольшими домиками с плоской крышей).

Первые километры пути – это шоссе, обсаженное кудрявыми эвкалиптами. Автомашина бежит легко и плавно, словно заглатывая черную шуршащую асфальтовую ленту. Параллельно автомобильной идет железная дорога, соединяющая Босфор с Персидским заливом и связывающая столицу Ирака через Сирию и Турцию с Европой. Это та самая

Багдадская железная дорога, за право строить которую в начале этого века не раз скрещивали шпаги английские, французские и германские капиталисты. Именно по ней ходил восточный экспресс, ставший знаменитым благодаря роману Агаты Кристи.

Самарра показывается на левом берегу реки через полтора часа. Сначала в дымке угадываются золотой купол мечети Аскари и башня большого спирального минарета от разрушенной мечети, затем появляется плотина, которая перегородила Тигр в двух местах и по гребню которой идет шоссе-шоссейная дорога в город.

“Сурра мин раа” – так звучит по-арабски полное название этого небольшого городка, лежащего в 120 километрах от Багдада. В переводе это означает “радуется тот, кто ее видит”. Столь замысловатое название города связано с бурными событиями середины IX века, когда здесь была заложена столица Багдадского (Аббасидского) халифата.

Восьмой аббасидский халиф Мутасим (833–842), напуганный выступлениями жителей Багдада против его тюркской гвардии, в 835 году перенес сюда свою столицу. Здесь в то время находилось лишь небольшое ассирийское поселение Самарра, название которого халиф и перевел по-своему. Для благоустройства новой столицы Мутасим не пожалел средств. Он привлек лучших архитекторов и ремесленников со всех концов халифата. Его наместники выломали и доставили сюда мрамор и колонны из христианских церквей египетской Александрии и бронзовые врата из захваченного у византийцев фригийского города Амориум. Семь последующих халифов продолжали благоустраивать Самарру: возводили дворцы, мечети и общественные здания, сооружали и совершенствовали систему оросительных каналов. Этот город в период своего расцвета раскинулся почти на 35 километров вдоль реки Тигр. Здесь были широкие улицы, мечети и огромный зоопарк с 2 тыс. животных.

56 лет Самарра была столицей могущественной аббасидской державы. Сегодня о периоде ее расцвета напоминают лишь развалины дворцовых ворот Баб аль-Амма и двух мечетей с редкими по форме спиральными минаретами.

Мечеть в Самарре, от которой остались только мощные крепостные стены, выделяется среди других своими размерами и минаретом своеобразной формы. Минарет сложен из кирпича и представляет собой усеченный конус на квадратном цоколе. Его высота достигает 52 метров. Вокруг минарета идет спиральный пандус шириной около 1,5 метра, и поэтому его часто называют сокращенно "мальвия" – "спираль".

С верхней, смотровой площадки этого сооружения я увидел то, что оставило время от столицы могущественного халифата. Небольшие холмики, поросшие травой, – это остатки домов; длинные продолговатые насыпи, разорванные в некоторых местах обвалами, – в прошлом крепостные стены; длинные узкие полосы рвов, петляющие между холмами, – окопы, вырытые уже значительно позже, во время первой мировой войны, в 1917 году, когда под Самаррой проходили бои между отступающими турецкими частями и английским авангардом, наступавшим в направлении Мосула. От халифского дворцового комплекса "Джаусак аль-хакани" (Замок властителя) время оставило только одни трехстворчатые ворота Баб аль-Амма.

Этот дворец поражал современников своим величественным внешним видом и богатым внутренним убранством. Собранные со всех частей халифата мастера украсили дворцовые стены панелями с интересным, выполненным по алебастровой штукатурке растительным и геометрическим орнаментом, в котором смешались элементы месопотамского и иранского искусства. Часть помещений халифского замка и некоторые частные дома Самарры были украшены росписью, остатки которой позволяют судить о большом совершенстве приклад-

ного искусства того времени. В росписях бани при дворцовом гареме очень красивы изображения танцовщиц, льющих благовония из стеклянных сосудов с длинными горлышками в бассейн, изображения фигур всадников и охотников, загоняющих зверя.

Гуляя по развалинам замка, под сводами арки Баб аль-Амма, я вдруг заметил человека, который сидел на корточках в углу. Его коричневая тонкая накидка сливалась с кирпичной стеной, и выделялась только голова в черно-белом платке, оставлявшем открытыми блестящие в лучиках морщинок глаза. Внезапно ветер заставил укрыться его под аркой дворцовых ворот. Послеполуденные ветры в этих местах поднимают с почвы, не закрепленной растительным покровом, тонкую пыль, которая бывает настолько плотной, что машины идут по дороге днем с включенными фарами, а путники, боясь сбиться с пути и захлебнуться пылью, спешат в укрытия.

Иракец выпростал из-под накидки тонкую коричневую руку и царственным жестом пригласил меня присесть рядом. Так состоялось наше знакомство. Он оказался преподавателем духовной школы в Самарре, а сейчас возвращался с развалин мечети Абу Дулафа, расположенной в нескольких километрах от города. Моя догадка была правильной: песчаная буря застала моего собеседника в пути, и он поспешил укрыться под аркой ворот дворца. По одежде его можно было принять за крестьянина. Только большие карманные золотые часы на массивной цепи да холеные руки с тонкими и длинными пальцами говорили о том, что этот человек никогда не брал в руки тяжелой мотыги.

Тихим, вкрадчивым голосом, привыкшим убеждать слушателей, Абу Джафар рассказал об историческом прошлом своего города. Он говорил о расчистке при халифе Мутасиме русла старого притока Тигра, который орошал плодородные земли левого берега, о строительстве халифом Мутаваккилем на правом, высоком берегу канала, наполня-

ющегося только в период паводков, о недостатке воды, вызвавшем быстрое опустение Самарры.

— Мечеть Али аль-Хади аль-Аскарри и его сына Хасана построена в XII веке, — продолжал старик. — Главный ее купол раньше был покрыт листовым золотом, а сейчас он облицован 72 тыс. кирпичей с золотым покрытием. К этой святыне приезжают многие тысячи паломников ежегодно.

К его словам можно добавить, что в те годы число паломников достигало около 250 тыс., что к этой шиитской святыне в Самарре приезжали мусульмане также из Ирана, Пакистана, Индии и Азербайджана и что в последние годы поток паломников практически прекратился из-за ирако-иранской войны и ирако-кувейтского вооруженного конфликта.

Ветер стал стихать, небо просветлело, и впереди уже можно было различить несколько пальм, затопленных осенней паводковой водой. Я предложил Абу Джафару отвезти его в Самарру, но он отказался. Поднявшись, он вытащил свои золотые часы и сверил время, чтобы не пропустить послеобеденную молитву.

Проезжая по узкой улочке местного базара, окружающего мечеть, я на минуту задержался у открытых золотых ворот мечети, через которые видны двери усыпальницы, обитые золотыми пластинками. Эти двери были сделаны в Иране на деньги, собранные среди верующих, и доставлены в Самарру в качестве дара.

Городской музей расположен метрах в двухстах от золотых ворот. В маленьком доме аккуратно собраны фотографии памятников старины, образцы панелей с характерными орнаментами и макет дворцового комплекса с его укреплениями, крепостными стенами, зеркальными прудами, изумрудными лужайками и садами. В Самарре до первой мировой войны раскопки проводил немецкий археолог Герцфельд, и наиболее ценные экспонаты оказались в музеях Берлина.

Примерно в X веке Самарра была оставлена жителями из-за нехватки воды. Это трудно себе представить, зная, что на территории Ирака протекают две самые большие реки Передней Азии. Но это правда. Арабы смогли подвести воду только к левому, низкому берегу, где были разбиты фруктовые сады и бахчи. Правый берег практически ими не был освоен, хотя попытки оросить его предпринимались в прошлом неоднократно. Сегодня город, как и прежде, лежит на левом берегу и славится своими сладкими дынями, выращиваемыми в окрестных деревнях. Постоянные разливы Тигра угрожали полям и нынешней столице Ирака Багдаду, и в 1956 году были построены две плотины и 60-километровый канал, по которому в период весеннего, наиболее сильного паводка излишки воды сбрасываются во впадину Тартар. Это искусственное пресное озеро раскинулось среди серой равнины. Его берега заросли камышом и осокой. В конце 1976 года советские специалисты, построившие в Самарре завод антибиотиков и лекарственных препаратов, завершили сооружение канала, соединившего Тартар с Евфратом. Есть реальная идея построить канал Тартар–Тигр.

Город Тикрит, прижавшийся к шоссе, я проезжаю, не останавливаясь. Здесь нет памятников старины, да и к тому же следует спешить: впереди еще добрых 200 километров пути.

Весна в Мосуле, лежащем в 400 километрах к северу от Багдада, – самое лучшее время года. Город находится на высоте 223 километров над уровнем моря в холмистой плодородной степи, недалеко от горных хребтов Сефин-Даг, Захо-Даг и Джебел-Синджар. Весной пахнущий снегом восточный ветер с виднеющихся на горизонте белых гор гонит по небу кучевые облака, ходит волнами по зеленой щетине всходов пшеницы и ячменя, а мягкое солнце придает шоколадный оттенок бурному Тигру, несущему свои мутные воды через город. Зеленая холмистая степь с пьянящим запахом ве-

енных цветов и трав манит людей из надоевшего и зиму города с его сутолокой и шумом, с ядовитым запахом отработанных газов, стоящих голубым облаком в узких туннелях серых, закопченных улиц. В Мосуле выпадает ежедневно 400 миллиметров осадков, т.е. в два с лишним раза больше, чем в Багдаде, и весной здесь почти каждую ночь идет дождь. Черный ячмень и пшеница, выращенные в Мосуле, пользуются большим спросом на мировом рынке. Ячмень вывозится в страны Западной Европы, где он идет на приготовление лучшего пива.

Первый раз я попал в Мосул осенью. Опали листья в фишашковых садах и городском парке, урожай на полях и огородах был собран, и овощной рынок играл всеми цветами радуги. То и дело набегавшая грозная туча, обгоняемая сполохами молний, терпкий запах увядающей травы, пустые поля, ломящиеся от овощей и фруктов лавки – все говорило об окончании лета и наступлении осени. Мосульцы считают прохладную осень таким же, как и весна, благодатным сезоном и любовно называют свой город "Умм арабийан", что в переводе с арабского означает "Мать двух весен".

На северо-восточной окраине Мосула находятся развалины Ниневии – последней столицы Ассирийской империи. Возвышение города, обязанного своим названием великой богине древнего Двуречья – Иннин (Инана), связано с именем царя Синаххериба (705–681 годы до нашей эры), сделавшего его своей столицей. В то время Ассирия была одной из могущественных держав Востока. Ее воины стояли под стенами Иерусалима и иудейских крепостей, воевали в Сирии, Армении и Северном Ираке. Военные суда ассирийцев спускались по Тигру, грабили Персию, сеяли смерть и разрушения. Кровавые деяния ассирийских правителей и сегодня поражают своим размахом, масштабом насилия и изощренной жестокостью.

В 689 году до нашей эры ассирийцы приступом взяли Вавилон, перебили его жителей, разрушили

дворцы и храмы, дамбы, завалили каналы. Погрузив на корабли несколько тонн вавилонской земли, они отвезли ее к острову Бахрейн в Персидском заливе и там развеяли по ветру, символизируя тем самым духовное уничтожение своего извечного соперника. Место, на котором стоял Вавилон, было проклято на 70 лет.

Но ассирийского царя Синаххериба волновали не только военные походы. Этот одаренный и способный полководец с неуравновешенным, вспыльчивым характером сделал все, чтобы его новая столица Ниневия затмила славу прежних. Строительная горячка охватила царя и его придворных. Они сносили целые кварталы старых построек, чтобы освободить место для своих гигантских дворцов, площадей и улиц. В западной части города был построен дворец, описать который у древних авторов не хватило слов. По дворцовому парку, засаженному деревьями редких пород и кустарниками, разгуливали дикие животные и птицы, привезенные царем из дальних походов. Ниневия была и крупнейшим торговым центром. Как писал один древний автор, в городе "купцов было больше, чем звезд на небе". Весь этот город, разбогатевший на крови покоренных народов и стран, окружала 25-метровая стена, которая "своим ужасным сиянием отбрасывала врагов". Согласно Библии, Синаххериба убили в храме собственные сыновья.

Внук Синаххериба Ашшур-бан-апли, или Ашшур-банапал (669–631 или 629 годы до нашей эры) старался следовать примеру своего деда. В памяти древних греков, а через них и других народов он оставался кровожадным деспотом, погрязшим в отвратительных пороках и разврате. Но история знает и другого Ашшурбанапала. Смелый воин и ловкий наездник, он выходил один против льва и побеждал царя зверей. Тонкий ценитель культуры, он создал в Ниневии большую библиотеку клинописных глиняных табличек, которая и по сей день служит важным источником для изучения событий

давно минувших дней далекой Месопотамии. (Чуть подробнее я расскажу об этой библиотеке в следующем разделе.)

Ашшурбанапал продолжал строительство столицы. Согнанные сюда из покоренных стран ремесленники возводили новые здания и рынки, украшали барельефами царские дворцы. Городские стены Ниневии постоянно обновлялись и укреплялись. Их протяженность составляла по периметру 12 километров. У восточных ворот Ниневии, за дворцом Синаххериба, в клетках сидели плененные Ашшурбанапалом местные цари и правители и толкли в каменных ступах вырытые из могил кости своих предков. Некоторые башни столицы были покрыты кожей, содранной ассирийскими воинами с врагов, а на рынке пленными арабами и их верблюдами, захваченными в Южной Месопотамии (в Приморье, или Стране моря), расплачивались за кирпичи, вино или работу поденщиков. Выросшая на крови и страданиях Ниневия и ее владыки вызывали ненависть покоренных народов, жаждущих отмщения. И этот миг наступил.

Объединенная армия мидийского царя Киаксара и вавилонского царя Набопаласара в 612 году до нашей эры подошла к Ниневии и после трехмесячной осады взяла ее штурмом. Мидийцы и вавилоняне поступили с городом так же, как в свое время ассирийцы поступали с покоренными странами. Дворцы Ниневии и ее стены были разрушены, а богатства, свезенные со всех покоренных стран, разделены между победителями. Уцелевшие жители перебрались на холм (современное название — Куюнджик), где находился дворец Ашшурбанапала, и возвели разрушенные стены. Пророчество о разрушении Ассирии, приводимое в Библии, свершилось. "И прострет Он руку Свою на север, и уничтожит Ассура, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня. И покоиться будут среди нее стада и всякого рода животные; пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее..."

В Мосуле я познакомился с Саидом, преподавателем истории в одной из мосульских средних школ. В теплый осенний день мы сидели с ним на поросшем травой продолговатом холме, мягкие очертания которого терялись где-то вдали. Здесь была стена древней Ниневии. Она не отбросила врагов, пришедших к ассирийской столице, чтобы отомстить за разбой и унижения. Деревня, лежащая у подножия холма, носит название Ниневия в память об огромном городе, шумевшем на берегах Тигра более 25 веков назад.

Открытие ассирийских древностей в окрестностях Мосула связано с именем француза Поля Эмиля Ботта. Как и многие образованные люди начала XIX столетия, Ботта был одновременно путешественником, врачом и натуралистом, политическим деятелем и дипломатом. Еще юношей он совершил кругосветное путешествие, затем служил у египетского паши Мухаммеда Али, посетил Аравийский полуостров, был французским консулом в Александрии. В 1840 году Ботта получил назначение на должность французского консула в Мосуле и прибыл в этот город с горячим желанием продолжить свои путешествия и коллекционирование насекомых.

На мосульской улице, идущей вдоль полотна железной дороги, примерно в том месте, где начинается пологий спуск к гостинице "Рафидейн", и сейчас стоит четырехэтажное кирпичной кладки строение, похожее на угловую башню средневекового замка. Узкие бойницы-окна начинаются только на уровне второго этажа, а крыша с флагаштоком сделана в виде зубчатой стены. В этом здании размещалось французское консульство, где с 1840 года в течение нескольких лет работал Ботта. Окончив скучную работу и закрыв свой кабинет, он верхом выезжал за город для прогулок по зеленым холмам в окрестностях Мосула или отправлялся бродить по лавкам местного базара и лачугам, где покупал у мосульцев старинные изделия и ломал

голову над их происхождением. Чаще всего ему попадались кирпичи с неизвестными черточками, которые создавали впечатление, будто по сырой глине пробежало несколько птичек, оставивших отпечатки лапок, и черепки с непонятным, явно немусульманским орнаментом. Его не раз вводили в заблуждение тем, что указывали на то или иное место, где якобы были найдены эти кирпичи с непонятными значками и черепки. Как-то на свой страх и риск Ботта начал раскапывать один из холмов, прилегающих к Куюнджику, и нашел несколько таких же кирпичей и осколков алебастровой посуды, так и не обнаружив лежащих под слоем земли развалин Ниневии. И вот однажды в его кабинете появился араб и сказал, что может показать Ботта место, где видимо-невидимо кирпичей, испещренных непонятными знаками. Француз отнесся недоверчиво к этому сообщению, но все же послал с арабом своих людей. Маленькой экспедиции суждено было обнаружить древнейшую цивилизацию, существовавшую более двух с половиной тысячелетий назад, и это сделало имя Поля Эмиля Ботта бессмертным.

Я посетил холмы Хорсабада, куда араб привел помощников Ботта. Слева от дороги, ведущей в город Айн-Сифни, лежит маленькая арабская деревушка. Здесь, наверно, и живут потомки того араба, который рассказывал Ботта, что именно из камней с клинописью, которые ищет француз, и он и его односельчане сооружали очаги в своих домах.

Нужно было иметь большое воображение, чтобы под зелеными холмами разглядеть очертания столицы ассирийского царя Саргона II и его великолепного дворца, сооруженного в 709 году до нашей эры. В 1843–1846 годах Ботта раскопал его гигантские стены, испещренные изображениями диких животных, барельефами бородатых царей и крылатых богов, его помещения с изумительными по форме вазам и предметами из алебастра, от прикосновения рассыпавшимися в порошок. Раскопки

подтвердили, что Арам Нахараим – "Сирия между двумя реками" (так называется Верхнее Двуречье в Ветхом завете) действительно существовала со своими ужасными царями, несшими смерть и разрушения соседям. Открытия Ботта положили начало ассириологии как одной из ветвей археологической науки. Но увиденная мной жалкая траншея с двумя десятками гранитных глыб и камней, разбросанных вдоль дороги, – это все, что оставил здесь любознательный француз.

С пологого холма – здесь мы сидим вместе с Саидом – открывается вид на зеленые поля, где под порывами ветра ходят большие зеленые волны. Слева от нас – ворота Нергала, которые вели в древний город. Они были обнаружены при раскопках в 1956 году. Здесь сейчас устроен небольшой музей и поставлены два стража – крылатые быки. Над воротами – старинная роспись, подходы вымощены большими плитами. Сзади нас поднимается холм Куянджик, куда после разрушения ассирийской столицы перебрались уцелевшие жители. Невдалеке виден другой холм, сплошь застроенный домами. Среди его строений выделяется мечеть у могилы наби Юнеса (пророка Ионы) с куполом в виде ребристого колпака и невысоким скромным минаретом.

Саид стар. У него седая борода, загорелое морщинистое лицо с уже поблекшими голубыми глазами, коричневые, в толстых узлах вен руки. Обращаясь ко мне, он называет меня "аджи" (мальчик, паренек). Мягкое произношение Саида выдает в нем коренного мосульца. Одна из фонетических особенностей мосульского говора – это легкое грасирование. Кроме того, в конце каждого существительного мосульца произносят долгое "и".

– "Мосул" в переводе с арабского означает "мост" "проход", – говорит Саид. – Наш город издревле считали торговым мостом между Востоком и Западом. Именно торговле он обязан своим возрождением из маленькой, всеми обижаемой деревушки

до большого, современного города почти с миллионным населением.

Действительно, место, где сегодня раскинулся Мосул, хорошо известно историкам. В V веке до нашей эры город назывался Машбалу, что в переводе с арамейского языка означает "низкое место" и отражает географическую особенность города. Живущие здесь издавна христиане прежде именовали Мосул "Хусн урбайа", что в переводе означает "Крепость на переправе". Название "Мосул" впервые появляется в 636 году, накануне мусульманского завоевания.

Мусульмане захватили Мосул в 640 году и превратили его в хорошо укрепленную крепость, откуда совершали походы в Армению и Азербайджан. Уже с III века на севере Ирака жили арабские племена теглиб, айяд, бакр, аль-нимр бен касем, а после мусульманского завоевания здесь можно было встретить и представителей племен тай, аль-азд, абд кейс, кинда, аль-хазрадж, шибан, сулюль и др. Все перечисленные Саидом племена и сегодня живут на севере Ирака. Большинство членов племен уже давно осели и превратились в земледельцев часть продолжает совмещать отгонное скотоводство с земледелием.

Наибольшего расцвета Мосул достиг в XII и XIII веках во время правления атабеков (титул главы ближневосточного феодального княжества). Из провинции Мосул вывозили пшеницу, ячмень, фрукты, мед, соль, знаменитые ткани и изделия местных ремесленников, а ввозили ковры и золото из Армении и Ирана, стекло и сахар из Сирии, шелк и фарфор из Китая, меха, клинки и кинжалы из Северной Африки. Средневековый историк Якуб аль-Хамави назвал этот город караванной станцией, откуда можно добраться в любую страну. Он писал, что Мосул – двери Ирана и ключ Хорасана. И далее: есть три великих города: Нишпур, ибо он – дверь на Восток, Дамаск, ибо он – дверь на Запад, и Мосул, ибо любой путешественник, чтобы попасть в

первые два города, его не минует. В этом городе можно найти все, чего нет в других.

Мосул и сегодня остается крупным транспортным узлом Ирака. Он связан железной дорогой с Багдадом, а шоссейными дорогами – с другими городами страны. Рельеф территории, в первую очередь наличие меридиональных долин Тигра и Евфрата, определили направление развития транспортной системы Ирака. Основная часть грузопотоков направляется с севера на юг и обратно, по линии Мосул–Басра. В южном направлении перевозится продукция сельского хозяйства. Из Басры, через которую проходит подавляющая часть импорта страны, на север направляются машины, оборудование и другие изделия обрабатывающей промышленности.

Мне на память приходят сказки из "Тысячи и одной ночи", в которых женщины "с волосами черными, как ночь расставания, и станом гибче кипарисовой ветви" при выходе на улицу закрывались от нескромных взглядов в шелковый мосульский изар (шаль). В средневековой Европе тончайшая ткань, выработанная в Мосуле и называемая поэтому "муслин", пользовалась огромным спросом. В Мосуле производили ткани из хлопчатобумажной пряжи с добавлением шелковой нити, ткани с золотым и серебряным шитьем, которыми восхищался Марко Поло, проезжавший Мосул, тяжелую золототканую парчу, шедшую на изготовление церковных облачений христианских патриархов. Мосул и сегодня славится своим текстильным производством. Здесь построены государственный завод по производству носков и чулок и несколько частных фабрик, вырабатывающих добротные хлопчатобумажные ткани из выращиваемого в южных районах хлопчатника. Но и сейчас наряду с фабричным производством в окрестных деревнях можно встретить местных кустарей, которые выделывают прочные ткани, идущие на изготовление одежды и других предметов домашнего обихода.

В Мосуле есть "сук аль-газаль" – специальный рынок для продажи пряжи, шерсти, хлопка и прочих изделий ткачей. Это настолько известное в городе место, что когда хотят сказать о чем-то само собой разумеющемся, то говорят: "Это же ясно, как тропинка на сук аль-газаль". На рынке не только идет торговля – здесь еще и работают ремесленники. Громко торгуются женщины, в небольших лавчонках трещат веретена, стучат ткацкие станки – от всего этого шум ужасный.

В Мосуле работают цементный и сахарный заводы, в окрестностях ведется добыча нефти и асфальта. Но все же город продолжает считаться центром сельскохозяйственного производства. Летом, когда в степях и полупустынях южных районов страны трава выгорает, в верхней Месопотамии зеленеют сочные луга, на которые выгоняют многочисленные стада. Это наиболее благоприятный район для разведения скота, особенно мелкого рогатого. На долю северного экономического района Ирака, центр которого – Мосул, приходится более половины общего поголовья коз и почти треть овец. В растениеводстве, основанном на богарном земледелии, преобладает возделывание твердых сортов пшеницы и ячменя; выращивают также табак, миндаль, грецкий орех.

Саид рассказал мне, что лето в Мосуле жаркое. Ветерок вечером приносит в город запах сероводорода от сернистого источника, который находится у развалин старой турецкой крепости Баштоба на берегу Тигра. В окрестностях Мосула есть еще несколько минеральных источников. К югу от города находятся горячие источники Хаммам аль-Алиль и Айн ас-Сафра. К Хаммам аль-Алиль в выходной день часто приезжают на отдых мосульцы, разбивают палатки или строят шалаши из циновок, где спасаются от солнца.

Летом Тигр в Мосуле мелеет. На его песчаных берегах ставят шалаши, в которых бедный люд отдыхает, пьет чай со сладостями. Буйволы вброд пе-

реходят обмелевшую реку. Мосульцы ведут на веревочках послушных овец к реке, чтобы искупать их. Этих животных на мосульском диалекте называют "габайт" (от слова "рабата", произносимое здесь "габата"), т.е. "привязывать", "связывать". Обычно мосульцы весной покупают ягнят, держат их на привязи во внутренних двориках своих домов все лето и режут с наступлением зимы, чтобы из нежного мяса сделать бастурму.

В июле жители города выбираютя вместе со своими спальными принадлежностями на крыши домов из душных, жарких комнат. Большинство домов здесь построены из камня. Стены нагреваются за день и только к полуночи становятся прохладными. Поэтому летом многие мосульцы не ложатся рано спать, а предпочитают допоздна сидеть с друзьями и приятелями за столиками кафе или на берегу Тигра. Рано утром женщины выходят на стирку к реке. Раньше они использовали речной ил вместо мыла и деревянную скалку, которой отбивали набухшее от воды белье. До строительства водопровода на заре весь левый берег Тигра буквально был усеян стирающими женщинами.

В каждом старом мосульском доме устроены два летних помещения: первое – на крыше, где спят ночью, и второе – в подвале, углубленном на метр и более от поверхности земли, отделанном серым мосульским мрамором; здесь проводят послеобеденный отдых. Часто в доме есть еще и другие подвалы, но они уже используются как кладовые. Здесь свалены старая мебель, дрова и уголь на зиму. Раньше в подвалах многих мосульских домов хранились и самодельные ткацкие станки.

Обязательная принадлежность старого дома – это колодец. Иногда в доме два колодца: главный – во внутреннем, мощенном камнем, мрамором или плиткой дворике, куда выходят двери всех комнат, и второй – в подвале. Вода домашних колодцев не употребляется для питья, приготовления пищи и даже стирки. Для этих целей используют реч-

ную воду. В колодцы же опускают на веревках бутылки с речной водой, чтобы она охладилась, да колодезной водой моют посуду. Речную воду развозят водоносы на ослах и ломовых лошадях в бурдюках различной величины. В каждом доме есть один-два бассейна, которые выдалбливают из целого куска камня, вмещающего до полутора кубов воды. Водонос на стене дома ставит черту за каждый привезенный бурдюк воды и в конце недели отправляется по домам собирать деньги.

Мосул – город хлебный. Вокруг города раскинулись обширные поля. Сюда осенью выходят комбайны и жнецы. "Провинция Мосул может прокормить весь Ирак", – говорят мосульцы, и в общем они недалеко от истины. Изобилие зерновых и определило, что основные, так называемые фирменные блюда в Мосуле готовят из белой пшеничной муки и крупы.

Самой главной задачей любой мосульской семьи летом считается заготовка пшеничной крупы, называемой "бургуль" или "хинта бургуль". Первый шаг в этом деле – варка закупленной в деревне пшеницы в огромном, взятом напрокат медном котле. Котлы достигают гигантских размеров – метр, полтора и более в диаметре. Видеть такой котел, установленный на камнях, с бушующим под ним огнем – зрелище весьма необычное. Зерно, прежде чем положить в котел, тщательно моют в тазах, отбрасывают кусочки земли, камни и колоски. Несмотря на повсеместное распространение нефтепродуктов, под котлом разжигают дрова и навозные лепешки – очень распространенное топливо в безлесном Ираке. Как только вода закипит, вокруг котла собираются взрослые и дети, которые требуют дать попробовать вареного зерна. Когда зерно готово, воду сливают, отброшенную пшеницу высыпают на крышу, где она сушится несколько дней. После просушки зерно везут на своеобразную крупорушку. Основание этой крупорушки представляет собой большой камень, по которому катается на

оси тяжелое каменное колесо, приводимое в движение ослом или мулом. Полученную крупу иногда еще больше измельчают на специальной ручной мельнице. Затем начинается не менее важный процесс просеивания и калибровки. Сита бывают трех видов, и соответственно получаются три сорта бургуля. Крупный бургуль идет на приготовление каши, средний – ”куббы”, фирменного мосульского блюда, и тонкий – на выпечку хлеба и лепешек.

Кубба – распространенное в арабских странах блюдо, приготовляемое из бургуля с мясом. Кубба бывает разных размеров и форм, но самая известная – кубба Мосул – похожа на лепешку, в середину которой помещают наперченный и сдобренный специями по рецепту хозяйки дома фарш или рубленое мясо. Кубба может быть вареная и жареная. В домах своих мосульских друзей я не раз ел куббы, но все они были разные не только по размеру, но и по вкусу. Вообще сделать хорошую куббу считается искусством, и мосульская женщина прилагает все свое умение, чтобы приготовленное ею блюдо было вкуснее, чем у соседки.

Другим распространенным мосульским угощением считается сладкий жесткий пирожок, называемый ”кляча”. Пирожки эти выпекают по-разному, начинкой могут быть и финики, и орехи, и мед, и другие сласти. Но обязательна для всех обильная приправа теста специями: кардамоном, мускатным орехом, имбирем и др. Специи тщательно толкут в медной ступке. Этим занимаются женщины. В это время они обычно напевают различные мелодии, да так громко, что все соседи узнают о том, что в доме стряпают клячу.

Тесто готовят из тонкой пшеничной муки, обязательно смолотой на мельнице с каменными жерновами. Мука из-под механической мельницы считается непригодной, и даже сегодня мосульцы, следуя традициям, ездят в дальние деревни, где еще сохранились мельницы с каменными жерновами. На приготовление пирожка идет масло, получен-

ное из овечьих сливок. Лишь в бедных семьях используют более дешевый курдючный или нутряной бараний жир. В муку, рассыпанную ровным слоем, кладут масло, добавляют молоко, розовую воду и толченые пряности. Затем замешивают тесто и дают ему "отдохнуть". Теперь начинается формовка. Каждая женщина избирает особую форму и начинку. Здесь и круглые пирожки с медом или сахаром, и "узелки", с финиками, прожаренными в масле, и "коровьи глаза" с орехами, фисташками, или миндалем, и "розовые бутоны", и "косынки" и др. Девочки помогают взрослым женщинам, перенимают у них умение готовить. Слепленный пирожок еще нужно украсить каким-нибудь орнаментом, и тогда и ход идет баранья косточка, нож или гребень.

Готовые пирожки складывают на большие, плетенные из ветвей тамариска блюда, которые привозят с гор, и затапливают большую, укрепленную в земле круглую печь – "таннура", где обычно пекут хлеб. Дрова прогорают, и, как только угли немного подернутся пеплом, хозяйка приступает к работе. Смазав пирожок яйцом, она прикрепляет его к внутренней стороне горячей печи. Вот теперь-то, пожалуй, и наступает самый ответственный момент... Готовые пирожки складывают в комнате остывать до следующего дня, когда начнется дегустация. Хозяйка дома угощает всех домочадцев, дети набивают пирожками карманы. Если у хозяйки сыновья женаты, она посылает своим снохам пирожки, причем любимой снохе – хорошо поджаренные и вкусные, а нелюбимой – похуже. В праздничные дни молодые мосульские женщины по полученным от свекрови гостинцам могут узнать об ее к ним отношении.

Конец лета в Мосуле приходится на 14 сентября – большой праздник. Собственно, это христианский праздник, но его отмечают все мосульцы независимо от вероисповедания. Гвоздем программы станут большой фейерверк и огромные костры, которые жгут в окрестностях города в ночь с 13 на 14 сен-

тября. Это связано с рассказом, по которому византийская императрица Елена, мать Константина, отправилась в Иерусалим, где в результате поисков на Голгофе обнаружила крест, на котором был распят Христос. Спеша сообщить христианскому миру эту новость, она приказала разжечь огромный костер, пламя которого было бы видно издалека. Византийские солдаты, находящиеся в нескольких десятках километров от Иерусалима, завидев пламя, зажгли свой костер и т.д. Так император Константин на берегах Босфора в своей столице узнал о находке креста всего за несколько часов.

Зима в Мосуле дождливая, сырая. В большинстве домов нет центрального отопления, и для обогрева употребляются большие керосиновые лампы. Однако коренные мосульцы, особенно живущие в собственных домах, продолжают заготавливать древесный уголь. Этим делом занимается хозяйка дома. Уголь делится на три сорта: крупный, средний и мелкий. Иногда покупают угольную пыль; из нее делают большие шары, которые сжигают при наступлении слабых холодов. Во время же сильного холода хозяйка заправляет печь крупным углем. Чаще всего это делают в марте, когда зимняя сырость пропитывает стены дома. На этот счет даже существуют свои пословицы и поговорки.

Напомню, что в Мосуле я был осенью. Осень здесь, как в любом городе, связанном с периодом сельскохозяйственных работ, – время многочисленных свадеб. Свадебные обычаи здесь несколько отличаются от уже описанных мной, и это объясняется прежде всего тем, что в Мосуле живут лица различных национальностей и вероисповеданий. В 30 лет мужчина здесь считается созревшим для вступления в брак, и к этому возрасту родственники и близкие друзья часто задают ему многозначительный вопрос: "Когда же ты полностью исполнишь предписания твоей веры?" В Коране есть фраза: "Зиввадж – нысф дин", т.е. "Брак – половина религии", и поэтому вопрос совсем не праздный, поскольку брак – не прихоть,

и долг и религиозная обязанность каждого мужчины. Иногда этот же смысл вкладывается в вопрос: "Когда обрадуешь нас, сынок?" Как правило, сынок уклоняется от прямого ответа, но не молчит, так как молчание расценивается как согласие.

В одну из своих самых продолжительных прогулок по Мосулу я побывал у главной башни крепости Баштоба, сооруженной турками на левом берегу Тигра в средние века. Затем, пропетляв по узким улицам, я вышел к центральной площади и по построенному в 1958 году мосту через Тигр перешел на правый берег реки. Солнце медленно опускалось к горизонту, и кофейни, многие из которых расположены на плоских крышах домов, постепенно заполнялись народом. На фоне розового заката отчетливо виднелся 50-метровый "падающий" минарет мечети — одна из достопримечательностей города. Через несколько минут я добрался пешком до второго моста, построенного в 1934 году, и вернулся обратно к башне. У здания мосульского отделения банка "Рафидейн", отделанного местным серым мрамором, городские власти пробили новую улицу, снеся обветшалые лачуги. Слева от него проходит улица Ниневии, застроенная ровными двухэтажными домами. В конце прогулки на шарабане я отправился к железнодорожному вокзалу, в одну из гостиниц города, где и заснул под пересвист паровозов и протяжный гудок восточного экспресса, следовавшего из Багдада через Анкару в Белград.

В черном шатре бедуина

Старая дорога из Мосула на Эрбиль сначала тянется вдоль Тигра, а затем все больше и больше отклоняется на восток. Вдоль реки расположены самые плодородные участки, затопляемые рекой в паводок. Земля здесь дает фантастические урожаи. Километрах в десяти от Мосула вниз по тече-

нию Тигра находится деревня Саями, где выращивают арбузы, побившие сразу два рекорда – по своим размерам и по времени сохранности. Мне рассказывали, что местные историки зафиксировали следующий факт: в Саями был выращен арбуз такой величины, что даже осел не смог увезти его. Возможно, это и преувеличение, но я лично видел в Багдаде длинный, похожий на бледно-зеленый гигантский огурец мосульский арбуз весом 36 килограммов. В прохладном подвале арбуз может храниться около полугода. В этом и заключается причина того, что арбузы, выращенные в Мосуле, получили известность еще в средние века далеко за пределами Багдадского халифата. Крестьяне сеют арбузы в мае, после того как сойдет паводок, прямо во влажную землю, и уже через два месяца можно собирать первый урожай.

Тигр – самая беспокойная река Ирака. Выходя из берегов, он затопляет большие площади плодородных земель, прилегающих к его берегам, размывает глинобитные лачуги, уничтожает скот. Сообщения об уровне воды в период весеннего паводка напоминают лаконичные и строгие сводки с полей сражения. Но за каждым их словом или цифрой скрывается многое: будут ли крестьяне снимать урожай или, перебравшись на высокое место, будут наблюдать, как бешеная река уносит выращенные с большим трудом посевы, смогут ли они спокойно лечь спать или, застигнутые стихией, будут сидеть на грозящей рухнуть крыше дома и искать воспаленными от напряжения глазами лодку своих спасителей.

Для защиты от наводнений на Тигре построены две плотины: одна – близ Самарры, защищающая Багдад, переживший в 1954 году разрушительное наводнение, другая – в городе Куте. "Кут" в переводе с арабского означает "крепость", "центр". Иногда этот город называют Кут-эль-Амара по имени племени, центром которого он был в прошлом. В районе Эски Мосул планируется строительство треть-

ой плотины на Тигре. Как-то весной, направляясь от Кута к Эн-Наамани, я проехал по проселочной дороге по правому берегу Тигра. Река на протяжении почти 50 километров течет в своеобразном ложе с высокими, искусственно поднятыми берегами. 15 млн. тонн наносов, которые несет ежегодно Тигр, частично осаждаются на дно реки, меняют ее ложе и вынуждают постоянно поднимать дамбы, ограждающие ее берега. Уровень воды в некоторых местах находится метра на два выше уровня земли поэтому прорыв дамбы грозит затоплением огромной площади. Недаром библейский миф о всемирном потопе родился в Месопотамии, которая являлась единственным районом Передней Азии, страдавшим больше от избытка воды, чем от ее недостатка.

На 30-м километре от Мосула по дороге на Эрбиль есть поворот на восток, к небольшой арабской деревне Нимруд, расположенной у высокого, явно искусственного холма с ровно срезанной вершиной. За ним виднеется еще несколько холмов меньших размеров. Под грудами серой земли здесь погребены развалины столицы Ассирийского царства — Кальху (Калаха), открытого и раскопанного английским путешественником Лэйярдом.

Как и многие его современники, Лэйярд считал Верхнюю Месопотамию колыбелью мудрости Запада. В 1839 году он оказался на пустынных берегах Тигра, близ Нимруда, горя желанием познакомиться с местом, о котором говорится в Библии. Он обнаружил кучи нагроможденной земли, где попадались осколки мрамора, алебастра, и интригующий пирамидальный холм. Рассказы местных жителей о фигурах из черного камня и особенно созвучие названия деревни с именем правнука библейского Ноя, Нимрода, получившего в десятой главе Первой книги Моисея лестную аттестацию "сильного человека пред Господом", заставили Лэйярда всерьез задуматься о раскопках. В 1845 году он начинает свою работу и в течение трех лет делает откры-

тия, поставившие его имя в один ряд с именами величайших археологов XIX столетия.

Вот теперь и я стою перед фасадом дворца Ашшур-нацира-апала II (883–858 годы до нашей эры). Это он построил новую великолепную столицу Кальху. Справа, за моей спиной, – пирамидальный холм, некогда привлекавший внимание английского исследователя своей необычной формой, слева – небольшая, сложенная из желтого кирпича хижина сторожа этих раскопок. На раскопках нет гида – и сторож, невысокого роста араб в белом головном платке, взялся рассказать мне все, что узнал за десять лет своей работы в Нимруде.

С расстояния десяти метров можно охватить взглядом весь фасад дворца ассирийского царя с двумя порталами, ведущими в тронный зал. Они охраняются скульптурными изображениями богов Мардука и Нергала. Скульптура Мардука сделана из серовато-зеленого с белыми вкраплениями мосульского мрамора, доставленного сюда на плотках с верховьев Тигра. Я отчетливо вижу покрытое змеиной чешуей брюхо, мощные ноги и человеческую голову главного бога народов древней Месопотамии. Его крупный нос мягко очерчен, прямая борода заплетена в косицы, а усы лихо закручены. В некоторых местах потемневшие металлические скобы скрепляют треснувшую скульптуру.

Две фигуры бога Нергала, крылатого льва с человеческим лицом, стоят анфас. Они сделаны из того же материала, что и Мардук, но меньше по размеру и достают Мардуку лишь до подбородка. Одно изображение Нергала держит в руке ягненка, другое – сосуд с вином или маслом. Бог Нергал в мифологии народов Месопотамии считался владыкой преисподней, куда он попал, силой подчинив себе свою супругу, древнюю богиню подземного царства Эрешкигаль.

У восточного, лучше сохранившегося портала к стене между Мардуком и Нергалом приставлена каменная плита с барельефом бога Набу. Здесь он

изображен в виде крылатого человека со свирепым лицом: крючковатый нос нависает над плотно сомкнутыми губами, застывшими в злой усмешке, брови нахмурены. В правой руке, согнутой в локте под прямым углом, Набу держит какой-то круглый, похожий на лимон предмет, по-видимому, шишку пшеницы – символ плодородия. К мочке его уха прикреплена длинная, напоминающая ключ серьга.

На сохранившихся вдоль стены фасада барельефах можно найти изображение и четвертого бога – Нинурты. Этот бог имеет вид орла, а по размеру его фигура составляет лишь четверть массивного Мардука. Бог Нинурта в ассирийской мифологии – покровитель плодородия и растительности, животноводства и рыболовства. Эти черты Нинурты наиболее древние. Впоследствии он становится богом войны – отсюда его изображение в виде орла. Но он сражается только с горными народами и никогда не поднимает руку на города соседней Вавилонии. В одном из шумерских эпосов говорится о войне бога Нинурты со злым демоном – обитателем подземного царства. Нинурта одновременно являлся героем-первопредком: он соорудил плотину-насыпь из груды камней, чтобы отгородить Шумер от вод первозданного океана, которые разлились в результате смерти врага – злого демона, а воды, затопившие поля, отвел в Тигр.

Любой посетитель, некогда вступавший в тронный зал, будь то покоренный правитель другого государства или местный жрец, царский придворный или посол соседней державы, неминуемо проходил через эти порталы и мимо каменных плит, на которых искусный мастер изобразил сцены, рассказывающие о смелости и храбрости царя в бою и его ловкости на охоте. Фигуры богов должны были внушать благоговение, подчеркивать силу и могущество ассирийской державы и ее владыки, сидевшего на троне в южном конце тронного зала.

Лэйярд писал в своей книге: "Целыми часами я рассматривал эти таинственные символические изо-

бражения и размышлял об их назначении и истории... Какие более возвышенные изображения могли быть заимствованы у природы людьми, которые пытались найти воплощение своих представлений о мудрости, силе и вездесущности высших существ?! Что могло лучше олицетворять ум и знания, чем голова человека, силу – чем туловище льва, вездесущность – чем крылья птицы?!” (эта и следующая ниже цитата приводятся по изд.: *Керам. Боги, гробницы, ученые.* М., 1960, с. 240–241).

Прохожу через восточный портал. Большими пустыми глазами без зрачков смотрит перед собой Мардук, равнодушно отвернулся свирепый Набу, два близнеца, олицетворяющих Нергала, смотрят поверх моей головы на запад, на затянутые тучами горы. Примерно 25 столетий отделяют меня от тех дней, когда здесь кипела жизнь, благодаря искусству древнего камнереза застывшая сегодня на уцелевших барельефах и каменных плитах тронного зала.

Лэйярд был не только удачливым археологом, но и талантливым рассказчиком. Он оставил описания многих барельефов, в которых точно, по свежим следам раскопок, давал оценки найденным предметам. Вот одно из его писаний: ”На нем (барельефе. – О.Г.) изображена батальная сцена; во весь опор мчатся две колесницы; в каждой колеснице – по три воина; старший из них, безбородый (вероятно, евнух), облачен в доспехи из металлических пластинок, на голове его – остроконечный шлем, напоминающий старинные нормандские шлемы.левой рукой он крепко держит лук, а правой чуть ли не до плеча оттягивает тетиву с наложенной на нее стрелой. Меч его покоится в ножнах, нижний конец которых украшен фигурками двух львов. Рядом с ним стоит возничий, с помощью поводьев и кнута он направляет бег коней; щитоносец отбивает круглым, возможно чеканного золота, щитом вражеские стрелы и копья. С удивлением отмечал я изящество и богатство отделки, точ-

ное и в то же время тонкое изображение как людей, так и коней. Знание законов изобразительного искусства нашло здесь свое выражение в группировке фигур и общей композиции”.

Но сейчас тронный зал пуст. Отодранные от стен барельефы вместе с изображениями богов были погружены Лэйярдом на плоты, спущены вниз по Тигру и отправлены в Лондон. Испещренную клинописными знаками гранитную плиту, на которой стоял трон ассирийских монархов, я видел в Мосульском музее, куда она была перевезена. Стены тронного зала аккуратно оштукатурены и обмазаны цементом. Только в нескольких местах на скрепленных известью осколках барельефов, не вывезенных лишь потому, что они могли бы рассыпаться в дороге, видны изображения шагающих воинов, части боевых колесниц да когтистая лапа раненого на охоте зверя, царапающего в предсмертной агонии землю.

В ассирийском зале Национального музея в Багдаде экспонируются копии барельефов, вывезенных в Лондон. Это статуи царя Салманасара III (858–824). Последняя статуя производит на меня особо сильное впечатление. Поза царя спокойна и величественна; сильные, с напряженными мышцами руки сложены в молитвенном жесте и прижаты к груди. На голове царя – высокая тиара с бычьими рогами. Здесь же, в этом зале, находится плита-пьедестал с рельефами, на которой стоял трон Салманасара III. Рельефы изображают идущих друг за другом данников ассирийского царя, нагруженных различными дарами природы. На центральной части пьедестала – фигура Салманасара, протягивающего руку вавилонскому царю.

Этот жест ассирийского царя на его троне не случаен. На всем протяжении существования Ассирии и Вавилона правители этих двух стран не раз сходились в смертельных схватках. Но, одержав победу и уничтожив своих политических противников, победитель постепенно стремился восстановить преж-

ние отношения, поскольку именно в объединении усилий ассирийцев и вавилонян – этих двух братских народов, связанных общностью происхождения, исторических судеб, религии, культуры и обычаев, говоривших на близких диалектах аккадского языка и писавших одной клинописью и живших на территории одного географического региона, в междуречье Тигра и Евфрата, – было спасение от окружавших и теснивших их врагов.

Вавилон был священным городом и для ассирийцев. Слепленный гневом ассирийский царь Синахериб, как уже говорилось, в 689 году до нашей эры до основания разрушил Вавилон и проклял место, где он находился, на 70 лет. Самым кощунственным было то, что статуи Мардука, бога-покровителя города, были вывезены в Ассирию. Однако сын Синахериба от вавилонянки Асархаддон (наследник престола) уже в 678 году до нашей эры приказал начать восстановление города, объявив, что Мардук пожелал вернуться в Вавилон, и лично заложил первый камень в фундамент городского храма. Но через 25 лет Вавилон вновь подвергся нападению Ассирии. В 652 году до нашей эры Ашшурбанапал предпринял военный поход против сил мятежной коалиции. Главным организатором этого союза был Шамаш-шум-укин, брат Ашшурбанапала и номинальный царь Вавилонии. Ему удалось привлечь на свою сторону Египет, сирийских и палестинских царей, шейхов арабских племен, мидян, Элам (к востоку от Вавилонии) и Приморье – всех, кого объединяла ненависть к Ассирии и желание сбросить ее господство. Вавилон очутился в блокаде, эламское войско было разбито еще в дороге. Приморье подверглось жестокому разгрому, а все прочие участники коалиции, кроме арабов, не смогли оказать Вавилону существенной помощи. После трехлетней осады и ужасающего голода Вавилон пал. Это было в 648 году до нашей эры. Шамаш-шум-укин велел поджечь свой дворец и бросился в пламя.

И только в 612 году до нашей эры (я уже писал

об этом выше) союзные войска вавилонского царя Набопаласара и мидийского царя Киаксара поднялись против Ассирии, взяли и разрушили дотла ее столицу Ниневию. Но это была победа, которой Вавилон совсем не гордился. Вот как пишет об этом В.А.Белявский в книге "Вавилон легендарный и Вавилон исторический" (М., 1971, с. 69): "Набопаласар лишь глухо упоминает о победе над Субарумом – так... называлась Северная Месопотамия", а вавилонский царь Набонид "прямо утверждал, вопреки истине, что вавилоняне не принимали никакого участия в разгроме ассирийских городов, что все это было делом рук одних скифов. Набопаласар же... лишь молился богам и в знак печали спал не на ложе, а на земле".

Я следую по пятам за сторожем, который ведет меня по хорошо утрамбованной тропинке, петляющей среди поросших травой раскопок.

– Здесь хранилась царская казна, – говорит мой гид и показывает на глубокую яму, над которой проложены рельсы для вагонеток, используемых археологами для вывоза земли. В яме находится несколько вертикально поставленных каменных плит с аккуратно нанесенным клинописью текстом. Наверно, это перечень налоговых ставок или опись царской казны.

– А здесь была приемная царя, – продолжает он, останавливаясь у следующей ямы. Вертикальные каменные плиты с клинописными значками торчат из земли. По-видимому, это тексты законов или договоров с соседними государствами.

– Вот царская баня, куда можно пройти прямо из приемной, – сообщает мой спутник, и я вижу квадратный раскоп, в центре которого угадываются очертания круглого бассейна.

Осмотр закончен. Выхожу на поросший травой и засохшими цветами высокий бруствер, упирающийся на востоке в пирамидальный холм. Это все, что осталось от городской стены. Впереди расстилается поле, по которому, чихая сизым дымом, ползут два трактора. За ними темнеют фиштакшковые де-

ревья, а еще дальше, за рекой, в городе Хаммам-эль-Алиль, поднимается белесый дымок цементного завода. Начинает накрапывать дождь, и скоро его серая пелена скрывает работающие тракторы, сад и белую дымку завода. Прощаюсь со сторожем и только сейчас замечаю, что его лицо удивительно похоже на изображение бога Мардука.

После открытия Кальху Лэйярд взялся за раскопки Ниневии, которую до этого безуспешно раскапывал Ботта. Умудренный опытом трехлетних археологических изысканий в Нимруде, он пробил в Куюнджикском холме вертикальную штольню и на глубине 20 метров наткнулся на слой кирпичей. Еще несколько недель ушло на устройство горизонтальных галерей, после чего Лэйярд объявил миру, что нашел дворец одного из ассирийских царей. Этот дворец, как было подтверждено впоследствии, принадлежал царю Синаххерибу. Однако самой значительной находкой Лэйярда в Куюнджике стала библиотека Ашшурбанапала — более 20 тыс. хорошо систематизированных и классифицированных табличек с царскими указами, дворцовыми записями, религиозными текстами и магическими заговорами, эпическими повествованиями, песнями и гимнами, текстами, содержащими сведения о медицине, астрономии и других науках. Ашшурбанапал постоянно заботился о пополнении своей библиотеки, сам отбирал для нее тексты. Он был автором ряда стихотворных молитв, а возможно, принимал участие в составлении анналов.

Всем, что мы знаем сегодня о древней Ассирии и ее культуре, мы обязаны расшифровке материалов этой библиотеки. Здесь, в частности, были обнаружены таблички с одним из величайших произведений мировой литературы, аккадским героическим эпосом о великом Гильгамеше, бывшем "на две трети богом и на одну треть человеком". Гильгамеш являлся самым популярным героем эпических сказаний древней Месопотамии. Подобно греческому Гераклу он совершал героические подвиги.

он победил небесного дракона-чудовище, посланного на шумерский город Урук богиней Инаной (Иннин), убил исполинскую птицу и волшебную змею, на этот раз по просьбе той же богини Инаны, так как птица и змея поселились на посаженном ею дереве в саду, боролся со львом и др. Лейтмотив эпоса — невозможность человека достичь участи богов и получить бессмертие. Единственное доступное человеку бессмертие — это память о его славных делах. Имеется несколько версий этого эпоса, которые обогащались народной традицией и локальными подробностями. Опубликованный эпос о Гильгамеше пролил свет на происхождение многих библейских легенд и мифов. Многочисленные переработки этого эпоса привели к тому, что Гильгамеш стал современником Авраама и других бессмертных персонажей.

По дороге на Эрбиль расположено несколько христианских селений. Провинция Мосул — единственное место в Ираке, где христиане — православные, католики, протестанты, несториане (по этническому происхождению — ассирийцы), яковиты (сиро-православные), армяно-григориане — составляют до трети всего населения провинции. Здесь находится католическая духовная семинария, где преподают доминиканцы (члены религиозного нищенствующего ордена, основанного в начале XIII века), и около десятка стареньких церквей. Некоторые из них построены еще до турецкого завоевания и настолько ветхи, что, кажется, могут развалиться от сильного ветра. Когда-то христиане представляли в стране большую силу. Их монастыри, затерявшиеся в горах и степях Северного Ирака, владели обширными участками земель и могли достойно содержать свои усадьбы и церкви. Но сейчас положение изменилось. Мусульмане постепенно вытесняют христианское население из городов. С весны 1966 года в Мосуле работает отделение министерства внутренних дел Ирака, выдающее паспорта желающим выехать за границу. Большую часть

паспортов получают иракцы-христиане, отправляющиеся искать счастья в другие страны. Только еще в деревнях мирно уживаются и трудятся рядом мусульмане и христиане.

На 35-м километре от Мосула на старой эрбильской дороге стоит христианский монастырь. Он построен в XII веке в небольшой впадине близ деревни Эль-Хадер. Поэтому его называют либо так же, как деревню, "Эль-Хадер", либо "аль-Джубб", т.е. "У впадины".

Община яковитов (сиро-православных, или сирояковитов), признающих лишь божественную сущность Христа, поглотившую человеческое начало в нем, возникла в VI веке. В XVII веке от нее откололась униатская сиро-католическая община. Яковитскую церковь возглавлял яковитский патриарх Антиохии с местопребыванием близ Мосула (язык богослужения – сирийский); римский папа возвел главу новой церкви, отколовшейся от яковитской, в сан сирийского патриарха Антиохии в 1783 году (язык богослужения – сирийский и арабский).

Создание монастыря христианские богословы связывают с именем принца Бехнама – одного из сыновей Синаххериба, который по совету ангела отправился к монаху Мар Матта, жившему недалеко на высокой горе. Монах излечил Сару, сестру Бехнама, от эпилепсии. Это произвело на молодого принца такое большое впечатление, что он стал его последователем. Разгневанный отец потребовал у Бехнама и Сары отречения от новой религии и поклонения идолам. Они отказались и пошли искать убежища у Мар Матта, но были настигнуты солдатами, убиты и сброшены в яму. Впоследствии Синаххериб, скорбя о детях, приказал построить небольшой мавзолей над их могилой.

Эта трагедия разыгралась на месте теперешнего монастыря в декабре, когда после зимних дождей на полях стали пробиваться первые зеленые всходы. Вероятно, название деревни Эль-Хадер, что значит

"делающий зеленым", связано с этой легендой. Кстати, аль-Хадер – довольно известный персонаж религиозных мифов и сказаний народов Ближнего Востока. Арабы-христиане называют этим именем пророка Илью, а мусульмане – святого Георгия, убившего дьявола в обличье дракона. От аббата Пьера Шито, который сопровождал меня во время осмотра монастыря, я узнал, что Бехнам известен в Египте, Монголии и Синьцзяне, а в 1295 году монгольский хан Байду сделал богатые подарки монастырю и просил покровительства Бехнама.

Строительство же монастыря связывают и с именем перса-христианина Исаака. Он направлялся в Иерусалим с больным слугой. Исаак любил слугу, как сына, и, когда после молитвы у могилы детей Синаххериба слуга излечился от болезни, благодарный перс решил построить здесь монастырь. Что осталось от этого древнего сооружения, неизвестно. Из надписи на сирийском языке в церкви можно узнать, что монастырь был реставрирован умельцами из Тикрита.

Знаменитый монастырь включает две постройки: церковь с внутренним двориком и жилые помещения для монахов и прислуги. Обращает на себя внимание искусная работа резчиков по камню и алебастровой штукатурке, украшающая многочисленные и разновеликие двери. И это понятно: на Востоке дверь и связанные с нею церемонии имеют большое символическое значение. Многие двери в монастыре украшены над притолокой изображением головы льва. Это – эмблема атабеков, в период правления которых (XII–XIII столетия) Мосул достиг большого расцвета. Тогда же и было построено основное здание монастыря – церковь. У алтаря находятся два сильно попорченных временем рельефных изображения Бехнама и Сары. Бехнам верхом на коне топчет поверженного сатану с раздвоенным языком змеи. Барельеф, изображающий Сару в ассирийских одеждах, очень плохо сохранился и вряд ли может быть восстановлен.

Могилы Бехнама и Сары расположена уже за пределами монастыря, к юго-востоку от него. Над могилой построена небольшая часовня, в круглом зале которой, в нише, под камнем, находится их прах. У купола часовни сохранились любопытные надписи. Три из них, исполненные рельефным шрифтом, на арабском и сирийском языках, приводят имена каменщиков, которые приложили руку и умение для украшения часовни. Четвертая надпись, сделанная уйгурским шрифтом, гласит: "Пусть мир Хадера-Элиаса, друга Бога, снизойдет на хана, его вельмож и жен". Эта надпись принадлежит хану Байду.

Самое интересное место этого разрушающегося монастыря – библиотека, расположенная в небольшом помещении рядом с опустевшими кельями монахов. По словам аббата Шито, здесь собрано около 500 рукописных трудов, в том числе Евангелие XII века, Библия XVII века, несколько сотен томов хадисов (преданий) о пророке Мухаммеде, книги XII и XVII веков о церковных обрядах яковитов и сирийских католиков и др. Некоторые из них писаны на пергаменте, другие, относящиеся к более позднему времени, – на бумаге. Для письма использовались расщепленная палочка и специальный раствор, приготовленный из чернильного ореха авс. Большинство книг находится в плохом состоянии, и мне, привыкшему к бережному обращению с древними книгами и документами, было как-то не по себе листать готовые вот-вот рассыпаться на кусочки страницы почерневших древних книг с угловатыми арамейскими письменами.

Монастырь, конечно, не имеет средств для поддержания библиотеки. В монастырской школе в то время училось всего 12 мальчиков и девочек. Срок обучения – два года. Родители школьников, думаю, не столь богаты, чтобы выделить средства на содержание монастыря, его служителей и библиотеки.

Близкое соседство мусульман и христиан в северных провинциях определило и сходство их некоторых обычаев. Так, свадебные церемонии христианских общин в Мосуле и его окрестностях в целом похожи на церемонии мусульман, хотя и имеют некоторые отличия, которые объясняются прежде всего религиозными предписаниями. Для христиан характерна бóльшая простота, поскольку здесь нет строгих ограничений Корана.

После того как девушка найдена и ее имущественное положение признано удовлетворительным и подходящим, в ее дом посылается женщина, которая знает девушку, поскольку не раз мыла ее в общественной бане или дома. Ее так и называют "гассалья", т.е. "банщица", моющая в бане. Как только она сообщает родителям юноши, что их выбор не будет отклонен, к родителям невесты посылается один из уважаемых членов семьи или священник. Это называется "малый запрос". Если положительный ответ получен и на этот раз, начинается "большой запрос", включающий сложное согласование приданого невесты, ее украшений. В прошлом мусульцы-христиане были в основном ремесленниками, поэтому родители девушки предпочитали, чтобы жених был "человеком ремесленным, а не тем, который живет в долг и много говорит". Что касается девушки, то она должна быть "белой телом" и хорошего поведения.

Подписание брачного соглашения у христиан происходит в доме невесты в присутствии родственников жениха и специальных свидетелей, которые не должны быть связаны с молодыми людьми узами близкого родства. Обручальные кольца на руки молодых надевает мать жениха. Девушка целует руки своим родителям, сестрам, теткам и просит у них благословения, перед тем как покинуть свой дом. Так же как и у мусульман, христиане торжественно переносят приданое невесты. В это время у дверей дома жениха стоит гассалья, которая впускает в дом лишь после того, как ей вручат подарок.

В воскресенье молодые идут в церковь, где оформленный брак освящает священник. Обычно в этот день супруги зажигают огромную свадебную свечку, которую потом хранят до глубокой старости как воспоминание о самом памятном событии в их жизни. После первой брачной ночи молодая женщина принимает подарки от родителей и родственников. Спустя 15 дней она наносит визит своей матери, и жизнь всех родственников входит в обычную колею. Сама свадьба у христиан справляется с не меньшей пышностью, чем у мусульман. Однако христиане вопросам приданого, выкупа и другим связанным с бракосочетанием имущественным отношениям придают меньшее значение, чем мусульмане.

Христианское население в Мосуле и больших деревнях (Телькер, Тельсокаф, Бакуфа, Эль-Куш, Бартала, Каракош) с большим размахом справляет праздник Рождества. Это торжество отмечают и мусульмане, причем не менее пышно. Рождество празднуют три дня. Люди наряжаются, ходят друг к другу в гости, устраивают игрища. Но вот кончается праздник, и все с облегчением говорят: "Кончились праздник и связанные с ним заботы".

В 90 километрах от Мосула я посетил развалины древнего арабского города Хатры (Эль-Хадр). Этот город был не только транзитной станцией на пути караванов, следующих из Сирии в Северный Ирак и далее в Иран, но и важным центром богатого сельскохозяйственного района. Архитектура Хатры, лежавшей на перекрестке дорог, сочетала в себе элементы греческой и римской культур, а также культурного наследия Месопотамии. В храмах города, окруженного двумя рядами стен, каждый путешественник или караванщик мог найти бога, которому он привык поклоняться на родине: здесь были греческие Афина и Дионис, ассирийские Ашшур и Нергал, арабская ал-Лат.

Хатра лежит у сухого русла Эт-Тартара, которая начинается в горах Синджара, идет прямо на юг и теряется в одноименной впадине, наполненной

сегодня пресной водой. Эта впадина, по мнению геологов, карстового происхождения, образовалась в результате резкого опускания суши. Поэтому выражение "провалиться в тартарары" имеет прямое отношение к Тартару и происшедшей много веков назад катастрофе. Сейчас меж зеленых холмистых берегов бежит мелкий ручеек Эт-Тартар.

Первый раз я попал в Хатру в мае. Зеленые холмы были покрыты белой кашкой, желтой сурепкой, персидской ромашкой, терпко пахнущими белыми и лиловатыми цветами. Иногда в низине как огоньки вспыхивали головки алых маков. Воздух в степи был удивительно свеж, и я невольно вспомнил слова о чистоте воздуха в степи, "где дышит лишьмышь", воздуха, напоминающего по чистоте морской.

Хатра в период своего расцвета была опоясана двумя кольцами стен, стоявшими на расстоянии 400 метров друг от друга. В город вели четверо ворот, ориентированных по сторонам света. В центре города находился дворец, а близ него – дворцовое святилище. Остальные храмы лежали к юго-западу от дворца.

Сейчас сохранились внутренняя стена, защищавшая центральную площадь, и дворец с прилегающими к нему постройками. Снаружи стены находится портик эллинистического храма II века до нашей эры – самого старого сооружения, открытого на территории Хатры. Все здания построены из крупнозернистого песчаника и известняка, добытых в районе вадн Эт-Тартар. Этот строительный материал довольно хрупок, поэтому многие горельефы, украшающие фасады здания, статуи царей и знатных людей города разбиты и разрушены дождем и ветром. Некоторые скульптуры сделаны из серого с белыми вкраплениями мозувского мрамора. Они сохранились несколько лучше. За железным мостом через вадн я видел несколько карьеров, где кирка каменотеса последний раз звучала примерно 16 веков назад.

Для статуй, изображающих царей и знатных людей Хатры в островерхих шапках, расшитых камзолах, отороченных мехом, и в ниспадающих свободными складками широких шароварах, характерна одна деталь: правая рука поднята к плечу в знак благословения и мира, а левая либо лежит на рукоятке меча, либо держит жезл – символ царской власти. Арабские цари Хатры, находившейся под влиянием парфянов, охраняли караванные пути, приветствовали тех, кто шел к ним с миром, и подымались против тех, кто шел на них войной. Символом Хатры был орел. Его изображения украшали знамена и фасад храма города, чеканились на памятных медалях и украшениях. В амуниции царей и на их боевых знаменах всегда присутствовало изображение этого защитника и покровителя степного города-крепости.

Но это не спасло Хатру от разрушения. В 237 году сын и наследник сасанидского царя – Шапур I (243–273), командовавший персидской армией в походе против римлян, овладел Хатрой. Большие запасы продовольствия и воды, поступающей по керамическим трубам из вадии Эт-Тартар, сильный, хорошо вооруженный гарнизон во главе с царем Дайзаном, укрытый за двумя кольцами "заговоренных" колдунами стен, давали надежду жителям если и не добиться победы, то по крайней мере заключить почетное перемирие. Но город был захвачен завоевателями, проникшими через разрушенные стены якобы из-за предательства дочери Дайзана – принцессы Нусейры, которая влюбилась в сасанидского царя и хотела заслужить его благосклонность.

Средневековый историк аль-Казвини приводит рассказ о покорении Хатры: "Дочь Дайзана Нусейра поднялась на крышу, увидела Сапора (т.е. Шапура. – О.Г.)... Она послала к нему гонца с просьбой узнать, что она получит, если укажет царю, как взять город? „Возьму тебя для самого себя и возвышу над всеми женщинами“, – ответил Сапор. Тогда Нусейра открыла тайну заколдованных стен Хатры: "Возь-

ми кровь голубки, и смешай ее с менструальной кровью голубоглазой женщины, и напиши заклинание той смесью на шее голубя, и выпусти его. Как только голубь сядет на стену, она разрушится". Сапор сделал так, как его научила Нусейра. Стена рухнула, и он вошел в город, где убил десять тысяч человек, и в том числе и Дайзана". А пышная свадьба Шапура и Нусейры, по свидетельству аль-Казвини, была сыграна в местечке Айн-т-Тимр. "В первую ночь Нусейре не спалось, она ворочалась на царском ложе, которое показалось ей необыкновенно жестким только потому, что на него попал листочек мирты. На вопрос Сапора, чем не угодили ей ее родители, Нусейра не смогла ответить. Ведь они ее холили, не жили. „Ты не была верной дочерью, – сказал Сапор, – ты не можешь быть и верной женой". Он приказал поднять ее на высокое здание и сказал: „Не обещал ли я, что возвышу тебя над моими женщинами?" – „Да", – ответила Нусейра. Затем Сапор приказал двум красивым всадникам привязать ее к хвостам своих коней и разорвать на части".

Эта легенда, записанная аль-Казвини, одним из корифеев средневековой арабской историографии, распространена в странах Ближнего Востока в различных вариантах, но с одним обязательным концом: дочь, которая предала своих родителей и помогла Шапуру взять Хатру, в конце концов понесла наказание от его же рук. Неверная дочь не может быть и верной супругой – по этому поводу у арабов нет никаких сомнений.

В середине апреля 1968 года в Хатре я был гостем шейха племени шаммар Машаана ибн Фейсала. Племя шаммар, пришедшее в средние века в Междуречье из Северной Аравии, постепенно оседало на этих землях. В Ираке шаммары живут в северных районах на границе с Сирией и насчитывали в тот период около 600 тыс. семей, в Сирии их примерно 30 тыс., а в северной части Аравийского полуострова, основном районе племени, – 200 тыс. семей.

В Сирии и Ираке шаммары главным образом занимаются земледелием; весной они покидают свои деревни и выгоняют скот в степь, как это делают их сородичи в Северной Аравии.

Население Ирака складывалось под влиянием различных этнических групп и народов. Жившие в Нижнем Междуречье (Двуречье) древние шумеры, о происхождении которых до настоящего времени спорят историки и этнографы, начиная с середины III тысячелетия до нашей эры постепенно были завоеваны и ассимилированы семитами-аккадцами. Север Ирака в III тысячелетии заселили ассирийцы, создавшие впоследствии одну из самых могущественных держав древнего мира. В начале II тысячелетия до нашей эры возникло крупное государство Вавилония. Находясь на стыке караванных путей, соединяющих побережье Средиземного моря и районы Внутренней Азии, земледельческая Месопотамия становилась жертвой то одного, то другого завоевателя. Сюда приходили амореи (семитические племена, выходцы из Аравии), касситы (горные племена, обитавшие на территории современного Западного Ирана), другие племена, а также мидяне (населявшие территорию к северо-востоку от Месопотамии) и персы. В XI веке в Двуречье вторглись турки-сельджуки, в XIII столетии ее правители подчинились монгольским завоевателям, в XIV веке полчища Тимура ворвались на ее равнины и захватили Багдад. Однако арабский элемент был господствующим при формировании иракского народа.

В первые века новой эры сюда из Йемена переселились несколько больших южноаравийских племен. В районе Мосула, как мне говорил шейх шаммаров, живет один из родов племени зубейд, пришедший в Ирак из Аравии, куда, в свою очередь, он переселился из вади Забид в Тихаме (прибрежная равнина на юго-западе Аравийского полуострова). Выходцы йеменского племени бени танук, поселившиеся в Нижней Месопотамии также в пер-

вых веках нашей эры, были настолько многочисленны, что создали свое княжество Лахмидов, успешно воевавшее на стороне Сасанидов против извечного противника Персии — Византии.

Бывшая столица Лахмидов, небольшой город Хира, находится в 50 километрах на запад от Дивании. Путь туда лежит по проселочной дороге, проложенной по заболоченным местам до города Эш-Шамия, где выращивают самый лучший в Ираке рис. Из Эш-Шамии, лежащей на одном из рукавов Евфрата, я продолжил путь до города Абу-Сухайра, раскинувшегося на основном русле реки, и через Евфрат по разводной понтонной переправе добрался до Хиры.

Чистый городок Хира не сохранил следов своей былой славы. Ничто здесь не говорило о том, что он был когда-то центром процветающего княжества. Обращает на себя внимание лишь своеобразная кладка стен некоторых домов. Они построены из тонкого квадратного кирпича, положенного таким образом, что стена получается как бы сложенной из ромбов. Я проехал тысячи километров по Ираку, но нигде не встретил такой кладки. Нечто подобное я видел лишь в йеменском городе Забиде, где я бывал, когда работал в Северном Йемене.

Процесс арабизации населения Ирака особенно усилился с началом мусульманских завоеваний. Под зеленым знаменем новой религии племена Аравийского полуострова вторглись на юг Месопотамии, сокрушили разложившуюся империю Сасанидов и подчинили ее вассалов. Они быстро смешались с местным населением, говорившим на родственных арабам языках, и частично восприняли его культуру. Переселение арабских кочевых племен в Ирак происходило и сравнительно недавно. Представители этих племен в XVII—XIX веках постепенно продвигались на север, в плодородную Месопотамию, оседали и, преодолевая характерную для пустынной вольницы неприязнь к земледельческому труду, постепенно, с годами становились

искусными землепашцами. Недаром старинная арабская пословица называет Ирак "могилой арабских племен", имея в виду бедуинские племена Аравийского полуострова и их переход на оседлое земледелие.

... Мы сидим с шейхом Машааном и его богатыми соплеменниками в большом черном бедуинском шатре. Он сегодня специально разбит здесь для именитых иностранных гостей, но они не приехали из-за дождливой погоды, и я сегодня здесь единственный иностранец.

Сейчас апрель, и тонкая травка лишь пробивается на бурых холмах. Вижу, как стада овец в поисках травы живой серой лентой тянутся с холма на холм.

– Скоро будем стричь овец, – говорит Машаан, указывая глазами на сваленные в углу несколько пар больших ножниц. – В апреле этого делать нельзя: пастбища плохие и будет мало молока. В Хатре стригут овец один раз, а в других местах, где есть постоянные пастбища, их стригут дважды, хотя этого можно и не делать, так как на второй раз шерсть короткая – всего 4 сантиметра.

– Садов у нас не разводят, – отвечая на мой вопрос, говорит шейх, – из-за горькой воды в колодцах...

Пол шатра, где мы сидим, застлан домоткаными коврами с пестрыми красно-зелеными узорами. Черный полог, закрывающий вход, спускается до пола. В интерьер входит и камышовая циновка, украшенная разноцветными шерстяными нитками. Каждая тростинка-трубочка обмотана ниткой какого-нибудь одного цвета, и, когда тростинки сложены в циновку, получился красивый узор.

Полосы шерстяной ткани, из которых сшивается полог бедуинского шатра в Ираке, ткут на самодельном станке из ниток, приготовленных из черной необезжиренной овечьей шерсти. Это – зимнее жилище, и во время дождя ткань набухает, не пропуская воду. Для вентиляции открывают нижний край полога. Мне говорили, что летом палат

ки ставят из простой серой парусины. Вход в палатку, которая, естественно, меньше нагревается, чем черный зимний шатер, обкладывают толстым слоем сухой верблюжьей колючки и обильно поливают водой. Проходящий через этот заслон воздух несколько охлаждается и увлажняется, создавая в палатке свой микроклимат.

Очень большой шатер, где я ночую, разгорожен на две части: первая, устланная новыми коврами, служит гостиной, вторая убранный поскромнее, — жилой комнатой. Иногда, в случае непогоды, часть шатра отводится под овец. Вдруг около палатки раздается заливистый собачий лай. К одному чему-то встревоженному псу присоединяются другие, и весь этот разноголосый хор, постепенно затихая, удаляется куда-то в пустыню. Очевидно, собаки почуяли близко подходящего к кочевью шакала или волка. Выхожу из шатра. Глубокое темное небо безоблачно. Прямо над головой ярко мерцают крупные звезды Большой Медведицы. Они непривычно близко, и кажется, что их можно достать рукой.

Шейх Машаан и другие шейхи шаммаров — влиятельные и уважаемые люди в Сирии, Ираке и, тем более, в Саудовской Аравии и Кувейте. В последнем шаммары составляют большинство солдат, и в Саудовской Аравии они находятся в родстве с правящей семьей ас-Сауд. Более того, люди племени шаммар, равно как и племени инназа, считаются в Аравии аристократами пустыни, хотя и не все арабские племена с этим согласны. В настоящее время дети шейхов племен учатся в университетах и уже пренебрежительно оглядывают шатры своих отцов. Их автомашины — спортивные "мустанги" и "мерседесы", купленные на отцовские деньги от проданного скота и пшеницы, — стоят у палаток.

Шейх Машаан, грузный мужчина с крупными чертами лица, сидит на ковре перед тлеющими углями. Сейчас полдень. На очаге стоит большой кофейник. Главной трапезе предстоит церемония угощения кофе.

Угостить кофе – в большинстве арабских стран признак почета и уважения к гостю. В Египте, на севере Аравии, в городах Сирии и Ирака кофе с пенкой, с гущей и немного подслащенный подают в полных до краев маленьких чашечках с блюдцами. Все они стоят, как правило, на подносе, и гость берет чашку сам или перед ним ее ставят. Этот напиток везде известен как кофе по-турецки. Приготовление же арабского кофе – совсем другое дело. Арабский кофе подается в небольшой чашечке без ручки и ни в коем случае не подслащивается. Это довольно горький отвар. Хозяин наливает его отдельно каждому гостю сам, наливает чуть-чуть, чтобы закрыть доньшко чашки. Кофе выпивается двумя-тремя глотками. Хозяин держит кофейник в левой руке – самое главное и неперемное условие – и с тремя-четырьмя чашками в правой обходит сидящих гостей и, начиная со старшего, наливает каждому маленькую порцию. Хорошие манеры не позволяют гостю пить больше трех чашек; возвращая пустую чашку и желая показать, что он больше не хочет кофе, гость должен покачать чашечку из стороны в сторону. В противном случае вам нальют еще.

”Гость – от Аллаха, и шаммары всегда готовы его принять”. Так сказал Машаан, и закипела работа. За пологом палатки резали маленьких барашков, затем их варили в огромных котлах, после чего складывали на большие блюда с рисом. Рис был обильно приправлен жиром, изюмом, миндалем, а также куркумовым корнем, отчего баранина и рис приобретают не только пряный вкус, но и желтый цвет.

Первыми к готовому блюду подходят гости и хозяин. Мы присаживаемся на корточки правым боком к огромному медному блюду с пятью засыпанными рисом баранами. Есть полагается правой рукой, щепоткой, запрокидывая голову и стряхивая в рот рис и кусочки мяса. Не дай Бог коснуться еды левой рукой: сразу покроешь себя позором. Ведь левой рукой совершают омовение. Вдруг следует команда:

"Ювазза!" ("Раздавай!"), и один из шейхов, отделив баранью голову, начинает распределять ее мясо среди наиболее почетных гостей. Одному достается глаз, второму – ухо, третьему – язык. Гости ловко рвут мясо крепкими белыми зубами и жуют рис. Вокруг блюда стоит несколько кувшинов с "лябаном" – кислым, разбавленным водой овечьим молоком. По легкому кивку слуга бросается к гостю с кувшином, наливает в его стакан лябан, который тут же громко выпивается. Иногда рядом с лябаном ставят еще и финики, лучше всего свежие, называемые "ратаб", что означает "сырой", "влажный". Но сейчас их нет, поэтому мы обходимся без десерта.

После трапезы гости благодарят хозяина, а затем, выйдя из шатра, моют с мылом руки и рот. Я также моюсь и, улучив момент, произношу, обращаясь к шейху Машаану, распространенные среди бедуинов формы благодарности за угощение: "Да познаградит тебя Аллах!", "Да увеличит Аллах твое добро и богатство!".

Теперь к блюду подсаживаются дружина шейха и личные слуги. Когда же остается немного риса и сильно зажаренного, твердого мяса, к блюду подходят несколько слуг и, что-то громко крича, хватают его за края. Выкрикивая непонятные мне слова, они тащат его ко входу другого шатра. За ним и бросаются откуда-то появившиеся женщины и собаки.

Итак, теперь, когда все нормы бедуинского гостеприимства соблюдены, шейх Машаан и его свита собираются в путь. Он садится в небольшой грузовичок рядом с шофером, а в кузов, как дрова, складываются винтовки. Туда же прыгает его босоногая дружина. Остальные шейхи рассаживаются по своим машинам, а их дети – в спортивные автомобили. Отправляюсь в путь и я.

Еду на север, к Мосулу. Завидев издалека машину, на обочину выскакивают ребятишки. Они предлагают купить черные трюфели – съедобные подземные грибы, которых особенно много весной в

этом районе. Трюфели собирают в степи ребята с помощью дрессированных собак и продают их пассажирам автобусов и автомашин, курсирующих по трассе Багдад—Мосул.

По Иракскому Курдистану

Мой путь лежит на северо-восток, в курдские районы Ирака. Выежаю в Эрбиль из Мосула ранним утром. Дорога идет по новому мосту через Тигр, минует дом местного богача, построенный почему-то в форме индийской пагоды, затем мечеть наби (пророка) Юнеса и пересекает деревню Ниневию, раскинувшуюся на месте столицы ассирийской державы. В Ниневию я въехал через ворота, которые реставрировали иракские археологи. Проехав их уже в обратном направлении, я останавливаю машину, оглядываюсь назад и вижу небольшой пролом, в котором с трудом разминутся две повозки. Насколько наши представления о величии не совпадают с представлениями древних!

Дорога идет на юго-восток, через селения, где рядом с мечетями соседствуют церкви. Но кроме христиан и мусульман в этом районе Ирака живут представители таинственной секты езидов.

В своих религиозных представлениях езиды соединили различные элементы зороастризма, распространенного в древнем Иране, иудаизма, несторианства, ислама и других вероучений. Верование езидов исходит из идеи двух начал при сотворении мира — добра и зла, света и тьмы. Они верят в бога, носителя добра, и в сатану, "дух отрицания", называемый Мелек-Тауза. Последний выступает в образе павлина и ревностно следит за выполнением предписанных норм поведения. Бог добр, и поэтому, считают езиды, следует добиваться благосклонности сатаны. Они поклоняются изображению павлина, во время религиозных процессий носят его медную статуэтку, курят перед ним благоухающие

жертвуют золотые и серебряные вещи и монеты, но не произносят вслух его имени, слова "шайтан" или иного созвучного слова. Они никогда не назовут реку "шатт", а спички "шихата", как это принято в Ираке. После ритуальных шествий медная фигурка павлина передается на сохранение тому езиду, который во время торжественной процессии сделал самое большое пожертвование.

Езиды не едят мясо петуха, ибо он похож на павлина, рыбу, чтобы "не разгневать Соломона", салат, под каждый листок которого "навсегда проник дьявол", свинину, мясо газели. Синий цвет, по их мнению, приносит несчастье, поэтому они предпочитают не носить одежду этого цвета. Езиды отпускают длинные волосы, которые заплетают в косицы, и на голову надевают войлочные конусообразные колпаки. Они совершают паломничество к могилам своих святых шейхов, постятся только три дня в декабре. Женщины у езидов пользуются большими, чем у мусульман, правами. Девушки свободны в выборе женихов, и невеста может отказать юноше, который претендует на ее руку. Женщине разрешается вторично выйти замуж, если ее супруг отсутствовал в течение года.

О происхождении названия этой секты существует несколько мнений. Езиды называют себя "дасини", что созвучно турецкому названию горы Хаккари — Дасен, находящейся на турецкой территории, на стыке границ Ирака, Ирана и Турции. Они говорят на курдском языке, но среди езидов встречаются различные этнические типы. Некоторые считают, что название секты происходит от слова "яздан", что на персидском и некоторых диалектах курдского языка означает "бог". Кроме того, существует версия, по которой это название связывают с исторической иранской провинцией Язд. Впервые о езидах писали арабские историки XII века, которые сообщили, что ранее эта секта называлась "адавия" по имени ее основателя шейха Ади ибн Мусафира, умершего в 1161 году. Другие ученые пола-

гают, что происхождение названия секты связано с именем омейядского халифа Язида ибн Муавии, по приказу которого в районе Кербелы был окружен и уничтожен отряд имама Хусейна. Этим объясняется неприязнь шиитов к езидам, которая сохранилась до настоящего времени.

О происхождении и жизни шейха Ади нет достаточных сведений, хотя иракские езиды, с которыми я говорил, знают о нем. По некоторым арабским источникам, шейх Ади — потомок аристократической мекканской семьи Омейя, члены которой занимали халифский трон в Дамаске в раннее средневековье. Датский путешественник Нибур, странствовавший по Северному Ираку, писал, основываясь, по-видимому, на устных рассказах езидов, что шейх Ади был арабом и выходцем из семьи аш-Шамра ибн зи-аль-Джавшана, который принимал участие в убийстве имама Хусейна и стал организатором религиозных гонений на сторонников имама во времена халифа Язида. Езиды, по словам Нибура, почитают аш-Шамра. Существует также мнение, что шейх Ади был курдом и исповедовал зороастризм, прежде чем создал свое синкретическое верование. По-моему, и те и другие исследователи могут быть правы. Ведь уже доказано, что некоторые шейхи курдских племен ведут свое происхождение от семьи омейядских халифов, члены которой после захвата халифского престола Аббасидами бежали в неприступные горы Северного Ирака, где и получили приют у курдских племен. Поэтому основатель секты езидов вполне мог быть курдским агой с примесью аристократической арабской крови.

Общая численность езидов — около 150 тыс. В основном они живут в Ираке и Турции. Иракские езиды населяют отдаленные горные районы провинции Мосул. Один из центров, вокруг которых группируются их деревни, — гора Маклуб. Здесь, в Айн-Сифни, живет их духовный глава. Неподалеку от Айн-Сифни, в 12 километрах, находится могила шейха Ади и его первых последователей. Районом

концентрации езидов считаются также горы Синджар на северо-западе Ирака, близ сирийской границы.

Как и окрестности Айн-Сифни, район гор Синджар славится своими садами и обилием родников. Средневековый арабский историк Казвини посвятил несколько восторженных строк баням в Синджаре, чище, просторнее и красивее которых он нигде не встречал. Другой корифей арабской средневековой истории, Ахмед аль-Хамдани, писал, что судно Ноя пристало к Джебель-Синджар после шести месяцев и восьми дней плавания. Ной был поволен. Узнав, что вода стала спадать, он сказал: "Да будет благословенна эта земля!"

Тот факт, что езиды забрались далеко в горы, не вызывает удивления. Их преследовали аббасидские халифы, притесняли турки, не разрешавшие езидам выполнять свои религиозные обряды, поскольку они не относились к "ахль аль-китаб", т.е. не были, как мусульмане, христиане или иудеи, последователями религиозного учения, в основе которого лежит признаваемое другими святое писание.

Могила шейха Ади находится в горной долине, покрытой деревьями. Долина очень красива и известна под названиями Лалиш и Лилаш. Езиды совершают паломничество к этому месту раз в год, но время своего праздника, приходящегося на 13 октября. Паломничество начинается за десять дней до торжества. Сам мавзолей шейха, видимо недавней постройки, представляет собой небольшую, пустую внутри часовню без украшений, с двумя ребристыми, конусообразной формы куполами. Над ее дверью – изображения двух павлинов и двух львов на мраморной треугольной плите. С правой стороны от входа – закопченное изображение змеи с опущенной головой и вздернутым к небу хвостом.

Воспроизведение змеи связано с известной легендой, распространенной среди езидов. По их преданию, ковчег Ноя неудачно пристал к Джебель-

Синджар и получил пробоину. Вода хлынула в судно, и растерянный Ной попросил змею закрыть отверстие своим телом. "Хорошо, – ответила змея. – Я сделаю это при условии, что ты разрешишь мне кусать людей". Ной был вынужден согласиться, но вскоре весьма сожалел об этом, так как потоп прекратился, а змеи, расплодившись, стали жать людей. Разгневанный Ной бросил змею в огонь, и из пепла родились вши, которые пьют человеческую кровь.

В мавзолее, прямо за порогом, стоит большой кувшин с водой; здесь же, в четырех углах, приспособлены места для отдыха. Против входа расположено большое, выложенное мрамором отверстие, в глубине которого покоится прах шейха Ади. Проходя во внутреннее помещение, следует почтительно переступить порог, не коснувшись его ногой. Порог священен: на него кладут монетку в качестве подношения.

К мавзолею шейха Ади примыкает квадратная комната, где находится могила шейха Хасана – последователя и ближайшего родственника основателя секты, известного глубокими теологическими познаниями. Из комнаты шейха Хасана можно подняться в другое, конусообразное и более просторное помещение, украшенное золотым полумесяцем. Несколько помещений приспособлены для религиозных обрядов. В стене полуподвала, например, сделано специальное хранилище для оливкового масла, которое езиды используют для освещения. В строгом, без украшений, прямоугольном зале полуподвала езиды, обратившись лицом к югу, творят свою молитву. Площадка вокруг мавзолея с плотно утрамбованным грунтом служит местом, где собираются паломники. В одном углу площадки – комнатка служителя, в другом – открытый бассейн с родником, который езиды называют "каниясы", т.е. "белый родник". Здесь совершаются ритуальные омовения; родниковой водой смывают с новорожденных "родовую скверну". Нибур писал,

что в этот бассейн езиды бросают золотые и серебряные монеты в память об основателе своей секты.

В горах много пещер с родниками, которые также почитаются езидами. В целом вокруг Айн-Сифни расположено около 150 таких мест ("айн" – "источник").

В деревнях езидов в первую пятницу нового года устраиваются религиозные игрища – "тавафи". В них принимают участие и мусульмане, и христиане. Таввафи продолжаются целый месяц. Подробно об этих игрищах мне рассказал мой мосульский друг Сид.

Накануне праздника, в четверг вечером, мужчины и женщины, старики и дети собираются на площади. Ночью они выполняют какие-то свои обряды, а утром встают и едят пшеничную кашу с мясом и жиром ("гариса"), сваренную в отличие от мусульманской без желтого куркумового корня. Гарису варят в огромных котлах и раздают всем желающим.

В пятницу утром собираются музыканты. Они играют на тонких деревянных дудках, называемых "заная" и изготовляемых езидами, на бубнах и барабанах. Чтобы взбодрить музыкантов, им дают деньги, а разносчики в неглубоких медных пиалах подносят им анисовую водку "арак". Езиды не бреются, и, когда они пьют, их длинные усы и бороды мокнули в пахучей водке.

Музыканты стоят в центре круга, а мужчины, обернув головы красными платками, в строченых белых шапочках, в расширяющихся книзу шароварах и войлочных жилетках танцуют с женщинами, взявшись за руки. Женщины езидов очень красивы и стройны, гибкие, красочно одетые. Они закутываются в белую тонкую ткань, украшенную нашитыми бусинками, и в танце похожи на запеленатых стройных кукол, плавнодвигающихся по кругу. Танцы продолжаются около трех часов, затем мужчины вскакивают на коней и, стреляя в воздух из ружей, открывают скачки. Потом вновь начинаются танцы, на которых присутствуют члены семьи

духовного главы езидов, в том числе обязательно — его жена.

За размышлениями о секте езидов время летит незаметно. Пересекаю мутный приток Большого Заба, и, когда уже разбитая, взбегающая с холма на холм дорога меня настолько укачала, что я готов остановиться и передохнуть, передо мной открывается город Эрбиль — центр одной из северных провинций Ирака. Провинция Эрбиль вместе с провинциями Дахок (Дахук) и Сулеймания входит в Курдский автономный район.

Эрбиль — древняя Арбела, — пожалуй, единственный на севере Ирака город, название которого сохранилось до наших дней. Он упоминается как Урбилим или Арбилим в клинописных табличках правителя "Царства Шумера и Аккада" (2093–2046 годы до нашей эры). В более поздних, вавилонских и ассирийских, памятниках его называют Арба-Илу (Город четырех богов). В эти времена главным божеством города была грозная богиня войны, плотской любви и плодородия Иштар Арбельская, в честь которой здесь возводились храмы. Это одна из ипостасей ассирийской богини; существовала еще Иштар Ниневийская. В старой крепости, поднявшейся на развалинах древнего города Арбелы, были найдены клинописные таблички с упоминанием имен богини Иштар и ассирийского царя Ашшурбанапала. Ассирийцы считали Арбелу одним из важных стратегических пунктов. По приказу Саргона в городе была сооружена оросительная система, по своим масштабам напоминавшая оросительную систему Ниневии. Уже в более поздние времена через Арбелу прошли войска Александра Македонского. Именно в этих местах в 331 году до нашей эры персидский владыка Дарий III потерпел жестокое поражение от Александра, который после этой победы дошел до резиденции персидских царей Персеполя, как называли ее греки, и в одну из бурных ночей, возбужденный обильными возлияниями и подстрекаемый гетерой Таис, швырнул

но дворец горящий факел в отмщение за разрушение персами Афин.

Арбела стала столицей одного из владений Парфянского царства. Здесь похоронены парфянские цари, которые успешно отбивались от Селевкидов. II I веке до нашей эры город попал в руки армянского царя Тиграна II Великого, но вскоре вновь перешел к парфянам, заручившимся на короткое время поддержкой римских легионеров. Но со временем союзники стали врагами, и римские императоры Септимий Север (193–211) и затем Каракалла (211–217) захватили Арбелу, но не могли удержать ее под натиском персов. Во времена персов на севере Ирака получило распространение несторианство, и город в самом начале VI столетия стал духовным центром сторонников этого учения, по догматам близких к сиро-православным (яковитам). В период арабских завоеваний Арбела превратилась в рядовой арабский город Эрбиль.

В XII веке правитель Эрбиля Музаффар воздвигнул мечеть, от которой остался лишь минарет, украшенный резьбой по алебастровой штукатурке и похожий по своему декору на "падающий" минарет в Мосуле. Это – самый значительный памятник средневековья. Аль-Казвини пишет, что тот же Музаффар построил в городе целый квартал, где жили 200 странствующих проповедников-мистиков (суфиев). Они ели и танцевали каждую пятничную ночь. Правитель хорошо принимал всех приходивших в Эрбиль суфиев, а отпуская их, давал каждому по динару.

В городе, по свидетельству того же автора, возмывалась мечеть, в стене которой был камень с отпечатком человеческой ладони, что служило поводом для бесконечных пересудов. Сейчас этой мечети нет, не сохранился и квартал проповедников.

Сегодня в Эрбиле среди 150 тыс. его жителей преобладает курдское население, и мне интересно знать, чем отличается он от других иракских горо-

дов. Развитие городского строительства нивелирует национальный стиль в архитектуре, и в любом городе Ирака, будь то Мосул или Басра, Эрбиль или Киркук, вы встретите многоэтажные здания из железобетона, построенные в деловом центре, и одинаковые двухэтажные особняки, где живет состоятельный араб или курд, туркмен или армянин. И лишь восточный рынок сохранил национальный колорит. Только здесь вы найдете самые разнообразные изделия местных ремесленников, которые не производят ловкие промышленники Японии и Гонконга.

Крытые ряды скорняков, обувщиков, торговцев овощами, зерном и т.д. расходятся веером во всех направлениях, как рукава большой реки. Немного поплутав по темным переулкам, пахнущим неповторимым букетом пряных запахов восточного базара, я выхожу в ряды, где торгуют тканями местного производства.

Курдский костюм состоит из широких штанов и короткой куртки с поясом. На голове курды носят небольшую шапочку, а поверх нее чалмой завязывают платок определенного цвета. Например, чалма, называемая "джамадани", у представителей курдского племени барзан сворачивается из белого платка в красную крапинку. Опытный человек по чалме, обуви, по манере завязывать пояс и белый платок на правой руке без труда определит, к какому племени или району принадлежит тот или иной курд.

Костюм шьют из специальной ткани, выделяваемой на ручных станках. Станки узки, поэтому ширина материала не более полуметра. Темно-фиолетовый материал изготавливается из хлопчатобумажной пряжи с добавлением козьего пуха, а полосатый — целиком из козьего пуха. Последний считается очень дорогой тканью. Чтобы показать мне эту ткань, купец вытащил ее из сейфа и тут же спрятал вновь, когда понял, что я не собираюсь ее покупать.

Рядом с торговцами тканей расположены лавки обувщиков. Курдская национальная обувь называется "клоши" (может быть, наше слово "галoши" произошло от этого курдского слова?!) и весьма разнообразна по форме и материалу. Близ города Сулеймания изготовляют лучшие клоши. Они имеют вязанный из хлопчатобумажных ниток верх и подошву из витых тряпок. На самый носок и на каблук набиваются куски высохшей бычьей жилы, которая служит своеобразной подковой. Торговец, у которого я купил такую обувь, гарантировал, что она будет носиться два года, если, конечно, меня не угораздит пройти в ней по лужам после дождя. Грязничные клоши – это летняя обувь. Для ненастной погоды делают клоши с тряпичным вязанным верхом и подметкой из автомобильной шины. На крутых глинистых склонах гор я не раз обнаруживал отпечатки автомобильных шин, оставленные курдскими пастухами, обутыми в зимние клоши. В лавке продавались также клоши, сделанные целиком из кожи. Они не пользуются большим спросом, видимо потому, что в них трудно ходить и зимой, и летом: кожаная подметка сильно скользит на горных склонах, обрывающихся в глубокие ущелья.

Курдские умельцы славятся своими деревянными изделиями. Большие ложки, мундштуки и трубки, огромные гребни для расчесывания шерсти, прялки и веретена, разукрашенные во все цвета радуги, висели по стенкам лавки курда-ремесленника, служившей ему одновременно и мастерской. Большие ложки, которыми мешают кислое молоко, делаются из дерева, растущего высоко в горах. Срубленное дерево сушат три-четыре дня, распиливают на чурбаки нужного размера, а уже из них вырезают ложки. Основным инструментом служит нож в виде небольшого серпа с отточенной внешней стороной. Вырезанная ложка должна быть красивой. Обычным ножом наносится геометрический или цветочный орнамент. Затем изделие натирают

соком незрелого грецкого ореха. Сок впитывается в мягкое дерево и высыхает. Красивый темно-коричневый узор остается надолго. Этим же ножом делают небольшую ложку, которой едят рис и разливают подливку. Из дерева курды вырезают также глубокие миски для супа или кислого молока.

Я проехал сотни километров по курдским районам Ирака, и везде, где бы ни останавливался, мне, прежде чем задать деловой вопрос, подносили ковш разведенного на воде кислого овечьего молока. Этот национальный напиток хорошо освежает в жару, утоляет жажду и подкрепляет уставшего и голодного человека. В горах глиняные кувшины с кислым молоком для охлаждения ставят в родник.

Северные районы славятся своим душистым табаком. Может быть, поэтому курды – заядлые курильщики. Я видел курящих курдских женщин, хотя на мусульманском Востоке это считается сугубо мужским занятием, а также курящих 10–11 летних детей. При этом ни женщины, ни дети не прятались от посторонних, а открыто и с наслаждением затягивались крепким самосадам из трубок и самокруток. Хороший мундштук – предмет гордости курильщика, и его вместе с кисетом и обязательным ножом курды носят за широким поясом. Самым ценным считается мундштук из янтаря. Но те, кому такая роскошь не по карману, довольствуются деревянным. Из дерева курды делают не только мундштуки всевозможных размеров и видов, но и целые трубки. Иногда сама трубка изготавливается из камня, а мундштук – из дерева.

Близость гор в Эрбиле чувствуется по порывам холодного ветра, приносящего издалека запахи горьковатого дыма и снега. Это наша первая с товарищем поездка по курдским районам, и вполне естественны и небольшое волнение, и суетливость, с которыми мы собирали свой нехитрый скарб, обменивались репликами по поводу того, что нам предстояло скоро увидеть и услышать.

У нашей гостиницы, лихо затормозив, останавливается английский вездеход "лендровер" с двумя курдами в национальных костюмах. С этого момента они – наши сопровождающие, которым поручено провезти нас по курдским районам и доставить обратно в Эрбиль. Обращаясь друг к другу и к нам, они употребляют слово "кака" – "брат". Мы садимся в "лендровер" и трогаемся в путь по горам и зеленым долинам Северного Ирака. Нам предстоит проехать через знаменитые иракские курорты. До первого из них, городка Салах-эд-Дина, примерно час езды.

Дорога идет через невысокие холмы Ханазад, пересекает долину Бастора, где Синаххериб построил водопровод для Арбелы, и, взбежав на холм, называемый на старокурдском языке Бирман или Вирмам, приводит нас к знаменитому курорту. До революции 1958 года иракские короли и дворцовая знать проводили здесь самые жаркие летние месяцы, наслаждаясь прохладой и свежестью зеленых холмов. В период военных столкновений между иракской армией и курдскими повстанцами северные районы Ирака практически были недоступны туристам, которые стали выезжать на отдых в Ливан. Туда же потянулись и кувейтцы, хотя ранее они предпочитали северные районы Ирака, не уступающие по своей красоте и климатическим условиям курортам ливанских гор. В мою бытность в Ираке его северные курорты были запущены из-за военных столкновений между курдами и арабами. Особенно это чувствовалось в Салах-эд-Дине: облупившаяся штукатурка зданий кинотеатра и почты, безлюдные улицы, закрытая бензоколонка. Признание национальных прав курдов и установление мира в курдских районах даст возможность вновь открыть эти курорты для иракцев и иностранцев.

Часа через полтора после Салах-эд-Дина прибываем в Шаклаву – второй крупный курортный район. Дорога, ведущая в город, сбегает в долину гор

Сифин-Даг, покрытых стройными тополями, яблоневыми, абрикосовыми, сливовыми и ореховыми деревьями. Местные жители строят в садах шалаши и сдают их в аренду на лето отдыхающим. Название курорта, как считают многие, происходит от наименования деревни Шаклабаз. Средневековые историки упоминают эту деревню как место, знаменитое своими родниками и садами.

Мы проезжаем районы, расположенные к северу Эрбиля. Они известны своими древними памятниками. Не доезжая Шаклавы, справа от дороги, в пещерах гор Сифин-Даг, обнаружены предметы, относящиеся к каменному веку. Минуем Шаклаву. На плодородной равнине Харир под невысокими холмами погребены остатки древних городов и селений. На расстоянии 2 километров от одноименной с равниной деревни Харир на скале на высоте примерно 50 метров видим барельеф человека в остроконечной шапке с пером и в широких шальварах. Некоторые историки полагают, что эта фигура воина в персидском одеянии была выбита в средние века.

Дорога петляет по горному массиву Сабиллак. Вдалеке видны большие развесистые дубы. Постепенно спускаясь с гор, мы через некоторое время оказываемся у входа в узкое ущелье Гали-Али-бек. Почти вертикальные стены 10-километрового ущелья сложены из гранита и твердых пород. По дну, перекатываясь с камня на камень, несет бурный приток Большого Заба, который образуется из трех небольших речек: Халифан, Равандуз и Дияна. Сам горный массив не имеет единого названия. Южные отроги называются горами Равандуз, по-видимому, по самому большому лежащему здесь населенному пункту Равандуз, а северные отроги – горами Барадост. Ущелье покрыто кустами и деревьями. Вдоль петляющей дороги – много родников, куда для охлаждения сметливые продавцы поставили бутылки с пепси-колой. Это ущелье со знаменитым водопадом справедливо считается одним из

самых замечательных мест на севере Ирака, и сюда стремятся приехать многие любители красоты и экзотики.

Едем уже по чисто курдским районам. Из ущелья путь лежит через небольшую долину реки Дияны. Слево уходят дороги на Килашин и Табзау, направо – на Равандуз. В окрестностях Килашина и Табзау возвышаются холмы, под которыми погребены урартские города.

Равандуз в древности справедливо считался неприступной крепостью: его цитадель расположена на высокой скале, омываемой небольшой рекой; да и в название города входит слово "дуз", на старокурдском языке означающее "крепость". "Раван" – наименование курдского племени. Равандуз упоминается в ассирийских хрониках. Он был подвластен царям Урарту и не раз становился предметом спора между иранскими и турецкими монархами.

Дорога идет вдоль речки Раят. Отроги гор Хандрин кое-где покрыты растительностью. Небольшие долины, образованные шумными ручейками, темными зелеными языками сбегают вниз, к каменным обвалам. Видны распаханное поля. На некоторых участках уже колосится пшеница, на других – только зеленеют всходы. Сильный ветер приносит запахи жилья.

Здесь существует интересный обычай: зиму курды проводят в деревнях, на берегу речек, а летом уходят в горы, где строят из тополиных веток шалаши, перетаскивают сюда ульи, необходимый домашний скарб, перегоняют скот и живут до осенних заморозков. Скот пасется на альпийских лугах, но на ночь его загоняют в ограду из тополиных столбиков: в горах водятся хищники – волки, шакалы и даже барсы.

Везде – вдоль речек и ручьев, в горах, деревнях – рощи стройных тополей. Тополя быстро вырастают, и уже через три года крестьянин срубает длинное дерево, а обрезанную верхушку втыкает в землю.

Минуем небольшую деревушку Барселини, в окрестностях которой обнаружена пещера Кусбай-Саб со следами стоянки древнего человека, затем проезжаем Галалу, лежащую у подножия горы Хоркурда. Еще несколько километров – и мы уже видим Сакри-Сакран, покрытую вечным снегом. У подошвы этой горы, на стрелке двух речек – Сакри-Сакран, образующейся из тающих снегов, и Балакати – стоит деревушка Наупердан, что в переводе с местного диалекта курдского языка означает "стрелка", "место между двумя реками".

Я сижу на большом валуне и смотрю на гору Сакри-Сакран. Иногда курды называют ее Хассар ("холодный") и добавляют "качал" ("лысый"). Передо мной поднимается скалистый утес, освещенный последними лучами солнца. На лысом Хассаре лежит серый снег. Скалы с одной стороны горы темнеют, тень постепенно покрывает подножие, затем вершину, над которой розовые перистые облака плывут к одинокому дереву, наконец все скалы погружаются во мрак. Только гора Хассар еще розовеет в лучах заходящего солнца.

Слева от меня – узкий мостик через ручей. Ручей завален красноватыми и серыми валунами. Зацепившись в воде, нервно бьется тополиная ветка. По камням прыгают трясогузки и синицы с темными спинками и короткими хвостами. На самой стрелке бьет родник. Его обложили камнями и забрали в трубу. Вода холодная, до ломоты в зубах, но очень вкусная. Сюда с пустыми жестяными банками тянется детвора: девочки в цветастых платьях, с мелко заплетенными косичками и мальчики в широких, суживающихся к щиколоткам шароварах. Устроившись на валуне, ребята ловко голышами разбивают еще незрелые грецкие орехи. Орехов очень много – вся долина сплошь заросла ореховыми деревьями.

Во время своей остановки мы познакомились с кака Шлеймоном. Он провожает нас в отведенный шалаш, выдает два толстых ватных одеяла, так как

ночью будет холодно. Сквозь крышу шалаша видны крупные звезды, тянет прелью, по сухим листьям шумно шлепает лягушка. Спать не хочется, и я пытаюсь разговориться со Шлеймоном. Этот голубоглазый курд пришел сюда из-под Мосула. Знакомись со мной, он так и назвал себя – "кака Шлеймон".

Прежде чем лечь спать, мы поужинали пшеничными лепешками и кислым овечьим молоком, налитым из охлажденного в роднике глиняного кувшина. На завтрак, по словам Шлеймона, нам также дадут лепешку, масло, варенье из винограда или шжира и, возможно, мед. Обычно обед курдов состоит из чечевичной похлебки с помидорами, куска баранины или курицы. В праздничные дни угощают "саваром" или рисом. Савар – сухая каша из толченой пшеницы, подобная мосульскому бургулю. Пшеницу отваривают, сушат на солнце, затем толкут в ступе или везут на мельницу. У курдского риса большое и толстое зерно. Рис варят в котле, затем его отбрасывают, а воду сливают. На дно того же котла кладут лепешку и на нее высыпают сваренный рис. Теперь в котел льют кипящее масло или баранье сало, плотно закрывают его крышкой, закапывают котел в горячие угли, и через полчаса блюдо готово.

Шлеймон отказывается от сигареты: он курил с 7 лет, но недавно бросил. Зато он большой знаток табака. Табак по-курдски называется "тютен" и бывает нескольких сортов. В районе Сулеймании выращивают желтый ароматный сорт "шавер", а в районах, где находимся мы, – сорт "бондар", тоже ароматный, но коричневого цвета. Как только сходит снег, отведенный для табака участок вспахивают, засевают и закрывают ветками, спасая семена от воробьев. Через месяц появляются ростки. Участок обильно поливают и делают на нем полосы, которые равномерно засаживают выращенной на этом же поле рассадой. В течение трех-четырех дней поле поливают утром и вечером, а затем – один раз в неделю. К осени табак вымахивает на метр с

лишним, и тогда приходит время сбора. В Дахоке и Захо (Заху), севернее Мосула, табак рубят под корень вместе с черенками и подвешивают на веревке для просушки. В районе Наупердана собирают только листья. Их пачками складывают на крышу и сверху накрывают ветками, чтобы они лишь немного привяли. Через два-три дня листья нанизывают на нитки и развешивают для просушки. Из мельченый табак продается в лавках. Самокрутку обязательно вставляют в мундштук. Даже самый последний бедняк может смастерить себе мундштук из дерева, и если у него нет мундштука, то это первое доказательство его нерадивости и лени.

На следующий день мы отправляемся в окрестности Наупердана. Я впервые вижу, как курдские крестьяне убирают сено. Мужчины и женщины серпами и косами срезают траву и аккуратно разбрасывают ее для просушки. Зима в этом районе, лежащем на высоте 4 тыс. метров над уровнем моря, снежная и холодная, и нужно заботиться о корме для скота. Плоские крыши домов укатывают тяжелым катком. Это тоже необходимо сделать летом, чтобы холодные осенние дожди не проникли внутрь жилища.

Дорога идет вдоль реки Балакатин, несколько раз пересекает ее и карабкается в гору.

Остановку в Хадж-Омране я использую для того, чтобы осмотреть ульи. Хозяин пасеки кака Амин, старик в большой чалме, с кинжалом за широким поясом, показывает мне ульи, сплетенные из тополиных веток и обмазанные снаружи навозом. Эти длинные, величиной с толстое полено ульи положены друг на друга, как дрова. Рядом стоит плетеная конусообразная корзинка на длинной палке которой снимают с дерева вылетевший из улья новый рой. Заходим в дом, мазанку с плоской крышей и присаживаемся отдохнуть. В комнате для гостей - диван-хана, пол вдоль стен застлан коврами, в центре - войлочная кошма. В левом углу стоит самовар

на стене висят три винтовки. Вот и все убранство дома. Кака Амин объясняет, что ковры – из овечьей шерсти, их ткут женщины, но кошму делают мужчины. Перед стрижкой овец моют в реке. Шерсть треплют и складывают толстым слоем на кусок ткани, постеленной на землю. Шерсть скатывают в рулон и катают руками несколько дней, пока она не сваливается в войлок. Кошму окрашивают в краснокирпичный либо в желтый цвет, или делают ее полосатой. Для окраски используются корни различных растений.

Кака Амин ведет меня к сараю, где его дочь и соседские женщины треплют шерсть. Курдское трепило похоже на русскую прялку. Комок шерсти насаживают на большой деревянный гребень, быстро двумя руками вытягивают ее на обе стороны и бросают в домотканый мешок. Затем начинается пряление. На изготовление ковров идет толстая нить, поэтому между двумя столбами натягивают несколько ниток, которые затем плотно скручивают руками.

Я благодарю какка Амина и прощаюсь. Он несколько расстроен, так как самовар, стоящий в углу, уже шумит. Чай здесь пьют три-четыре раза в день с колотым сахаром, и хороший самовар – вещь абсолютно необходимая в домашнем хозяйстве. (О русских самоварах знают, но о них можно лишь мечтать, ибо они стали антикварной вещью. Простые самовары поставляли из Ирана, тем более что до иранской границы всего 2 километра.

Мы усаживаемся в "лендровер", чтобы возвратиться в Эрбиль. И снова мелькают по сторонам голые горы, зеленые тополиные рощи, стога сена и ручьи. Сильный ветер с запада качает тонкие ветки тополей, шелестящие листвой вслед нашему лендроверу.

Из Эрбиля мы направляемся в южном направлении, в Киркук. За два часа изматывающей дороги, с горы на гору, как с волны на волну, пересекаем плодородную Эрбильскую впадину. Это единствен-

ное место, где до недавнего времени оставалось несколько небольших кочевых курдских племен, Киркук открывается внезапно: с холма видны горящие факелы нефтеперегонного завода и стелющийся жирный дым, серебряные шашечки нефтехранилищ и городская цитадель.

Поездки по Ираку, встречи и беседы с его жителями, знакомство с планами экономического развития еще раз убеждают, что благополучие Ирака зависит в значительной степени от эксплуатации его богатейших нефтяных месторождений. История открытия и добычи нефти в Ираке, борьба иностранных монополий за обладание ее источниками, национализация нефтяных промыслов – все эти проблемы полны драматизма и сложных политических интриг. Как говорят сами иракцы, кроме Тигра и Евфрата в Месопотамии есть еще третья река – река нефти.

В северных районах Ирака местное население еще в глубокой древности добывало нефть и битум из открытых колодцев и широко использовало их в строительстве, для освещения и отопления домов, при изготовлении лодок. В этой связи изучение перспектив нефтеносности Северного Ирака и организация здесь добычи нефти не представляли большого труда, и поэтому входивший в состав Османской империи Ирак в конце XIX века стал объектом ожесточенной борьбы между иностранными компаниями, добывавшимися нефтяной концессии.

Созданная с участием английского и французского капитала "Теркиш Петролеум К^о" в конце 1925 года приступила к разведочным работам в горах юго-восточного Курдистана и в западной части пустыни Ирака. Результатом геологопоисковых и буровых работ было открытие крупного месторождения близ Киркука. В апреле 1927 года в районе Баба-Гургур, в 11 километрах на северо-восток от Киркука, было начато бурение скважин. Через шесть месяцев работы из скважины ударил мощный

фонтан нефти, достигший высоты 25 метров. Восемь дней скважину не могли укротить, и в окрестностях образовалось большое нефтяное озеро.

В конце октября 1927 года на заседании совета министров Ирака была оглашена следующая телеграмма, полученная из Киркука: "Работы по бурению нескольких скважин в районе Баба-Гургур продолжались, когда одна из скважин внезапно выбросила маслянистую жидкость, бившую с большой силой из глубины с дебитом в 29 тыс. баррелей в сутки. Рабочие при бурении этой скважины достигли глубины 1521 фута. Фонтан открылся в 3 часа утра в четверг 13 октября 1927 г. и явился причиной распространения зловонного запаха, нанесшего ущерб здоровью рабочих, техников и местных жителей окрестных населенных пунктов. Во время фонтанирования погибли три американских инженера и двое иракских рабочих. Рабочие смогли закрыть скважину только в 4 часа утра 23-го дня сего месяца после того, как нефть заполнила все окрестные сухие русла рек. Неимущие лица брали нефть для своих нужд и с удивлением созерцали случившееся".

В последние годы нефтедобычу в Ираке ведут национальная компания Ирака и иностранные фирмы. Разрабатываются южные месторождения, но северные нефтепромыслы, в частности Баба-Гургур, Джамбур, Бай-Хассан, продолжают давать значительную часть нефти, перекачиваемую по нефтепроводам в порты Средиземного моря и Персидского залива. Часть нефти перерабатывается на заводах в Киркуке и Мосуле. Помимо нефти здесь добывают битум и серу. Нефтеносные пласты залегают на небольшой глубине, а в некоторых местах нефть и газ выходят на поверхность в виде небольших родников и колодцев. Здесь некогда стояли храмы огнепоклонников, почитавших голубой огонь. Кстати, в Баба-Гургур и сейчас горит газ, поднимающийся по трещиноватой породе из-под земли на поверхность.

Киркук является вторым по экономическому значению городом в Северном Ираке. Здесь кроме нефтеперегонного завода работают фабрики шерстяных и хлопчатобумажных тканей, кустарные предприятия по выделке кожи, производству обуви и др.

Однако Киркук известен не только своими нефтяными месторождениями, но и тем, что здесь живет большая колония туркманов. Как они оказались здесь, за тысячу километров от районов, населенных тюркскими народами? Существует несколько версий, но, на мой взгляд, наиболее достоверна точка зрения относительно их переселения сюда из Анатолии в средние века. Османские султаны, воевавшие с Персией, построили на всем протяжении своей границы военные поселения, которые заселили тюркскими колонистами, вменив им в обязанность защиту своих восточных рубежей. Если посмотреть на карту Ирака, то деревни и города преимущественно тюркским населением протянулись широкой полосой между курдскими и арабскими поселениями. Если курды выступали на стороне Персии, то туркмены выступали на стороне османских султанов.

В Киркуке я бывал много раз, исходил его шумные базары и узкие кривые улочки городской цитадели, построенной на развалинах дворца Навуходоносора. Здесь, в центре цитадели, в маленькой затрапезной мечети в числе прочих похоронен иудейский пророк Даниил. Тот самый Даниил, который, согласно библейской легенде, был брошен в Вавилоне в ров с голодными львами. Но бог Яхве послал ангела своего, и тот спас Даниила. Мечеть так и называется – Джамии наби Даниэль (“джами” – мечеть). Сняв обувь, можно зайти в низкий маленький зал, где находятся могилы. Они закрыты зеленой тканью, а рядом с ними на металлических решетках подслеповатых окон навешаны сотни замков разных калибров и систем. Мечеть бедна, но очень почитаема. Сюда на поклонение библейским пророкам тянутся и христиане, и мусульмане, и иудеи.

Я перебираю свои дневники, где сделаны записи об обычаях киркукских туркманов. Оказавшись в чужой стране, они, как и всякое национальное меньшинство, старательно сохраняют свои обычаи и верования. Их суеверные представления часто совпадают с арабскими, а иногда напоминают и русские приметы. Разбитое зеркало принесет несчастье человеку. Если ребенок будет часто смотреться в зеркало, он может лишиться разума. Если у женщины вдруг рассыпалась прическа и волосы упали на лицо – быть в доме гостю. Смотреться в зеркало ночью – в скорой дороге, а подметать ночью дом – придется скоро его оставить. Чешется ладонь – к деньгам, а чихнуть при объяснении какого-либо дела – значит сделать ваше объяснение достоверным и неоспоримым. Как везде, женщины в Киркуке более суеверны, чем мужчины. Если женщина хочет стать матерью, она дает обет и после исполнения своего желания обязана его выполнить, например носить траур десять дней в месяце мухаррам по имаму Хусейну или лишь на седьмом году жизни ребенка купить ему новую одежду. Когда в доме неизлечимый больной и ему не помогают никакие лекарства, женщина надевает абаю, чтобы не быть узнанной, и отправляется к "семи дверям" просить милостыню. На ее стук открывают дверь и, видя закутанную в покрывало женщину с протянутой рукой, подают ей без всяких расспросов символическую милостыню. Беременная, на сносях, женщина не пойдет в гости к другой, находящейся в таком же положении, чтобы не накликать беду на своего и чужого ребенка. Но если все же такого посещения не избежать, нужно послать хозяйке иголку. Белый цвет приносит несчастье, поэтому в молоко бросают кусочек угля, а на куриные яйца наносят черные полосы.

Постоянное соседство с арабами и курдами приводит ко все большему заимствованию туркманами многих обычаев и обрядов этих народов. Одежда туркмана уже не отличается от одежды багдадца, вся разница лишь в названии. Повитуха в Киркуке

выполняет роль свахи и вместе с матерью парня ходит по домам, подыскивая ему подходящую невесту. Хну для невесты готовят в доме жениха и бросают туда золотую монетку. Сначала хной красят большие пальцы рук жениха, а затем таз с хной относят в дом невесты. Невеста лишь вылавливает левой рукой из зеленой кашицы золотую монетку и хранит ее у себя. Если эту монетку отдать другой женщине, то она может стать бесплодной.

От Киркука до Багдада немногим более 200 километров, но я намеренно отправляюсь кружным путем – через Сулейманию. В этом городе сегодня проживают 100 тыс. человек, а в самой провинции – более 750 тыс. человек (данные за 1987 год). Это одна из густонаселенных провинций Ирака.

Сулеймания расположена на отрогах горной цепи Азмор. Современный город, хотя и находится в районе с богатыми историческими памятниками, очень молод, и его основание датируется 1781 годом. В этот год курдский феодал Махмуд – паша Бабан, объединивший под своей властью курдские племена джаф, пишдар, хамаванд, азиз, чинкани и др., построил в деревне Мальканди феодальный замок. Последующие правители активно пристраивали базары, бани, мечети, дома для челяди и дружин. К 1784 году этот конгломерат служебных и жилых зданий оформился в шумное городское поселение, куда из Джавлана была перенесена столица эмирата Бабанов. Город нарекли Сулейманией в честь тогдашнего турецкого наместника Багдада Сулейман-паши. По другой версии, город был назван Сулейманией Ибрагим-пашой в честь своего деда Сулейман-паши – одного из эмиров Бабанов. В 1851 году развалившийся в результате феодальных междоусобиц эмират перестал существовать. Турки направили сюда своего представителя в качестве правителя.

Курдские племена этого района всегда отличались непокорностью. Пока крепкая рука эмира сдерживала курдскую вольницу, турки могли быть спо-

койны. Но в условиях феодальных междоусобиц на курдов вряд ли можно было положиться. Племя джаф, например, всегда выступало зачинщиком нападения на турок и другие племена. Джаф делилось на несколько кланов, причем не все из них одобряли неуживчивость членов своего племени. Иракский историк Махмуд Амин Заки утверждал, что некоторые кланы, такие, как фабади, бабаджани, валяд-баги, имами и дарвиши, откололись от джаф и даже ушли в другие страны. Время и условия их переселения неизвестны, но достоверно, что представители курдского племени джаф живут в соседней Сирии и даже в далеком Йемене.

После того как эмират Бабанов перестал существовать, их столица постепенно превращалась в захолустный провинциальный городишко. Сегодняшняя Сулеймания не отличалась бы от других иракских городов, если бы не горный ландшафт, живописные одежды курдов да их отличная от арабской речь. В конце 60-х годов курды получили автономию в рамках Ирака, и здесь, в Сулеймании, создан курдский национальный университет. Это вполне обоснованно. Многолетнее существование эмирата Бабанов в известной степени закрепило культурные традиции, создало предпосылки для развития национальной курдской поэзии, диалекта курдского языка. В Сулеймании жили многие известные курдские поэты. В XIV веке здесь творил Салех Эфенди, а в начале нашего столетия – Ахмед Мухтарбек, известный своими касыдами о Курдистане и его красотах.

В Сулеймании и ее окрестностях существуют два влиятельных мусульманских суфийских, или дервишских, ордена. "Дервиш" ("нищий", "бедняк") – термин для обозначения члена религиозно-мистического братства. Один из них, кадирия, основан Абд аль-Кадиром аль-Джилани в XII веке. Он родился на южном побережье Каспийского моря, в Гиляне, где в то время жили родственные курдам племена дулейм. Центром ордена является Сулейма-

ния; здесь устраиваются соответствующие религиозные мистерии. Основной обряд этого и многих других суфийских орденов – "зикр" ("у)поминание", "память") – духовное упражнение с целью ощутить в себе божественное присутствие. Он состоит в поминании имен Бога, ритмично повторяющемся до бесконечности то вслух, то мысленно, часто сопровождающемся определенными движениями. Вероятно, зикр способствовал распространению ношения четок, состоящих из 100 зерен по числу имен Аллаха. В братствах существовали две традиции зикра: индивидуальный, или личный, отправляемый уединенно, с покрытой головой, громким голосом, шепотом или про себя; коллективный, отправляемый громко вслух на совместном собрании общины (обычно в ночь на пятницу) или во время радений. Цель обоих зикров – вызвать у суфия состояние экстатического транса. В результате в некоторых братствах появилась практика стимуляторов (кофе, алкоголь, наркотики). Каждым орденом руководит главный настоятель (пир, шейх), который обладает неограниченной властью над членами братства: они в его руках, "как труп в руках обмывальщика". Суфийское братство кадирия знаменито ритуалом отправления коллективных радений, индивидуального, тихого зикра и громкого, общего. Члены группы кадирия в Курдистане носят длинные волосы, но бреют бороды и усы.

Второй орден, накшбандия, более популярен на равнине Шахрзор. Его основателем, вернее, одним из его основателей был Баха-ад-Дин Мухаммед ан-Накшбанди, таджик по происхождению. Он родился в 1318 году в небольшой деревушке, расположенной в 3 километрах от Бухары, в семье ремесленника ("накшбанд" – "чеканщик"). Это селение называлось "Каср-и хиндуван" ("Замок любви"). Впоследствии в честь Баха ад-Дина оно было переименовано в "Каср-и арифан" ("Замок ученых"). Почти всю жизнь ан-Накшбанди провел в Бухаре и окрестных селениях: здесь он учился, здесь он пропове

ловал свое учение, здесь же он умер. Похоронен Баки ад-Дин в Бавадине – местечке недалеко от Бухары, где и сейчас стоит его мавзолей – место паломничества в Средней Азии. Члены ордена готовы были терпеть превратности на "пути" мистической жизни без показных обрядов, руководствуясь рассуждением "внешнее – для мира, а внутреннее – для Бога". Ан-Накшбанди отвергал показную набожность и обрядность, уводящие в сторону истинного мистика: 40-дневные посты, бродяжничество, нищенство, публичные радения с музыкой, пением и танцами, громкий зикр. Основой пути он считал страстное влечение к истине и тихий зикр ("Выбей, вырежи в своем сердце поминание имени божьего"). Тихий зикр, по его учению, может быть и коллективным.

Когда учение бухарского проповедника впервые проникло в Курдистан, точно не установлено. Но известно, что некий шейх Халед в период правления Махмуд-паши Бабана призывал на базарах Сулеймании громко прославлять Аллаха и упоминать его имя в соответствии с указанием шейха ан-Накшбанди. Бабаны же, больше симпатизируя ордену кадирия, выслали шейха Халеда в Багдад, а затем в Сирию. Надо сказать, что кроме Средней Азии и Курдистана орден получил распространение в Малой Азии, на Кавказе и на юге Индии, но так и не обрел популярности в арабском мире.

Наша поездка по Курдистану подходит к концу. Еще раз прохожу по улицам города Сулеймании, на каждом шагу замечаю приметы нашего времени: курдские крестьяне везут шерсть и табак на ковровую и сигаретную фабрики, вдали поднимается дымок цементного завода, на базаре продают рыбу, выловленную в водохранилище Докан, которое образовано плотиной на Малом Забе. Эта плотина была построена в 1958 году, а позднее на ее базе с помощью СССР была создана небольшая гидроэлектростанция. Прощаемся с городом и возвращаемся в Багдад.

Египетская Александрия

Средиземноморская Александрия сегодня несколько потеряла свое былое величие, стала, как и все египетские города, очень перенаселенной людьми и автомашинами и поэтому не столь уютной и ухоженной. Но эти неудобства не мешают наслаждаться его красивой 40-метровой набережной, памятниками античности и арабского средневековья и знакомиться с его богатой политической историей и культурными традициями.

Этот самый большой порт Египта носит имя Александра, македонского царя, роль которого в древней истории оценивается однозначно в превосходной степени. Александр относился к тому типу людей, появление которых в истории связывают с попытками переломить ход событий. Не случайно греческая традиция приписывает Александру расчленение гордиева узла, который невозможно было развязать или распутать руками. Оракул предсказал тому, кто распутает узел, победу в Азии и господство над ее просторами. Александр не стал ломать ногти и разрубил узел ударом меча.

Великий полководец появился в Египте в декабре 332 года до нашей эры. За его спиной были победы над персидским царем, покорение греческих городов Малой Азии, успешные походы в Финикию и Палестину. Он только что провел переговоры с персами о финикийском городе Тире и отказался от лестных предложений: получить половину персидской державы – территорию от побережья Сре-

диземного моря до Евфрата, 10 тысяч талантов золота и руку старшей дочери царя Дария.

Поведение Александра в Египте резко отличалось от характера действий других завоевателей этой страны. Персы грабили египетские храмы, убили божественного быка Аписа, оскорбили других местных богов. Александр вел себя иначе. В Мемфисе он совершил жертвоприношение в честь Аписа, принес жертвы другим богам, в том числе и тем, которым поклонялось греческое население Египта. По местной традиции жертвоприношение Апису был достоин совершать только фараон. Тем самым Александр-завоеватель сыграл на самой чувствительной струне египтян. Жрецы даровали ему все почетные титулы фараона, и тогда простые египтяне стали его обожествлять.

Мать Александра, эпирская вакханка Олимпиада, передала сыну горячность, страстность, необузданность своей натуры. Однако блестящие деяния Александра, его победы и политические удачи, его характер и интеллектуальные способности невольно создавали мнение о его божественном происхождении. Сам Александр, захватив финикийский Тир в августе 332 года до нашей эры, принес жертвоприношение богу Мелькарту, которого отождествляли с Гераклом. И этот жест не случаен. Геракл, совершив 12 подвигов, стал бессмертным. Сонм придворных льстецов прославлял подвиги Александра, намекая на то, что простому смертному они недоступны. А разве нельзя посчитать за подвиг, равный подвигу Геракла, победу Александра при Иссе над огромным войском Дария?! Среди пленных были мать, жена, две дочери и сын персидского царя; добычей стали огромные сокровища.

Чей он сын? Этот вопрос Александр задает себе с детства, так как знает, что его мать всегда тревожило присутствие богов и мучали сновидения с их участием. Предком Александра по отцу считался Геракл — сын верховного бога Зевса, а род матери велся от Ахилла — сына богини Фетиды. И вот Алек-

сандр отправляется в оазис Сива в Ливийской пустыне, в святилище Амона-Зевса. Эта поездка в далекий оазис в период, когда дел было по горло и в долине Нила, соратники Александра посчитали одним из его самых необъяснимых поступков. Однако, зная характер великого македонянина и легенды о его происхождении, можно не сомневаться в том, зачем он поехал в оазис Сива и что хотел спросить у знаменитого оракула.

После долгого путешествия на запад от Нила вдоль побережья примерно до нынешнего египетского города Мерса-Матрух Александр углубился на юг, в пустыню, оставляя по левую сторону гигантскую впадину Каттара. Как рассказывает древнегреческий историк Плутарх, в песках Александра встретил жрец храма и на виду у всех «обратился к нему по-гречески: „О пайдион!“ („О дитя!“), но из-за своего варварского произношения выговорил „с“ вместо „н“, так что получилось „О пай Диос!“ („О сын Зевса!“). Александру пришла по душе эта оговорка, а отсюда ведет начало рассказ о том, что бог назвал его сыном Зевса. Говорят также, что Александр слушал в Египте Псаммона; из всего сказанного философом ему больше всего понравилась мысль о том, что всеми людьми управляет бог, ибо руководящее начало в каждом человеке – божественного происхождения. Сам Александр по этому поводу судил еще более мудро и говорил, что бог – это общий отец всех людей, но что он особо приближает к себе лучших из них».

В оазисе Сива он один зашел в святилище Амона, задал вопрос оракулу и, получив ответ, вышел из храма. Толпа друзей и соратников, толпившихся вокруг храма, напрасно ждала разъяснений. Александр сказал, что он узнал от бога все, что хотел узнать.

Эта поездка в оазис, его слова, сказанные при выходе из храма, и сообщение Плутарха многое объясняют, если попытаться рассмотреть поступок Александра с точки зрения египетской традиции.

Бог Амон в эпоху Нового царства в Египте почитался как "царь всех богов", как бог-творец. Фараон считался его сыном во плоти, причем он, фараон, рождался от брака Амона и египетской царицы. Поэтому Амон, изображавшийся в виде человека с короной, украшенной солнечным диском и перьями, играл важную роль в церемонии восшествия на трон, считался покровителем фараона, которому он помогал одерживать победы над врагами и чужеземными странами. Оракулы храма Амона изрекали его волю, решали спорные дела, а в древней Нубии, лежащей к югу от Египта, иногда выбирали царей.

После визита в оазис Сива убежденность Александра в своем божественном происхождении усиливается. Сын Зевса-Амона, которому покровительствуют все боги Египта и Греции, должен совершить новые подвиги, достойные его божественных предков. Эти мысли приходят ему в голову, когда он отмечает свое 25-летие.

Во время путешествия в оазис Александр обратил внимание на крошечный остров Фарос, против которого на побережье раскинулось небольшое рыбацкое поселение. На обратном пути, по-видимому сгорая от нетерпения сделать что-либо достойное своего божественного предназначения, Александр, идущий напрямик через пустыню в Мемфис, приказал на этом месте построить порт и основать город, который впоследствии будет назван его именем и станет столицей его державы, раскинувшейся на трех континентах – Европе, Азии и Африке. "Основанная по решению Александра в устье одного из рукавов Нила, на месте поселения рыбаков и пастухов, на перекрестке морских, речных и наземных путей трех континентов, она быстро становится универсальным складочным пунктом товаров, самым большим торговым городом мира и одновременно, по крайней мере на три столетия, культурной столицей эллинистической эпохи", – пишет видный швейцарский ученый-эллинист Андрэ Боннар

в книге "Греческая цивилизация" (Т. 3. М., 1962, с. 234).

История сохранила нам имя архитектора Александрии. Им был Динократ Родосский, который еще при жизни Александра Македонского составил общий план города, принципы которого были положены в основу строительства античных городов. Динократ разделил город двумя улицами, пересекающимися под прямым углом, образуя тем самым четыре квадрата. О масштабах города говорит тот факт, что спустя несколько десятков лет со дня основания главная улица с востока на запад имела длину более 7 километров и ширину около 30 метров. Другая улица, идущая с севера на юг, являлась своеобразным бульваром: по ее середине были высажены деревья.

Город строился из камня и мрамора, и очень быстро. К концу III века до нашей эры, т.е. спустя 50 лет со дня основания, Александрия насчитывала около 300 тыс. жителей, а к началу нашей эры – около 1 миллиона человек. Можно смело утверждать, что в то время это был самый большой город в Средиземноморье. Заселить его было довольно сложно. Египетские цари из династии Птолемеев приглашали жителей из всех стран Средиземноморья и прибегали даже к искусственному переселению. Птолемей I Сотер (Спаситель), например, переселил в Александрию 50 тыс. евреев из взятого им Иерусалима.

Такой город на берегу моря должен был иметь хороший порт и набор культурных учреждений, обычных для классического греческого города. Построенный Состратом Книдским трехъярусный маяк на острове Фарос (одно из семи чудес света) достигал высоты примерно 120 метров. Под куполом, опиравшимся на восемь колонн, поддерживался огонь, свет которого усиливался системой зеркал. (Кстати, Фаросский маяк – это и есть Александрийский столп, т.е. башня; к Александровской колонне в Петербурге данное название применяется в переносном смысле.

но.) Поэт из Македонии, впоследствии переселившийся в Александрию, — Посидипп (III век до нашей эры) посвятил Фаросскому маяку стихотворение, которое точно передает местоположение и значение этой башни для мореплавателей:

Башню на Фаросе, грекам спасенье,
Сострат Дексифанов,
Зодчий из Книда, воздвиг, о повелитель Протей!
Нет никаких островных сторожей на утесах в Египте,
Но от земли проведен мол для стоянки судов,
И высоко, рассекая эфир, поднимается башня,
Всюду за множество верст видная путнику днем,
Ночью же издали видят плывущие морем все время
Свет от большого огня в самом верху маяка,
И хоть от Таврова Рога готовы идти они, зная,
Что покровитель им есть, гостеприимный Протей.

Птолемей Сотер сделал Александрию столицей своего государства и в этом качестве она пребывала с 305 по 30 год до нашей эры. Решив затмить славу Афин, этот греческий царь Египта прилагал все усилия для того, чтобы привлечь в новую столицу знаменитых поэтов, ученых, философов. Среди них был Филет Косский, который стал наставником его сына (будущего Птолемея II Филадельфа) и учителем многих поэтов-александрийцев, в том числе Феокрита. В Александрии появились также врачи, астрономы и математики, но знаменитые философы отказались покинуть Афины, которые продолжали оставаться центром философской мысли античной эпохи. В Александрию перебрался лишь один философ — Деметрий Фалерский (ок. 345–283), который через своего учителя Теофраста считался учеником Аристотеля.

Деметрий Фалерский до своего приезда в Александрию провел бурную жизнь. Он был талантливым оратором и по просьбе царя Кассандра Македонского управлял Афинами. Он оказался хорошим администратором, и ему даже ставили статуи как мюнху. Затем он был свергнут, а после смерти Кассандра ему пришлось эмигрировать в Александрию.

Его связь с македонским царским домом послужила причиной доверия к нему Птолемея, который поручил Деметрию заботу о литературе, искусстве и науке в новом городе. Именно он, Деметрий, стал инициатором создания одного из главных центров науки и культуры древности – Александрийского мусейона (храма Муз) – прообраза современных академий наук. Идея создания этого учреждения восходит через Аристотеля и Теофраста к Пифагору, который основал братство, где царил культ Муз.

Об организации Александрийского мусейона да и о самих его строениях нам ничего не известно. Однако реализация этой идеи Аристотелем и Теофрастом в других местах дает нам основание предполагать, что Мусейон включал Библиотеку, залы для лекций и для работы ученых, общежития для преподавателей и слушателей, залы для трапез и общих собраний. Со временем в нем появились коллекции растений и животных, обсерватория и даже анатомический театр.

Ученые и поэты жили в Мусейоне за счет государства. Руководство осуществлял главный жрец Муз и управитель, который не был ученым. Важной должностью считалась должность хранителя Александрийской библиотеки. Ее занимали самые известные в то время ученые и поэты; в одном из списков мы встречаем следующие имена: Зенодот, Аполлоний Родосский, Эратосфен Киренский, Аристофан Византийский, Аполлоний Эйдограф, Аристарх Самофракийский.

С Мусейоном связана деятельность Евклида (III век до нашей эры) – знаменитого математика. Его книга "Начала", вобравшая все достижения геометрии, служила основным учебником геометрии более двух тысячелетий. В Александрии несколько лет жил один из величайших ученых древности, математик, физик и механик – Архимед. Крупнейшим географом эллинизма был Эратосфен из Кирены. Он ввел в науку само слово "география". Можно было бы и дальше называть имена замечательных

последователей, чья деятельность связана с Александрийским мусейоном.

Славой Мусейона была Александрийская библиотека, которая и сегодня во всех работах по истории древнего мира пишется с большой буквы. Собирание книг было дорогим удовольствием. Такую роскошь могли позволить себе только цари. Первой большой частной библиотекой было собрание книг Аристотеля, причем она была создана только благодаря щедрым субсидиям Александра. Именно эта библиотека и была положена в основу Александрийской библиотеки. Птолемей Филадельф по рекомендации Деметрия выкупил у Теофраста остатки библиотеки Аристотеля, разумеется, за огромную сумму. Однако расходы не смущали правителей Египта. Корабли из Афин привозили кипы свитков, которые переправлялись в Библиотеку. Сам Филадельф писал царям и правителям соседних стран, прося их прислать сочинения поэтов, историков и других ученых. Сын Филадельфа, Птолемей III Эверетт (Благодетель), взял под огромный залог экземпляр свитка, содержащий все произведения великих афинских трагиков и поэтов и скопированный еще в IV веке до нашей эры, а затем отказался от шлага и оставил книгу себе. Библиотека росла с каждым годом, и ученые расходятся в оценке количества хранившихся там книг. Наиболее распространено мнение, что в 47 году до нашей эры, когда Цезарь высадился в Египте, Библиотека насчитывала 700 тыс. томов-свитков.

Значительная часть наших знаний о древнем мире так или иначе восходит к трудам ученых Александрийской библиотеки. Например, египетский жрец Манефон составил "Египетскую хронику", в которой дал периодизацию истории Египта. Халдейский жрец Берос – автор "Истории", которая служит важным источником по истории Палестины. Обе работы, написанные по-гречески, сыграли важную роль в ознакомлении эллинства с восточной культурой. В годы царствования Птолемея II Филадельфа

(285–246) александрийские евреи перевели на греческий язык Пятикнижие – самые важные пять книг Ветхого завета. Эту работу сделали 70 ученых-евреев, и поэтому их труд получил название "Септуагинта" – "Перевод семидесяти толковников".

В конце II века нашей эры слава Мусейона уже миновала. Среди его обитателей не стало крупных имен. В малоазийском городе Пергаме, который соперничал с Александрией в собирательстве книг, был изобретен выделяемый из кожи животных пергамент, который служил материалом для письма. Пергамская библиотека, располагая богатым собранием книг и своей медицинской школой, постепенно отодвинула на второе место библиотеку Александрийского мусейона.

Папирус был непрочным и очень горючим материалом. Александрийская библиотека несколько раз горела. Наиболее известны два больших пожара: в 47 году до нашей эры, во время высадки Цезаря в Египте, и в 273 году нашей эры, во время войны императора Аврелиана против царицы Пальмиры – Зенобии. Известно также, что часть Библиотеки была уничтожена в 391 году. Арабы захватили Александрию в 639 году, но Библиотека и Мусейон продолжали существовать. Традиция приписывает арабам уничтожение этих культурных учреждений, хотя возможно, что Мусейон, официально ликвидированный еще Аврелианом в 272 или 273 году, постепенно хирел и мусульманские правители Египта, основавшие свою новую столицу – Фустат, а затем (в IX веке) Каир, уже не опекали это учреждение.

Однако почти тысячелетнее существование Александрийского мусейона и Александрийской библиотеки не прошло бесследно для человеческой цивилизации. Александрия со своими культурными учреждениями, по словам уже упоминавшегося Андрэ Боннара, "благодаря своему длительному существованию возвела первую арку моста, переброшенного между античностью и новым временем".

В феврале 1987 года я оказался в Египте в качестве руководителя делегации Советской ассоциации содействия ООН.

В Александрию, эту вторую столицу Египта, из Каира ведут две дороги. Та, по которой мы едем, пустынна в отличие от другой, проложенной в наклоненной дельте Нила. Две полосы идут в сторону Александрии, две – обратно. В некоторых местах асфальт, видимо, клали прямо на песок или на чуть-чуть выровненное и утрамбованное полотно. Однако в целом дорога вполне пристойна, и наша машина, делая 120–140 километров в час, приближается к Александрии.

Среди достопримечательностей сегодняшней Александрии нам показывают памятник "Похищение Европы". Это сооружение – трехконечная стена из монолитного бетона, уходящая вверх, и крупная грудастая женщина, сидящая на спине могучего быка, – расположен прямо на набережной, которую здесь именуют на французский манер "Корнши".

Памятник находится перед так называемым военным объектом – блюдцем радарной установки, поэтому фотографировать его запрещается. Собственно говоря, здесь и фотографировать-то нечего: памятник зарос олеандрами, и из длинных плетей кустарника с острыми листьями и пахучими бледно-розовыми цветами лишь торчат два металлических отростка арматурного железа – рога несчастного белого быка – Зевса. Однако он здесь поставлен не случайно. По греческой мифологии, дочь финикийского царя Агенора Европа была похищена влюбившимся в нее Зевсом, превратившимся в могучего белого быка. Европа переплыла море и попала на остров Крит, где родила от Зевса троих сыновей. Крит находится в нескольких сотнях километров отсюда, и его история тесно связана с историей Древнего Египта.

Следующая достопримечательность, осмотренная нами, – это средневековая крепость, построенная мамлюком Каит-беем в XV веке на мысу, где когда-то стоял Фаросский маяк. Миниатюрная, игрушечная цитадель Каит-бея обнесена высокой стеной из белого известняка. Внутренний дворик еще не обустроен, и видны кучи черного ила, привезенного из дельты для удобрения лужаек, которые следующей весной зазеленеют свежей травой. Сама цитадель имеет три этажа, кокетливые башенки по углам и флагшток в центре. На белые стены, залитые ослепительным средиземноморским солнцем, больно смотреть без защитных очков. Однако это не помешало нам заметить в стенах цитадели обломки античных мраморных и гранитных колонн.

Наше посещение крепости Каит-бея заканчивается осмотром ее внутренних помещений и прогулкой по крепостной стене. Внутри цитадели, на втором этаже устроен небольшой музей предметов, извлеченных со дна моря в бухте Абукир, где в начале августа 1798 года произошел роковой для французов бой между флотом Наполеона Бонапарта, высадившегося в Александрии, и флотом английского контр-адмирала Горацио Нельсона. Работавшая несколько лет экспедиция достала со дна залива старые ядра, орудийные стволы, обшивки судов и другие предметы. Карты на трех языках рассказывают, где и как Нельсон выстроил свои корабли, как они громили французов, рискнувших посягнуть на Египет – в то время османское владение. Экспозиция довольно бедная: пока не удалось достать другие предметы, занесенные песком. На извлеченный из моря судовой журнал французского корабля небрежно брошена визитная карточка "Принц Наполеон, Париж". Карточка – современная. Это подтверждает египтянин – служитель музея, который сообщает, что эту выставку недавно осматривал француз, назвавший себя принцем Наполеоном.

Схватка в этой бухте английских и французских колонизаторов была, пожалуй, единственным случаем их открытой борьбы за Египет.

В 1882 году англичане подвергли бомбардировке Александрию, чтобы подавить выступление Ахмда Араби – лидера национально-освободительного движения египтян против англичан. Особенно упорные бои шли летом того же года, и англичане, подогнав к Александрии свой флот, начали бомбардировку города. Русский путешественник А.В.Елисеев, посетивший Александрию в 1883 году, писал в своей книге "По белу свету": "Уже первое впечатление прекрасного города, лучшие кварталы которого были разрушены бомбардировкой, было не в пользу надменных англичан, гордо прошагивавших теперь по улицам Александрии. Дальнейшее знакомство с новыми порядками, введенными в Египте победителями Араби-паши, еще более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян... Бомбардирование Александрии, превратившее многие кварталы ее в настоящую каменоломню, усыпанную камнями и наполненную едкой извощковой пылью, представляет позорную страницу в истории английского флота, стрелявшего тяжелыми бомбами в беззащитный город".

Я испытываю чувство искренней признательности к русскому врачу, путешествовавшему в прошлом веке, Александру Васильевичу Елисееву, любовь которого к Востоку, уважительное отношение к местным жителям может служить образцом для каждого, кто вступает на путь изучения истории и культуры народов зарубежных стран.

"Поездка на Дальний Север, совершенная в 1882 году, несмотря на весь интерес, вынесенный из продолжительных странствований по Лапландии, все-таки мало удовлетворила меня, – писал Елисеев. – Поэтому при первой возможности меня потянуло в знойные страны Востока. Небольшое практическое знакомство с арабским языком, фран-

цузским Востока, выработанная привычка обращаться с ориенталами, заманчивость предметов, подлежащих наблюдению, и масса интересного материала, встречающегося там на каждом шагу, — все это стало манить меня на Восток всякий раз, когда представлялась возможность и заводилась лишняя денюга в кармане...”

Интерес и доброжелательное отношение отдельных представителей передовой русской интеллигенции к странам Востока, простое сочувствие к выходцам из этих стран — “ориенталам”, как их называет Елисеев, попавшим, часто вопреки своей воле, в Россию, неизменно вызывали ответные добрые чувства и благодарную реакцию. Елисеев рассказывает, что египтяне во время английской бомбардировки Александрии избивали европейцев на улицах города — естественная реакция и проявление чувства ненависти простых египтян, на головы которых падают бомбы цивилизованных колонизаторов. «Одно слово „я москов” спасало русских от общей участи. С помощью этого магического слова /некий/ Ф-ко спасал неоднократно жизнь и себе, и своим соотечественникам, и даже иностранцам, прибегавшим под его защиту. Этот факт всего лучше иллюстрирует отношения ориентала к русским, еще более улучшившиеся после последней /русско-турецкой/ войны 1877–78 г., когда сотни тысяч мусульман, захваченных нами в плен, на себе самих испытали все радушие и гостеприимство русских».

Титульное название записок этого автора, изданных в трех томах в Санкт-Петербурге в 1894–1896 годах (работа над четвертым томом была прервана смертью автора), таково: “По Белу-Свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света доктора А.В.Елисеева”. Все три тома богато иллюстрированы 11 известными художниками, имена которых вынесены на титул. Весьма искусные заставки к главам и многочисленные рисунки — не менее одного на каждой странице — все подписаны художниками и хотя, на мой взгляд, не всегда вер-

но отражают географические особенности и все детали природы и быта народов тех стран, которые посетил Елисеев, тем не менее оставляют хорошее впечатление. И самое, пожалуй, любопытное, что эти записки, весьма популярные среди читающей публики дореволюционной России, внимательно следившей за работой Русского географического общества и его "вечного труженика" и "симпатичнейшего исследователя природы Старого Света", как именует Елисеева петербургский издатель Н.И.Сойкин, были адресованы молодежи. Экземпляры елисеевских томов, которыми я пользуюсь, довольно зачитаны, и каждый из них жирно проштампован: "Детская библиотека 1-ой Московской женской гимназии".

Но вернемся в Александрию. С невысокой стены форта открывается удивительный вид на город. Через узкий канал во внутреннюю гавань входят рыбацкие лодки и небольшие катера. Пологой дугой изгибается набережная. В своей самой старой части она засажена кокосовыми пальмами, которые издали кажутся расставленными в огромной зеленоватой вазе распустившимися гвоздиками. Упрямые рыбаки с удочками сидят на огромных камнях мола. Один из них прямо у нас на глазах вытащил серебристую маленькую рыбку, чему несказанно обрадовался.

Рядом с цитаделью Каит-бея находятся местный рыб-клуб и Океанографический институт с аквариумом. Хотя Средиземное море считается и не очень богатым рыбой, но рыбный порт со специфическим запахом сложенных в штабеля пустых плоских ящиков и с рыбацкими судами свидетельствует о том, что этот промысел продолжает процветать.

Рыбацкие лодки — маленькие, средние и большие баркасы с моторами, работающими на сжиженном газе, — не только теснятся на небольшом пятнышке рыбного порта, опутанные развешанными для просушки нейлоновыми сетями, но и строятся. Несколько новых баркасов с еще не крашеными бор-

тами стоят под навесами, а рядом с ними суется мастер.

Александрия, как Каир да и любой город сегодняшнего Египта, забит людьми и автомобилями. С большим трудом наша машина пробивается к колонне Помпея через бедняцкие кварталы с закопченными серыми домами. На балконах сушится белье – обычная картина любого восточного города. Внизу, прямо на мостовой, среди грохочущих трамваев и большегрузных автомашин, коробейники на тележках торгуют кусками цветастых тканей, пластмассовой посудой, дешевыми конфетами с химическим привкусом, резиновыми тапочками, вазочками и разной мелочью.

Колонна Помпея находится за высоким забором, отсекающим от города известняковый холм, где находились развалины античного города. За забором не слышно шума городского. Высокие деревья манго и акации с длинными сухими стручками окружают небольшой домик музейных служащих. Вокруг колонны, поставленной императору Диоклетиану жителями Александрии в благодарность за помощь зерном в голодные годы и называемой по ошибке колонной Помпея, беспорядочно стоят небольшие гранитные сфинксы с отбитыми носами, которых доставили сюда из других городов Египта. Сама колонна сделана из красного гранита и увенчана изысканной капителью. В глубине известнякового холма, на котором стоит колонна, пробиты цистерны для сбора дождевой воды и имеется подземелье, которое местный служитель выдает за древнее книгохранилище. Подземелье, в которое он нас отвел, благодаря своему микроклимату могло бы служить книгохранилищем.

Во время нашего посещения александрийского университета речь зашла о месте этого города в нашей цивилизации, в частности в литературе, в том числе в поэзии, недаром названной александрийской, и ее последователях. Завоевания Александра Македонского ознаменовали начало эпохи элли-

низма, в которой соединилось культурное наследие классической Греции с культурой других народов. Именно в этот период Александрия стала естественной культурной наследницей Афин и центром эллинизма, но в несколько тяжеловесной для нашего времени александрийской поэзии много самобытного и оригинального.

Поэты александрийской школы не хотели походить на своих предшественников и воспевать мифических героев и богов. Главой новой школы стал Каллимах, потомок знатного рода, уроженец североафриканского города Кирена, получивший прекрасное образование в Афинах. Вначале скромный учитель начальной школы в родном городе, он затем перебирается в предместье Александрии и открывает свою школу. Он пишет поэмы-манифесты, эпиграммы и льстивые послания монарху в надежде быть замеченным и приближенным к царствующей особе.

Каллимах призывает поэтов уйти от эпических форм классической Греции, от богов и героев, умирающих ради славы и общества, обратиться к отдельной личности с ее обыденными заботами и хлопотами. Каждая эпоха накладывает отпечаток на литературу. Вкусы жителей огромного города-космополита, волновавшихся за свой комфорт и свое место под солнцем, должны быть отражены, должны придать жизнь искусству. Каллимах этого добился. Его поэзия не обладала гротескным величием, но была понятна александрийцам и любима ими. Для него было характерно внимание к бытовым деталям, простой народной шутке, личной жизни людей:

Пьяницу Эрасиксена винные чаши сгубили:
Выпил несмешанным он сразу две чаши вина.

Или другое, не менее колоритное стихотворение биографического содержания:

Кто бы ты ни был, прохожий, узнай: Каллимах из Кирены
Был мой родитель, и сын есть у меня Каллимах.
Знай и о них: мой отец был начальником нашего войска,

Сын же искусством певца зависть умел побеждать.
Не удивляйся, — кто был еще мальчиком Музам приятен,
Тот и седым стариком их сохраняет любовь.

В древности Каллимаху приписывалось более 800 стихотворных и прозаических произведений на всевозможные темы. Обычно его сочинения были небольшими по объему. От Каллимаха сохранилась поговорка: "Чем больше книга, тем она хуже".

Каллимах известен также тем, что собрал в 120 свитках папируса антологию греческой литературы, названную "Списки. Каталог писателей, прославивших во всех областях образованности, и трудов, которые они сочинили". Этот аннотированный каталог Александрийской библиотеки известен и как "Таблицы" в 120 книгах. Имена писателей, сопровождаемые краткими биографическими и литературно-критическими заметками, располагались в "Списках" в систематическом порядке, по отделам. Это — древнейший опыт истории греческой литературы. Последующие представители александрийской поэзии дополняли и исправляли "Списки". Несмотря на то что Каллимах плодотворно и много работал при Мусейоне, на должность библиотекаря был назначен не он, а его ученик и соперник Аполлоний.

Отказ Каллимаха от воспевания героизма не был воспринят всеми его последователями. Один из учеников поэта, 20-летний Аполлоний, написал поэму о героическом походе аргонавтов за "золотым руном" и любви Ясона и Медеи. Собрав друзей, учителей и знатных горожан Александрии, среди которых был и Каллимах, он прочитал свою "Аргонавтику", вызвавшую бурю восторга его приятелей и возмущение зрелой публики. Каллимах пожаловался правителю, и Аполлоний был отправлен на остров Родос. Так к его имени прибавился эпитет "Родосский". Здесь, на острове, он переработал свою поэму и вскоре приобрел как поэт и учитель такую славу, что родосцы даровали ему гражданство. А еще позднее Аполлоний Родосский возвратился

■ Александрию и возглавил Александрийскую библиотеку.

В его поэме после поздних исправлений среди действительно блестящих отрывков о любви Мелани, пораженной стрелами Эроса, жанровых сцен и диалогов появилось немало мест, перегруженных биографическими сведениями. Некоторые исследователи даже называют "Аргонавтику" туристическим справочником, в который Аполлоний втиснул массу сведений о Европе и Северной Африке. Но вряд ли стоит судить его за это строго, хотя бы потому что тема Аполлония о любви Медеи к Ясону перешла в "Энеиду" Вергилия, а затем в эпические поэмы классицизма.

В числе друзей и сторонников Каллимаха, выступавших против Аполлония Родосского, был Феокрит (родом из Сиракуз), известный своими короткими эпическими поэмами и тем, что создал новый литературный жанр — идиллию ("картинка"), или буколику ("пастушеское стихотворение"). В основе этого жанра лежало изображение добродетельной сельской жизни на фоне прекрасной природы. Идиллия требовала точности в деталях, и сочинения Феокрита можно назвать образцом реалистического искусства. Его поэма "Праздник жатвы" в этом отношении показательна. Поэт, тоскующий в огромном городе по красоте естественного мира, рассказывает о прогулке по острову Кос и посещении своего приятеля, где друзья собирались отметить праздник в честь греческой богини плодородия Деметры:

Я же пошел к Фрасидаму... Ожидало нас мягкое ложе:
Был нам постелен камыш и засыпан листвою виноградной,
Только что срезанной с веток. И весело мы отдыхали.
Много вверху колыхалось, над нашей склонясь головою,
Вязов густых, тополей. Под ними священный источник,
Звонко журча, выбегал из пещеры, где Нимфы скрывались.
В тень забираясь ветвей, опаленные солнца лучами,
Звонко болтали цикады, древесный кричал лягушонок,
Криком своим оглашая терновник густой и колючий;
Жаворонки пели, щеглы щебетали, стонала голубка;

Желтые пчелы летали, кружась над водной струей, —
Все это летом богатым дышало и осенью пышной.
Падали груши к ногам, и сыпались яблоки щедро
Прямо нам в руки, и гнулся сливняк, отягченный плодами,
Тяжесть не в силах нести и к земле приклоняясь верхушкой.

Сегодняшние египтяне считают себя наследниками Древнего Египта с его гигантскими храмами и пирамидами, его таинственными богами, его достижениями в медицине, математике и астрономии. И это в значительной степени верно. Египет за время своего многотысячелетнего существования поглотил, перемолол и ассимилировал многих пришельцев. Самый глубокий след в истории страны оставили арабы. Египтяне приняли принесенный ими ислам и язык, и сейчас страна справедливо считается самым населенным государством арабского мира. Затем появились турки. Их постепенно вытеснили англичане, которые вплоть до революции 1952 года были фактическими хозяевами страны.

В синайском монастыре Св. Екатерины

Мы отъезжаем от каирской гостиницы "Меридиан" в двухдневную поездку по Синайскому полуострову. Гостинице уже 15 лет, но этот пятизвездочный отель продолжает оставаться очень популярным. Он построен в северной части острова Рода, откуда открывается вид на Каир, на мусульманскую цитадель и холм Мукаттам. Не видно лишь пирамид: они находятся в северном районе Гиза, и во всяком случае из моего номера с 14-го этажа их не видно. Этот относительный недостаток компенсируется великолепным видом на каирские районы Гезира и Докки с новыми высотными гостиницами и административными зданиями, на Нил, его тяжелые фелюги с косыми парусами, на большой, подсвечиваемый ночью мощный фонтан. Рассказывать о самой гостинице нет смысла. Здесь все сделано для удобства посетителей, которых всегда

много и которые приезжают сюда со всех концов мира.

Мы заехали в Дипломатический клуб Каира, где нас ожидала египетская часть нашей группы, направляющейся на Синайский полуостров. Этот клуб находится недалеко от площади Тахрир, на углу двух шумных торговых улиц, в трехэтажном красивом особняке, построенном в конце прошлого века. Здесь проходят дипломатические приемы и встречи с журналистами, а также учебные семинары. Мы остановились у входа, охраняемого солдатом в черной суконной форме и швейцаром в длинной серой рубашке. Из ресторана этого клуба выносятся десятки коробок – по три на каждого на день. Это наш завтрак, обед и ужин. Но это еще не все: нам дают ящики с питьевой водой в литровых пластмассовых бутылках, с соком манго и гуайява. Если плод манго у нас знают, то гуайява из семейства миртовых большинству неизвестна. Этот плод, называемый по-арабски "гаввафа", по виду похож на среднюю грушу, розовая сердцевина которой набита мелкими семечками. Говорить о вкусе этого пахучего плода довольно трудно: он напоминает и грушу, и землянику, и еще что-то одновременно.

В течение получаса мы едем по перегруженному транспортом Каиру. Улицы забиты автомашинами всех марок. По статистике, ежегодно в Египет ввозится 50 тыс. автомашин очень престижной для египтян западногерманской марки "Мерседес". Эта цифра экспорта больше, чем в других странах региона, даже более богатых. Подобный феномен вызывает много вопросов, но факт остается фактом. От вокзальной площади, где стоит закопченная фигура фараона Рамсеса, идут переполненные электрички и пригороды Каира. Люди висят на бамперах последнего вагона, как это было у нас, когда по Москве ходили еще деревянные трамваи.

Проблема роста населения стоит очень остро. В стране сейчас насчитывается более 50 млн. человек, а в самой столице с пригородами – Боль-

шом Каире – около 14 млн. Ежегодно рождаются 1,5 млн. человек. При таких темпах роста к 2000 году число жителей Египта составит 70–80 млн. И все это население живет в узкой долине и дельте Нила, на морском побережье и в немногочисленных оазисах Ливийской пустыни.

Нас ждет новое и сильное впечатление – переезд под Суэцким каналом через подземный туннель. Этот туннель был открыт 30 апреля 1980 года. Он назван именем Ахмеда Хамди – офицера инженерных войск египетской армии, погибшего в октябре 1973 года, во время войны с Израилем. Мы постыли немного у въезда в туннель, ожидая встречные автомашины (одна полоса была почему-то закрыта), и начали движение точно с предписанной нам скоростью – 50 километров в час. Общая длина туннеля – 4,5 километра, из них 1,6 тыс. метров проходит под Суэцким каналом на глубине 37 метров. Этот канал, точнее, его присутствие я ощущаю и даже вижу: у меня перед глазами двигаются палубные надстройки корабля. Его корпуса не видно из-за низкого уровня воды. Мои попутчики обращают внимание, что туннель чистый и ухоженный. Гидроизоляция отменная, и ни на полотне дороги, ни на желтых, отделанных пластиком стенах нет никаких подтеков.

Мне в голову приходит неожиданная мысль: ведь мы сейчас пересекаем границу между Африкой и Азией. Синайский полуостров находится в Азии, а попадаем мы туда из Египта, т.е. из Африки.

Синайский полуостров древние египтяне называли "землей луны и бирюзы". Здесь действительно добывали бирюзу, а луна, отраженная в водах Суэцкого и Акабского заливов, придавала особое очарование его побережью. Но при ближайшем рассмотрении Синай не столь монотонен и однозначен, как может показаться с борта летящего над полуостровом самолета. Да, здесь редко идут дожди, земля малопригодна к земледелию. Сильная жара днем и пронзительный холод ночью не добавляют

приятности этому краю, но Синай многолик и интересен. На севере вдоль побережья раскинулись рощи финиковых пальм, в которых спряталась столица Северной Синая – город Эль-Ариш. По этой дороге вдоль Средиземного моря к границам современного Израиля в XV веке до нашей эры шли войска египетского фараона Тутмоса III. В 333 году до нашей эры по ней в сторону Египта из Сирии прошли отряды Александра Македонского, а в 48 году до нашей эры войска Цезаря и Клеопатры ожидали приближения войск ее брата, соправителя и соперника – Птолемея XIII. По этой, самой короткой дороге в Египет бежало "святое семейство" – цеза Мария с младенцем Иисусом и своим мужем Иосифом.

В южной части города Эль-Ариш византийцы возвели крепость, стратегическое значение которой оценили впоследствии арабы и Наполеон Бонапарт, высадившийся в Египте в 1798 году. Однако север Синая был полем боя не только в древности, но и в наше время. Следов этих военных сражений между Египтом и Израилем не осталось, хотя в некоторых местах в пустыне можно встретить остовы сгоревших египетских танков.

Примерно через час мы съезжаем к берегу в живописном местечке, называемом Бадр. Это небольшой туристический комплекс: гостиница с рестораном и десятка два красивых и уютных вилл. Большая часть из них пустует – мертвый сезон. На открытой площадке кафе 15–16-летние девушки-египтянки расположились на отдых. Это ученицы старших классов средней школы из каирского района Мыср аль-Гадида (Новый Египет) приехали сюда на воскресный отдых.

Этот район побережья очень красив, и через несколько километров мы встречаем еще один туристический комплекс – Дагнаш-ленд. Он состоит из четырехугольных брезентовых палаток, обнесенных камышовым забором. И опять-таки не видно отдыхающих, хотя, по нашим представлениям, сей-

час здесь бархатный сезон: температура воды +22° а на берегу на солнце очень жарко.

На горизонте, вдали от моря, я вижу высокую конусообразную башню и ломаю голову, кому же пришла мысль построить так далеко от моря еще одно туристическое сооружение. Но я ошибся – это всего лишь хранилище готового гипса, который смывается сюда, в этот конус. Отдаю должное творческой находке архитектора, который прозаический склад готовой продукции расположил в чистой металлической пирамиде.

...С каждой минутой мы приближаемся к одной из достопримечательностей южного Синай – Фараоновым баням. Они расположены немного в стороне от главной дороги, прямо на берегу моря. Здесь довольно оживленно: несколько машин стоят у горы, поднимающейся на полкилометра, снуют арабы и одетые в темные платья египтянки. У самого подножия горы из подземных источников вытекает горячая вода со слабым запахом серы. Сбросив на ходу ботинки, мы вступаем в воду и вмиг выскакиваем обратно: ее температура, оказывается, почти +72°, причем вода сочится не только "из горы", но и прямо из песка на пляже в нескольких местах. Чем глубже погружаешь ноги в песок, тем становится горячее, и лишь в небольшой лужице в 20 метрах от кромки морского прибоя, где вода немного остыла на ветру, можно спокойно постоять по щиколотку.

Небольшая лестница ведет к отверстию в горе, где уже сгрудилось несколько мужчин и женщин. Поднимаемся сюда и мы. Мы оказываемся единственными европейцами и несколько смущаемся присутствием женщин: Египет – мусульманская страна, и нравы мусульман нам хорошо известны. Поощряемый египтянами, я решаюсь спуститься по скользким камням немного в глубь пещеры. Когда глаза чуть-чуть привыкают к темноте, я вижу удивительную картину: вдоль уходящих наклонно вниз стен пещеры, тесно прижавшись к стене и друг

к другу, сидят мужчины и женщины, старые и молодые. Два ряда людей теряются где-то внизу. В пещере умеренно тепло от нагретых каменных стен. Откуда-то из глубины тянет теплым ветром, но запаха сероводорода не чувствуется. Один из египтян любезно предлагает фонарик и советует спуститься вниз: может быть, там, в конце каменного коридора, найдется свободное местечко и для меня. Постители обильно потеют. Да ведь это турецкая баня, где теплой водой, бьющей из недр, обогреваются пол и стены пещеры. Скоро и я покрываюсь потом и еще через минуту выбираюсь на волю. Следом за мной вылезает пожилая египтянка с довольной, поносящейся физиономией. А прямо у входа в пещеру расположилась египетская семья, чтобы немножко перекусить.

Мы удаляемся от берега и выезжаем в широкую долину. В море уходят вышки нефтепромысла Абу-Рудейс, где добывается бóльшая часть египетской нефти. Голые горы возвышаются по обе стороны долины, усыпанной красноватыми, зеленоватыми и желтоватыми камнями. Растений нет никаких, кроме верблюжьей колючки. Воздух сухой и чистый. Наш водитель утверждает, что в Каире у нас будет несколько часов болеть голова — результат смены чистого воздуха на загазованный, отравленный автомобилями воздух египетской столицы. Солнце стоит почти в зените, но не жарко. Я не знаю, на какой высоте от уровня моря мы находимся, но знаю, что мы поднимаемся в гору: монастырь Св. Екатерины, куда мы едем, находится на высоте 1570 метров.

По дороге в монастырь мы проезжаем богатый оазис Фиран. Это место упоминается в библейских преданиях. Здесь скиталась Агарь со своим сыном Исмаилом, которые были изгнаны Авраамом под влиянием его недовольной жены Сарры. До VII века Фиран был центром большого христианского поселения со своим епископом. Здесь находятся источник Моисея, бьющий из горы, и скала, напоми-

нающая по очертаниям кресло и поэтому называемая "макаад ан-наби Муса", т.е. "кресло пророка Моисея".

В долине, ведущей к монастырю, по обеим сторонам дороги, вдоль склонов голых гор, открыты окопы, идущие от подножия к вершине. Это — израильские окопы, и появились они в период оккупации Синая. Сделаны они добротно, в некоторых местах выложены металлическими балками и даже закрыты бетонными колпаками. Металла Египту всегда не хватало, и сейчас в некоторых местах металлические стены разбираются и отправляются на переплавку на металлический завод в Хелуане.

За оазисом Фиран дорога поднимается в гору и вскоре вливается в широкую долину, называемую "Вади ар-Раха", т.е. Долина отдохновения. Здесь, по Ветхому Завету, евреи, выведенные из Египта Моисеем, ожидали его возвращения с горы Хорин, где он получил от Бога десять заповедей, ставших основой их религиозной и общественной жизни. Греческий православный монастырь, куда мы едем, стоит в начале долины, ведущей в глубь Синая. Он построен в правление византийского императора Юстиниана I в середине VI века по проекту греческого архитектора Алисиоса. Монастырь Св. Екатерины и местность вокруг его стен являются почитаемыми местами верующих всех религий. И вот после долгой дороги и мы вступаем на эту священную землю.

В Ветхом Завете говорится, что Моисей в возрасте 40 лет оказался в этой долине и около источника познакомился с семью дочерьми Иофора, пастуха и священника; одна из них, Сепфора, стала его женой. Этот источник находится в стенах нынешнего монастыря, в северной его части. Квадратное, обложенное светлым камнем отверстие сейчас закрыто деревянной крышкой. Рядом стоит насос, который приводится в движение большим тяжелым колесом. 40 лет Моисей прожил вместе со своим тестем, родил двух сыновей и очищал свою ду-

чу молитвами до тех пор, пока Бог вновь не призвал его на помощь своему народу.

Все мы слышали выражение "неопалимая купина" – куст, который, по библейской мифологии, горит, но чудесным образом не сгорает. Этот куст степицею терновника раньше находился в монастыре, в часовне, построенной по приказу матери императора Константина Елены, а сегодня – за ее пределами, на небольшом, отделанном красным гранитом пьедестале – сооружении высотой в человеческий рост. Здесь имеется строгая надпись: "Нельзя дотрагиваться и рвать листья". Предупреждение вполне обоснованно: по свидетельству специалистов, это растение с небольшими, похожими на ежевичные, листьями встречается на Синае лишь в этом месте. В часовне остался только продолговатый камень. К нему приближаются верующие без обуви и с благоговением его лобызают.

По библейскому преданию, горящий, но не сгорающий терновый куст привлек внимание Моисея, пасшего близ горы Хорив своих овец. Моисей подошел к кусту и услышал из куста голос Бога, посылавшего его в Египет для организации исхода находившихся там евреев. Моисей исполнил это указание примерно в 1300 году до Рождества Христова. "И повел Моисей Израильтян от Чермного (т.е. Красного. – *О.Г.*) моря, и они вступили в пустыню Сур... И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев; и расположились там станом при водах". По мнению ученых, израильтяне перешли Красное море и двинулись в сторону нынешнего города Эль-Тур. Видимо, это место и следует считать Елимом, поскольку здесь находятся источники и пальмовые рощи. Затем израильтяне через вади Хебран прибыли в город Рефидим. Три месяца блуждания по Синайской пустыне завершились стоянкой евреев у начала вади эр-Раха, где сейчас находится монастырь. И здесь случилось еще одно важнейшее событие – Моисей на вершине горы Синай получил от Бога

десять заповедей, высеченных на двух каменных скрижалях.

Эти заповеди и сегодня составляют основу христианской морали. Некоторые из них полезно и напомнить: "Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле... Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего..." Когда Моисей сошел с горы, где он был 40 дней и 40 ночей, он увидел, что его народ сотворил себе кумира. Им был золотой телец, отлитый, как бы сейчас сказали, из золота личных драгоценностей ("И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих..."). Мягкий и кроткий Моисей в гневе бросил на землю каменные скрижали откровения, взял тельца, сжег его в огне и стер его в прах. Его гнев был понятен. Ведь заповедь гласит: не сотвори себе кумира и никакого изображения.

Я так подробно останавливаюсь на этих хорошо известных библейских историях в надежде, что идеи, заложенные в них, могли бы послужить и нам, как служат другим в цивилизованных странах.

Пустынность и изолированность Синайского полуострова, его причастность к библейским сюжетам сделали, в частности, это место пригодным и привлекательным для христианских отшельников, искавших уединения от столичной суеты Рима и провинциальных центров Римской империи. В IV веке здесь появляются анахореты, или монахи ("одинокие"), которые селятся в пещерах и в небольших обителях близ "неопалимой купины", на горе Хорив, в оазисе Фиран и других святых местах. Первые поселенцы, страдавшие от враждебно настроенного местного населения и сильной нужды, собирались вокруг "неопалимой купины" на христианские праздники и творили общую молитву. Подвижнический образ жизни христианских отшельников и их миссионерская деятельность привели к тому, что к V веку большая часть населения Синай исповедовала христианство.

Во времена римского императора Константина I Великого (306–337) христианство было признано государственной религией, и все христианские общины автоматически получали покровительство официальных властей. В 325 году церковный собор в малоазийском городе Никее проходил с участием императора; были сформулированы основы христианского вероучения. Христианство вступило в новый период своего развития и укрепления. Естественно, в привилегированном положении оказались те христианские общины, монастыри и церкви, которые находились в Палестине или в местах, связанных с фактами библейской истории.

Синайские монахи обратились к матери Константина Елене с просьбой принять их под свое покровительство. Это произошло в 313 году, когда эдиктом Константина было прекращено преследование христиан и была признана свобода вероисповеданий в Римской империи. Известная как активная поборница христианства, она согласилась принять эту почетную ношу и в 330 году отпустила средства на строительство небольшой часовни, посвященной деве Марии, и укрепленной башни на месте "неопалимой купины" для укрытия паломников и монахов. К концу IV столетия на Синае сложилась большая христианская община, где было немало видных богословов, иконописцев и переписчиков. Среди них историки выделяют Св. Нила – старого офицера гвардии императора Константина, оставившего после себя ряд богословских трудов.

Новый расцвет христианства на Синае приходится на годы правления византийского императора Юстиниана I (527–565). Он приказал построить здесь укрепленный монастырь и большую церковь, которая существует до настоящего времени. При церкви были небольшая часовня, посвященная деве Марии, и башня на месте "неопалимой купины". Все это нашло отражение на страницах древ-

них рукописей. Прокоп, историк Юстиниана, описал строительство церкви на страницах своей книги "Основание", а патриарх Александрийский в IX веке Ибн аль-Батрак изложил эти же события в рукописи, которая хранится в монастырской библиотеке. Правда, патриарх не был свидетелем строительства церкви, поэтому детали, которые он приводит, в известной степени носят налет последующих легенд и мифотворчества.

Строительство церкви и монастыря началось в 542 году. Но до этого случилось событие, которое наложило отпечаток на деятельность монастыря и его братии. Речь идет о Святой Екатерине, имя которой сейчас носит монастырь.

По библейской традиции, Екатерина, которая носила имя Доротеи, родилась в 296 году в египетской Александрии в богатой языческой семье. В школе она изучала философию, риторику, поэзию, музыку, математику, астрономию и медицину; у нее было немало поклонников, но это ее не радовало. Сирийский монах обратил ее в христианство, и она получила имя Екатерины. В начале IV века, во времена императора Максимиана христиане преследовались, заточались в тюрьмы. Екатерина публично осудила императора и призвала его уничтожить идолов. Пятьдесят мудрецов, приглашенных из других районов империи, пытались убедить строптивую христианку отказаться от своей веры, однако Екатерина в дискуссии с язычниками была непреклонной и даже смогла обратить в христианство несколько членов императорской семьи и аристократов. В результате Екатерина была казнена, а ее тело ангелы перенесли на самый высокий пик Синая. Три столетия спустя монахи из монастыря, уже отстроенного Юстинианом, обнаружили тело и перенесли его в монастырь, где оно было помещено в золотой саркофаг. История великомученицы Екатерины была рассказана крестоносцами в Европе. Ее причислили к лику святых, но только в XI веке монастырь Преображения на Синае стал

называться монастырем Св. Екатерины. В церкви и сегодня находится саркофаг, покрытый тонким слоем золота, подаренный в 1860 году одной из великих княгинь правившей в России династии Романовых. Близ монастыря мне указали на гору Св. Екатерины. Она действительно высокая и достигает высоты 2642 метров над уровнем моря.

Церковь, построенная Юстинианом, была обнесена стенами. Их высота колебалась от 8 до 18 метров, а толщина – от 1,8 до 2,7 метра. Материалом для этих стен послужили крупные обтесанные блоки из синайского гранита, обработанного прямо здесь, на месте. Верхняя часть стен сложена из их обломков, скрепленных известковым раствором. Эти стены были столь величественны и мощны, что в течение 14 веков они не нуждались в переделке. На южной стене видны кресты, монограммы и другие символы христианства, выбитые в граните. Первая реконструкция мощных стен была произведена в 1801 году, вторая – в 1951-м. Во время второй реконструкции к южной стене с внутренней стороны были пристроены помещения для библиотеки, галерея для демонстрации икон, апсиды для архиепископа и трапезная для монахов. Здесь же разместилась и небольшая амбулатория с зубоврачебным кабинетом.

Основное здание церкви – большой центральный зал и боковые приделы – было сооружено по проекту архитектора Этьена Элизиса. Стены, колонны и потолок и сегодня те, которые были изготовлены во времена Юстиниана. Двенадцать колонн соответствуют числу месяцев в году. Они сделаны из монолитного гранита и покрашены белой масляной краской. На каждой колонне подвешена икона с изображением святых и великомучеников, деяния которых отмечаются в соответствующем месяце. Резная капитель, покрашенная зеленой краской, имеет изображения креста, знамен, виноградных гроздьев и агнца – символа Иисуса Христа. Церковные иконы очень старые,

и самые ранние из них датируются VI веком. Мозаичный белого и серого мрамора пол, иконостас и внутреннее убранство церкви датируются XVII и XVIII веками. Самое большое впечатление на нас произвели высокие резные двери из ливанского кедра, сделанные византийским ремесленником 1400 лет тому назад. Вся площадь дверей, состоящих из четырех створок, разбита на квадраты и прямоугольники, заполненные изображениями животных, птиц, деревьев, цветов и листьев. Наверху выгравированы слова из Священного писания: "Вот дверь, ведущая в Вечность; через нее войдут все праведники".

...Инок Михаил ведет нас по церкви. Вот богатый иконостас, а за ним – два серебряных саркофага. За алтарем – место для хора, а еще дальше прямо по центру – часовня "неопалимой купины", куда можно попасть через часовню Св. Жака, что слева от алтаря, или через часовню великомучеников Синая. Здесь я с удовольствием обнаружил несколько икон московского письма со старославянскими надписями. На обеих сторонах церкви находится по три небольшие часовни, а точнее, продолговатых, увешанных иконами помещения, отделенных от центрального нефа невысоким деревянным ограждением. Так, слева от алтаря, от входа с древними византийскими дверями расположена часовня Св. Марины, затем идет часовня Св. Константина и Св. Елены и часовня Св. Антипа. Справа – часовни Св. Косьмы и Св. Демьяна, Св. Симеона Столпника, Св. Иоахима и Св. Анны.

За византийскими дверями находится небольшая галерея, где выставлена часть икон, собранных в монастыре. Всего в монастыре насчитывается более 2000 икон, из них 150 выставлены в галерее; 12 самых древних икон исполнены в редкой технике – энкаустике (греч. "выжигая"), т.е. живописи восковыми красками, наносимыми горячими металлическими инструментами. В монастыре в течение веков сложился свой, синайский стиль

иконописи, но здесь представлены и православные иконы, выполненные в примитивном византийском, а также греческом, грузинском, сирийском и коптском стилях и датируемые VI–XV веками. Большое впечатление на меня произвели две иконы, выполненные в технике энкаустики в реалистической манере, характерной для греческой александрийской школы иконописи доисламского Египта. Одна из них изображает Св. Петра – зрелого человека с седой короткой шевелюрой, пронзительными карими глазами и сильным волевым лицом. Этот портрет очень напоминает знаменитые портреты из Файюма, исполненные в Древнем Египте. Второй портрет – Иисуса – написан таким образом, что его взгляд следит за вами, с какой бы стороны портрета вы ни находились. В левой руке он держит Евангелие, а пальцы правой руки сложены для крестного знамения. Эта икона тоже исполнена в византийском стиле в VI веке.

Но самое сильное впечатление в монастыре оставляет библиотека, которая считается второй в мире после ватиканской по количеству и ценности собранных здесь рукописей и книг религиозного содержания. И не случайно, что в библиотеку пускают далеко не всех посетителей монастыря. А если и пускают, так только в небольшую прихожую. Из 3 тыс. фолиантов 2 тыс. написаны на древнегреческом языке, остальные – на арабском, арамейском, грузинском, армянском, коптском, эфиопском и старославянском языках. Большая часть рукописей скопирована или переведена самими монахами. Среди манускриптов есть и работы на историческую тему; некоторые из них скреплены золотыми или свинцовыми печатями императоров, патриархов и султанов.

Одним из таких уникальных документов является эдикт пророка Мухаммеда о протекции над монастырем. Мухаммед бывал на Синае во время своих поездок с караваном из Мекки, и в Коране есть упоминание о святых местах на Синае. Поэто-

му, когда в 625 году в Медине появилась делегация монахов из Синайского монастыря, пророк Мухаммед ее немедленно принял. Монахи получили покровительство мусульман и освобождение от налогов, и в 641 году, когда мусульмане появились на Синае, монастырь не был разорен и продолжал нормально существовать. В XI веке внутри стен монастыря была построена мечеть – случай беспрецедентный в истории. Это было сделано с единственной целью – уменьшить давление на христианскую общину Синая и монастырское братство со стороны мусульманского окружения. Однако это не смогло изменить ситуацию: количество монахов все равно постепенно уменьшалось, большая часть христианского населения Синая была обращена в ислам, а часть христиан выехала в другие части христианского мира.

Сопровождавшие нас при осмотре монахи охотно показывают дверь, которая была подарена крестоносцами. В период крестовых походов (1096–1270) монастырь переживал период расцвета. Был создан специальный орден "Крестоносцы горы Синай", который охранял христианских паломников, посещавших монастырь. В мамлюкский период монастырь переживал тяжелый период, но в 1517 году турецкий султан Селим I Грозный захватил Египет и Синай и объявил себя покровителем монастыря. Турецкие власти предоставили ряд привилегий монахам и архиепископу – главе этой братии. Христианские государи Европы, конечно же, не отставали от турецких султанов, старались дарами и предоставлением различных привилегий выразить свое благожелательное отношение к монахам монастыря Св. Екатерины. Монастырь получил земли и имел свои отделения в Греции, на острове Крит, в Палестине, Турции, Румынии, России и даже в Индии.

Появившийся в Египте Наполеон Бонапарт не изменил традиции и взял монастырь под свое покровительство. 19 декабря 1798 года он собствен-

норучно подписал декларацию из девяти пунктов, в которой перечислялись привилегии монастыря. Более того, Бонапарт выделил деньги на реконструкцию стен монастыря, поврежденных ураганом 1798 года. Последующие годы не были благоприятны для монастыря. Он постепенно терял свои владения в Турции, Румынии, России и других странах, продолжая существовать в основном за счет паломников и своей библиотеки. В 1966 году с большой помпой было отмечено 1400-летнее существование монастыря с участием представителей православной церкви и Константина, в то время короля Греции.

Связи России и монастыря Св. Екатерины (независимой общины, действующей в системе восточной православной церкви) заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее. В этих отношениях есть и светлые и темные страницы. Русские цари и особенно царицы с большим трепетом относились к христианской общине синайских монахов. За счет пожертвований Русской православной церкви была построена в 1871 году высокая колокольня монастыря. В Одесской губернии монастырю были отписаны поместья, доходы от которых поступали в монастырь. К числу фактов духовного общения можно отнести посещение монастыря в 1870 году архимандритом Антонином (Андрей Иванович Капустин) – руководителем Русской духовной миссии в Иерусалиме. Он также был вдохновителем создания Императорского Православного Палестинского общества, возникшего в 1882 году с целью организации паломничества русских богомольцев к библейским местам в Палестине, а также научной и просветительской деятельности представителей православия. Архимандрит Антонин составил каталог некоторых греческих манускриптов монастырской библиотеки, в которой он обнаружил 38 текстов на старославянском языке. Монахи подарили Антонину некоторые листы из этих манускриптов, которые датиру-

ются X веком и хранятся сейчас в киевской Центральной академической библиотеке.

Но есть и другие стороны наших отношений, которые вызывают жгучий стыд за свое отечество. Во время посещения библиотеки ее служитель, высокий бородатый грек, сообщил, что самым ценным памятником библиотеки считается Кодекс Сириакус V века. С этого текста Евангелия монахи сделали копию между VII и VIII столетиями. Сама рукопись была открыта только в 1892 году. Прежде монастырская библиотека имела другую, более ценную реликвию, датированную IV веком, — Кодекс Синайтикус. Далее я приведу слова из текста брошюры, которую тысячами раскупают паломники и туристы со всех концов мира: "Этот греческий список Библии ... попросил немецкий ученый Тишендорф (Tischendorf) для русского царя на предмет научных изысканий. Он был послан в Санкт-Петербург и никогда оттуда не вернулся. В 1933 году советское правительство продало его британскому правительству...". Монах показал копию нескольких листов Кодекса Синайтикус, который находится в Британском музее из-за нашего нецивилизованного отношения к этой святыне христианского мира.

Несколько слов скажу о том, как эта рукопись попала в Россию. Константин фон Тишендорф, ученый-богослов и путешественник, в 1840 и 1853 годах совершал поездки на Восток, в том числе на Синай. Из своего третьего путешествия, предпринятого за счет русского правительства, он в 1859 году привез в Петербург древнейшую греческую рукопись Библии, ставшую известной под названием Codex Siniticus. Она была издана в 1862 году к юбилею тысячелетия Русского государства. Поднесение императору Александру II Кодекса, сначала доверенного Тишендорфу синайскими монахами на время, состоялось в 1869 году. Тогда же Константин фон Тишендорф получил потомственное русское дворянство.

Но я забежал вперед. Когда мы прибыли в монастырь, уже стемнело. Въехали во двор, где останавливаются туристические автобусы и автомашины. Через некоторое время к нам вышел грек Михаил (в общину принимаются только монахи греки), который, как мы поняли, является ключником в монастыре, и расселил нас по комнатам. Мы оказались в комнате, где стояло пять железных солдатских кроватей с толстыми стегаными одеялами. Наученные бывалыми людьми, которые предупредили нас о сильном холоде на Синае, мы попросили служителя гостиницы выдать нам по лишнему одеялу, на что он сразу же согласился.

Дорога, которая ведет на гору Синай (гору Моисея), довольно сложная. Считается важным встретить восход на этой горе, и поэтому отправляться нужно было довольно рано, ибо путь занимает два с половиной-три часа. Мы попросили служителя разбудить нас в два ночи. Ровно в два он забежал к нам в комнату и что-то выкрикнул. Мы спали очень настороженно, поэтому сразу проснулись. Выпили по стакану чая из термоса, оделись потеплее и вышли в звездную ночь. Несмотря на то что на мне был свитер и теплая, на подкладке куртка, холод все равно ощущался. Потом уже мы прочитали в газетах, что в это время на Синае температура воздуха была $+4^{\circ}$.

На первом этапе подъем проходил довольно просто. Дорога была достаточно ухоженная и утоптанная, однако через некоторое время у нас начались сложности. Сначала мы наткнулись на большую группу лежащих верблюдов и их погонщиков. Это были бедуины Синайского полуострова, которые обслуживают всех желающих подняться на гору Моисея, но не уверенных в своих силах. Работы у них хватает: ведь ежедневно сюда прибывает около 400 туристов и паломников, большая часть которых отправляется по тропе Моисея на самую высокую гору этой местности. Многие, идущие в гору пешком, берут с собой посох и, так же как в

библейские времена Моисей, поднимаются, опираясь на него. Мы не стали нанимать верблюдов и продолжили путь, светя себе под ноги фонариком. Я поднял глаза на небо и был поражен яркими большими звездами. Крупный светлый объект двигался по небу – наверное, советский или американский спутник. Я пытался найти знакомые мне созвездия Большой Медведицы, Орион, но так и не нашел, потому что это место близко к тропику Рака и все звезды имеют здесь совсем другое расположение.

Через некоторое время из-за гор показался серповидный месяц, и мы пошли немного быстрее. Чем выше он поднимался, тем лучше можно было различить под ногами дорогу. На пути нам попался небольшой, сколоченный из досок сарайчик, где, несмотря на позднюю ночь, араб торговал различными прохладительными напитками и горячим чаем.

Арабы Синайского полуострова отличаются от арабов-египтян по своему физическому облику. Синай – это уже Азия. Здесь живут бедуины, по своему типу близкие к бедуинам Сирии и Саудовской Аравии. Они высокие, сухопарые, стройные, не похожи на несколько крупных и тяжеловатых египтян. И это вполне естественно: бедуины относятся к семитам, а египтяне – к хамитской группе народов, живущих в Африке.

Серп луны освещал под ногами крупные камни, валуны, но в целом дорога устроена хорошо. По словам монахов, египетское правительство построило эту дорогу в конце прошлого века специально для паломников. Наконец мы вышли на финишную прямую. Здесь начинается лестница в 850 ступеней, которые ведут на самую вершину. Лестница сложена из крупных каменных блоков, но марши различные, поэтому вслепую передвигаться нельзя. Но фонарь уже был не нужен: луна поднялась достаточно высоко и хорошо освещала все спокойным, тихим светом. Моему взору представилась совер-

шенно фантастическая картина. Вокруг поднимались освещенные луной горы, похожие на зубы дракона, внизу можно было различить длинные белые полосы — это под лунным светом отражался песок долин. Некоторые ученые считают, что Синай был назван таким именем потому, что его горы похожи на зубы (по-арабски "син").

Последние метры нашего подъема были чрезвычайно сложными. Мы выбивались из сил, приходилось через каждые 150–200 метров отдыхать. Долгая дорога, почти пять часов езды на автомашине и практически бессонная ночь давали о себе знать. Но мы упорно двигались вперед, желая до конца испытать эту чашу познаний.

На вершину горы мы ступили уже с первыми проблесками зари. Порозовевший восток постепенно становился все более и более красным. Вдруг мы увидели, что на площадке, где мы стояли, возникло какое-то движение. Оказывается, здесь прямо в скалах есть небольшие комнатки, куда еще днем приходят паломники и туристы, с тем чтобы не утруждать себя путешествием по ночным горным кручам. Рядом с нами уже стояли несколько американцев, которые настраивали свои фотоаппараты. Потом из спальных мешков появились израильские туристы. Зашевелились, как можно было понять из разговора, и западные немцы. Светало. Очертания гор представляли уже в новом свете. Находясь на самой высокой точке, мы силились увидеть Красное море. Опаловый свет еще не взшедшего солнца освещал окрестности. Потом появился небольшой кусочек его диска, и дневное светило быстро стало подниматься от горизонта. Горы приняли более резкие очертания. Пейзаж менялся буквально на глазах.

Гора оживала. Здесь, на вершине, пристроился араб, который уже готовил чай на примусе, предлагал утомившимся от подъема туристам воду, печенье и какие-то сладости. Откуда-то из щелей выползали новые туристы, а те, которые провели

здесь долгую ночь, собирались в обратный путь. В это время подходили другие, цепочкой растянувшись по длинной тропе. Постепенно собралась большая группа японцев, которые, на удивление всем, достав небольшие книжечки, что-то громко пропели на своем языке.

На самой вершине горы построено прямоугольное здание часовни Св. Троицы. Она, естественно, была закрыта. Видимо, молебны в часовне происходят только по каким-то памятным датам. Рядом с ней сооружена небольшая мечеть, и это соседство не случайно. Именно здесь, на вершине, Моисей, почитаемый последователями трех мировых религий – иудаизма, христианства и ислама, получил скрижали с десятью заповедями.

Не могу сказать, что обратный путь легче подъема. Спускаясь, ногу приходится ставить под прямым углом. Ступать очень жестко, хотя ботинки достаточно толстые и камней мы не чувствуем. Только сейчас я замечаю, что торговцы чаем и прохладительными напитками еще продают и местные достопримечательности. Это кристаллический гипс, разбитые пополам белые голыши, внутри которых видны вкрапления гипса, куски гранита, тоже с вкраплениями, похожими на веточки дерева или какой-то сухой травы. Немного поторговавшись, я приобретаю эти сувениры и, нагруженный камнями, отправляюсь вниз.

Солнце уже взшло. Стало жарко, и пришлось снять с себя все теплые вещи. Мы остановились, чтобы попить, после чего продолжили спуск. Навстречу нам шли другие группы. Многие опирались на палки, изображая из себя древних мудрецов. Наконец мы оказались внизу.

Через некоторое время мы пошли осматривать монастырь и церковь. Но об этом я уже рассказал. Добавлю, что перед самым отъездом мы еще зашли в монастырь, чтобы купить кресты, открытки и книги. И вот машина увозит нас из монастыря в Каир, другими словами – из Азии в Африку.

ЛЕВАНТ

Левант (франц. Levant – Восток) – общее название стран, относящихся к восточной части Средиземного моря, – чаще всего применяется для обозначения Сирии и Ливана. В данной книге под этой рубрикой я помещаю свои воспоминания, связанные с историей Ливана, поездками в Сирию, Израиль и Иорданию.

Воспоминания о Ливане – древнем и современном

Восточное Средиземноморье, которое называют Левантом, было одним из очагов древней цивилизации. Уже 100 тыс. лет назад обитавший в Средиземноморье человек умел обращаться с огнем, делать удобные каменные орудия. Еще через несколько тысяч лет он научился строить жилища, делать примитивную мельницу для растирания зерна, добился большого совершенства в изготовлении различной утвари и орудий производства. В VI–V тысячелетиях до нашей эры появляются зачатки культурного земледелия и человек в Восточном Средиземноморье спускается с гор в долины, где имеются ровные площадки для полей. В конце V тысячелетия до нашей эры в древней Месопотамии зарождается гончарное производство, которое постепенно становится достоянием всех людей. Сами финикийцы, как древние греки ста-

ли впоследствии называть жителей Леванта, считаются изобретателями стекла, причем это случилось у них совершенно случайно. Финикийский корабль, оказавшийся на берегу реки, сгорел дотла, и на месте пожара матросы обнаружили прозрачные глыбы стекла.

Начало бронзового века связано с первыми, более достоверными данными об истории этого региона. Примерно в середине IV тысячелетия до нашей эры с Аравийского полуострова, родины всех семитских народов, вырвалась волна переселенцев, гонимых голодом и жаждой. Такие выбросы были вполне естественными для избавления от избыточного населения, не могущего найти себе пропитание на скудных землях Аравии и Сирии. Северное крыло переселенцев-семитов захватило Восточное Средиземноморье, но из-за своей малочисленности они быстро ассимилировались с местным населением. Их присутствие обнаруживают в Леванте по привезенной ими цветной и полированной керамике, особой форме захоронения в больших глиняных пифосах и употреблению меди.

В ходе археологических раскопок в начале XX века в городе Библе (Библос, совр. Джубейль) было обнаружено большое кладбище, что дало возможность восстановить погребальные обряды древних жителей этого города. Раньше умерших хоронили дома в небольшой яме. С ростом веры в загробную жизнь ритуал осложнился. Отныне мертвые должны были уносить в мир свои земные богатства. Гробом служил большой глиняный сосуд (пифос) со съемной боковой поверхностью, через которую в сосуд помещался покойник. Вокруг тела ставились блюда со злаками, ваза, кувшин с водой, а также бусы из раковин и цветных камней. Глиняный сосуд опускали в глубокую яму. При раскопках Библа археологи обнаружили 1451 погребальный сосуд. Воинов хоронили с оружием, женщин – с украшениями. В одном таком сосуде с останками маленького мальчика обнаружили еще один сосуд, по-

меньше, в котором оказались останки собаки, вероятно, верного друга ребенка.

В 2900–2800 годах до нашей эры из Аравии вырвалась вторая волна семитов, которая осела на территории нынешних Сирии и Ливана. Спустя три века здесь появились пришедшие из Малой Азии арменоидные хурриты, которых английский археолог Л.Вулли, раскопавший в Месопотамии город Ур, называет ранними хеттами. Однако волны семитов продолжали более регулярно накатывать на эти земли, что привело к тому, что семитский элемент вскоре стал здесь господствующим.

Часть семитских племен, которая осела на восточном побережье Средиземного моря, древние греки, как было сказано выше, называли финикийцами, а территорию, ими населенную, — Финикией (совр. Ливан). Финикийцы не являются автохтонами, т.е. коренными жителями, восточного побережья Средиземного моря, где они появились в начале III тысячелетия до нашей эры и смешались с местным населением. Большинство ученых считают, что финикийцы были семитским народом и пришли в Восточное Средиземноморье с Аравийского полуострова.

У Геродота читаем, что "финикияне... прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю и поселились в стране, где и теперь живут". Речь идет о том, что финикийцы пришли с восточноаравийского побережья Персидского залива на побережье Средиземного моря.

Историк Юстин пишет, что финикийский народ состоит из людей, которые покинули свои родные места после землетрясения. Сначала они осели на берегах озера Ашура, затем переместились на побережье Средиземного моря, где построили город. (Они называли его Сидон (Сайда) по причине изобилия здесь рыбы: по-финикийски она называется "сайд". Действительно, на арабском языке, который считается ведущим в семитской языковой семье, к которой принадлежит и финикийский, су-

ществительное "сайда" означает "улов". Город Сайда существует и сегодня и находится в Ливане. Под древним именем Сидон он вошел в историю Средиземноморья.

Финикийские народные предания также утверждают, что финикийцы пришли к Средиземному морю с берегов Эритрейского (ныне – Аравийского) моря (греч. "erythros" – "красный") после разрушительного землетрясения. По мнению ряда ученых, Красным морем того времени следует считать Персидский залив или даже Индийский океан.

В IV или III тысячелетии до нашей эры финикийцы основали ряд городов-государств: на севере страны – Библ, Угарит и Арад, на юге – Тир и Сидон. Эти порты вели торговлю сначала с Египтом, затем с Вавилонией, сбывая строевой лес (знаменитый ливанский кедр), сушеную рыбу и вино и получая в обмен металлы. Во II тысячелетии до нашей эры финикийцы, как искусные кораблестроители, стали посредниками в обширной торговле между государствами Древнего Востока. Финикийские города стали заманчивой добычей для иноземцев. В начале II тысячелетия до нашей эры часть финикийских городов подпала под политическое влияние, часть – под господство Египта. Так, кедр и кипарисы Библа отправлялись в безлесный Египет; отношения между этим городом и Древним Египтом были настолько прочными, что Библ стал фигурировать в египетской мифологии.

Во II тысячелетии до нашей эры в историю Финикии вмешались жители полуострова Пелопоннес. Эгейцы, или "народы моря", в начале этого тысячелетия под давлением других греческих племен были вынуждены искать себе новые места обитания. Одна группа эгейцев высадилась на восточном берегу полуострова Малая Азия и, двинувшись на юг вдоль побережья, дошла до севера Финикии. Другая группа пыталась захватить Египет, но была отброшена фараоном Рамсесом III в битве при Пелусии в 1149 году до нашей эры. Тем не ме-

и эгейцы дошли до юга Финикии и слились впоследствии с местным населением. Таким образом, к 1100 году до нашей эры финикийцы, принявшие группу эгейцев, образовали новый народ; в основе этого народа лежат два основных элемента: семиты — хананеи и индоевропейцы — иейцы.

Финикия в целом редко была свободной. Основной причиной такой политической неустойчивости являлась в раздробленности территории, на которой, как уже говорилось, возникали города-государства, чеканившие свои монеты, имевшие своих союзников и врагов и нередко приглашавшие иноземцев для помощи в борьбе со своими соперниками. Поэтому в исторической литературе мы можем встретить название не страны, а жителей отдельных городов: тирцы, сидонцы и т.д., что подчеркивает их политическую самостоятельность. Другой причиной политической неустроенности Финикии следует считать ее важное стратегическое и географическое положение: более сильные соседи стремились захватить страну и сделать ее население своими данниками.

В течение примерно трех веков после 1150 года до нашей эры Финикия все же была относительно свободной. Это дало большой толчок развитию в ней сельского хозяйства, рыболовства, мореплавания. Было заложено много новых городов, но самыми главными оставались древнейшие Тир и Сидон. Тир (совр. Сур) был основан жителями Сидона. По некоторым данным, он был лишь восстановлен сидонцами после разрушения его " народами моря". Жрецы храма бога Мелькарта в Тире, которые вели летосчисление со времени основания города, говорили Геродоту, что Тир был основан более чем за 2 тыс. лет до его посещения. Значение Тира в торговле древнего мира было очень велико. Его царь Хирам поставлял Давиду и Соломону кедр и кипарис для постройки храма в Иерусалиме. Жители Тира и Сидона вели обширную торговлю, сна-

ряжали корабли, которые доходили до юга Красного моря.

Именно в этот период в Финикии оформились религиозные представления, отголоски которых мы находим сегодня в иудаизме, христианстве и мусульманстве. Верховным богом, владыкой вселенной были Эл и его супруга Элат. Другие боги именовались Малк (царь) или Баал (хозяин). В Библии это второе имя передается как Ваал. Каждый город имел своего бога-покровителя. Так, хозяином Сидона был Эшмун, т.е. "обладатель имени", которого древние греки отождествляли с богом врачевания Асклепием. Город Берит (нынешний Бейрут) имел "Великую хозяйку Берита", Библию – богиню любви и плодородия – Аштарт, она же Иштар или Астарта, аналог греческой Афродиты и римской Венеры. Покровителем Тира был Мелькарт (букв. "царь города"), которому везде возводили храмы. Но были и злые боги, такие, как бог смерти Мут, принимавший вид яркого иссушающего солнца. Здесь мне хотелось бы привести две распространенные легенды, которые связаны с городом Тир и Гераклом.

Когда-то Тир стоял на двух плавучих островах. На одном из них росло оливковое дерево богини Астарты, защищенное завесой огня. Орел, сидевший на кроне дерева, не спускал глаз со змеи, обвившей ствол. Остров не мог обрести устойчивости до тех пор, пока не будет принесен в жертву этот орел. Мелькарт известен был своей храбростью и силой, своим умением строить корабли и управлять ими. На одном из кораблей Мелькарт добирался до острова, орел сдается и добровольно соглашается принести себя в жертву. Так Тир обрел покой, а Мелькарт, ставший царем Тира, теперь отождествлялся с Гераклом.

Вторая легенда связана с Гераклом и красавицей нимфой Тирос. Однажды Геракл и Тирос бродили по берегу моря в сопровождении собаки. Собака вдруг схватила морскую раковину и стала ее

грызть. Морда пса мгновенно окрасилась в алый цвет. Нимфа залюбовалась этим невиданным доселе оттенком. Геракл, желая добиться расположения возлюбленной, взял столько раковин, сколько хватило на окраску пурпуром платья нимфы. Эта легенда передавалась из уст в уста и только во времена римского владычества была записана историками. Легенда о Геракле и Тирос получила такую известность, что в середине III века в Тире была отчеканена монета с изображением на аверсе собаки и поисках раковины, а на реверсе – двух плавучих островов и священного оливкового дерева.

Влияние финикийских представлений на формирование мифологии греков и других народов было довольно заметным. Финикийская легенда об Адонисе ("адон", "адун" – по-финикийски "господь", "господин"), который вырос из пшеничного зерна, умер, попал в подземное царство и оттуда с помощью богини плодородия вернулся на землю, оказала огромное влияние на формирование религиозных представлений о вечном круговороте жизни, о поклонении великому женскому божеству плодородия. Финикийцы имели в египетском Мемфисе свое поселение с храмом богини Иштар. В Сирии, на острове Кипр, в континентальной Греции финикийцы соорудили храмы Астарты-Афродиты. В Коринфе, например, в этих храмах проходили оргии в честь Адониса и Афродиты, сопровождавшиеся "священной проституцией".

Однако при всем совпадении религиозных представлений отношения Финикии с Грецией, как свидетельствуют историки, никогда не были благополучными. Согласно легенде, финикийцы, прибыв в Аргос, коварно захватили греческую принцессу Ио, дочь аргосского царя Инаха, возлюбленную Зевса, которая пришла на финикийский корабль за покупками. Финикийцы же со своей стороны утверждают, что легкомысленная Ио бежала с финикийским капитаном и они не могут нести ответственность за ее поведение.

К этому можно добавить факт более позднего времени. В 333 году до нашей эры Александр Македонский подошел к Тиру и попросил, чтобы его пустили помолиться Мелькарту, который отождествлялся греками с Гераклом, считавшимся предком Александра. Ему было в этом отказано. Тогда македонский царь приказал засыпать пролив, отделявший остров от берега, где был расположен Тир, взял город и 30 тыс. человек продал в рабство.

Финикийцы строили храмы на высоких местах. В центре храма они помещали камень или делали комнату, которую называли "бетель" (от "бет" - "дом", "эл" - бог") и куда приносили богам подарки ("минха") или подношения ("ола"), а также специальные жертвы ("шеломим") в знак благодарности богу за его труды. Среди страшных обычаев финикийцев, о которых упоминают почти все историки, следует назвать принесение в жертву людей, в том числе младенцев. Этот обычай восходит также к древнесемитским обычаям. Принести в жертву богу младенца, а еще лучше первенца, т.е. самое дорогое, что есть у человека, - значит показать ему свою преданность, и бог, конечно, такой жертвы не забудет. Вспомните Авраама, который по указанию Яхве готов был принести в жертву своего сына Исаака.

Активные торговые связи финикийских городов привели к тому, что мореплаватели, которые из-за несовершенства своих кораблей ходили только вдоль берегов, стали основывать торговые фактории (или колонии) по всему побережью Средиземного моря. Кроме причины, связанной со стремлением закрепиться на морских путях, по-видимому, было еще и желание удалить из городов-метрополий взрывоопасный элемент. Ленинградский исследователь И.Ш.Шифман приводит слова древнеримского историка Саллюстия Криспа о том, что "финикийцы, одни ради уменьшения населения на родине, а другие из жажды власти, возбуждали"

и небс и прочих жадных до новшеств, основали на морском побережье Африки Гиппон, Хадрумет, Лептис и другие города”.

Первая финикийская колония на Африканском континенте была основана за Гибралтаром, в долине реки Лукус, вблизи современного марокканского населенного пункта Эль-Ариш. На Средиземноморском побережье, севернее нынешней столицы Туниса, жители Тира в самом начале XII века до нашей эры основали город-колонию Утика. Через сто лет после этого Утика, куда тирские правители охотно ссылали бунтующую молодежь, уже попыталась отделиться от метрополии. Три названных Саллюстием города – Гиппон, Хадрумет и Лептис – возникли на рубеже XII–XI веков до нашей эры на территории приморской равнины Сакель в Тунисе. Хадрумет был основан Тиром южнее нынешней столицы Туниса, а Лептис – сидонцами (изгнанными за смуту из родного города) близ нынешнего тунисского города Сус. Однако самым знаменитым городом, который под своей властью объединил все финикийские поселения, был Карфаген.

Время основания Карфагена известно с точностью до нескольких лет. Так, римские авторы Юстин и Сервий Грамматик сообщают, что он был заложен за 70–72 года до основания Рима, т.е. между 826 и 825 годами до нашей эры. Греки ведут отсчет от первой Олимпиады, полагая, что Карфаген был основан за 38 лет до этого события, т.е. в 814 году до нашей эры. По-видимому, будет правильным утверждать, что Карфаген был заложен финикийцами (выходцами из Тира) в первой четверти IX века до нашей эры на холме Бирса (в черте нынешней тунисской столицы) и получил название Картадашт – Новый город в отличие от старого города Тир.

Кто же его первые жители? На этот счет существует красивая легенда, в основе которой лежат карфагенские и римские источники и которая несет

в себе отпечаток действительных событий. Город был основан тирской царевной Дидоной, которую по-финикийски звали Элиссой. Она была женой жреца Акербаса (по-финикийски Ахерба) и в борьбе за власть со своим братом Пигмалионом потерпела поражение. Пигмалион убил ее мужа, захватил его богатства, и Дидона бежала из страны. Поскольку финикийцы уже проторили дорогу в Северную Африку, Дидона с помощью киприотов добралась до территории нынешнего Туниса.

Есть другая версия, которую приводит в своей книге "Финикия и финикийцы" профессор археологии и куратор музея Американского университета в Бейруте Д.Барамки. Суть ее сводится к следующему. Матан, внук сидонского царя Итобалья, занял трон в 850 году до нашей эры. Он оставил после себя дочь Элиссу и сына Пигмалиона. Ряд видных горожан настаивал на том, чтобы Элисса вышла замуж за своего дядю Закарбаала, верховного жреца бога Мелькарта, покровителя Тира. Пигмалион убил Закарбаала, Элисса бежала на Кипр, а оттуда в Северную Африку.

Для нас, по-видимому, важен тот факт, что Дидона-Элисса, бежавшая из Финикии, прибыла в Северную Африку и купила холм Бирса у берберского царя Ярба. Хитрый бербер предложил "ей взять земли столько, сколько может покрыть одна бычья шкура". Элисса разрезала шкуру на тонкие полоски и окружила этой веревкой целый холм, своей изобретательностью повергнув в изумление туземного владыку. Римские авторы сообщают, что при закладке цитадели на Бирсе финикийцы обнаружили две головы – коня и быка, что предвещало новому городу большое богатство и военную мощь. Туземный владыка пожелал сделать Дидону своей женой. Чтобы не осложнять отношений с местным населением, она согласилась, но попросила развести большой костер, дабы очиститься перед вступлением в брак. Когда костер достаточно разгорелся, она бросилась в огонь и погибла.

Мореходство начало развиваться у финикийцев в XV веке до нашей эры. Египетский фараон Тутмос III пытался привлечь их для переправы своего войска через море. Однако финикийцы с этим заданием не справились, хотя и считались после заката морского владычества Крита лучшими моряками.

В конце I тысячелетия до нашей эры финикийцы более удачно начали осуществлять долгие морские переходы. Царь Тира Хирам вступил в союз с иудеями, чтобы совершить большое плавание на юг и добыть золото. "Царь Соломон... сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четырехста двадцать талантов, и привезли царю Соломону... И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней... у царя /Соломона/ был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов". Эти цитаты взяты из Библии, из "Третьей книги Царств".

На протяжении веков многие ученые пытались разгадать, где находился Офир, откуда было привезено столь большое количество золота – примерно 20 тонн. Большая часть ученых склонна считать, что Офир мог быть только африканской страной и, наиболее вероятно, расположен в юго-восточной части Африки, в районе реки Замбези.

Путешествие финикийцев вместе с израильтянами в Офир скорее всего было пиратским набегом. Финикийцы, видимо, использовали гавань Ецион-Гавер для снаряжения судов и взяли с собой израильтян в поход, рассматривая их участие в этой экспедиции как плату за гавань. Интерес царя Соломона к этому предприятию объясняется

еще тем, что царь, по некоторым предположениям, попал в финансовые затруднения в связи с многолетним строительством дворца и роскошного храма в Иерусалиме и даже был вынужден отдать Хираму в качестве платы городá в Галилее. В той же библейской "Третьей книге Царств" читаем: "По окончании двадцати лет, в которые Соломон построил два дома, — дом Господень и дом царский, — на что Хирам, царь Тирский, доставляя Соломону дерева кедровые и деревья кипарисовые и золото, по его желанию, — царь Соломон дал Хираму двадцать городов в земле Галилейской".

Иными словами, финикийцы, хорошие мореплаватели, знающие местонахождение стрзы Офир, помогли Соломону добыть 20 тонн золота в течение трех лет, причем послали в экспедицию один свой корабль, а второй, построенный Соломоном, повели с собой. Сегодня возникает вопрос: почему этот удачный поход впоследствии не был повторен? Скорее всего деятельность финикийцев в Офире была недолгой и прекратилась в конце VII или начале VI века до нашей эры. Пророк Иезекииль среди областей, с которыми вел торговлю Тир, не назвал Офир. Правда, Гомер намекает на плавание финикийцев по морю, которое птицы не могут перелететь за год, но предполагать, что это был Индийский океан, у нас нет достаточных оснований.

Диодор Сицилийский (I век до нашей эры) в своей "Исторической библиотеке" отмечает, что финикийцы, обследовавшие побережье "по ту сторону Столпов", т.е. за Гибралтарским проливом, были отнесены в океан и после многих дней блужданий приплыли к большому острову. Этот остров и другие осколки суши в Атлантическом океане сегодня называют Канарскими островами и архипелагом Мадейра. Теперь уже нет сомнений в том, что финикийцы достигли именно этих островов. Визит финикийцев на Канарские острова связывают не только с неумением управлять парусами в бурном море. На этих островах пришельцы обна-

ружили в больших количествах лишайник орсель (*Roccella tinctoria*), который давал устойчивый пурпуровый краситель. Ведь жители Тира производили пурпуровые ткани, которые высоко ценились и древнем мире, и, на мой взгляд, правы те ученые, которые видят в этом походе на Канарские острова обычную экспедицию любознательных и удачливых мореплавателей и торговцев.

Пурпуровые ткани окрашивались красителем, получаемым из раковины пурпурницы, однако этого красителя было явно недостаточно, чтобы обеспечить потребности древнего мира. Краситель из лишайника, даже в средние века именовавшегося "травой оризелло", мог служить добавкой к красителю, получаемому из раковин. Плиний писал, что нумидийский царь Юба II незадолго до начала нашей эры основал на Канарских островах пурпурокрасильню, а сами эти острова получили название Пурпурных островов.

Финикийские мореплаватели не только на свой страх и риск пускались в опасные путешествия, но и выполняли поручения других, более могущественных соседей. О неудачной попытке Тутмоса III использовать финикийские корабли, чтобы перебраться через море, мы уже говорили, но египетские фараоны часто привлекали финикийцев для выполнения и других поручений. Об этом как раз и сообщает Геродот: "После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикийян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикийяне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийяне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит,

кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне”.

Как известно, Геродот делил весь мир на Азию, Европу и Ливию, т.е. Африку, и перед только что приведенным отрывком осторожно говорит, что ”Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Неко, царь Египта”. Некоторые ученые считают рассказ Геродота о путешествии финикийцев правдоподобным. Среди них можно назвать, например, немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольдта и нашего востоковеда академика В.В.Струве. Но есть и сомневающиеся; они ссылаются на то, что, мол, Геродот умолчал об африканской природе, больших реках и многом другом, что снижает достоверность приводимых великим греком сведений. Однако позитивных свидетельств гораздо больше. И особенно сильный аргумент – солнце с правой стороны, что у Геродота вызывает сомнение, но что стало доказательством правдивости его сообщения.

Скорее всего, события развивались следующим образом. Финикийцы вышли в Красное море в июне-июле, обогнули мыс Гвардафуй при северо-восточном муссоне в октябре и переждали зимние месяцы на юго-восточном побережье Африки. Обратным путем они вернуться не смогли, так как им пришлось бы плыть против сильного мозамбикского течения, и поэтому, идя вдоль африканского побережья, они по приказанию египетского фараона Нехо (Неко) обогнули континент и вышли через Гибралтар в Средиземное море. Как пишет комментатор Геродота Г.А.Стратановский, ”по приказанию египетского царя Неко (609–593) финикийяне обогнули мыс Доброй Надежды, при этом солнце было у них на правой стороне. На третий год они достигли Гибралтара и снова вошли в Средиземное море”.

Экспедиция финикийцев, сомнения в которой почти не осталось в свете новых данных по истории

мореплавания в Индийском, Тихом и Атлантическом океанах, была выдающимся достижением. Это достижение смогли повторить средневековые мореходы лишь через две тысячи лет.

В I тысячелетии до нашей эры Финикия была включена в состав сначала Ассирийской, а потом Персидской державы. Финикийский флот принимал активное участие в греко-персидских войнах и V веке до нашей эры, сражаясь против греков — конкурентов финикийцев в морской торговле.

Александр Македонский разбил персидское войско в 333 году до нашей эры и захватил Финикию. Только Тир оказал сопротивление, но был взят в следующем году. В конце IV века до нашей эры Финикия входила в состав государства Селевкидов. С установлением римского господства в Сирии в 64 году до нашей эры Финикия также оказалась под властью римлян, которая продолжалась до IV века нашей эры, когда страна вошла в состав Византийской империи.

Христианство стало распространяться в Финикии в конце I или начале II века и с установлением господства Византии получило греко-византийское направление.

В VII веке это государство вошло в Арабский халифат (теперь уже под названием Ливан), и часть его населения приняла ислам. Политика веротерпимости, которую проводили арабские правители, позволила большей части населения Ливана продолжать оставаться христианской. Во второй половине VII века, при первых Омейядах, христиане неизвестного происхождения, называемые джараджима, принимали участие в обороне византийских владений в Малой Азии против арабских набегов. Около середины VII века джараджима проникли в труднодоступный Горный Ливан, привлекая к себе тех, кто был недоволен халифской властью и бежал в горы, и начали вооруженную борьбу против Омейядских халифов, совершая вторжения в Сирию и Палестину. В начале VIII века движение

джараджима распалось: одна их часть перебралась в Византию, другая слилась с ливанскими христианами-маронитами. Основоположник вероучения и организатор маронитской общины, ставший впоследствии ведущей в Ливане, был греческий монах Марон (Маро), который жил, по разным источникам, в IV или в VII веке и, спасаясь от преследования властей, бежал из Сирии в Ливанские горы. В Горном Ливане прятались не только христианские сектанты, но и мусульманские раскольники. Самой большой группой были шиитские сектанты, бежавшие от преследования суннитских правителей Омейядского халифата.

Ослабление центральных властей сначала Омейядского, а затем Аббасидского халифата привело к усилению самостоятельности местных ливанских феодалов. Раздробленность Ливана сделала его легкой добычей крестоносцев, появившихся здесь в конце XI века. Они образовали одно графство с центром в городе Триполи (Северный Ливан) и две баронии с центрами в городах Бейруте и Сайда (юг Ливана). Западноевропейские феодалы и прибывшее с ними католическое духовенство грабили ливанцев независимо от религиозных убеждений.

Ливан, как и другие арабские страны, в первой половине XVI века стал частью Османской империи. Точнее говоря, он был захвачен в ходе турецкого завоевания Сирии в 1516 году. А под Сирией в тот исторический период подразумевались современные Сирия, Ливан, Израиль и Иордания. Старинные и влиятельные феодальные ливанские роды — Маан, Шихаб, Арслан, Сиффа и др. заявили о своей покорности турецкому султану Селиму I, который сохранил за ними их уделы. В последующем и та и другая стороны нарушали свои договоренности и сходились на полях сражений.

Россия, проводившая активную политику на Балканах в XVIII—XIX веках, не обошла вниманием Ближний Восток, и Ливан в частности. Во время

русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Екатерина II направила из Балтийского моря в Средиземное русскую эскадру под командованием А.Г.Орлова. После поражения турецкого флота в битве при Чесме 6 июня 1770 года русская эскадра контролировала восточную часть Средиземного моря. В это время на территории Ливана расширялось восстание против турок, которое возглавил правитель Северной Палестины шейх Дахир аль-Омар. Его отец был хиссалом семьи Шихабов, и поэтому правящие эмиры Ливана не сразу встали на его сторону. Однако к осени 1772 года правящий эмир Юсуф Шихаб заключил союз с шейхом Дахиром, и они обратились за помощью к командованию русской эскадры. Шейх Дахир и его второй союзник в войне с турками правитель Египта Али-бей вели переговоры с русскими еще с начала 1770 года, и поэтому обращение за конкретной помощью вполне объяснимо. Суда русской эскадры вошли на рейд Бейрута, высадили десант и, изгнав турецкий гарнизон, передали город эмиру Юсуфу Шихабу. Русский флот поддержал военные действия Дахира и в 1773 году. Однако это его не спасло, и вскоре турецкая армия разгромила отряды мятежников, обложив Ливан тяжелой контрибуцией.

В 1799 году из Египта в Сирию вторгся Наполеон Бонапарт, но вскоре был вынужден отступить обратно в Египет из-за неудачной осады города Акко. Попутно замечу, что первое упоминание об Акко, торговом городе Финикии, относится к XV веку до нашей эры. В III веке до нашей эры город был переименован в Птолемаиду, поскольку вошел в государство Птолемеев со столицей Александрией. Когда в XII столетии Аккой овладели крестоносцы, они называли город Сен-Жан-д'Акр.

Ливан постепенно втягивается в орбиту активной политики европейских держав, и прежде всего Франции и Великобритании, имевших старые торговые связи с ливанскими купцами и феодалами. Внутри страны происходила перегруппировка по-

литических сил, в основе которых лежала принадлежность к той или иной религиозной общине.

Мне не хотелось бы пересказывать современную историю Ливана и все перипетии напряженной политической борьбы, говорить о 17-летней гражданской войне и нынешнем этапе возрождения этой прекрасной страны. Россия в своей политике на Ближнем Востоке опиралась на православных христиан, т.е. на наших единоверцев, которые сохранили, как и в России, греко-православную форму христианства. Их положение в Ливане было достаточно прочным и пошатнулось лишь после октября 1917 года, когда Россия, вскоре став частью СССР, перестала играть самостоятельную роль на международной арене и быть защитницей православия. Возрождение России неминуемо влечет за собой восстановление и ее традиционных духовных связей. И может быть, мои соотечественники обратятся лицом к своим духовным братьям в этой стране, к их надеждам, которые они неизменно связывают с Россией.

Конфессиональная система, продолжающая сохраняться в Ливане, базируется на принадлежности каждого человека к той или иной общине. Политические партии и отдельные личности действуют при поддержке своей общины, пользуясь ее влиянием и силой. Влияние каждой общины имеет два аспекта – внутренний и внешний. Представители созданной в 1991 году Ассоциации ливанских православных интеллигентов – Лютфалла Хлат, Антуан Салем и Ваиль Хейр относят к основным внутренним показателям силы и влияния религиозной общины в Ливане прежде всего ее численность, количество принадлежащих ей социальных институтов, личное состояние ее членов и их участие в политических структурах власти. Важное значение имеет также уровень здравоохранения и образования членов общины, а также твердость ее членов в своих религиозных убеждениях. К числу внутренних факторов, которые принимаются в расчет

при оценке влияния общины в Ливане, относится также чисто географическая близость к столице страны Бейруту.

Внешний фактор, определяющий влияние религиозной общины в Ливане, связан с наличием мощной поддержки со стороны мировой или региональной державы, которую связывают с ливанскими партнерами религиозные или культурные узы. При этом считается, что успех общины и ее членов на местной политической арене автоматически усиливает положение державы-покровительницы, и наоборот: политические успехи и экономические достижения державы-покровительницы благотворно отражаются на положении духовно опекаемой ею общины. В Ливане считается, что марониты и католики пользуются покровительством Ватикана и Франции, мусульмане-шииты – Ирана, мусульмане-сунниты и алавиты – покровительством Сирии. У православных Ливана до 1917 года покровительницей, как уже говорилось, считалась Россия, и историческая память ливанцев сохранила много фактов наших двусторонних отношений, которые обрастают, подробностями и уже становятся достоинством всех христианских общин. Например, православный, маронит и католик из Ливана могут рассказать вам историю о том, как русский флот в прошлом веке под угрозой обстрела запретил туркам снимать колокола с христианских храмов. Но в истории наших связей с Ливаном есть и события, которые подтверждаются документально. Вот одна из таких историй.

27 мая 1987 года в адрес посла Советского Союза в Бейруте Василия Колотуши поступило письмо на подписью мэра города Дума и председателя окружного народного совета. Этот город я нашел на туристической карте Ливана: он лежит примерно в 70 километрах от столицы. От Бейрута нужно ехать вдоль побережья до районного центра Батрун и далее подняться в горы на высоту 1000 м над уровнем моря. В письме говорится, что Русское госу-

дарство в 1902 году внедрило современные формы образования среди детей этого города, "создав сначала школу для мальчиков, а затем школу для девочек". В 1907 году консул Российской империи в Бейруте посетил город Дума – событие, вызвавшее необыкновенный ажиотаж среди местных жителей, причем консул был первым человеком, который прибыл по новой шоссейной дороге, связавшей Думу с побережьем. "Мы не из тех, кто забывает добро, сделанное государством, протянувшим руку помощи нам и христианам Востока" – строки из письма.

Окружной народный совет города Дума принял решение (которое без колебаний одобрил муниципалитет) о том, чтобы присвоить имя царя Николая II одной из центральных площадей "в знак нашего смиренного, идущего от сердца признания, ибо случились эти достижения в период его царствования". Здесь можно добавить, что эти две школы в Думе были созданы на средства Императорского Православного Палестинского общества, о котором речь пойдет впереди. Ну а письмо, конечно, осталось без ответа: ведь был 1987 год, и Василий Иванович Колотуша был послом Союза Советских Социалистических Республик.

Но вернемся к православным в Ливане. Они убеждены в том, что отсутствие российской духовности и России вообще на Ближнем Востоке нанесло им моральный и политический ущерб. Отсутствие партнера – а таким не мог быть СССР, отрицавший религию и руководствовавшийся классово-идеологией марксизма-ленинизма и на международной арене, – вызывало у них ощущение какой-то ущербности и неполноценности. Ведь православная община была единственной, за которой никто за рубежом не стоял. Разумеется, православная Греция и некоторые другие государства с православным населением в расчет не принимались.

Но ливанская православная община все же со-

хранила свои позиции в стране. Она имеет 11 депутатов в парламенте, причем один из них является заместителем его председателя. На территории Ливана находится 19 из 25 православных монастырей, подчиняющихся патриарху Антиохийскому и всего Востока Игнатию IV, в ведении которого находится ливанская община. В Западном Бейруте земельные владения православной церкви оцениваются в 22 тыс. квадратных метров, в то время как мусульмане-сунниты имеют 19 тыс., а марониты – 12 тыс. Западный Бейрут разрушен в ходе гражданской войны, и православная община опасается, что в процессе реконструкции Бейрута их земельные владения, в том числе и принадлежащие частным лицам, будут изъяты членами других общин и представителями богатых нефтедобывающих государств. Православная община имеет свой университет, расположенный в древнем монастыре Баламанд (близ Триполи), Институт теологии, единственный при Антиохийском патриаршем престоле, ряд общественных и культурных организаций. К их числу относится и Ассоциация ливанских православных интеллектуалов, которая оказывает помощь переселенцам, сиротам, неимущим учащимся и т.п. Я беседовал с руководителем этой Ассоциации Лютфалла Хлатом – почетным консулом Никарагуа, молодым и, судя по всему, состоятельным адвокатом. У него много планов по укреплению связей между Россией и Ливаном, между православными общинами наших стран, а также по установлению взаимовыгодного двустороннего экономического сотрудничества, где ливанская православная община, сохраняющая свое влияние и авторитет, играла бы ведущую роль.

Время покажет, насколько реальны эти планы. Но наше сотрудничество с православной ливанской общиной, среди членов которой немало интеллектуалов, политиков и бизнесменов – людей, которыми гордится Ливан, делают такое сотрудничество весьма перспективным.

Тридцать лет спустя...

В октябре 1958 года, окончив институт, где я, в частности, изучал арабский и французский языки, я отправился в свою первую заграничную поездку в Сирию. Меня командировал ликвидированный сегодня Государственный комитет по внешнеэкономическим связям, который проводил изучение долины реки Евфрат и искал удобное место для строительства высотной плотины. Маршрут, которым я тогда летел в Дамаск, показывает, как шагнуло вперед авиационное сообщение. В то время на советском самолете я добрался до Будапешта, оттуда до Каира летел на самолете голландской авиакомпании, а от Каира до Дамаска — на самолёте египетской авиакомпании. Сейчас за три с половиной часа, с посадкой на острове Кипр, самолет Аэрофлота доставляет пассажиров из Москвы в Дамаск.

В тот период Сирия находилась в пике политической активности. 1 февраля 1958 года было подписано соглашение об объединении Сирии и Египта в Объединенную Арабскую Республику. Гамаль Абдель Насер занял пост президента, а президент Сирии Шукри Куатли стал "первым гражданином ОАР". Сегодня, спустя более чем 30 лет, мы можем говорить о неудаче этого опыта арабского единства, осуждать его поспешность и анализировать его последствия. Но я могу утверждать как свидетель, что на народном уровне единство Сирии и Египта рассматривалось как событие важнейшего политического значения: как шаг, который должен помочь реализовать мечту всех арабов о достойном месте в современном, полном политических катаклизмов и противоречий мире.

Я хорошо помню беседу с арабами в городе Дейр-эз-Зор на берегу Евфрата. Была зима, и мутные воды древней реки неслись под ажурным висячим мостом, соединяющим оба берега. Пожилой сириец, простой крестьянин, продававший у входа в

небольшую гостиницу овощи с тяжелой тележки и взявший на себя смелость говорить от имени всех толкавшихся здесь же сирийцев, рассуждал о том, что единство связывает все части арабской нации, как этот мост — все, что находится на обоих берегах реки, и что уж если все берега и острова крепко связаны воедино, то никакое половодье не страшно ни земле, ни живущим на ней людям. Араб был одет в черные сатиновые штаны, похожие на галифе, с присобранной между ног мотней, в европейском пиджаке, натянутом на застиранную рубашу. Его голова была покрыта белой вязаной шапочкой, поверх которой он замотал цветастую шаль. Его рассуждения, рассуждения простого малограмотного крестьянина, даже сегодня мне кажутся логичными и обоснованными.

В годы учебы и своей работы на Арабском Востоке я неоднократно читал об активных культурных контактах между народами нашей страны и Сирии. Это и путешествия паломников к святым местам христианства и ислама в Иерусалим, и строительство на сирийской земле школ Императорским Православным Палестинским обществом, и деятельность Русской православной церкви, и глубокий интерес деятелей русской культуры и нашей науки, прежде всего востоковедческой, к Сирии, ее истории, материальной культуре и духовным традициям.

Не политика была главной стезей, по которой шло развитие наших контактов с Сирией в прошлом, и интерес к духовному миру сирийцев, их истории и культуре. Не углубляясь в далекое прошлое, скажу только, что патриарх русской и советской арабистики академик И.Ю.Крачковский еще в 1923 году был избран в состав Арабской Академии наук в Дамаске и до конца своей жизни в 1951 году со-трудничал с учеными Сирии. Уже после установления политических отношений такой чести удостоился другой советский востоковед — академик Е.Э.Бертельс. Сирийцы шли впереди других

арабских стран по изданию переводов русских и советских писателей, и в 50-х годах у них вышло собрание сочинений М.Горького. Многие сирийские прозаики и интеллигенты считают себя учениками и последователями Л.Толстого, Ф.Достоевского, А.Чехова и М.Горького.

В 1958 году сотрудничество между нашими странами набирало силу. В Сирии появились наши нефтяники, железнодорожники, ирригаторы. База нашей группы гидростроителей разместилась в городе Халебе (Алеппо) в обычном трехэтажном доме на улице Тиляль, которую сейчас называют Армянской, так как здесь много различных магазинов, принадлежащих сирийским армянам. Мы ели и ночевали в гостинице, а большую часть времени тряслись в грузовиках по пыльным или размытым, в зависимости от сезона, грунтовыми дорогам вдоль Евфрата в поисках наиболее удобного места для плотины. Спустя 30 лет я посетил эти места в Сирии еще раз и был поражен огромными переменами в стране. Неизменным, пожалуй, осталось одно – доброжелательное отношение к нам – советским людям. Эта доброжелательность приправлена каким-то особым налетом духовного родства и понимания.

Моя последняя поездка в Сирию пришлось на вторую половину мая 1988 года и совпала с концом мусульманского поста рамадан и завершающим его праздником разговения. Большая часть населения Сирии – мусульмане, ислам считается государственной религией, и поэтому трехдневный праздник разговения отмечается официально: закрыты школы, государственные учреждения не работают. Многие сирийцы используют этот праздник, чтобы съездить в гости к далеко живущим родственникам, отдохнуть с детьми. Этот праздник особенно радостный: ведь кончился изнурительный пост и наступило время разговения. Я же использовал эти дни для поездки по Сирии, по тем местам, где я когда-то бывал и работал.

Дамаск лежит в оазисе Гута, орошаемом небольшой речкой Барада (Нахр-Барада). Здесь много садов, и вся вода этой речки, берущей начало из нескольких источников, разбирается на орошение, без которого невозможно ведение сельского хозяйства в большинстве районов страны. Персиковые, абрикосовые и вишневые деревья цветут почти одновременно, и весной оазис Гута представляет собой пенистое море благоухающих бело-розовых цветов. По мусульманскому преданию, пророк Мухаммед, который в молодости водил караваны верблюдов из Мекки в Дамаск, однажды весной отказался войти в цветущую Гуту, чтобы "не испортить свое представление о рае". Вот как описывает Дамаск русский офицер Генерального штаба Н.П.Львов, в 1833 году командированный "по высочайшему повелению" на Ближний Восток с особым поручением и оставивший обзор "Сирия" (историческое название территории современных Сирии, Ливана и Палестины – Леванта): "...безграничная долина Дамаска кажется самым роскошным и самым обетованным краем; море фруктовых деревьев... непрерывные потоки вод и неизмеримые жатвы, занимая все подножие последних стремнин, теряются из вида, и местность, на которой расположен город, представляет как бы средоточие жизни и чрезвычайных богатств растительности, к которым толпятся многолюдные деревни, чтобы поделиться с Дамаском и тенью его садов, и прохладой потоков Барады" (цит. по: "Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века", с. 219).

Мы едем в Пальмиру – древний город, расположенный в оазисе в Сирийской пустыне. Шоссе, построенное недавно с учетом последних достижений дорожной техники, уносит нас из оазиса Гута в пустыню. На границе двух миров видны развалины постоялого двора прямоугольной формы с мечетью. Видимо, здесь и раньше проходила дорога в восточ-

ные районы и в Пальмиру. Справа от шоссе идет железнодорожное полотно, слева – линия электропередачи. Железная дорога в то время строилась советскими специалистами и была еще не завершена. Ее общая протяженность должна составить 700 километров. Она свяжет порт Латакию с городом Камышлы, в районе которого открыты месторождения нефти. Надо сказать, что сирийцы предпочитают большие междугородние автобусы с кондиционерами и удобными самолетными креслами. Одна из фирм, "Карнак", создана государством с участием частного капитала, и билеты на автобусы этой фирмы нужно заказывать заблаговременно. "Карнак" эксплуатирует автобусы японской фирмы "Мицубиси". Она зарегистрирована в Дамаске, а в Халебе (на севере Сирии) существует другая, уже частная фирма "Зейтуни", которая имеет 50 таких же автобусов, также курсирующих по всей стране.

Сирийская пустыня в мае уже пожелтела. Но это – пустыня не в нашем понимании, а скорее сухая степь, где можно выращивать зерновые культуры. Поэтому то тут, то там я вижу желтые заплаты полей. Рядом с ними – небольшие домики, построенные из больших серых кирпичей, и садики, отгороженные от полей стройными кипарисами. Некоторые обнесены глинобитными заборами, поэтому невольно напрашивается сравнение со Средней Азией.

Через час подъезжаем к развилке дорог. Здесь стоит традиционная будка полицейского, вокруг которой расселось несколько охранников – молодых парней в гражданской одежде с автоматами Калашникова.

Сразу после полицейского поста местность немного оживляется. Склоны невысоких холмов, сбегających к дороге, покрыты еще не сжатыми ячменем и пшеницей. Небольшие стада овец бредут на водопой, пристроившись за бородатыми козлами. Пастухи восседают на небольших черных осликах.

Вдалеке, у горизонта, видны несколько черных больших палаток и грузовик со смонтированной на нем буровой установкой. Вода в этой части Сирийской пустыни находится неглубоко, и поэтому здесь нередки обустроенные артезианские скважины.

Черные палатки кочевников, сшитые из вытканых на ткацких станках узких полотнищ, встречаются все чаще. Палатки принадлежат арабскому племени аназа, которое обитает и в Саудовской Аравии. Для кочевников не существует границ: они передвигаются в места, где больше воды и травы для скота.

Внезапно небо начинает темнеть, и через несколько минут мы въезжаем в темное облако пыли. Сильный ветер раскачивает автомашину, она скрипит всеми своими тягами и сцеплениями. Темное облако пыли исчезает так же внезапно, как появилось. Взору открываются фосфатные рудники, серая порода сыпана в терриконы, у подножия которых валяются ржавые экскаваторы и автомашины. Еще несколько минут – и мы в оазисе, называемом по-арамейски Тадмор, а на всех европейских языках – Пальмира. Действительно, вокруг много финиковых пальм, и название этого уголка сирийской земли вполне оправданно.

Пальмира отождествляется с именем царицы Зенобии, второй жены царя Одената, которая после гибели своего мужа в 267 году взвалила на себя бремя верховной власти. Она настолько хорошо вела государственные дела, что вскоре подчинила своему влиянию Египет и часть полуострова Малая Азия. Римская империя не могла смириться с экспансионистской политикой Зенобии. Хотя ее муж Оденат считался большим другом Рима и в его честь чеканились монеты, его жене такую дерзость не хотели прощать. В 272 году римский император Аврелиан начал войну против Зенобии, и в следующем году после продолжительной осады Пальмира была взята. Царица Зенобия попала в плен и была доставлена в Рим, где прошла в про-

цессии почетных пленников. Ей была выделена не большая вилла на берегу Тибра, где она и закончила свои дни.

Расцвет Пальмиры относится к I-III столетиям. Три века благополучия и относительного спокойствия превратили караванную станцию в крупный центр торговли и ремесел с развитым орошаемым земледелием. Следы былого процветания видны и сегодня. Большая колоннада растянулась почти на тысячу метров. Здесь проходила главная улица шириной 11 метров, от которой отходили боковые 6-метровой ширины аллеи. Эта знаменитая колоннада Пальмиры описана во всех учебниках истории. Я брожу при заходе солнца по этой древней дороге, вдыхаю настоящий на степных травах воздух, трогаю рукой нагретые за день колонны из желтого песчаника и удивляюсь лепным капителям на колоннах. На некоторых колоннах были надписи, посвященные гражданам, пожертвовавшим наибольшие суммы денег на сооружение этой улицы.

В какой бы зарубежной поездке я ни бывал, я всегда стремился выкроить как можно больше времени для осмотра археологических памятников, стремился не пропустить ни одну историческую достопримечательность. Но мой интерес к этнической культуре арабских народов не сравним ни с чем. И я с нетерпением отправляюсь в музей Пальмиры, который можно назвать краеведческим.

Добротное двухэтажное здание современной архитектуры построено из пиленых песчаных глыб. На первом этаже музея помещен макет пещеры первобытного человека, которая была открыта американскими археологами в 1955 году в местечке Аджля, что в окрестностях Пальмиры. Здесь же собраны скребки из кремня, нуклеусы, наконечники копий и стрел. Но самые интересные для меня предметы находятся на втором этаже, куда я отправляюсь в сопровождении служителя музея Фавваза Муджахида, ставшего моим гидом.

Второй этаж разбит на две половины: в первой показана повседневная жизнь оседлых жителей, во второй – кочевников. Оседлые жители Пальмиры были в основном ремесленниками, и поэтому комнаты разделены по ремеслам, если не считать одной-двух комнат состоятельных горожан. Все экспонаты рассказывают о традиционной культуре арабов, которых не коснулось европейское влияние, и по времени относятся к началу XX века. Следы этой культуры, особенно в сирийской провинции, чувствуются и сегодня, и поэтому отрицать ее значение, забывать ее было бы опрометчиво и опасно. Свои корни нужно знать и уважать, ибо человек без роду, без племени, без традиций всегда и везде весьма уязвим.

Обход мы начали с комнаты, посвященной ковроткачеству и плетению циновок. Яркие тадморские ковры, циновки и изделия из пальмовых листьев – корзинки, туески, крышки, тарелки – очень красивы. В следующей комнате экспонируются изделия сапожного ремесла. Тадморские мужские сандалии именуются "клатшат". К названию женских тапочек добавляется слово "халебские", по арабскому имени города Халеб, эта обувь так же называется и в других арабских странах.

Комната тадморского горожанина чрезвычайно интересна. Здесь много общих для народов этого региона предметов. Например, "таннур" – печь для выпечки хлеба, "кыдр" – казанок, "хаззаза" – детская люлька, наша керосиновая лампа со стеклом – "шама дан", т.е. "длинная свеча".

Вторая половина музея представляет жизнь кочевников. Экспонируется палатка с сидящими в ней обитателями, приводятся списки родословных лошадей и имен их владельцев, причем среди владельцев названы не отдельные лица, а живущие здесь племена и кланы племен.

Особенности Востока, и прежде всего мусульманского, сейчас уже признаются всеми. Меня, в частности, интересует племенная иерархия и

обязанности шейха (главы) племени. Каждое племя состоит из родов, каждый из которых возглавляется уважаемым старейшиной – "ваджих". Затем идут простые члены племени и еще ниже – слуги. Шейх племени может быть выбранным и поэтому является "мухтар" ("избранный"). Иногда шейх занимает свой пост и по наследству. Но в любом случае при плохом исполнении своих обязанностей шейх может быть смещен. А обязанностей у него более чем достаточно. Он регулирует отношения с другими племенами, объявляет войну и в случае победы делит добычу, женит и разводит своих соплеменников, собирает налоги, принимает гостей, объявляет время перехода на другое место и т.д.

Но, пожалуй, больше всего меня поразила скрупулезность, с которой арабы-кочевники хранят чистоту крови своих скакунов. Рассуждать об арабской породе лошадей, которая лежит в основе всех горячих пород, можно бесконечно долго. Я хочу лишь привести уникальный список лошадиных семей и их владельцев, зафиксированный в пальмирском краеведческом музее. Племя шаммар имеет лошадей "джадреният" и "саклавият"; племя мавали – только "саклавият", а племя тай – "мулайхият". Племена шаммар, мавали и тай живут в северной части Аравийского полуострова – в Ираке и Сирии. Самым богатым собственником по числу лошадиных пород оказалось племя рувайла, которое проживает в северо-восточной части Аравии и в Сирии и родственно племени аназа. Рувайла владело шестью лошадиными породами. Мой гид Фавваз не скрывал, что он происходит из племени аназа, и очень гордился своим родством с рувайла. По его словам, аназа разбивает 4,5 тыс. палаток по всей Сирии: в Хауране, в окрестностях Дамаска, Хомса и Пальмиры. Зимой они перебираются в Саудовскую Аравию. Если предположить, что в каждой палатке живут трое-пятеро человек, то всего в Сирии насчитывается 13–20 тыс. аназа.

Прощаюсь с Фаввазом, который показал себя грамотным гидом и умным собеседником. Мне показалось, что мой интерес к жизни сирийской глубинки, к обычаям обитающих здесь племен был ему приятен. Вопреки утверждению о строгих запретах трудиться в праздник разговения, он пришел из дома в музей специально, чтобы встретить нас.

Ранним утром выезжаем из Пальмиры. Навстречу попадается изможденная бедуинка с 'серьгой в ноздре и с синим от татуировки лицом. Через минуту, как бы для того чтобы сгладить впечатление от встречи со старухой, появляются две молодые девушки в узких красных платьях, хорошо подчеркивающих их молодые крепкие бедра и высокую грудь. Девушки прошли, позванивая ножными серебряными браслетами и "височными" серьгами, сделанными в виде треугольника с красным камнем посередине.

Пустыню по дороге из Пальмиры в Дейр-эз-Зор можно определить как зеленую и обжитую. Все чаще попадаются небольшие ручьи, вокруг которых раскинулись поля созревающей пшеницы и ячменя. Кое-где уже идет жатва. Женщины работают серпами. На обочине вдруг вижу группу цыган, которые передвигаются на телегах с пологом. В отверстие пологов выглядывают глазастые дети. Спустя несколько минут нагоняем другую группу цыган. Они едут в том же направлении, что и мы, — к Дейр-эз-Зору. На этот раз цыгане передвигались... на мотороллерах, к которым были прицеплены небольшие тележки со скарбом, женщинами и детьми. Это цветистое, яркое зрелище на фоне желто-зеленых полей очень впечатляет.

Большая часть земли в Сирии находится в руках частных владельцев. В Дейр-эз-Зоре, на востоке страны, отдельные собственники имеют довольно большие наделы, позволяющие использовать сельскохозяйственную технику. Мы видим трактора, которые перевозят на тележках цистерны с водой

и различный груз. В некоторых местах были комбайны.

В Дейр-эз-Зоре мне хочется пройтись по набережной. Здесь когда-то стояла гостиница, где я провел несколько ночей в 1958 году. Разумеется, ее уже нет. Красивая набережная застроена небольшими уютными виллами, засажена пальмами, эвкалиптами и акацией. Около висячего моста через полноводный сейчас Евфрат находится небольшая забегаловка. Заспанный мальчишка приносит два стакана крепкого чая. Еще рано, и других съестных припасов пока не завезли. Другой парень выметает из-под столов мусор, оставшийся от вчерашних посетителей.

Выезжаем из Дейр-эз-Зора в сторону города Ракка. 30 лет назад Дейр-эз-Зор был захудалым провинциальным городишком на Евфрате, куда стекались кочевники на свои ежегодные ярмарки. Сейчас это центр важного сельскохозяйственного района с развивающейся промышленностью и с населением 400 тыс. Но привязанность кочевников к городу осталась. И сейчас, покидая его, мы видим, как к нему на автомашинах и автобусах подъезжают строгие арабы-кочевники в темных накидках с женами в цветастых платьях. С удивлением замечаю среди мужчин и женщин несколько явных блондинок и блондинов. Сейчас многие кочевники уходят на заработки, нанимаются на работу на нефтепромыслы и хлопковые плантации, на строительство дорог.

Кроме этой старой, ныряющей с холма на холм дороги, есть на противоположной стороне Евфрата другая, современная дорога. Тот, заевфратский район называется Джезира (т.е. Остров), так как находится между Евфратом и Тигром. По современной дороге в Халеб (Алеппо) и далее в порт Латакия идут грузовики с зерном, хлопком и шерстью.

Не доезжая Ракки есть съезд к археологическому памятнику арабского средневековья – крепости Расафа. Мы останавливаемся в деревне Акей-

раш и пытаемся выяснить, как нам добраться до Расафы. На обочине у дома, где находятся, видимо, представители местной власти, сидит парень в гражданской одежде с автоматом Калашникова на коленях. Рядом с домом белая лошадь пощипывает траву. Ремешок уздечки привязан к передней ноге лошади, причем нога у бабки обмотана тряпками, чтобы ремешок ее не поранил. Дни праздника еще не прошли, но на полях работают трактора, а женщины с серпами отправляются на жатву. Видимо, мусульманские запреты не работать в праздник разговения здесь не очень соблюдаются.

В Расафу мы попадаем, когда солнце стоит уже почти в зените и немилосердно жарит все вокруг. На солнце здания этого города, сложенные из белого и розового мрамора и гипса, особенно хорошо смотрятся. В затемненных углах крепостных стен цветут степные маки и похожие на мальву "свечки" с белыми и желтыми цветами. На ровных пространствах уже буреет выгоревшая трава, а кусты верблюжьей колючки покрыты желтыми мелкими цветочками.

Расафа известна тем, что здесь римский военачальник, по имени Сергей, отказался отречься от Христа и был казнен в 305 году по приказанию императора Диоклетиана. После римлян в византийскую эпоху здесь обосновались арабы-гассаниды, и их король Мундир построил свой дворец. Гассаниды контролировали территорию Сирии в качестве вассалов Византии и принимали участие в войнах на ее стороне против персов. В составе Омейядского халифата богатая и цивилизованная Сирия занимала центральное место, и не случайно один из первых омейядских халифов Хишам (724–745) построил здесь свою летнюю резиденцию. В Расафе вплоть до средних веков соседствовали и мирно уживались два культа – христианство и ислам.

Я брожу по городу, в котором провел всего один час (это было в 1959 году). Впечатления об этом бело-

розовом городе в пустыне настолько врезались мне в память, что я не смог удержаться, чтобы не посетить его вновь. Но и сейчас времени у меня тоже не больше часа. Суетливый наш век не дает возможности остановиться и оглядеться, посмотреть и полюбоваться на памятники старины, на красоты природы.

Вся территория древнего города, замкнутого в прямоугольнике 500 на 300 метров, как оспинами, изрыта шурфами. Когда нет денег на проведение раскопок, археологи закладывают такие шурфы в надежде наткнуться на что-то интересное. В одном месте земля осыпалась, и я вижу голубой осколок поливной керамики мусульманского периода, кусочки кремния и грубые черепки толстых керамических сосудов. Около небольшого храма – а то, что это храм, не вызывает сомнений: на основании колонн выбиты мальтийские кресты – натыкаюсь на древний колодец. Под землю уходит прямоугольное отверстие, которое даже ничем не прикрыто. Беру камешек и бросаю, никаких звуков не слышно. Колодец, по всей вероятности, уже давно засыпан песком.

Некоторые основания колонн в Расафе украшены орнаментом в виде повторяющейся бесконечное число раз петли. Вспоминаю беседу с директором Национального музея в Дамаске доктором Баширом Дигни. Он разрешил осмотреть интересные экспонаты музея в выходной день, когда музей официально закрыт. В своем уютном кабинете он рассуждал о том, что каждая цивилизация в основу своего художественного восприятия и культуры кладет какой-то принцип, которому всегда, везде и во всем следует. Мусульманская цивилизация положила в основу принцип непрерывности, бесконечности. Отсюда арабески, арабская вязь и непрерывные линии орнамента. Основой греческой цивилизации стало совершенство ума и духа, римской – физическая сила, византийской – вера в Бога и мистицизм. Можно, конечно, спорить с докто-

ром Баширом, но какой-то смысл в его умопостроениях, на мой взгляд, имеется.

Расафу мы покидаем ровно в полдень. Вместе с нами трогается в путь автобус с французскими туристами, увешанными фотоаппаратами. Большинство из них – более чем преклонного возраста, их седые головы покрыты цветными панамками. Они церемонно помогают друг другу подняться в высокий кондиционированный автобус и, приветливо помахав нам сухими ручками, трогаются в путь. Удивительно, такие пожилые люди – и туристы! И где? В Расафе, в пустыне, под палящими лучами солнца!

Ракка остается в стороне, а мы держим путь прямо к городу Табка, где построена высотная плотина. Сердце у меня начинает учащенно биться. Ведь именно здесь мы, советские специалисты, а следовательно, и я тоже, 30 лет назад бродили по топким берегам Евфрата. А сейчас здесь поднимается плотина "Саура" ("Революция"). Она перегородила древнюю реку и создала водохранилище, по которому ходят катера, а сбрасываемая оттуда вода крутит турбины и дает электричество. И во всем этом есть доля и моего труда, переводчика с арабского и французского языков, работавшего с нашими гидростроителями в 1958–1959 годах.

Плотина находится в 5 километрах от магистральной дороги на Халев. Это, естественно, стратегический и поэтому охраняемый объект, но нас беспрепятственно пропускают, и мы медленно прокатываемся по бетонному гребню плотины. В нижний бьеф из четырех лотков бьет голубая вода. Внизу в белой пене проглядывает несколько островков, между ними – извилистые протоки, в которых мне видятся целые косяки рыб. Верхний бьеф заполнен целиком, и голубое зеркало воды уходит за горизонт. Здесь, в пустыне, где вода всегда ассоциировалась с жизнью, увидеть это голубое озеро пресной воды, которое плещется о бетонную кромку плотины, похоже на сказку, на фантастическую кар-

ну художника. Сейчас воды много, и все восемь турбин ГЭС работают. Раньше Дамаск да и вся страна страдали от нехватки электроэнергии. Электричество отключали даже в столице, а теперь его достаточно. Но в связи с развитием промышленности сирийское руководство строит на Евфрате еще две плотины — "Тишрин" (название месяца, в который произошла революция) и "Баас" ("Возрождение").

Сооружение плотины в Табке изменило экологическую ситуацию в этом районе. При содействии советских специалистов осваиваются под сельское хозяйство плодородные земли, высаживаются деревья, для чего создана специальная государственная организация. Мы проезжаем участки земли, разбитые на квадраты и засаженные пирамидальными тополями, эвкалиптами и кипарисами. Земля здесь красного цвета, и зеленые деревья очень эффектно выглядят на этом красном фоне.

Халеб — второй после Дамаска город. Халебцы, конечно, с этим не согласны и, ссылаясь на долю своего города в промышленном и сельскохозяйственном производстве страны, ставят Халеб на первое место. Действительно, столица Сирии только в последние 20 лет стала застраиваться большими современными зданиями; здесь появились новые широкие улицы и площади. Реконструкция столицы Сирии продолжается и сегодня, и в различных районах Дамаска можно увидеть, как рушатся старые, сложенные из мелких камней стены старых домов с деревянными из кривых тонких бревен перекрытиями между этажами. Но в период моего первого приезда Халеб был больше Дамаска, краше и современнее, и амбиции его жителей мне были понятны.

Город Халеб (Алеппо, древняя Халпа, античная Беройя) расположен в плодородной долине, обитаемой еще в глубокой древности. Первые упоминания о нем относятся к XX веку до нашей эры. Об этом свидетельствуют экспонаты городского музея. Обилие воды и плодородных красноземов, бли-

юсть Средиземного моря способствовали превращению Халеба в крупный торговый и ремесленный центр, который соперничал даже со Стамбулом, бывшей столицей Османской империи. В Халебе в течение веков скапливались огромные богатства, что дало повод местным заносчивым купцам придумать амбициозную поговорку: "Если Стамбул будет разрушен, Халеб его построит. Если Халеб будет разрушен, Стамбул не сможет его построить".

Но периоды спокойствия и процветания перемежались с периодами войн и междоусобиц, и в конце XII — начале XIII века на высоком холме, который служил основанием для храма хеттов, пришедших сюда во II тысячелетии до нашей эры из восточных районов полуострова Малой Азии, была построена первая большая крепость. Победитель крестоносцев египетский султан Салах ад-Дин (Саладин) в конце XII века в этой крепости построил мечеть с квадратным минаретом, откуда открывается прекрасный вид на старый квартал города. Крепость на холме с высокими четырехметровой толщины стенами и единственной узкой дорогой-лестницей, ведущей внутрь, является сверхсложным оборонительным сооружением. Под землей были зернохранилища, которые давали возможность выдерживать долгую осаду. Шестиметровой глубины колодцы, дававшие воду, соединялись между собой подземными переходами. В самой цитадели находилась резиденция правителя, которая не раз разрушалась и врагами, и землетрясениями. Сирийские умельцы восстановили в резиденции портик с украшениями, напоминающими пчелиные соты с мозаикой из белого мрамора. Потолок в тронном зале из декорированных балок и брусков тоже восстановлен. Мягкое освещение через цветные витражи попадает на цветные мраморные колонны, поддерживающие своды дворца. Пять мощных окованных железом дверей, ведущих в крепость, украшены коваными гвоздями, на шляп-

ках которых изображены сплетенные змеи и стоящие друг против друга львы. Куфические письмена на перемычках дверей взывают к могуществу и состраданию Аллаха.

В XV–XVI веках старый город был обнесен каменной стеной. В стене было четверо ворот. Около первых ворот, Баб аль-Фарадж, где находилась гостиница, в которой я жил в 1958–1959 годах, сейчас идут археологические раскопки. Средневековый город был, естественно, небольшим, и его нынешние ворота находятся почти в центре современного города. Здесь же расположен и знаменитый крытый рынок, состоящий из 11 рядов. На рынке продавали изделия из меди, ковры, золотые украшения, пряности, ткани и другие товары.

Сирийцы называют город "Халеб шахба", т.е. "Серый Алеппо". Действительно, дома в центре города, построенные из когда-то белого известняка, сейчас стали серыми от копоти и пыли. Но и в современном Халебе есть свои достопримечательности. Одной из них, например, считается площадь фонтанов – "Майдан шалаялят". Вокруг этой эллипсоидной площади расположены рестораны и кафе. Это фактически центр вечернего Халеба. В последний вечер перед отъездом в Дамаск мы сидели на открытой террасе ресторана и дегустировали восточные яства – шашлык с белыми лепешками, выпеченными в таннуре, и различные закуски. Ресторан содержит сирийский гражданин армянского происхождения, по имени Ованес. Халебцы, любящие посидеть в этом ресторане перед замысловатыми фонтанами, прямо так и говорили: пойдём к Ованесу. Компанию нам составил сирийский бизнесмен Аззам Зейтуни. Он учился в Одессе, хорошо говорит по-русски и удачно ведёт дела с Минморфлотом, Интуристом и другими нашими фирмами.

За 30 лет выросло много новых кварталов, а старые уплотнились, отдав под застройки, пустыри и неудобья. Самым престижным районом был и остаётся район Хафиза. Здесь находятся иностран-

ние консульства, замысловатая мечеть, построенная на деньги Кувейта. В кварталах Джамилия, Ансари, Сулеймани и Хамдади спрятавшиеся за кипарисами и алеппской сосной небольшие виллы перемежаются с многоэтажными современными домами, построенными по проектам лучших сирийских и зарубежных архитекторов.

Близ Халеба, к северу от него, стоит монастырь Св. Симеона. По библейскому преданию, пастух из Северной Сирии, по имени Симеон, провел 42 года на вершине колонны под палящим солнцем. Симеон стал монахом после явившегося ему озарения; чтобы отрешиться от мирских забот и приблизиться к Богу, он устроился на высоком столбе.

Дорога в монастырь Св. Симеона идет по благодатному краю. Земля здесь красная и на вид даже какая-то маслянистая. Темно-красный оттенок приобретает земля в долинах. Ее-то и вывозят в сады и огороды Алеппо. Поэтому считается, что все алеппские сады возводятся на земле, доставленной из долин севернее города.

Вечнозеленые оливки уже цветут. Кисточки мелких цветков спускаются с тонких, усыпанных жесткими листочками веток. Цветут красные маки. Женщины в ярких платьях убирают горох, мотыжат землю. Там, где урожай собран, уже стоят автомашины, готовые вывезти урожай с полей. Участки земли — небольшие, на некоторых прямо среди распаханного поля лежат огромные валуны. Проезжаем через небольшую деревню. На крышах или прямо на земле сушат зерно, в некоторых дворах женщины провеивают зерно, подбрасывая его на больших металлических блюдах.

Дорога упирается в невысокий холм, и мы поднимаемся к монастырю Св. Симеона, построенному после смерти этого отшельника. Центром монастыря является церковь из четырех частей, считающаяся одной из самых красивых на Востоке. Ее план, сориентированный на помещенную в центре колонну, весьма оригинален. Каждая часть выходит

на небольшую восьмиугольную площадь со сводом, посреди которой и возвышалась колонна. Сейчас от нее сохранился всего двухметровый обломок, так как паломники откалывали по кусочку от колонны и уносили его с собой. Все обряды совершались в восточной части церкви, а три другие были предназначены для того, чтобы упорядочить движение толп паломников.

Мы бродим по этим развалинам, от которых исходит какая-то теплота и притягательность. Сочетание простоты и гармонии, лепной орнамент и отделанные виноградными гроздьями и листвой поясные карнизы, богатые капители колонн коринфского ордера, арки и перекрытия – все эти детали из камня с золотисто-розовым налетом производят огромное впечатление, большее, чем история самого Симеона. Недаром развалины этого храма считаются шедевром сирийского доисламского искусства.

У нас мало времени. Быстро осмотрев монастырь Св. Симеона и бросив беглый взгляд на турецкую территорию – граница всего в нескольких километрах, – садимся в автомашину и трогаемся в обратный путь. В сторону Алеппо мы едем другим путем, с единственной целью осмотреть около деревни Телль-эль-Карама участок римской дороги. Вскоре мы добираемся до места, и я вижу мостовую шириной 5–6 метров, сложенную из огромных каменных блоков. Оба конца дороги теряются в зеленом поле. Сейчас она ведет буквально "в никуда", а раньше связывала Константинополь с восточными районами Византийской империи. Этот кусок дороги остался как археологический памятник, и трогать его запрещается. В других местах дорога была разобрана, а камни пошли на строительство крестьянских домов.

Наш путь лежит в Дамаск. Вокруг расстилается красная земля. Урожай хороший, и я вижу нечто похожее на праздник урожая. Женщины в нарядных платьях, дети на осликах, мужчины за баран-

ками тракторов. Такое впечатление, что на уборку поля вышла целая деревня. Где-то здесь, в 2 километрах от дороги, находится Эбла – в древности город-государство, процветавший во второй половине III тысячелетия до нашей эры. Эта древняя цивилизация была открыта итальянскими археологами.

С тем чтобы поставить заключительную точку в нашем путешествии, мы сворачиваем с дороги и берем курс на Апамею – развалины города, основанного в период эллинизма, при Селевкидах (312–64 годы до нашей эры). Впоследствии Апамея была красивейшим римским городом, знаменитым своей пятикилометровой колоннадой. В арабское средневековье город, известный под другими названиями – Фамийа, Ефимия, Афамия, продолжал оставаться важным культурным центром. Но постепенно он пришел в упадок и был покинут жителями.

Около 40 километров едем по разбитой дороге, проложенной среди зеленых полей. Земля здесь либо черная, как наш хороший воронежский чернозем, либо такая темно-красная, что отдает в черноту. На горизонте видны силуэты гор Антиливана. Где-то здесь проходит дорога на Банияс, порт на берегу Средиземного моря, и протекает река Оронт (античное название реки Эль-Аси).

Спускаемся в долину с крутого холма и вдруг на фоне гор видим длинную колоннаду. Через несколько минут мы останавливаемся на небольшой площадке, где уже припаркованы два больших автобуса, на этот раз с западногерманскими туристами. Туристы уже разбрелись по развалинам Апамеи, и мы становимся единственным объектом внимания местных ребят, которые предлагают купить древние монеты, стеклянные и керамические сосуды. Монеты и другие предметы обнаружены здесь, и притом совсем недавно, утверждают ребята. Разумеется, это не так, и многие вещи, предлагаемые туристам, изготовлены в Дамаске или Алеппо в подвалах местных умельцев. Все же в Апамее

я купил пять монет, из которых четыре оказались фальшивыми, а одна – подлинной, времен римского императора Констанция II, правившего в 337–361 годах. Уже только одна эта монета может оправдать эту утомительную поездку в Апамею и все понесенные здесь расходы.

Колонны, обломки колонн и массивных капителей обрамляют широкую дорогу, которая заканчивается в зеленом поле, где пасется одна пестрая корова. В древнем городе раскопана только эта одна улица, по которой мы прошли несколько раз. В других местах огромного города никаких раскопок не было, и этот археологический объект стал огромной каменоломней. Это хорошо видно по средневековой крепости близ Апамеи: все ее постройки и стены сложены из каменных блоков и обломков колонн, доставленных из самой Апамеи.

Выезжаем на шоссе и быстро едем в сторону Хомса. Этот город сейчас насчитывает почти миллион жителей, и нам пришлось поплутать по его новым кварталам, прежде чем выбраться на трассу, ведущую в Дамаск. В столицу Сирии мы прибыли уже вечером. За три дня мы проехали около 2 тысяч километров, встретились и побеседовали с десятками людей – сирийцами и нашими соотечественниками, работающими в этой арабской стране.

В старом Иерусалиме

Плодородная земля и обильные источники еще задолго до новой эры сделали обитаемыми холмы, на которых раскинулась сегодняшняя столица Иордании – Амман. К 1200 году до нашей эры Раббат-Аммон, как назывался город в глубокой древности, стал столицей государства аммонитов, которые воевали против царей Израиля. В Библии говорится о том, как царь Саул победил Нахаша, а царь Давид разбил армию другого аммонитского царя, Хану-

на, захватил и разорил его столицу. В III веке до нашей эры на зеленых холмах Аммона появились войска египетского владыки Птолемея II – сына главного помощника и, по преданию, сводного брата Александра Македонского – Птолемея. Птолемей II Филадельф (прозвание свое он получил якобы за примерную любовь к сестре-жене) перестроил город и нарек его своим именем – Филадельфия. Следующими завоевателями были цари из династии Селевкидов (династия основана также полководцем Александра – диадохом Селевком). Так в 218 году до нашей эры Антиох III Великий захватил этот “город вод”, как его именует Библия. Здесь были и римляне, о пребывании которых свидетельствуют многочисленные памятники, например античный театр против современного отеля “Филадельфия” и акрополь. В византийский период Аммон стал резиденцией христианского епископа Петра и Филадельфии. После захвата его арабами он вновь достиг своего расцвета, однако постепенно, после падения Омейядского халифата, жизнь здесь захирела. К концу же XIX века на месте древней Филадельфии осталась лишь небольшая деревушка, населенная преимущественно черкесами.

Сегодня самая большая деревня черкесов в Иордании называется Наур. Она находится за пределами Аммана, по дороге в Иерусалим. Через эту деревню с одноэтажными, примыкающими друг к другу домиками с плоскими крышами мы направляемся в Иерусалим. Черкесы в Наур переселены турецким правительством в качестве военных колонистов после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В сегодняшней Иордании они – влиятельное национальное меньшинство, составляют большую часть королевской охраны, некоторые из них занимают высокие государственные посты.

После Наура дорога идет на уровне моря, постепенно снижаясь. Об этом сообщает большой голубой щит, прикрепленный у обочины. Около него толпится группа туристов: кому же не хочется сфо-

тографироваться "на уровне моря"?! После продолжительного спуска вырываемся наконец на просторы иорданской долины. Нам видны горы, за которыми лежит Иерусалим – цель нашего путешествия.

Река Иордан, давшая имя целой стране, – своего рода географический феномен. "Иордан" в переводе с иврита означает "стремящийся вниз". Это название обусловлено его чрезвычайно быстрым течением. Иордан рождается из трех источников на горе Хермон, лежащей у юго-восточной границы Ливана на высоте 323 метров над уровнем моря. Затем водный поток выходит на равнину и впадает в небольшое озеро Хула. Вытекая из него, Иордан на протяжении 16 километров "падает" на 270 метров, после чего вливается в Тивериадское озеро. После озера река представляет собой все еще капризный поток, который постепенно успокаивается и на равнине Иерихона превращается в спокойную, тихую речку шириной около 15 метров, прокладывающую себе путь среди песчаных берегов, заросших ивами, туей и тамариском. Иордан впадает в Мертвое море двумя заболоченными рукавами, проделав таким образом путь с 323 метров над уровнем моря до 392 метров ниже уровня Мирового океана, где и лежит это почти лишенное живой жизни соленое озеро.

Сразу за мостом через Иордан – поворот направо, к месту, где, по библейской легенде, был крещен Христос. Здесь стоит небольшая часовня, от которой к воде ведут ступеньки каменной лестницы. Я вижу, как две молодые монахини, зачерпнув ладонью светло-коричневую воду Иордана, омывают лицо и истово крестятся. У небольшой площадки, где останавливают машины туристы и паломники, торгуют темными флаконами с иорданской "святой" водой.

Возвращаемся на главную дорогу. Еще несколько километров – и мы покидаем "морское дно". Петляя среди голых холмов, сплошь покрытых нитями козьих троп, поднимаемся к Иерусалиму. С до-

роги открывается вид на Оливковую гору — один из холмов, окружающих Иерусалим. Холм венчает высокая звонница расположенного здесь монастыря, называемая "русской свечой". Этот монастырь и приютившаяся у подножия горы церковь Марии Магдалины с восемью маковками построены русскими, которых зовут здесь по-старому — москвитами. Сегодня в этой церкви служат представители Русской зарубежной православной церкви.

Старый Иерусалим окружен довольно высокой каменной стеной и границами своими почти совпадает с Иерусалимом времен Давида и Соломона, Ирода I и Ирода Агриппы. Эта стена была построена в 1536–1539 годах турецким султаном Сулейманом Великолепным. В ней имеется восемь ворот, которые некогда запирались на ночь, а теперь всегда открыты. Остановливаемся у Дамасских ворот, или "Баб аль-Амуд", как называют их арабы. В основании стены у ворот можно увидеть гигантские тесаные блоки, оставшиеся от древнего сооружения. Входим в город и медленно идем по наклонной, мощенной каменными плитами мостовой. Улица разделяется надвое, берем влево и выходим на шумный восточный рынок. На открытых витринах овощных лавок выставлены огромные, величиной с ручной мяч баклажаны, белоснежная цветная капуста, карминно-красные, блестящие на солнце помидоры, оранжевые горки мандаринов. В мясных лавках алеют бараньи и говяжьи туши. Пряный запах восточного базара щекочет ноздри и возбуждает аппетит.

Эта мощеная улица была проложена римлянами и пересекала город по прямой с севера на юг. И сейчас в стенах лавок старого рынка можно заметить мраморные римские колонны, которые украшали главную улицу города Элия Капитолина. История этого названия такова. Римский император Публий Элий Адриан (117–138), любитель путешествий (за 20 лет своего правления он объехал почти всю Римскую империю, изучая жизнь провин-

ций), в бытность свою в Сирии задумал восстановить разрушенный в 70 году Иерусалим, но уже в качестве языческого города и этим вызвал восстание евреев против римлян. После жестокого подавления восстания (погибло почти полмиллиона жителей) Иерусалим под именем Aelia Capitolina (Элия Капитолина) был обращен в римскую колонию. Евреям под страхом смертной казни был запрещен вход в Иерусалим. На месте иудейской святыни был воздвигнут языческий храм Юпитеру Капитолийскому, а над Голгофой – капище Венеры. Под названием Aelia Иерусалим был долго известен в официальном мире и даже к арабским писателям перешел в форме Ийуа. Халиф Омар в 637 году подчинил город власти мусульман. Арабы называют Иерусалим "аль-Кудс аш-Шариф" или кратко "аль-Кудс" ("святылище").

В живописной толпе восточного города привычно снуют священнослужители всех культов. В темно-коричневых шерстяных рясах, перепоясанные толстой витой веревкой, в сандалиях на босу ногу идут францисканцы. В длинной черной рясе с Библией в руках стоит негр, внимательно читая прикрепленную к стене таблицу, сообщающую, что Христос, несший крест на Голгофу, упал здесь в третий раз. Во главе с кардиналом в черной рясе, подпоясанной малиновым кушаком, и в малиновой шапочке, прикрывающей тонзуру, шествует группа католиков. Мимо правоверных мусульман в красных фесках пробегают стайки девочек из монастырских школ. Они одеты в одинаковые, скромных тонов форменные платья и часто крестятся. Их опекают строгие, с блеклыми лицами монахини в крылатых белых чепцах.

Заворачиваем за угол и оказываемся на продолговатой площади, ведущей к храму Гроба Господня. Гроб Господень – величайшая святыня христианства, центр христианского мира.

В 1844 году прусский консул в Иерусалиме сообщил о том, что на расстоянии 150 метров от храма

он обнаружил остатки стен и колонн. Это открытие заинтересовало археологов, и в ходе последующих раскопок были найдены две колонны с капителями и арка, а также стены, соединенные под прямым углом. В 1883 году раскопки в этом месте продолжали представители русской православной церкви во главе с архимандритом Антонином (Капустиным). Место раскопок впоследствии было приобретено миссией русской православной церкви в Иерусалиме и сейчас известно под названием Александрийского подворья и Русских раскопок.

Интерес русской православной церкви к Палестине вполне понятен. Падение Константинополя ознаменовало собой падение восточной церкви. Император Константин XII был убит в схватке с турками, а его брат Фома Палеолог, ставший законным наследником престола захваченного в 1453 году Царьграда, вступил в Рим в качестве почетного беженца. С ним были двое сыновей, Андрей и Мануил, и дочь Зоя, которая в 1472 году при содействии римского папы Павла II стала под именем Софьи женой великого московского князя Ивана III. С тех пор все московские князья и русские цари считали себя законными наследниками "второго Рима" и на этом основании выступали как защитники христиан православной церкви в границах бывшей Османской империи.

Со времени падения Константинополя русская православная церковь официально поддерживала и распространяла идею о провиденциальной роли русского народа в освобождении христиан от турецкого султана. Отпуская из Москвы антиохийского патриарха Макария, царь Алексей Михайлович говорил окружающим его боярам: "Молю Бога, прежде чем умру, видеть патриарха Макария в числе четырех патриархов, служащих в /соборе/ Святой Софии, и нашего пятым вместе с ним". Царь часто принимал греческих купцов, прибывавших с товарами в Москву, и просил их передать священникам и монахам его просьбу помолиться за

него, "ибо по их молитвам" его меч "сможет рас-сечь выю... врагов". Об этом сообщал архидиакон Павел Алеппский, неоднократно бывавший при дворе московского царя. Об усилении связи греческой церкви с московской свидетельствует и тот факт, что в суде над старообрядцами принимали участие греческие патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский и их помощники – газский митрополит Паисий Лигарид и афонский архимандрит Дионисий. В результате поддержки этих лиц собор 1667 года признал старообрядцев еретиками.

Восточные патриархи, попавшие в тяжелое положение в связи с турецким нашествием, всячески настраивали русское православие на роль защитников вселенской церкви и ее святынь в Османской империи. Иерусалимский патриарх Паисий в 1649 году высказывал русскому царю пожелание, чтобы "Бог сподобил его наследовать престол царя Константина". С момента падения Константинополя церковники на Руси учили, что подлинной и единственной хранительницей древнего благочестия является русская церковь, что Москва – это "третий Рим", наследник Рима первого и Рима второго – Царьграда, который Бог покарал за отступление от правой веры и отдал во власть неверных, и что "четвертому Риму не бывать". Естественно, что в этом направлении развивалась и военная экспансия царской России, которая претендовала – открыто или тайно, в зависимости от политической ситуации – на проливы Босфор и Дарданеллы. Поэтому укрепление позиций в Палестине было одной из сторон политической деятельности царской России, которая добилась в этом больших успехов. И лишь поражение в Крымской войне 1853–1856 годов лишило Россию повода активно использовать церковь для закрепления своих позиций на Ближнем Востоке, поскольку "право защиты христиан" получили вместе с Россией и ее победители.

В Александрийском подворье монахини любезно согласились показать мне святые места. Тяжелые стены сложены из белых известняковых, положенных прямо на скалу глыб. Две колонны: одна — с коринфской капителью, другая — явно византийского происхождения. Белые глыбы похожи на те, из которых сложены ворота Ирода, и, по-видимому, были построены в одно и то же время.

Историк Иосиф Флавий сообщил, что в 70 году, когда римские войска осадили Иерусалим, на этом месте возвышалась одна из башен крепостной стены. Ее защищали иудеи во главе с Кастором. Осажденные мужественно оборонялись, но, видя, что падение укрепления неизбежно, подожгли башню и по подземному ходу отступили в крепость Антония. Почерневшие и треснутые от огня плиты и глубокая яма, ведущая, вероятно, в подземелье, свидетельствуют о том, что именно на месте Русских раскопок находилась упоминаемая Иосифом Флавием башня.

Сопровождающая меня монахиня с особым благоговением показывает закрытый стеклом кусок скалы. Это бывший порог городских ворот, который по библейской легенде переступил приговоренный к распятию Христос, несший на себе крест на холм. Этот холм носит имя Голгофа и напоминает по форме человеческий череп. Слово "голгофа", ставшее сейчас нарицательным, происходит от "голголат", что на иврите означает "череп". По обычаю древних народов, смертную казнь всегда приводили в исполнение за пределами городской черты, поэтому можно предположить, что именно через эти ворота, ближе всего находившиеся к Голгофе, и выводили приговоренных к казни преступников.

Первые христиане считали Голгофу святым местом и были крайне возмущены действиями римского императора Адриана, который в начале 30-х годов II века приказал соорудить здесь языческий храм, посвященный Юпитеру. 190 лет спустя после

”римского богохульства” византийский император Константин, причисленный к лику святых, привел Голгофу в первоизданный вид и построил грандиозную базилику, которая была разрушена персидским царем Хосровом, занявшим Иерусалим в 614 году и превратившим ”все в груды мусора и осколков”. В течение двух веков грабили и разрушали поднявшиеся храмы арабские халифы – наследники великого халифа Омара. Здесь в 1009 году египетский султан Хакем приказал разрушить все христианские храмы, где поклонялись не ему, и лишь после его смерти христиане вновь смогли построить небольшие часовни на месте почитаемых ими святынь.

Под стеклянными витринами маленького музея Александрийского подворья сложены тяжелые вериги, которые несли на себе во время ”хождения в Святую землю” русские поклонники (устарелое понятие термина ”паломники”), а также вышитые бисером и жемчугом украшения, изготовленные монахинями. В подворье – картинная галерея, где есть полотна И.Е.Репина и других великих русских художников.

В XII веке Иерусалим стал столицей христианского государства крестоносцев. В 1130–1149 годах они построили помпезное здание, которое, несмотря на последующие многочисленные переделки, реставрации и пристройки, составляет основу сегодняшнего храма Гроба Господня. Особенно большие работы провели в 1808 году представители греческой ортодоксальной церкви, восстановившие сожженную при пожаре центральную ротонду. Однако представители католической церкви упрекали греков за строительное рвение в период реставрации, когда были уничтожены ценные памятники крестоносцев, такие, как надгробия могил ”латинского короля” Иерусалима и его наследников, колонны центрального зала храма и т.д.

Через низкую дверь каждый паломник попадает на внутренний, мощный камнем дворик храма

и оказывается перед центральными воротами. Фасад здания, сохранившийся еще со времен крестоносцев, снабжен двумя смежными входами, один из которых замурован мусульманами после падения Иерусалима. Под сводами храма Гроба Господня, сразу у входа, направо вверх, ведет крутая лестница. Она приводит к месту, где стоял Крест, на котором был распят Христос. Это место разделено массивными колоннами на два нефа: один принадлежит греко-православной, другой – римско-католической церкви. В православном притворе в свете свечей блещут золотые и позолоченные лампы и оклады икон, у стены стоит небольшой алтарь, под которым на полу помещен серебряный диск с отверстием в середине, обозначающим место, куда был вставлен крест. Богомольцы протискиваются к этому отверстию и целуют его. В католическом притворе лишь мозаичные картины на библейские темы, выполненные в современном стиле, украшают стены и потолок. Здесь же находится украшенное драгоценными камнями скульптурное изображение девы Марии. На его изготовление, стоившее около 3 млн. долларов, собирали пожертвования во многих странах мира.

По скользким, стесанным тысячами туристов ступенькам спускаемся в темный, мрачный храм, пропитанный запахами ладана и благовоний. Слева от лестницы – небольшая часовня, где видны простые, сложенные из камня надгробия. Это восстановленные могилы христианских королей Иерусалима, разрушенные греками в 1810 году. Закопченные тысячами свечей своды храма поддерживают леса, поставленные англичанами еще в 1927 году, после небольшого землетрясения. Кованые металлические скобы стягивают давшие трещины колонны, и в настоящее время храм производит впечатление недостроенного здания.

В центре зала стоит небольшая часовня с куполом в московском стиле. Здесь находится мраморная плита, под которой был похоронен Христос.

Вход в часовню, построенную греками в 1810 году, настолько низкий, что попасть в полутемное, освещенное лишь восковыми свечами помещение можно только сделав низкий поклон. В крохотном зале, где едва могут поместиться пять человек, собственно, и находится мраморное, вделанное в стену надгробие. Часовня формально принадлежит трем церквям: греческой, армянской и католической.

Мы решаемся несколько минут побродить по храму без назойливых гидов. Весь храм разделен на небольшие притворы, которыми владеют различные церкви и монашеские ордены. Осматривая храм, мы убедились, что самые богатые притворы принадлежат католикам, которые содержат их в образцовом порядке. Во время моего последнего посещения храма Гроба Господня в 1990 году я осмотрел новый притвор армянской церкви, в который была превращена большая пещера, выбитая в белой известковой скале.

Против часовни с надгробием Христа расположен большой зал, принадлежащий православной церкви. На богато отделанном золотом алтаре — четыре большие иконы московских мастеров с изумительными, необычайно тонкой работы серебряными окладами. Во время моего первого посещения храма в 1966 году здесь стоял в окружении целого леса свечей стеклянный саркофаг с мощами Саввы Благоверного, который вывезли крестоносцы из православного монастыря. По указанию римского первосвященника мощи были возвращены прежним владельцам. Присланный из Венеции саркофаг встречала процессия с хоругвями, во главе которой шли все патриархи Иерусалима и высшие священнослужители представленных здесь церквей. Мы видим, как толпящиеся здесь христиане по очереди подходят к саркофагу и лобызают его. Решение папы Павла VI, посетившего Иерусалим в январе 1964 года, о возвращении мощей Саввы Благоверного было расценено как один из шагов на

пути к примирению враждующих уже не одно столетие православной и католической церквей.

После посещения храма Гроба Господня мы спускаемся по ступенчатой улице, которая когда-то была склоном холма. Это "Via dolorosa" ("Дорога страстей") – так называют в церковной литературе путь, который прошел Христос с крестом на плечах. По этому склону, согласно библейской легенде, Христос нес кипарисовый крест на Голгофу. Проходим мимо "шестой станции". Здесь блаженная Вероника, не обращая внимания на разъяренную толпу, повинувшись голосу нежного женского сердца, куском полотна обтерла пот и слезы с лица Христа, и на ее плате остался начертанный следами кровавого пота и слез образ Спасителя мира. Ниже часовни, указывающей место почитаемой святыни, находится несколько мастерских ремесленников, изготавливающих на токарных станках подсвечники и вазочки из сучковатого оливкового дерева. Изделия из этого дерева после обработки на станке и полировки приобретают теплый золотистый оттенок, который хорошо гармонирует с темне-коричневыми замысловатыми рисунками, остающимися на месте сточенных сучков. Проходим "третью станцию" – место, где Христос упал первый раз. Здесь на средства польских солдат-католиков из старой турецкой бани сооружена небольшая часовня.

"Via dolorosa" начинается от так называемой цитадели Антония – места, где был расположен римский преторий и где римский прокуратор Понтий Пилат творил суд над Христом. Здесь была выложена мощенная камнем площадь Габбата, где произошел знаменитый диалог между Пилатом и собравшимися иудеями, потребовавшими распятия Христа. Меня поражает, насколько точно это место описано М.Булгаковым в его романе "Мастер и Маргарита". Сегодня здесь стоит часовня, содержащаяся францисканцами – членами монашеского католического ордена, основанного в Италии Франциском Ассизским (1181–1226). Они именована-

ли себя потомками крестоносцев. В Палестине они имели свои монастыри. Часовня эта украшена современными мозаичными картинами, рассказывающими о суде над Христом.

По улице царя Давида выходим к Вратам цепей ("Баб аль-Сильсиля") и через них вступаем на гору Мориа. Здесь находится скала, где Авраам чуть не принес в жертву своего сына Исаака. Сейчас над скалой построена мечеть Кубба ас-Сахра, которая вместе с находящейся рядом мечетью аль-Акса считается второй после Мекки святыней мусульман. Ветры истории пронеслись над Мориа, здесь лилась человеческая кровь, и сегодня сотни тысяч паломников со всех концов света едут в Иерусалим, чтобы посетить эту гору.

На нашей планете немало мест, которым поклоняются приверженцы той или иной религии, но гора Мориа, пожалуй, единственное место, почитаемое и христианами, и иудеями, и мусульманами. Здесь, повторим, Авраам собирался принести в жертву Исаака, по этому холму шел Иисус Христос на Голгофу, отсюда пророк Мухаммед вознесся на небо для бесед с Аллахом.

По библейской легенде, на третий месяц после исхода из Египта израильтяне расположились лагерем в синайской пустыне, а Моисей, поднявшись на гору Хориф, получил две каменные скрижали с десятью заповедями и указание, как построить Ковчег Завета и скинию – святилище, где надлежало его хранить. Был организован сбор золота, серебра и драгоценных камней, и вскоре два мастера Веселиил и Агалиав приступили к работе. Они построили Ковчег из твердого дерева пустынной акации ситтим, покрыли его золотом изнутри и снаружи и на крыше поставили двух херувимов, закрывающих своими крыльями табличку, на которой было написано, что в Ковчеге поселился бог Яхве. Моисей положил в Ковчег скрижали с десятью заповедями и водрузил Ковчег в скинию, сделанную в виде шатра, затянутого бараньими шкурами, вы-

крашенными в красный и синий цвета. Только верховный жрец имел право входить в святилище, где стояли отлитый из золота жертвенник с дымящимися благовониями, стол с освященным хлебом и бронзовый светильник с семью лампадами, а за занавесом помещался, сверкая золотом, Ковчег Завета с сокровищами израильского культа.

В те далекие времена, когда царь Давид сделал Иерусалим своей столицей, город занимал лишь один склон горы Мориа.

Плоская вершина горы была открыта всем ветрам и часто использовалась для молотьбы. И там, где когда-то стоял скромный жертвенник Авраама, царь Давид возвел новый, где приносились в жертву ягнята и бараны и курился благовонный ладан.

Поскольку израильтяне были в то время в основном кочевниками, они не имели постоянного храма и обходились для богослужения разборной скинией.

Сын Давида, Соломон, приказал воздвигнуть храм на горе Мориа. Постройка храма началась в 969 году до нашей эры и через семь с половиной лет была завершена. Соломон не стремился к тому, чтобы перещегоолять массивные постройки египтян. Он избрал форму Ковчега Завета в качестве архитектурного образца для здания, и храм превратился скорее в святилище, нежели в место, где могло молиться множество людей. Два ангела, вырезанные из оливкового дерева, стояли, охраняя и осеняя крылами Ковчег Завета. Золотые цепи отделяли место, где находился Ковчег, от остального помещения. Все здесь было золотым: и канделябры, и ритуальные одежды, и даже цветы на алтаре. Пол застилали шкуры. Каменные стены были отделаны панелчми из ливанского кедра, полученного от тирского царя Хирама, с резьбой в виде пальмовых листьев и цветов. Ступени также были украшены богатой резьбой. За ними темнел портик, по бокам которого возвышались двойные колонны из меди. Перед портиком находился бронзо-

вый чан длиной 15 метров, который лежал на спинах бронзовых фигур быков.

Только случай (предположительно вспыхнувшая в армии эпидемия) спас Иерусалим от жестоких орд ассирийского царя Синахериба, стоявших у стен города в 701 году до нашей эры. Но в 587 году до нашей эры вавилонский царь Навуходоносор II взял восставший против него Иерусалим и разрушил храм Соломона (первый захват Иерусалима этим царем, окончившийся пленением 3 тысяч иудеев, был на десять лет раньше — в 597 году). Оставшихся в живых жителей отправили в плен на далекие берега Евфрата. Когда персы разгромили Вавилон, Кир не только вернул евреев на родину, но в порыве благородства повелел возвести в Иерусалиме храм, и притом за счет царской казны. Было приказано вернуть даже золотую и серебряную утварь и другие ценности, взятые Навуходоносором. Но среди возвращенных предметов Ковчега Завета не оказалось. Может быть, поэтому и сегодня в далекой Эфиопии священнослужители, поминая благородный жест царя Кира, многозначительно дают понять, что Ковчег Завета вряд ли мог быть возвращен в Иерусалим из Вавилона, поскольку еще раньше был увезен в Эфиопию сыном царя Соломона и царицы Савской.

Иерусалимом правили греческие владыки между 332 и примерно 167 годами. Селевкидский царь Антиох IV (175–164) возмутил спокойствие иудеев тем, что водрузил скульптуру бога Зевса в храме на горе Мориа. Народ запротестовал, начались восстания, а затем последовала 25-летняя война, известная под названием Маккавейской, в результате которой иудеи обрели почти на полтора века национальную свободу.

В 63 году до нашей эры римский полководец Гней Помпей включил Иудею в состав римской провинции Сирия. Когда весной того же года он въехал в Иерусалим, любопытство привело его на гору Мориа. Тактично, ничего не трогая, он вы-

разил восхищение золотыми украшениями, которые окружали алтарь. А затем без всякой задней мысли он отодвинул занавес, закрывающий алтарь, и вошел в святая святых. Его новые подданные, стоявшие поодаль, были поражены: ведь только верховному священнослужителю было дозволено входить в алтарь, да и то лишь один раз в году. Пока бушевали страсти, Помпей, не подозревавший о своем святотатстве, вышел из-за занавеса и удивленно сообщил ошеломленной толпе, что не видел ни одного изображения бога.

На пороге новой эры Иерусалим находился в руках царя Ирода I (37–4 годы до нашей эры). Он стал правителем Иудеи в качестве "союзника и друга римского народа". Во внутренней политике у него была почти полная свобода рук, чем он и воспользовался для превращения граждан в безропотных подданных. Ирод много строил: возникли новые города-полисы (Себастья, Кесария и др.), а также крепости, дворцы, цирки, театры, термы (античные бани).

Одним из первых его сооружений был Иерусалимский храм на горе Мориа. Прежде чем возвести новый храм, Ирод должен был разрушить старый, 500-летней давности, не вызвав возмущения народа. И Ирод нашел выход. Он собрал тысячу священнослужителей, обученных строительному делу. Они по камню разобрали древний храм и в то же время начали строить новый с помощью 18 тыс. обыкновенных каменщиков. Возведение этого храма началось в 20 году до нашей эры и длилось 83 года. Правда, главнейшие его части были построены за 8 лет. Но сам Ирод, естественно, так и не увидел этого сооружения в законченном виде. Величественность храма вошла в поговорку: "Кто не видел сооружения Ирода, тот не видел красоты".

Иосиф Флавий писал, что при восходе солнца "храм блистал так ярко, отражая солнечные лучи, что никто не мог смотреть на него". А на расстоянии он выглядел как "сверкающая снегами горная вер-

шина". Террасы храма состояли из огромных известковых глыб до 20 метров длиной. Эти каменные блоки были тщательно подогнаны друг к другу, с тем чтобы их не сдвинуло даже землетрясение. Местами они возвышались сплошной стеной до 150 метров высотой. Стена заканчивалась двойной колоннадой, которая окружала храмовой внешний Двор для неевреев. От него поднимались лестницы к девяти золотым и серебряным воротам. Они вели сначала во Двор для женщин, а затем во Двор для израильтян, куда был разрешен вход только верующим. Над ними располагался Великий жертвенник, а еще выше поднимался 50-метровый фасад собственно храма. Все сооружения были украшены белым мрамором и золотом, и даже шипы на крыше храма, сделанные специально, чтобы голуби не садились на нее, были золотыми.

Ради исторической справедливости следует дополнить характеристику Ирода. Болезненно недоверчивый и мстительный, он не только кроваво расправлялся с неугодными подданными, но и казнил жену и трех сыновей, что побудило римского императора Августа сказать: "Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном".

Построенный Иродом храм просуществовал всего шесть лет. Сын императора Веспасиана и сам будущий император – Тит в 70 году вошел в Иерусалим и приказал разрушить город и святыни иудеев. Вплоть до арабских завоеваний робкие попытки иудеев и первых христиан возвести какое-либо сооружение на священной горе заканчивались неудачей.

После взятия Иерусалима халифом Омаром (634–644) скалу, на которой Авраам (общий предок арабов и евреев; у арабов – Ибрахим) готов был принести в жертву своего сына и на которой находился жертвенник храма, несколько дней очищали от мусора, скопившегося здесь за много веков. Причем в генеральной уборке принимал участие и сам халиф, что было отмечено мусульманскими летописцами.

По приказу омейядского халифа Абд аль-Малика здесь, над скалой в 686–691 годах была построена купольная мечеть "Куббат ас-Сахра" ("Купол скалы"). Возведенный над скалой купол имеет диаметр 20,5 метра и высоту 30 метров. Купольную часть окружает втрое более низкий восьмигранник стен.

Однако во многих работах западных исследователей это сооружение называется "мечетью Омара", не имевшего к возведению настоящего здания никакого отношения. Некоторые арабские историки, правда, сообщают, что после взятия Иерусалима Омар встретился с греческим патриархом Софроном, который сопровождал его в прогулке по горе Мориа и обратил его внимание на запущенную и требующую опеки священную скалу. Омар действительно построил в Иерусалиме мечеть, но ученые расходятся во мнении относительно ее месторасположения. Считается также, что "Куббат ас-Сахра" возведена на месте, где молился халиф Омар после взятия Иерусалима.

История сохранила имена строителей мечети. Это Раджа ибн Хайят Джут аль-Кинди и Язид ибн Салам. После завершения работ от суммы, выделенной на строительство, осталось 100 тыс. динаров, и халиф, удовлетворенный работой, приказал передать их строителям. Однако они от денег отказались, заявив, что готовы добавить к этой сумме драгоценности своих жен, с тем чтобы украсить мечеть еще роскошнее. Из оставшегося золота были сделаны пластины для купола мечети. Омейядские и аббасидские халифы отпускали деньги на уход за зданием мечети и его ремонт.

"Куббат ас-Сахра" с первых дней своего существования стала одной из главных святынь ислама, в средние века – третьей по святости после мечетей в Мекке и Медине. Каждый четверг и пятницу служители мололи шафран, смешивали его с мускусом, амброй и розовой водой и оставляли до понедельника, чтобы этим составом протереть скалу длиной 17 метров, шириной 13 и высотой 3 метра.

Затем они приглашали мусульман, и те, как и в Мекке перед Каабой (главным святилищем ислама), несколько раз с молитвами обходили священную скалу.

Крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году и почти 100 лет контролировали положение в Палестине. Они превратили мечеть в церковь, водрузили на скале алтарь, у входа — фигуру Христа, а над куполом — золотой крест. Крестоносцы окружили скалу железной решеткой от своих не в меру ретивых единоверцев, варварски откалывавших куски камня для продажи пилигримам. В эпоху крестоносцев "Куббат ас-Сахра" стала образцом для строительства храмовых сооружений в средневековой Европе. Так, по ее образцу в Париже была построена церковь Сен-Шапель.

Основатель династии Айюбидов Султан Салах ад-Дин, возглавивший борьбу мусульман против крестоносцев, захватил Иерусалим в 1187 году и вернул мечети ее первоначальный вид: золотая статуя Христа была выброшена, а христианский крест на куполе был заменен полумесяцем. Султаны династии Айюбидов считали своим долгом и большой честью для себя в дни посещения Иерусалима собственноручно подметать священную скалу и окроплять ее розовой водой. Турецкие султаны, во владения которых входил Иерусалим, также прилагали усилия для украшения мечети. Правительства арабских стран до оккупации Восточного Иерусалима Израилем выделяли специальные суммы на обновление позолоты купола и ремонт редких по красоте и изяществу витражей, мозаики и росписи, над которыми трудились искуснейшие мастера Индии, Египта, Марокко, Турции и других стран мусульманского мира.

...Медленно поднимаемся к мечети "Куббат ас-Сахра" по белым ступенькам, оканчивающимся изящной аркадой (по-арабски "мавазин"), на искусственное возвышение в центре площади и, разувшись у дверей в мечеть, входим под ее своды,

освещенные многоцветными витражами. Пол застлан толстым зеленым паласом, закрывающим персидские ковры, подаренные последним турецким султаном Абдул Хамидом II. В центре зала – гигантского восьмигранника с золоченым куполом стоит жертвенная скала, окруженная деревянной и металлической решетками. В "Куббат ас-Сахра" – четыре накрест расположенные двери. Каждая из них имеет свое название. Так, северный вход в мечеть называется "Баб аль-Джанна", т.е. "Врата рая", восточный – "Баб Дауд", т.е. "Врата Давида". Южный вход, центральный, находится напротив мечети аль-Акса и называется так же.

Толстые ковры заглушают шаги посетителей, которые, как и мы, любят изразцовыми украшениями стен и купола, великолепными витражами. Преобладают голубые и зеленые тона. Наибольший интерес представляют выложенные из фаянса изречения из Корана. Для этого использованы лучшие образцы турецкого, персидского и арабского фаянса. Подходим к священной скале, простой белой известняковой глыбе с отверстием в середине и узким проходом, который ведет в небольшой грот, устланный персидскими коврами. Сколько человеческой крови пролито из-за этого камня! И как нужно верить в своего Бога, чтобы идти на смерть ради обладания этой скалой!

Покидаем "Куббат ас-Сахра" и, спустившись мимо фонтана для омовений, оказываемся перед мечетью аль-Акса, воздвигнутой в 693 году тем же халифом Абд аль-Маликом на той же священной для мусульман территории Иерусалима – "Харам аш-Шариф" (араб. "священное пространство"), где уже стояла "Куббат ас-Сахра". Сняв обувь, входим в огромный зал, где могут одновременно молиться 5 тыс. человек. Здание мечети построено в виде прямоугольника, все пропорции которого четко соблюдены. По сравнению с "Куббат ас-Сахра" она выдержана в более строгом, пуританском стиле. Длинный зал поделен двумя рядами колонн на

три равные части. Из окон-витражей, помещенных высоко под потолком, льется мягкий свет. Толстые ковры устилают пол огромной, длиной 80 метров мечети. То тут, то там видны небольшие группы мусульман, читающих Коран. Их обувь вложена в деревянные ящики, расположенные вдоль стен и у колонн. У "михраба" мечети (ниша в стене, показывающая направление в сторону Мекки, куда обращены лица молящихся) невысокий, одетый в европейский костюм и феску араб зорко следит за тем, чтобы кто-либо из чрезмерно любопытных туристов не слишком приближался к молящимся.

Очень красивы художественные надписи, исполненные на голубой глазури, и светильники из ноздреватого хевронского стекла. Самое интересное сооружение в мечети – старинная кафедра, откуда священнослужитель произносит перед собравшимися проповедь. Она сделана в сирийском городе Халебе (Алеппо) и в 1187 году победителем крестоносцев Салах ад-Дином доставлена в Иерусалим. Эта кафедра, состоящая из тысячи звездочек, сделанных из ливанского кедра, считается самым тонким и великолепным по мастерству исполнения предметом этого назначения на Ближнем Востоке.

В северном крыле мечети есть место, откуда, по мусульманскому преданию, произошло "ночное путешествие и вознесение" на небеса пророка Мухаммеда, прибывшего из Мекки в Иерусалим. Это было 27 раджаба 621 года. Это место называется "Макам Азиз" и особенно почитается мусульманами, отмечающими однодневный праздник "ид альмирадж" – праздник вознесения, приходящийся на 27-й день месяца раджаба (седьмой месяц мусульманского лунного календаря).

По мусульманскому преданию, в ночь на 27 раджаба Мухаммед был разбужен ангелом Джабраилом (библ. Гавриил) и на белом фантастическом верховом существе Бурак ("блистающий") совершил путешествие в Иерусалим. Прежде чем отправиться на небо, он сотворил молитву и положил

руку на скалу. Когда же он поднялся, то скала поднялась следом за ним, но по жесту Мухаммеда вновь опустилась. С тех пор под скалой образовалась пещера, а над этой пещерой была построена мечеть "Куббат ас-Сахра". Под скалой, в нише пещеры, в память об этом движении скалы всегда горит огонь. Привязав Бурака – в стене одного из храмов Иерусалима было "обнаружено" кольцо, за которое Мухаммед привязал Бурака, – по лестнице, спускавшейся с каждого из семи небесных сводов, он поднялся к престолу Аллаха и беседовал с ним, причем Аллах во время встречи с пророком успел сказать 99 тыс. слов. Все это, в том числе и возвращение в Мекку, произошло настолько быстро, что, вернувшись из Иерусалима домой, Мухаммед успел заметить, что постель его еще не остыла, а из кувшина, опрокинутого им при выходе, еще не вылилась вся вода.

В обоснование этой легенды приводится стих Корана, где говорится о путешествии к некоей крайней или отдаленной мечети, "окрестности которой Мы благословили". Возникновение праздника объясняется прежде всего желанием вернуть Иерусалиму значение первого центра мусульманской религии. Ведь в первые годы ислама мусульмане творили молитву, обращаясь лицом к Иерусалиму, а затем, после примирения Мухаммеда с богатыми торговцами Мекки и признания Каабы в качестве главного храма ислама, они стали молиться, обращаясь лицом к Мекке. Именно халиф Абд аль-Малик, сидевший в своей столице в Дамаске, делал все, чтобы найти противовес духовному влиянию Мекки, где гнездились враждебные ему элементы, всячески возвеличивал Иерусалим и даже предпринимал попытки перенести центр паломничества из Мекки в Иерусалим. С этой целью и были построены мечети "Куббат ас-Сахра" и аль-Акса, т.е. "крайняя", "самая удаленная", названная так по упомянутому выше стиху из Корана. Омейядским халифам не удалось достичь своих честолю-

бивых целей: Мекка сохранила пальму первенства, а Иерусалим остался на втором месте. Но ид аль-мираджд отмечают во всех мусульманских странах, как бы символизируя духовное единство Мекки и Иерусалима – города, который, как уже упоминалось, на арабском языке именуется "аль-Кудс", т.е. "святилище", "святое место".

В отличие от "Куббат ас-Сахра" мечеть аль-Акса имеет огромное подвальное помещение длиной около 100 и шириной примерно 70 метров. Эта древняя постройка известна под названием Соломоновых конюшен. Во времена крестоносцев в мечети аль-Акса была расположена штаб-квартира ордена тамплиеров, и подвалы действительно использовались ими в качестве конюшен.

Каменную ограду, окружающую "Харам аш-Шариф", прорезают 12 ворот: 8 – на западе, 3 – на севере и Золотые ворота – на востоке. За каменной оградой находится так называемая Западная стена – место плача евреев. Мы стоим перед Стеной плача, куда в субботу приходят иудеи и, встав лицом к ней, шепчут свои молитвы. Она достигает высоты 18 метров и сложена из 24 рядов камней. Иудеи считают, что это – часть стены крепости царя Ирода, построенной в начале новой эры. Мне трудно судить об этом, но по характеру кладки и размерам каменных монолитов Стена плача напоминает остатки сооружений Ирода у Дамасских ворот и в Александрийском подворье. Офицеры израильской полиции внимательно следят за тем, чтобы туристы не фотографировали Стену плача и молящихся иудеев.

Другим архитектурным памятником, восходящим к первым векам новой эры, относятся так называемые Золотые ворота. Эти ворота, закрытые турками по военным соображениям, состоят из двух частей: "Баб ар-Рахма" (Ворота милосердия) и "Баб аль-Тауба" (Ворота раскаяния). Кто и когда назвал их золотыми, неизвестно. Христиане верят, что именно через эти ворота Христос въехал в Иеру-

салим на осле, держа в руках пальмовую ветвь. Этот праздник отмечается у нас как Вербное воскресенье. Крестonosцы держали ворота на замке и открывали их лишь дважды в году – в Вербное воскресенье и в праздник Креста.

Мне довелось несколько раз бывать в этом городе, дышать его чистым, настоянным на цветах и степных травах воздухе. Я уезжал оттуда всегда с острым чувством сожаления по поводу того, что этот священный город все еще остается яблоком раздора враждующих сторон, не могущих разрешить ближневосточный конфликт.

Русские палестинцы*

”... Под видом простого серого паломника я сел в Одессе на пароход и через две недели высадился вместе с русскими богомольцами в Яффе. Отсюда я с ними проделал весь цикл паломничества в Святой Земле, не только присматриваясь издали ко многим невзгодам, сыпавшимся на голову русских паломников, но и испытывая их на собственной спине. Это дало мне возможность видеть, слышать и испытать гораздо более, чем другим интеллигентным паломникам, даже обращавшим свое особенное внимание на любопытное движение русского паломничества, но не решившимся влезть в шкуру простого серого богомольца”.

Так писал русский путешественник А.В.Елисеев (о нем я уже говорил в разд. ”Египетская Александрия”), посетивший в 1884 году Палестину по заданию Палестинского общества, о котором я хочу рассказать на этих страницах. Палестинское общество, сообщал Елисеев, ”озабочиваясь бытом и

* В главе использованы материалы Архива внешней политики России, собранные сотрудниками архива В.Н.Трутневым и З.И.Платоновой, и архивы Палестинского общества, обработанные Д.В.Давыдовой.

положением русских паломников в Святой Земле, поручило мне посетить Палестину снова, пробыть там время самого горячего паломнического периода и изучить во всех деталях русское паломническое движение”.

Выше я уже говорил об интересе России к Ближнему Востоку и библейским местам. К этому можно добавить, что знакомство русских людей с Восточным Средиземноморьем уходит в далекое прошлое. По некоторым сведениям, еще в 957 году, т.е. до официального крещения Руси, русская княгиня Ольга приняла крещение в Константинополе при византийском императоре Константине VII Багрянородном – авторе сочинений о русско-византийских отношениях. В известном общерусском летописном своде ”Повесть временных лет”, составленном Нестором и запечатлевшем события до 1100 года, есть упоминания о Сирии и Финикии. В первом дошедшем до нас письменном памятнике о посещении русскими людьми Ближнего Востока ”Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена”, относящемся к 1106 или 1107 году, упоминаются такие города, как Тир, Сайда, Триполи. С другой стороны, при царе Федоре Ивановиче (1557–1598) в Москву приезжал Антиохийский патриарх Иоахим, а при царе Михаиле Федоровиче (1596–1645) в Россию был направлен митрополит Иеремия, уроженец Алеппо (Халеба). Примеры можно продолжить.

Паломничество в Иерусалим и его окрестности – места, связанные с жизнью и смертью Иисуса Христа, было всегда свидетельством одного из глубочайших символов христианского благочестия. Тысячи паломников наводняли Иерусалим особенно в канун Пасхи и церемонии зажжения ангелом свечки над гробницей и раздачи патриархом этого света. При этом нередко случались и трагедии. Один европеец, присутствовавший на церемонии чуда святого огня на Пасху 1834 года, сообщает, что внутри храма Гроба Господня и вокруг него на ходились 17 тыс. паломников. Когда чудо произошло

и патриарх был вынесен на плечах паломников из храма, началась полная неразбериха. Паника усугубилась, когда стражники-мусульмане, стоявшие снаружи, ворвались в храм, размахивая саблями. В тот день сотни паломников погибли, многие были изувечены.

Русский путешественник по Ближнему Востоку, секретарь Императорского Православного палестинского общества – В.Н.Хитрово писал в своей брошюре "Палестина и Синай": "Если есть на свете страна, которую можно назвать общей родиной человечества, то это бесспорно – Палестина... Три религии, верующие в Единого Бога, привыкли смотреть на Иерусалим как на средоточие их вероисповедания... Из года в год тысячи наших поклонников переплывают моря, искрещивают вдоль и поперек Восток..."

К этим религиозным соображениям можно добавить и некоторые политические причины, которые лежали в основе российского интереса к Палестине. Лондонские конвенции 1840 и 1841 годов несколько ослабили престиж России на Ближнем Востоке и Балканах, передав решение политических проблем в руки других европейских держав и Турции. Тогда Россия стала искать новые формы своего присутствия в этом регионе. Еще в 1838 году в Палестине побывал камергер А.И.Муравьев. Перед ним стояла задача – ознакомиться с состоянием политической и церковной жизни в Сирии и Палестине. В его докладе-отчете, представленном в российское дипломатическое ведомство, была следующая фраза, которая объясняла все последующие действия русского правительства в Палестине:

"Как французские короли объявили себя покровителями всех франков, поселившихся на Востоке, и всех католических общин, хотя в большинстве монахи только их единоверцы, но не их подданные, было бы справедливо и благоприятно для восточных дел, если бы русский император

удостоил принять под свое особое покровительство Святые места, хотя бы только храм Гроба Господня, пещеру Богородицы в Гефсимании и Вифлеемскую церковь”.

Активная деятельность западных держав на Ближнем Востоке сопровождалась пропагандой католицизма и протестантизма в Палестине. Это не было не замечено в России и стало дополнительным аргументом в пользу желания действовать в защиту православия. ”Бедствия христианской церкви, – писал вице-канцлер К.В.Нессельроде в июне 1842 года в докладе Николаю I, – зависят не от одного лишь мусульманского владычества, они также имеют причины: 1) стремление католиков и протестантских миссионеров к распространению своих вероисповеданий; 2) недостаточность нравственных и материальных средств греческого духовенства”. Петербургский кабинет признал полезным ”присутствие в Иерусалиме благонадежной образованной особы из российского духовенства”.

В развитие этого решения в 1843 году за счет министерства иностранных дел России в Иерусалим под видом паломника Синодом был направлен архимандрит Порфирий Успенский, знакомый с ситуацией на Ближнем Востоке. В Центральном государственном историческом архиве (в Санкт-Петербурге) хранится ”Дело о назначении стоящего при Венской миссии архимандрита Порфирия в Иерусалим в виде поклонника для поддержания на Востоке православия...”. В своих донесениях Синоду, которые последний передавал в российский МИД, Успенский настойчиво рекомендовал правительству России открыть в интересах русских паломников и православия в Иерусалиме русскую духовную миссию. В 1847 году постановлением Синода была учреждена Русская духовная миссия, которая 17 февраля 1848 года прибыла в Иерусалим. В ее составе был, кроме Порфирия Успенского иеромонах Фесфан Говоров и два студента – Н.Крылов и П.Соловьев.

Русская миссия не только действовала в поддержку православия и обслуживания паломников на Святой Земле, но и фактически выполняла роль дипломатического и консульского представителя российской державы. Ведь поток русских паломников возрастал с каждым годом. Если до 1820 года Святую Землю ежегодно посещали до 200 русских паломников, то в начале 40-х годов – до 400 человек. Так что работы малочисленной миссии хватало.

В 1848 году идею создания "всероссийского неправительственного Палестинского комитета для поддержания православия в Сирии и Палестине" высказывали известные в то время путешественники на Ближний Восток, авторы описаний своих поездок "ко Святым местам" – А.С.Норов и А.Н.Муравьев. Российский МИД, по словам украинского востоковеда и академика А.Е.Крымского (1871–1942), "питал опасения", что действия Палестинского комитета могут пойти вразрез с линией дипломатических представителей и породят путаницу и неразбериху на Ближнем Востоке. Поэтому поданная царю Николаю I руководителем Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Порфирием записка с соответствующим ходатайством была отклонена царем с рекомендацией глубже обдумать эту идею.

Начавшаяся в 1853 году Крымская война прервала общение России с Ближним Востоком. Порфирий Успенский был отозван на родину. За время войны и особенно после ее трагического завершения для России католическая пропаганда приняла в Святой Земле особенно значительные размеры. В Палестине появились монашествующие и полумонашествующие ордена: лазаристы, кармелитки, сёстры Св. Иосифа, сёстры "святых сердец Иисуса и Марии" и др.

Однако Россия не желала отставать от своих конкурентов. И в конце 50-х годов прошлого века Русская духовная миссия, вернувшись в Иеруса-

лим, вновь попыталась развернуть свою деятельность как в самой Палестине, так и в соседних Сирии, Ливане и Египте. Из-за увеличения числа паломников (в 1858 году их было уже 800 человек) еще в 1857 году было установлено прямое пароходное сообщение. Пароходы Российского общества пароходства и торговли регулярно ходили из Одессы до Яффы.

В 1858 году в Иерусалиме открылось русское консульство, а в Петербурге был создан Палестинский комитет, основной задачей которого стало "изыскание новых и особых денежных источников, которые могли бы быть обращены на улучшение нашего материального положения на Востоке и всей обстановки, определяющей там наше значение". С марта 1858 по октябрь 1863 года в России было собрано более 1 млн. рублей пожертвований. Эти народные деньги пошли на покупку в Палестине земельных участков, строительство и содержание там церквей, больниц и школ. Деньги собирались в церквях, на ярмарках, среди русских предпринимателей.

По турецкому земельному кодексу, юридические лица, т.е. организации и общества, не имели права владеть недвижимостью, и поэтому вся собственность записывалась на имена членов Палестинского комитета и Русской духовной миссии. Так, в апреле 1859 года великий князь Константин Николаевич, председатель Палестинского комитета, посетивший Палестину, приобрел на пожертвованные деньги большой земельный участок на запад от Дамасских ворот Иерусалима на Мейдамской площади, получивший впоследствии название "Москобие" или Русского подворья. 30 августа 1860 года здесь был заложен храм Св. Троицы и двухэтажный дом для Русской духовной миссии с храмом Св. мученицы Александры и подворьем для паломников. Строительные работы вели, причем очень быстрыми темпами, Палестинский комитет и Российское общество пароходства и тор-

говли. В 1863 году приступили к сооружению уже новых объектов: собора перед Яффскими воротами, помещения для богомольцев, госпиталя, консульского дома и четырех странноприимных домов в Яффе, Рамле, Хайфе и Назарете. На это благое дело был израсходован 1 млн. рублей, из которых одна половина была выделена Государственным казначейством, а другая собрана благодаря пожертвованиям.

При активной поддержке царя Александра II в 1864 году вместо Палестинского комитета была создана Палестинская комиссия, которая также действовала при российском МИД. Она продолжала скупать земли и строить на них церкви, больницы и приюты для русских паломников и местных православных арабов, изучать историю Палестины и сопредельных стран. Так, недалеко от Вифлеема, в деревне Бейт-Джала, были приобретены два участка, где впоследствии разместились женская семинария, амбулатория и особняк руководителя духовной миссии архимандрита Антонина. В этот же период были приобретены участок на Масличной горе близ Иерусалима, несколько участков близ Назарета и Иерихона, земельные владения в сопредельных странах Ближнего Востока.

В 1881 году Иерусалим посетили великие русские князья Сергей Александрович, Павел Александрович и Константин Константинович. Ознакомившись на месте с деятельностью "русских палестинцев", а также католической и протестантской миссий, они поддержали идею Порфирия Успенского о создании единого частного общества, которое взяло бы на себя заботу об организации паломничества в Палестину. С их помощью удалось убедить правительство России и в мае 1882 года создать Православное Палестинское общество с защитным титулом "Императорское". Император утвердил Устав общества. Протокол первого общего собрания гласил: "Православное Палестинское Общество, по получении утвержденного 8 мая се-

го года устава Общества, с позволения Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича, изъявившего согласие свое на принятие звания председателя общества, постановило: 21 мая сего года, в 2 часа дня, открыть свои действия, о чем предварительно уведомлены все члены – учредители общества”.

Общество имело три отделения и состояло из 25 почетных членов, 150 действительных членов и 325 членов-сотрудников. Почетные члены избирались из лиц, известных своими научными трудами по истории Палестины или внесших в качестве дара обществу не менее 5 тыс. рублей. Великий князь Сергей Александрович стал первым председателем Императорского Православного Палестинского общества, как стала официально называться эта организация. Среди учредителей и активных членов общества были семь членов царствующего дома Романовых, а также известные политические и религиозные деятели, деятели русской культуры. В их числе был путешественник и общественно-политический деятель В.Н.Хитрово, который считался главным вдохновителем и организатором общества. Именно он для развития православия на Востоке активно поддерживал идею создания частного православного палестинского общества по примеру существовавших обществ в Англии, Франции, Германии и Соединенных Штатах Америки.

Цель ознакомления России со Святой Землей могла быть достигнута посредством издания сочинений русских и западных путешественников, а также организации паломничества русских богомольцев. Для поддержания православия в Палестине следовало учреждать школы и больницы для арабского православного населения. В числе активных членов общества были, например, профессор В.Г.Васильевский, А.А.Дмитриевский, И.Е.Троицкий, поэт и драматург Т.И.Филиппов, археолог М.А.Веневитинов, историки Д.Ф.Кобеко и

А.А.Олясницкий, уже неоднократно упоминавшийся путешественник и врач А.В.Елисеев.

Любопытно отметить, что МИД России и на этот раз прохладно встретил рождение нового общества, практически поглотившего Палестинскую комиссию. Ни русский консул, ни Московская патриархия в Иерусалиме по дипломатическим соображениям не взяли на себя смелость поздравить общество даже со столь именитым составом. Только архимандрит Антонин (Капустин) послал приветственную телеграмму в адрес председателя общества.

Архимандрит Антонин известен среди востоковедов своими археологическими открытиями и ревностным приобретением земельной собственности. В 1883 году он начал раскопки в 150 метрах от храма Гроба Господня на участке, где за 40 лет до этого прусский консул Шульц обнаружил остатки стен древних памятников. Ниже мы приводим полностью "Записку графу Е.В.Путятину об успехах латинской пропаганды" архимандрита Антонина, писанную в Иерусалиме и посвященную больному для православия вопросу:

«Можно утвердительно сказать, что с каждым годом каким-нибудь новым учреждением, или заведением расширяет свою область в Святой Земле сильное и живучее Латинство. Главная виновница оживления его в Палестине – восстановленная* Папою Пием IX Иерусалимская *Латинская патриархия* – за последние годы, несмотря на смерть пресловутого Иосифа-Марии Валерии*, не оставалась в бездействии. Она успела приобрести в свою собственность почти весь северо-западный угол Иерусалима, стоявший пустырем, где и выстроила огромное заведение т. называемых *Братьев Школы*, еще не оконченное вполне. При самой церкви патриаршей она воздвигла высокую колокольню, на

* Здесь и далее звездочкой помечены слова, написанные неразборчиво (Примеч. авт.).

которую выслала* из Европы и полный прибор колоколов, производящий уже третий теперь католический звон во Св. Граде.

Кустодия /охрана, стража/ Св. Земли (францисканцы) недавно окончила постройкою огромное и многосложное заведение свое внутри города (тоже с церковью) при так наз. „колонне решения” (*colonne de sentence*) на Крестном пути. Свой известный „Гефсиманский” сад она украсила в последнее время с изяществом, которое не обинуясь можно назвать царским, прикупивши к нему с южной стороны огромную пустошь, которую тоже обратила уже в сад. В Вифлееме она окончательно овладела „Молочным гротом”, вытеснивши оттуда совсем православных, и в то же время не позволила (через вмешательство французского консульства) православным в их собственной церкви, в *Бет-Сахуре* (долине пастырей), поставить новую дверь — на том основании, что место то есть *общая*¹ Святыня всего христианства! В „Пустыне Св. Иоанна” (по-нашему: в Горней) она выстроила в последнее время великолепную гостиницу. И в других местах Палестины братья-минориты стараются поддержать свою древнюю славу „стражей Св. Земли” с ревнивым достоинством.

Фатальный для Латинского дела в Палестине *Иоанн Марио Рашьебон** (католик из Евреев) также неутомимо продолжает шириться своими, главным образом сиротскими, заведениями как внутри, так и за стенами Иерусалима, в виду которого над русским местом, по примеру стольких других, оставленным и пренебреженным, возводит в настоящее время огромный корпус тоже сиропитательного значения. Постройки же его в Горней не

¹ Аргументацию эту дипломатия (в том числе, конечно, и наша) принимает за аксиому, не подлежащую обсуждению. Затем, на основании ее, никому не приходит на мысль потребовать у католиков общего с ними владения Святыми местами в Горней, в Назарете и пр., исключительно принадлежащими теперь им.

имеют конца и начинают принимать вид целой крепости.

Элеонские заведения француженки *Лятур д'Овернь**, окрещенные ею именем *Credo* и *Pater postei*, также приняли за последние годы новый вид, значение и размеры обширного монастыря кармелиток с уставом Святой Терезы и уже заселены десятком затворниц. Другой такой же монастырь того же ордена недавно выстроен возле Вифлеема.

Восстановленный Австрийским правительством средневековый *Иоаннитский* (Мальтийский) орден также не отстает от других пропагандаторов Латинства в Св. Земле. На пути от Иерусалима к Вифлеему Австрийский консул (Далматинец граф *Кабога*) возвел большое заведение с церковью, при котором поначалу устроил пока госпиталь для больных по преимуществу глазами.

Даже замечается некая интенция водворения в Иерусалиме славяно-уни/а/тского богослужения. Не редкость услышать на Голгофе или в церкви Элеонских кармелиток нашу литургию Св. Ио/анна/Златоуста, совершаемую совершенно по нашему служебнику каким-то священником, поляком или чехом.

Одним словом, Папство серьезно уверено, по видимому, что Палестина такое же достояние „Св. Стула /Престола/“, как и всякая другая католическая страна, и надеется доказать это всему миру, в частности же нам, схизматикам московитам. Еще весьма* недавно за Иорданом и не слышно было имени католиков среди тамошнего, исключительно православного населения. Теперь в *Караке* (за Мертвым Морем) уже более 100 семейств совращено в Латинство, а в *Салте* (бывшей Филадельфии) сам теперешний патриарх насчитывает /.../ уже 800 человек своего исповедания! Уверяют, что сей самый патриарх дал слово покойному Папе, что через пять лет (от какого термина /срока/ – безразлично) за Иорданом не останется схизмы».

Палестинское общество, хотя и считалось частным и находилось на первых порах в натянутых отношениях с МИД, быстро набирало силу. В 1885 году был утвержден проект дополнения к уставу об открытии в городах России новых отделов общества. По рескрипту Сергея Александровича от 6 июля 1889 года Палестинская комиссия закрывалась, а все ее функции и капиталы передавались Совету Императорского Православного палестинского общества. С этих пор к указанному выше названию стало добавляться слово "Российское". С 1889 года по ходатайству Палестинского общества государственное казначейство России ежегодно выделяло ему субсидию в размере 30 тыс. рублей. В бюджет общества поступали и ежегодные членские взносы — по 25 рублей с человека. Но главный источник — "кружечный" сбор по всем церквам Российской империи в вербную субботу и вербное воскресенье — в день празднования "входа Господня в Иерусалим". Годичные расходы общества в 1895 году, по свидетельству современника, составили 532 945 золотых рублей, причем только с членов было собрано 75 тыс. Эта огромная по тому времени сумма расходовалась довольно рационально.

В нашей политической литературе нередко можно встретить утверждение, что общая низкая культура русских церковников, их неумелая деятельность за рубежом до октября 1917 года не оправдывали огромных расходов на содержание духовных миссий за рубежом и других частных и государственных религиозных учреждений. Это утверждение не соответствует действительности в том, что касается Палестинского общества. Его деятельность развивалась по трем направлениям: организация паломничества в Палестину, благотворительность и научные исследования. К 1914 году общество на правах собственности имело в Палестине, Сирии и Ливане обширные земельные участки, часть которых была приобретена на собранные в России средства, а часть получена в дар

от православных арабов. В свою очередь, Общество передало ряд земельных участков в дар государству, юридическим представителем которого был русский консул в Иерусалиме, и Русской православной церкви.

В Иерусалим ежегодно (особенно перед Пасхой) стекалось 10–12 тыс. богомольцев, которые устраивались и обслуживались русскими учреждениями в Палестине. Каждый паломник платил 57 рублей в качестве транспортных расходов за поездку от Петербурга до Иерусалима и обратно и 13 копеек в день за койку в подворье, за обед из двух блюд и чай. Такая поездка, безусловно, стоила дороже, но Палестинское общество предоставляло дотацию. Ведь большая часть паломников – простые русские люди, которые поездкой в Палестину выполняли свой религиозный долг. А.В.Елисеев писал: "Посетив еще раз Палестину (через девять лет после первой поездки. – О.Г.), я был приятно поражен благотворной деятельностью Общества, уничтожившего или облегчившего многие нужды русского паломничества в Святой Земле".

В 1895 году было признано целесообразным распространить деятельность Общества на Сирию и Ливан. Причиной этого явилась начавшаяся в Антиохийской патриархии борьба за влияние между местным сирийским духовенством, поддержанным сирийскими православными кругами, и греческой церковной иерархией. На эту борьбу накладывали свой отпечаток стремления сирийцев восстановить национальный патриархат и усилившаяся деятельность в Сирии католических и протестантских миссионеров. По просьбе Антиохийского патриархата, митрополитов и православных общин Палестинское общество открыло в Сирии несколько школ с преподаванием русского языка и других предметов программы начальной школы России. Многие представители сирийского и ливанского духовенства обучались в русских духовных учебных заведениях. В 1908 году Синод принял специ-

альное постановление о приеме арабов в русские духовные семинарии и академии "на казенное содержание при условии рекомендации Антиохийского патриархата".

О просветительской роли Палестинского общества сказано и написано немало. Только в одном Иерусалиме в 1893 году было 15 школ и классов общества, в которых обучались 1200 детей. В 1912 году в Палестине, Сирии и Ливане работали уже 101 школа и 2 учительские семинарии с интернатами. Палестинская женская семинария находилась в Бейт-Джала, а мужская — в Назарете. В женской семинарии, где готовились учительницы для женских школ, работали выпускницы петербургской гимназии Стоюниной и курсов Лесгафта. В мужской семинарии и в школах преподавали питомцы русских "учительских институтов", восточного факультета Петербургского университета и московского Лазаревского института восточных языков. Программа школ соответствовала программам светских школ России и включала русский, арабский, греческий и французский языки, арифметику, географию, священную историю и закон божий.

Палестинское общество создавало и бесплатные больницы, причем на службу принимались даже врачи, окончившие медицинские факультеты протестантских и католических университетов. Русский язык был весьма распространен в Палестине, а русские няньки из числа застрявших в Палестине женщин-богомолок считались самыми хорошими воспитательницами в богатых арабских семьях.

В Палестине, Сирии и Ливане не было создано русского (в отличие от протестантских и католических) высшего учебного заведения. Лучшие ученики для продолжения образования выезжали в Россию. Они стали той живой нитью, которая связала Россию и Арабский Восток, послужила взаимному обогащению наших культур. Арабские просветители, писатели и переводчики, окончившие рус-

ские школы, перевели на арабский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Л.Толстого, Чехова, Достоевского, Горького. Многие, приезжая в Россию, оседали в нашей стране и принимали участие в подготовке русских и советских востоковедческих кадров. Здесь я хочу упомянуть своего профессора арабского языка Кульсум Оде. Будучи учительницей в назаретской женской школе, она в 1914 году вышла замуж за русского морского офицера И.К.Васильева. Клавдия Викторовна Оде-Васильева была добрым наставником целого поколения советских арабистов. Ее воспоминания "Взгляд в прошлое", опубликованные в 1955 году, читаются с большим интересом.

Одну из своих задач Общество видело в изучении истории Палестины и сопредельных стран. С этой целью оно привлекло таких крупных русских ученых, как Н.А.Медников, А.Цагарели, И.Ю.Крачковский, Н.Я.Март и др. До Октябрьской революции Общество выпустило 62 "Палестинских сборника".

Следует особо упомянуть о работе русского арабиста Медникова – автора четырехтомного труда "Палестина от завоевания ее арабами до Крестовых походов...", вышедшего в свет в начале XX века. Медников работал над арабскими источниками около 15 лет. Одновременно он совместно с И.П.Помяловским редактировал карты Палестины, читал лекции в научном кружке "Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран", разрабатывал учебные программы для русских школ в Палестине, Сирии и Ливане. Л.Каэтани, признанный авторитет в арабистике, считал, что работа Медникова "представляет эпоху в изучении арабо-мусульманской истории".

Общество организовало несколько археологических экспедиций. Значительные результаты принесли путешествия академика Н.П.Кондакова по Сирии и Палестине и поездка группы русских уче-

ных на Синайский полуостров для поиска греческих и славянских рукописей. Еще в 1910 году профессор-семитолог (позднее – академик) П.К.Коконцов в докладной записке обосновал необходимость усиленного археологического изучения Палестины и прилегающих к ней областей. В 1915 году на совещании видных востоковедов, античников и византинистов (В.В.Бартольд, П.К.Коконцов, П.В.Кондаков, В.В.Латышев, Н.Я.Мартин, П.В.Никитин, Ф.И.Успенский, Б.А.Тураев и др.) была единодушно принята рекомендация о создании Русского историко-археологического института в Иерусалиме. Однако первая мировая война помешала реализации этой идеи Палестинского общества.

Активно работал в Палестинском обществе и исследователь арабской литературы академик И.Ю.Крачковский, который в 1915 году был избран членом Общества и умер в 1951 году уже его председателем. Книга Крачковского "Над арабскими рукописями", выдержавшая четыре издания, для многих стала открытием в мире арабистики. С 1954 до 1970 года президентом Общества был член-корреспондент Академии наук, археолог и этнограф С.П.Толстов. Активное участие в работе Общества принимали академики В.В.Струве и А.А.Губер. В Палестинском обществе активно работал и профессор Х.К.Баранов, автор первого фундаментального арабо-русского словаря.

Октябрьская революция 1917 года внесла существенные перемены в судьбу Палестинского общества. Оно, естественно, потеряло титул "Императорское" и определение "православное". Советское правительство конфисковало 300 тыс. рублей, находившихся на счету Общества в русских банках, четырехэтажный дом в Петрограде, где размещались штаб-квартира Общества и его библиотека.

29 августа 1919 года Советское правительство включило Общество в систему Академии наук России. Была признана его юридическая правопре-

емственность на всю его собственность, научную и просветительскую деятельность на территории нашей страны и за границей. 9 декабря 1922 года Главнаука Наркомпроса РСФСР утвердила первый после Октябрьской революции Устав Общества. Оно стало именоваться Российским Палестинским обществом, а его председателем стал академик Ф.И.Успенский, занимавший пост директора Русского археологического института в Стамбуле. В соответствии с § 1 Устава целью Общества являлось: а) историческое, археологическое и современное культурно-бытовое изучение Палестины, Сирии, Египта и сопредельных с ними стран библейского Востока; б) организация международных предприятий в Палестине по изучению и охранению памятников искусства и старины или участие в них; в) содействие как научным экспедициям и образовательным экскурсиям отдельных граждан России, так и живому общению масс русского народа с достопримечательными местностями тех же стран.

Сегодня можно поставить под сомнение целесообразность конфискации собственности Палестинского общества в 1917 году, которая была приобретена в России и за ее пределами на собранные в церквях русскими богомольцами средства или получена в качестве дара.

Неопределенной оказалась и судьба зарубежных владений общества. Эмигранты из Советской России создали так называемую Карловацкую церковь (архиерейский синод за границей) и параллельно Палестинское общество, которые заявили о своих претензиях на имущество императорского общества за рубежом. Часть земельных владений, принадлежность которых не оспаривалась правительством государства Израиль после его создания в 1948 году, была продана Советским государством в 1964 году за 5 млн. долларов. Эта сделка, получившая название "апельсиновой", до сих пор вызывает чувство стыда и сожаления.

После 1917 года Палестинское общество лишилось финансовой поддержки русской православной церкви, прекратило благотворительную и просветительскую деятельность за рубежом и организацию паломничества. Его включение в систему Академии наук СССР привело к тому, что усилия членов Общества в основном сосредоточились на исследовании истории Палестины и древних цивилизаций на Ближнем Востоке. Возникновение государства Израиль внесло новые моменты в научную деятельность Общества, и в нем появилась большая группа ученых, которые специализируются на современной проблематике, различных аспектах арабо-израильского конфликта и ближневосточного урегулирования.

Возрождение деятельности Общества относится к началу 50-х годов. В это время в Израиль прибыли два его представителя, которые открыли отделение на базе Сергиевского подворья в западном Иерусалиме; с 1954 года возобновлено издание "Палестинского сборника".

Однако трудный период после 1917 года не прошел для Общества бесследно. Часть библиотеки – около 12 тыс. томов религиозной литературы – была списана как макулатура. Очевидцы рассказывают, что книги были сброшены в подвал академической библиотеки в Ленинграде и ждали своей очереди для отправки на переработку. Однако произошло наводнение, и подвалы залило водой. Спасая находившееся там имущество, обнаружили и эти книги. Работавший в библиотеке архимандрит Иннокентий, заместитель руководителя издательского отдела Московского патриархата, сумел организовать переправку 8 тыс. уцелевших томов в Москву. Часть библиотеки сейчас находится в Казанском соборе в Санкт-Петербурге.

Перемены в нашем обществе, демократизация и гласность дали возможность по-новому организовать деятельность Палестинского общества. Первый шаг в этом направлении был сделан в ян-

варе 1990 года на международном симпозиуме "Россия и Палестина: религиозно-культурные связи в прошлом, настоящем и будущем". В октябре 1990 года группа активистов Общества совершила поездку в Израиль в рамках Иерусалимского форума, созданного под девизом "Через диалог трех конфессий к миру на Ближнем Востоке". Ведется работа по созданию отделений Общества в Израиле, на оккупированных арабских территориях Палестины, в Ливане и Сирии. По приглашению медицинских организаций Палестины первая группа наших врачей посетила в декабре 1991 года Иерусалим и другие города.

Живой контакт имеет Общество с русской православной церковью. Многие его члены участвовали в грандиозных мероприятиях празднования 1000-летия крещения Руси, в международных конференциях по вопросам духовной культуры, защиты и сохранения исторических памятников и реликвий русского православия. Церковь представлена в Обществе своими иерархами и клириками, учащимися Духовной академии Московского патриархата. Палестинское общество выступило учредителем Союза духовного возрождения Отечества, собрание которого состоялось в марте 1990 года в бывшем храме Св. Власия на улице Рылеева в Москве. В этом отношении настроениям членов Общества импонирует высказывание дореволюционного русского философа В.Соловьева о том, что патриотизм – в его истинном и положительном смысле – это не ненависть к инородцам и иноверцам, а деятельная любовь к своему страдающему народу.

25 ноября 1991 года Совет Российского Палестинского общества принял решение о переходе под юрисдикцию России и восстановлении своего прежнего названия – Императорское Православное Палестинское общество. Президиум Верховного Совета Российской Федерации в мае 1992 года поддержал просьбу Совета Общества, исходящую из его

решения 1991 года, и рекомендовал правительству "принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению Императорскому Православному Палестинскому обществу имущества (архивов, книжных фондов, культурных и других исторических ценностей) по имеющимся документам и другим официальным свидетельствам". Оно, как и прежде, будет моноконфессиональным, т.е. обществом православных, но в его рядах успешно работают также атеисты, мусульмане и иудеи. Члены нашего Общества (пишу "нашего", поскольку являюсь его председателем), которое в мае 1992 года отметило свое 110-летие, с надеждой смотрят в будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Саудовская Аравия	5
Немного географии и древней истории	5
Пророк Мухаммед и его последователи	29
Три последних столетия	49
Заметки о традиционном аравийском костюме	61
Йемен	77
На самом юге Аравии	77
Встреча с прошлым	91
В Хадрамауте — долине глиняных небоскребов	114
Ирак	126
Прогулки по Багдаду	126
Древний Вавилон в конце XX столетия	154
Мосул — город хлебный	175
В черном шатре бедуина	195
По Иракскому Курдистану	220
Египет	246
Египетская Александрия	246
В синайском монастыре Св. Екатерины	264
Левант	285
Воспоминания о Ливане — древнем и современном	285
Тридцать лет спустя	306
В старом Иерусалиме	326
Русские палестинцы	349

Научно-художественное издание

Герасимов Олег Герасимович

ВОСТОЧНЫЕ УЗОРЫ

*Утверждено к печати редколлегией серии
"Рассказы о странах Востока"*

Зав. редакцией **И.М.Дижур**

Редактор **А.А.Кожуховская**

Младший редактор **Г.О.Ковтунович**

Художник **Л.Л.Михалевский**

Художественный редактор **Э.Л.Эрман**

Технический редактор **В.П.Стуковнина**

Корректор **Р.Ш.Чемерис**

ИБ № 17089

Сдано в набор 30.11.92. Подписано к печати 28.04.93

Формат 84x108¹/₃₂. Бум. офсетная № 1

Вкл. отпечатана на мелованной бумаге. Печать офсетная

Усл.п.л. 19,74+0,42 вкл. Усл.кр.-отг. 20,37. Уч.-изд.л. 19,96

Тираж 2000 экз. Изд. № 7460. Зак. № 462. "С"—1

ВО "Наука"

Издательская фирма "Восточная литература"

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО "Наука"

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ФИРМЕ
"ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ВО "НАУКА"

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке (средневековье и новое время). 20 л.

В монографии рассматриваются традиционные институты ближневосточных и европейских обществ, структуры власти в их исторической эволюции, развитие демократических и деспотийных элементов социального бытия народов Ближнего Востока. Особое внимание уделено анализу специфики Османской империи, наследования власти в династии Османов. Прослеживаются основные черты процесса модернизации османских институтов власти в XIX в. с использованием уникальных архивных материалов и редких экземпляров турецкой периодики.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготоргов и "Академкниги", а также по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслону
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило "вчера"
И не томили цепи долга...

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад,
Вступает с демонами в ссору,
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет.
Но нет, не прибыль их влечет
В нагих степях, над бездной
водной;

О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездю путеводной?

Ты уводила моряков
В пещеры джинов и волков,
Хранящих древнюю обиду,
И на висячие мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пир к Гаруну аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим,
Я плыл, покорный пилигрим,
За жизнью благостной и мирной,
Чтоб повстречал меня Гуссейн
В садах, где розы и бассейн,
На берегу за старой Смирной.

Когда-то... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце,
раньте, --

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслону
И буду плакать о Леванте.

(Н.Гумилев. "Ослепительное")